

К 80-ЛЕТИЮ ТУЛЬСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА
И 50-ЛЕТИЮ ТУЛЬСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

ПРИОКСКИЕ ЗОРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

4

2010

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2010 — 4(21)

СОДЕРЖАНИЕ

ОСЕНЬ ПАМЯТНЫХ ДАТ

Колонка главного редактора..... 3
К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ
И МЫСЛИТЕЛЯ ГРАФА ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО (1828—1910 гг.)

Лев Николаевич Толстой. Не могу молчать..... 5

Александр Бывшев. На могиле Льва Толстого..... 15

Игорь Карлов. Толстой уходит..... 16

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Владимир Жириновский. Писатель должен говорить правду..... 18

ТОЛСТОЙ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР: АНТОЛОГИЯ ПРОЗЫ

Алексей Яшин. Такси до станции Астапово..... 23

Илья Луданов. Ясный день..... 27

Людмила Алтунина. Картина для зека..... 54

Николай Мых-Степняк. Поговорили..... 64

Василий Мишин. Медаль за отвагу..... 76

Борис Кобринский. Мираж (Петроград 1917-го)..... 81

Геннадий Маркин. Не стать хуже..... 89

В МИРЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

Александр Харчиков. *Personalia*..... 98

Ирина Хомякова. Осеннее настроение..... 105

Владимир Сапожников. Проснулись — а Союза больше нет..... 108

Людмила Гайдукова. Самоцветовый венец..... 111

Серафим Лавров. Зимой картошку не сажают..... 115

Лидия Данулова. Лялинские птицы..... 118

Александр Евдокимов. На родине Сергея Есенина..... 121

Николай Прудкин. Сны ветерана..... 123

Владимир Резцов. Похвала Новому году в новой России..... 126

Александр Хадарцев. В комнате Л. Н. Толстого..... 128

Алексей Скарёдов. Без нее (венок сонетов-блюзов)..... 131

Олег Пантюхин. Стихи..... 137

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ТУЛЫ И ОБЛАСТИ

Богородицкое литературное объединение-клуб «БЛОК»: Юрий Лукаш, Тамара Бурбо,
Варвара Введенская, Алексей Воеводский, Ольга Зенкина, Ольга Знатдинова,
Николай Зимин, Виктор Иванов, Мария Мальцева, Елена Скоропупова..... 138

К 50-ЛЕТИЮ ТУЛЬСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
(РАНЕЕ — СП СССР)

Наталья Парыгина. Страницы нашей жизни.....	151
Виктор Пахомов. С Пятидесятилетием!.....	172
ВОКРУГ ТОЛСТОГО: ПУБЛИЦИСТИКА	
Николай Макаров. Тульские медики в жизни Л. Н. Толстого.....	174
Марина Баланюк. И сто лет спустя Лев Толстой — истинный патриот России.....	189
Людмила Авдеева. Век нынешний и век давно минувший.....	195
Анатолий Горелов. О смысле жизни.....	201
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ: «МОСБАСС» ИЗ СОКОЛЬНИКОВ	
Валерий Кручинин-Русич. Либида.....	214
СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ СИБИРИ	
Виталий Пшеничников. Клятва.....	224
Андрей Леонтьев. Последние менестрели: Стихи.....	232
ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА: ТОЛСТОВОВЕДЕНИЕ	
Алексей Третьяков. Психологическая потребность художественного познания:	
пример Льва Толстого.....	236
Галина Баланюк. По ним учились поколения. Лев Николаевич Толстой и советский букварь.....	246
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ	
Сергей Норильский. В поисках утраченного согласия.....	248
Геннадий Красников. Живет «светящимся фавором».....	254
Ирина Кедрова. Кавказский слог.....	260
Зинаида Фомина. Надо жить, поскольку жизнь — прекрасна.....	263
Геннадий Маркин. Интервью с Марком Дубинским.....	265
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.....	268

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. на 4-й стр. обложки. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы не принимаются.

Вниманию читателей: журнал распространяется преимущественно в библиотечной сети.
Адрес: 300025, Тула, а/я 920, А. А. Яшину; e-mail: priok.zori@mail.ru; тел.: (4872)35-06-73

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула)

Первый зам. главного редактора Виктор ПАХОМОВ (Тула)

Редколлегия:

Вячеслав БОТЬ (Тула)
Тамара БУЛЕВИЧ (Красноярск) — зам. главного редактора по сибирским регионам
Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель правления Союза писателей России
Виктор ГРЕКОВ (Белев)
Ирина КЕДРОВА (Москва) — зав. отделом критики
Олег КОЧЕТКОВ (Коломна)
Валерий КРУЧИНИН-РУСИЧ (Сокольники)
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Геннадий МАРКИН (Щекино) — отв. секретарь
Владимир МИРНЕВ (Москва), президент Академии российской литературы
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Ирина ПАРХОМЕНКО (Плавск)
Наталья ПАРЫГИНА (Тула)
Владимир РЕЗЦОВ (Тула) — зав. отделом поэзии
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Валентин СОРОКИН (Москва) — проректор Литинститута им. А. М. Горького по ВЛК
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), вице-президент Академии российской литературы

Секретарь редакции Марина БАЛАНЮК (Тула)

Информационная поддержка:

— Литературное агентство «Московский Парнас»
— журнал «Подъем» (Воронеж)
— «Литературная газета»
— газета «Российский писатель»
— газета «Тульский литератор»
— газета «Щекинский вестник»
— газета «Слобода» (Тула)
— газета «Марийская правда» (Йошкар-Ола)
— газета «Тульская правда»

Журнал издается попечительством и финансированием Тульского государственного университета (ректор М. В. Грязев) при организационной поддержке Тульской писательской организации СП России.

Учредитель: ООО Издательство «Неография». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 71-00079 от 05.03.2009
Управления ФС по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Тульской области

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета:
www.medsu.tula.ru (в PDF формате)

© «Приокские зори», 2010

ОСЕНЬ ПАМЯТНЫХ ДАТ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Осень уходящего года выдалась богатой памятными датами как всероссийского, даже мирового, так и регионального уровней. Прежде всего это 100-летие со дня ухода из жизни великого русского писателя, мыслителя и гуманиста Льва Николаевича Толстого. Стало традицией произносить это имя с различными, характерными определениями: от совести земли русской до зеркала русской революции. Именно имея в виду последнее, мы открываем настоящий номер журнала статьей писателя «Не могу молчать». Именно в этом произведении 1908-го года отражена вся боль души Льва Николаевича — и предчувствие великих для русского народа, для всех народов России потрясений. Он не только их прочувствовал, но — главное — объяснял причину, когда, говоря словами другого русского мыслителя, «низы не хотят, а верхи не могут жить по-старому».

Неправедное устройство эксплуататорского государства, стяжательство и частнособственническое накопительство, соглашательская с властями позиция церкви, своего рода «министерства религии» при правительстве Николая Кровавого (ныне святого...) — самого слабого и бездарного царя романовской династии. Только что закончилась позорнейшая для Российской империи война на Дальнем Востоке, где Россия потеряла весь свой флот, сотни тысяч погибших солдат и офицеров, Маньчжурию, Порт-Артур, КВЖД — все те великие достижения и приобретения русского движения на Тихий океан, которые дал России Александр III. «Столыпинскими галстуками» погашена революция 1905-го года, но назревают времена еще более страшные — Первая мировая война и оптимистическо-трагедийные: Великая Октябрьская революция с Гражданской войной.

...Вот на какой период между двумя штормами и потрясениями всего уклада жизни пришлись последние годы жизни нашего великого писателя и мыслителя.

Толстой — это целый мир. Вспомним еще одно определение. Потому мы даже и не помышляем сколь-либо конспективно обрисовать этот творческий мир титана русской литературы. Тем не менее настоящий номер журнала — преобладающе толстовский. Соответствующие материалы распределены по традиционным нашим рубрикам. Большое спасибо нашим авторам, как уже ставшим постоянными, так и дебютирующим, откликнувшимся на предложение редакции журнала посвятить этот номер Льву Толстому, его многогранному творчеству.

...Две другие памятные даты тесно связаны с Тулой и ее областью. Читатель, вне всякого сомнения, отметил: все номера журнала этого года выходят с «шапкой» на обложке: «К 80-летию Тульского госуниверситета и 50-летию Тульской писательской организации». «По старшинству» — это 80-летие со дня создания одного из старейших советских, ныне российских, вузов — Тульского государственного универ-

ситета, а также одного из крупнейших в стране — причем не только по численности его обучающихся и обучаемых, но и по качеству даваемого образования.

И еще Тульский госуниверситет (ректор М. В. Грязев) является единственным вузом в стране, а может быть, и в мире, издающим «толстый» литературно-художественный и публицистический журнал, который де-факто уже является всероссийским. Речь идет, понятно, о наших «Приокских зорях». То есть у нас всегда «в запасе» ход в книгу рекордов Гиннеса... Искренне жаль, что администрации области и города, их культуртрежерские департаменты никак не откликаются на наши предложения хотя бы о частичном финансировании издания журнала — литературную «визитку» окормляемых ими области и города.

Учитывая столь значимый юбилей университета и его роль в издании и в самом существовании журнала, мы посвятили этому событию отдельную книгу «Наука с музами дружит» — приложение к журналу, отпечатанную в Издательстве Тульского госуниверситета. В ней представлено литературно-художественное творчество нынешних и бывших преподавателей и студентов, как профессиональных, так и самостоятельных писателей, университета, а также тульских вузов — предшественников его: Тульский механический институт, Тульский горный институт, Тульский горный техникум. В 1963 году все они вошли в состав Тульского политехнического института. В новейшие времена он был переименован в государственный технический университет, а затем получил нынешний статус классического университета, в состав которого входят, кроме обычных факультетов, два института: Институт высокоточных систем им. В. П. Грязева (знаменитый тульский оружейник) и Медицинский институт.

...Развернутое предисловие к книге «Наука с музами дружит» было опубликовано в № 1, 2010 «Приокских зорь».

Меньше годами, но не менее знаменателен и другой юбилей — 50-летие Тульской писательской организации Союза писателей России; до 1991-го года — Союза писателей СССР. Вот уже полвека, из которых двадцать лет пришлось — это «о сейчас» — и продолжают приходиться на тяжелейшие для русской, российской литературы, Тульская писательская организация является центром консолидации творческих сил города и области. И уже шестой год она оказывает заметную организационную помощь нашему журналу. Более половины состава редколлегии «Приокских зорь», ее руководство являются членами Тульской писательской организации СПР.

Юбилею организации посвящена специальная рубрика данного номера, в которую вошли материалы старейшей писательницы Наталии Дюмидовны Парыгиной, стоявшей у истоков создания Тульской писательской организации, и бессменного уже свыше двадцати лет ответственного секретаря организации Виктора Федоровича Пахомова.

Итак, уважаемые читатели «Приокских зорь», в этом номере журнала — осень памятных дат...

Алексей Яшин,
лауреат литературной премии им. Л. Н. Толстого,
профессор Тульского госуниверситета,
член Правления Тульской писательской организации СПР

**К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ
ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ
И МЫСЛИТЕЛЯ ГРАФА
ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО
(1828 — 1910 гг.)**

От редакции: Редакция журнала «Приокские зори» сочла возможным открыть «толстовский выпуск» знаменитой статьей Льва Николаевича «Не могу молчать», написанной незадолго до его кончины. В этом произведении ярко выражена его гражданская позиция, возмущение мыслителя и гуманиста бесчинством агонизирующей монархии Николая Кровавого, равнодушием высших сословий, церкви к народу, уже не выдерживающему угнетения, от отчаяния и беззащитности вынужденного выступить против власть имущих.

«Не могу молчать» — из тех произведений, которые написаны не только головой, но прежде всего душой, которым не может угрожать тление или забвение. В первую очередь — в живой памяти русского, российского народа.

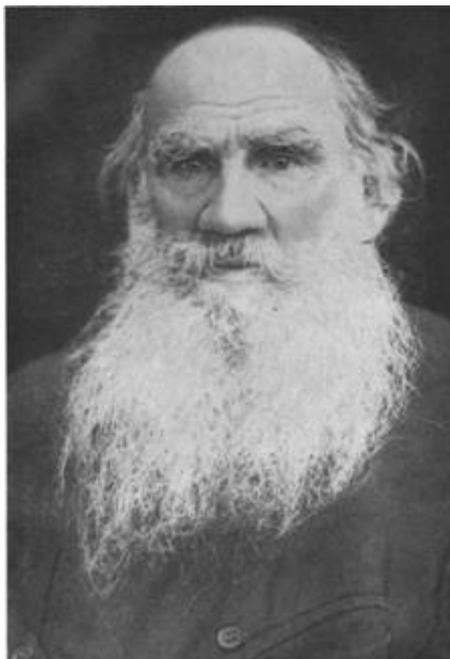

Фото Л. Н. Толстого 1908-го года

Лев Николаевич Толстой

НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ*

I

«Семь смертных приговоров: два в Петербурге, один в Москве, два в Пензе, два в Риге. Четыре казни: две в Херсоне, одна в Вильне, одна в Одессе».

И это в каждой газете. И это продолжается не неделю, не месяц, не год, а годы. И происходит это в России, в той России, в которой народ считает всякого преступника несчастным, и в которой до самого последнего времени по закону не было смертной казни.

Помню, как гордился я этим когда-то перед европейцами, и вот второй, третий год непрерывающиеся казни, казни, казни.

Беру нынешнюю газету.

* Печатается, включая фотографию и факсимиле текста, по изданию: Толстой Л. Н. Юбилейное полное собрание сочинении в 90-х тт. (1928—1962 гг.). Серия первая: Произведения, Т. 37.— И.: ГИХЛ, 1956.— С. 83—96.

длинными волосами. Шествие останавливается. Руководитель всего дела говорит что-то, секретарь читает бумагу, и когда бумага прочтена, человек, с длинными волосами, обращаясь к тем людям, которых другие люди собираются удушить веревками, говорит что-то о боге и Христе. Тотчас же после этих слов палачи,— их несколько, один не может управиться с таким сложным делом,— разведя мыло и намывив петли веревок, чтобы лучше затягивались, берутся за закованных, надевают на них саваны, взводят на помост с виселицами и накладывают на шеи веревочные петли.

И вот, один за другим, живые люди сталкиваются с выдернутых из-под их ног скамеек и своею тяжестью сразу затягивают на своей шее петли и мучительно задыхаются. За минуту еще перед этим живые люди превращаются в висящие на веревках мертвые тела, которые сначала медленно покачиваются, потом замирают в неподвижности.

Все это для своих братьев людей старательно устроено и придумано людьми высшего сословия, людьми учеными, просвещенными. Придумано то, чтобы делать эти дела тайно, на заре, так, чтобы никто не видал их, придумано то, чтобы ответственность за эти злодеяния так бы распределялась между совершающими их людьми, чтобы каждый мог думать и сказать: не он виновник их. Придумано то, чтобы разыскивать самых развращенных и несчастных людей и, заставляя их делать дело, нами же придуманное и одобряемое, делать вид, что мы гнушаемся людьми, делающими это дело. Придумана даже такая тонкость, что приговаривают одни (военный суд), а присутствуют обязательно при казнях не военные, а гражданские. Исполняют же дело несчастные, обманутые, развращенные, презираемые, которым остается одно: как получше намылить веревки, чтобы они вернее затягивали шеи, и как бы получше напиться продаваемым этими же просвещенными, высшими людьми яда, чтобы скорее и полнее забыть о своей душе, о своем человеческом звании.

Врач обходит тела, ощупывает и докладывает начальству, что дело совершено, как должно: все двенадцать человек несомненно мертвы. И начальство удалится к своим обычным занятиям с сознанием добросовестно исполненного, хотя и тяжелого, но необходимого дела. Застывшие тела снимают и зарывают.

Ведь это ужасно!

И делается это не один раз и не над этими только 12-ю несчастными, обманутыми людьми из лучшего сословия русского народа, но делается это, не переставая, годами, над сотнями и тысячами таких же обманутых людей, обманутых теми самыми людьми, которые делают над ними эти страшные дела.

И делается не только это ужасное дело, но под тем же предлогом и с той же хладнокровной жестокостью совершаются еще самые разнообразные мучительства и насилия по тюрьмам, крепостям, каторгам.

Это ужасно, но ужаснее всего то, что делается это не по увлечению, чувству, заглушающему ум, как это делается в драке, на войне, в грабеже даже, а, напротив, по требованию ума, расчета, заглушающего чувство. Этим-то особенно ужасны эти дела. Ужасны тем, что ничто так ярко, как все эти дела, совершаемые от судьи до палача, людьми, которые не хотят их делать, ничто так ярко и явно не показывает всю губительность деспотизма для душ человеческих, власти одних людей над другими.

Возмутительно, когда один человек может отнять у другого его труд, деньги, корову, лошадь, может отнять даже его сына, дочь, — это возмутительно, но насколько возмутительнее то, что может один человек отнять у другого его душу, может заставить его сделать то, что губит его духовное «я», лишает его его духовного блага. А это самое делают те люди, которые устраивают все это и спокойно, ради блага людей, заставляют людей, от судьи до палача, подкупами, угрозами, обманами совершать эти дела, наверное лишаящие их их истинного блага.

И в то время как все это делается годами по всей России, главные виновники

этих дел, те, по распоряжению которых это делается, т. е. кто мог бы остановить эти дела,— главные виновники этих дел в полной уверенности того, что эти дела — дела полезные и даже необходимые,— или придумывают и говорят речи о том, как надо мешать финляндцам жить так, как хотят этого финляндцы, а непременно заставить их жить так, как хотят этого несколько человек русских, или издают приказы о том, как в «армейских гусарских полках обшлага рукавов и воротники доломанов должны быть по цвету последних, а ментики, кому таковые присвоены, без выпушки вокруг рукавов над мехом». Да, это ужасно!

II

Ужаснее же всего в этом то, что все эти бесчеловечные насилия и убийства, кроме того прямого зла, которое они причиняют жертвам насилий и их семьям, причиняют еще большее, величайшее зло всему народу, разнося быстро распространяющееся, как пожар по сухой соломе, развращение всех сословий русского народа. Распространяется же это развращение особенно быстро среди простого, рабочего народа потому, что все эти преступления, превышающие в сотни раз все то, что делалось и делается простыми ворами и разбойниками и всеми революционерами вместе, совершаются под видом чего-то нужного, хорошего, необходимого, не только оправдываемого, но поддерживаемого разными, нераздельными в понятиях народа с справедливостью и даже святостью учреждениями: сенат, синод, дума, церковь, царь.

И распространяется это развращение с необычайной быстротой.

Недавно еще не могли найти во всем русском народе двух палачей. Еще недавно, в 80-х годах, был только один палач во всей России. Помню, как тогда Соловьев Владимир с радостью рассказывал мне, как не могли по всей России найти другого палача, и одного возили с места на место. Теперь не то.

В Москве торговец-лавочник, расстроив свои дела, предложил свои услуги для исполнения убийств, совершаемых правительством, и, получая по 100 рублей с повешенного, в короткое время так поправил свои дела, что скоро перестал нуждаться в этом побочном промысле, и теперь ведет попрежнему торговлю.

В Орле в прошлых месяцах, как и везде, понадобился палач, и тотчас же нашелся человек, который согласился исполнять это дело, срядившись с заведующим правительственными убийствами за 50 рублей с человека. Но, узнав уже после того, как он срядился в цене, о том, что в других местах платят дороже, добровольный палач во время совершения казни, надев на убиваемого саван-мешок, вместо того чтобы вести его на помост, остановился и, подойдя к начальнику, сказал: «Прибавьте, ваше превосходительство, четвертной билет, а то не стану». Ему прибавили, и он исполнил.

Следующая казнь предстояла пятерым. Накануне казни к распорядителю правительственных убийств пришел неизвестный человек, желающий переговорить по тайному делу. Распорядитель вышел. Неизвестный человек сказал:

«Надысь какой-то с вас три четвертных взял за одного. Нынче, слышно, пятеро назначены. Прикажете всех за мной оставить, я по пятнадцати целковых возьму, и, будьте покойны, сделаю, как должно».

Не знаю, принято ли было или нет предложение, но знаю, что предложение было.

Так действуют эти совершаемые правительством преступления на худших, наименее нравственных людей народа. Но ужасные дела эти не могут оставаться без влияния и на большинство средних, в нравственном отношении, людей. Не переставая слыша и читая о самых ужасных, бесчеловечных зверствах, совершаемых властями, то есть людьми, которых народ привык почитать как лучших людей,— большинство средних, особенно молодых, занятых своими личными делами людей, невольно, вместо того чтобы понять то, что люди, совершающие гадкие дела, недостойны почтения, делают обратное рассуждение: если почитаемые всеми люди, рас-

суждают они, делают кажущиеся нам гадкие дела, то, вероятно, дела эти не так гадки, как они нам кажутся.

О казнях, повешениях, убийствах, бомбах пишут и говорят теперь, как прежде говорили о погоде. Дети играют в повешение. Почти дети, гимназисты идут с готовностью убить на экспроприации, как прежде шли на охоту. Перебить крупных землевладельцев для того, чтобы завладеть их землями, представляется теперь многим людям самым верным разрешением земельного вопроса.

Вообще благодаря деятельности правительства, допускающего возможность убийства для достижения своих целей, всякое преступление: грабеж, воровство, ложь, мучительство, убийства считаются несчастными людьми, подвергшимися развращению правительства, делами самыми естественными, свойственными человеку.

Да, как ни ужасны самые дела, нравственное, духовное, невидимое зло, производимое ими, без сравнения еще ужаснее.

III

Вы говорите, что вы совершаете все эти ужасы для того, чтобы водворить спокойствие, порядок.

Вы водворяете спокойствие и порядок!

Чем же вы его водворяете? Тем, что вы, представители христианской власти, руководители, наставники, одобряемые и поощряемые церковными служителями, разрушаете в людях последние остатки веры и нравственности, совершая величайшие преступления: ложь, предательство, всякого рода мучительство и — последнее самое ужасное преступление, самое противное всякому не вполне развращенному сердцу человеческому: не убийство, не одно убийство, а убийства, бесконечные убийства, которые вы думаете оправдать разными глупыми ссылками на такие-то статьи, написанные вами же в ваших глупых и лживых книгах, кощунственно называемые вами законами.

Вы говорите, что это единственное средство успокоения народа и погашения революции, но ведь это явная неправда. Очевидно, что, не удовлетворяя требованиям самой первобытной справедливости всего русского земледельческого народа: уничтожения земельной собственности, а напротив, утверждая ее и всячески раздражая народ и тех легкомысленных озлобленных людей, которые начали насильническую борьбу с вами, вы не можете успокоить людей, мучая их, терзая, ссылая, заточая, вешая детей и женщин. Ведь как вы ни стараетесь заглушить в себе свойственные людям разум и любовь, они есть в вас, и стоит вам опомниться и подумать, чтобы увидеть, что, поступая так, как вы поступаете, то есть участвуя в этих ужасных преступлениях, вы не только не излечиваете болезнь, а только усиливаете ее, загоняя внутрь.

Ведь это слишком ясно.

Причина совершающегося никак не в материальных событиях, а все дело в духовном настроении народа, которое изменилось и которое никакими усилиями нельзя вернуть к прежнему состоянию, — так же нельзя вернуть, как нельзя взрослого сделать опять ребенком. Общественное раздражение или спокойствие никак не может зависеть от того, что будет жив или повешен Петров, или что Иванов будет жить не в Тамбове, а в Нерчинске, на каторге. Общественное раздражение или спокойствие может зависеть только от того, как не только Петров или Иванов, но все огромное большинство людей будет смотреть на свое положение, от того, как большинство это будет относиться к власти, к земельной собственности, к проповедуемой вере, — от того, в чем большинство это будет полагать добро и в чем зло. Сила событий никак не в материальных условиях жизни, а в духовном настроении народа. Если бы вы убили и замучили хотя бы и десятую часть всего русского народа, духовное состояние остальных не станет таким, какого вы желаете.

Так что все, что вы делаете теперь, с вашими обысками, шпионствами, изгнаниями, тюрьмами, каторгами, виселицами — все это не только не приводит народ в то состояние, в которое вы хотите привести его, а, напротив, увеличивает раздражение и уничтожает всякую возможность успокоения.

«Но что же делать, говорите вы, что делать, чтобы теперь успокоить народ? Как прекратить те злодеяния, которые совершаются?»

Ответ самый простой: перестать делать то, что вы делаете.

Если бы никто не знал, что нужно делать для того, чтобы успокоить «народ» — весь народ (многие же очень хорошо знают, что нужнее всего для успокоения русского народа: нужно освобождение земли от собственности, как было нужно 50 лет тому назад освобождение от крепостного права), если бы никто и не знал, что нужно теперь для успокоения народа, то все-таки очевидно, что для успокоения народа на-верное не нужно делать того, что только увеличивает его раздражение. А вы именно это только и делаете.

То, что вы делаете, вы делаете не для народа, а для себя, для того, чтобы удержать то, по заблуждению вашему считаемое вами выгодным, а в сущности самое жалкое и гадкое положение, которое вы занимаете. Так и не говорите, что то, что вы делаете, вы делаете для народа: это неправда. Все те гадости, которые вы делаете, вы делаете для себя, для своих корыстных, честолюбивых, тщеславных, мстительных, личных целей, для того, чтобы самим пожить еще немножко в том развращении, в котором вы живете, и которое вам кажется благом.

Но сколько вы ни говорите о том, что все, что вы делаете, вы делаете для блага народа, люди все больше и больше понимают вас и все больше и больше презирают вас, и на ваши меры подавления и пресечения все больше и больше смотрят не так, как бы вы хотели: как на действия какого-то высшего собирательного лица, правительства, а как на личные дурные дела отдельных недобрых себялюбцев.

IV

Вы говорите: «Начали не мы, а революционеры, а ужасные злодеяния революционеров могут быть подавлены только твердыми (вы так называете ваши злодеяния), твердыми мерами правительства».

Вы говорите, что совершаемые революционерами злодеяния ужасны.

Я не спорю и прибавлю к этому еще и то, что дела их, кроме того, что ужасны, еще так же глупы и так же бьют мимо цели, как и ваши дела. Но как ни ужасны и ни глупы их дела: все эти бомбы и подкопы, и все эти отвратительные убийства и грабежи денег, все эти дела далеко не достигают преступности и глупости дел, совершаемых вами.

Они делают совершенно то же, что и вы, и по тем же побудительным причинам. Они так же, как и вы, находятся под тем же (я бы сказал комическим, если бы последствия его не были так ужасны) заблуждением, что одни люди, составив себе план о том, какое, по их мнению, желательно и должно быть устройство общества, имеют право и возможность устраивать по этому плану жизнь других людей. Одинаково заблуждение, одинаковы и средства достижения воображаемой цели. Средства эти — насилие всякого рода, доходящее до смертоубийства. Одинаково и оправдание в совершаемых злодеяниях. Оправдание в том, что дурное дело, совершаемое для блага многих, перестает быть безнравственным, и что потому можно, не нарушая нравственного закона, лгать, грабить, убивать, когда это ведет к осуществлению того предполагаемого благого состояния для многих, которое мы воображаем, что знаем, и можем предвидеть, и которое хотим устроить.

Вы, правительственные люди, называете дела революционеров злодеяниями и великими преступлениями, но они ничего не делали и не делают такого, чего бы вы не делали, и не делали в несравненно большей степени. Так что, употребляя те без-

нравственные средства, которые вы употребляете для достижения своих целей, вам-то уж никак нельзя упрекать революционеров. Они делают только то же самое, что и вы: вы держите шпионов, обманываете, распространяете ложь в печати, и они делают то же; вы отбираете собственность: людей посредством всякого рода насилия и по-своему распоряжаетесь ею, и они делают то же самое; вы казните тех, кого считаете вредными, — они делают то же. Все, что вы только можете привести в свое оправдание, они точно так же приведут в свое, не говоря уже о том, что вы делаете много такого дурного, чего они не делают: растрату народных богатств, приготовления к войнам и самые войны, покорение и угнетение чужих народностей и многое другое.

Вы говорите, что у вас есть предания старины, которые вы блюдете, есть образцы деятельности великих людей прошедшего. У них тоже предания, которые ведутся тоже издавна, еще раньше большой французской революции, а великих людей, образцов для подражания, мучеников, погибших за истину и свободу, не меньше, чем у вас.

Так что, если есть разница между вами и ими, то только в том, что вы хотите, чтобы все оставалось, как было и есть, а они хотят перемены. А думая, что нельзя всему всегда оставаться попрежнему, они были бы правее вас, если бы у них не было того же, взятого от вас, странного и губительного заблуждения в том, что одни люди могут знать ту форму жизни, которая свойственна в будущем всем людям, и что эту форму можно установить насильем. Во всем же остальном они делают только то самое, что вы делаете, и теми же самыми средствами. Они вполне ваши ученики, они, как говорится, все ваши капельки подобрали, они не только ваши ученики, они — ваше произведение, они ваши дети. Не будь вас — не было бы их, так что, когда вы силою хотите подавить их, вы делаете то, что делает человек, налегающий всею силою на дверь, отворяющуюся на него.

Если есть разница между вами и ими, то никак не в вашу, а в их пользу. Смягчающие для них обстоятельства, во-первых, в том, что их злодейства совершаются при условии большей личной опасности, чем та, которой вы подвергаетесь, а риск, опасность оправдывают многое в глазах увлекающейся молодежи. Во-вторых, в том, что они в огромном большинстве — совсем молодые люди, которым свойственно заблуждаться, вы же — большую частью люди зрелые, старые, которым свойственно разумное спокойствие и снисхождение к заблуждающимся. В-третьих, смягчающие обстоятельства в их пользу еще в том, что как ни гадки их убийства, они все-таки не так холодно-систематически жестоки, как ваши Шлиссельбурга каторги, виселицы, расстрелы. Четвертое смягчающее вину обстоятельство для революционеров в том, что все они совершенно определенно отвергают всякое религиозное учение, считают, что цель оправдывает средства, и потому поступают совершенно последовательно, убивая одного или нескольких для воображаемого блага многих. Тогда как вы, правительственные люди, начиная от низших палачей и до высших распорядителей их, вы все стоите за религию, за христианство, ни в каком случае несовместимое с совершаемыми вами делами.

И вы-то, люди старые, руководители других людей, исповедующие христианство, вы говорите, как подравшиеся дети, когда их бранят за то, что они дерутся: «Не мы начали, а они», и лучше этого ничего не умеете, не можете сказать вы, люди, взявшие на себя роль правителей народа. И какие же вы люди? Люди, признающие богом того, кто самым определенным образом запретил не только всякое убийство, но всякий гнев на брата, который запретил не только суд и наказание, но осуждение брата, который в самых определенных выражениях отменил всякое наказание, признал неизбежность всегдашнего прощения, сколько бы раз ни повторилось преступление, который велел ударившему в одну щеку подставлять другую, а не воздавать злом за зло, который так просто, так ясно показал рассказом о приговоренной к побиению камнями женщине невозможность осуждения и наказания одними людьми

других, вы — люди, признающие этого учителя богом, ничего другого не можете найти сказать в свое оправдание, кроме того, что «они начали, они убивают — давайте и мы будем убивать их».

V

Знакомый мне живописец задумал картину «Смертная казнь», и ему нужно было для натуры лицо палача. Он узнал, что в то время в Москве дело палача исполнял сторож-дворник. Художник пошел на дом к сторожу. Это было на святой. Семейные разряженные сидели за чайным столом, хозяина не было: как потом оказалось, он спрятался, увидев незнакомца. Жена тоже смутилась и сказала, что мужа нет дома, но ребенок-девочка выдала его.

Она сказала: «Батя на чердаке». Она еще не знала, что ее отец знает, что он делает дурное дело, и что ему поэтому надо бояться всех. Художник объяснил хозяйке, что нужен ему ее муж для «натуры», для того, чтобы списать с него портрет, так как лицо его подходит к задуманной картине. (Художник, разумеется, не сказал для какой картины ему нужно лицо дворника.) Разговорившись с хозяйкой, художник предложил ей, чтобы задобрить ее, взять к себе на выучку мальчика-сына. Предложение это, очевидно, подкупило хозяйку. Она вышла, и через несколько времени вошел и глядящий исподлобья хозяин, мрачный, беспокойный и испуганный, он долго пытался художника, зачем и почему ему нужен именно он. Когда художник сказал ему, что он встретил его на улице, и лицо его показалось ему подходящим к картине, дворник спрашивал, где он его видел? в какой час? в какой одежде? И, очевидно, боясь и подозревая худое, отказался от всего.

Да, этот непосредственный палач знает, что он палач и что то, что он делает,— дурно, и что его ненавидят за то, что он делает, и он боится людей, и я думаю, что это сознание и страх перед людьми выкупают хоть часть его вины. Все же вы, от секретарей суда до главного министра и царя, посредственные участники ежедневно совершаемых злодеяний, вы, как будто ад, не чувствуете своей вины и не испытываете того чувства стыда, которое должно бы вызывать в вас участие в совершаемых ужасах. Правда, вы так же опасаетесь людей, как и палач, и опасаетесь тем больше, чем больше ваша ответственность за совершаемые преступления: прокурор опасается больше секретаря, председатель суда больше прокурора, генерал-губернатор больше председателя, председатель совета министров еще больше, царь больше всех. Все вы боитесь, но не оттого, что, как тот палач, вы знаете, что вы поступаете дурно, а вы боитесь оттого, что вам кажется, что люди поступают дурно.

И потому я думаю, что как ни низко пал этот несчастный дворник, он нравственно все-таки стоит несравненно выше вас, участников и отчасти виновников этих ужасных преступлений,— людей, осуждающих других, а не себя, и высоко носящих голову.

VI

Знаю я, что все люди — люди, что все мы слабы, что все мы заблуждаемся и что нельзя одному человеку судить другого. Я долго боролся с тем чувством, которое возбуждали и возбуждают во мне виновники этих страшных преступлений, и тем больше, чем выше по общественной лестнице стоят эти люди. Но я не могу и не хочу больше бороться с этим чувством.

А не могу и не хочу, во-первых, потому, что людям этим, не видящим всей своей преступности, необходимо обличение, необходимо и для них самих, и для той толпы людей, которая под влиянием внешнего почета и восхваления этих людей одобряет их ужасные дела и даже старается подражать им. Во-вторых, не могу и не хочу больше бороться потому, что (откровенно признаюсь в этом) надеюсь, что мое обличение этих людей вызовет желательное мне извержение меня тем или иным путем из

того круга людей, среди которого я живу и в котором я не могу не чувствовать себя участником совершаемых вокруг меня преступлений.

Ведь все, что делается теперь в России, делается во имя общего блага, во имя обеспечения и спокойствия жизни людей, живущих в России. А если это так, то все это делается и для меня, живущего в России. Для меня, стало быть, и нищета народа, лишенного первого, самого естественного права человеческого — пользования той землей, на которой он родился; для меня эти полмиллиона оторванных от доброй жизни мужиков, одетых в мундиры и обучаемых убийству, для меня это лживое так называемое духовенство, на главной обязанности которого лежит извращение и скрывание истинного христианства. Для меня все эти высылки людей из места в место, для меня эти сотни тысяч голодных, блуждающих по России рабочих, для меня эти сотни тысяч несчастных, мрущих от тифа, от цынги в недостающих для всех крепостях и тюрьмах. Для меня страдания матерей, жен, отцов изгнанных, запертых, повешенных. Для меня эти шпионы, подкупы, для меня эти убивающие городовые, получающие награду за убийство. Для меня закапывание десятков, сотен расстреливаемых, для меня эта ужасная работа трудно добываемых, но теперь уже не так гнушающихся этим делом людей-палачей. Для меня эти виселицы с висящими на них женщинами и детьми, мужиками; для меня это страшное озлобление людей друг против друга.

И как ни странно утверждение о том, что все это делается для меня, и что я участник этих страшных дел, я все-таки не могу не чувствовать, что есть несомненная зависимость между моей просторной комнатой, моим обедом, моей одеждой, моим досугом и теми страшными преступлениями, которые совершаются для устранения тех, кто желал бы отнять у меня то, чем я пользуюсь. Хотя я и знаю, что все те бездомные, озлобленные, развращенные люди, которые бы отняли у меня то, чем я пользуюсь, если бы не было угроз правительства, произведены этим самым правительством, я все-таки не могу не чувствовать, что сейчас мое спокойствие действительно обусловлено всеми теми ужасами, которые совершаются теперь правительством.

А сознавая это, я не могу долее переносить этого, не могу и должен освободиться от этого мучительного положения.

Нельзя так жить. Я, по крайней мере, не могу так жить, не могу и не буду.

Затем я и пишу это и буду всеми силами распространять то, что пишу, и в России и вне ее, чтобы одно из двух: или кончились эти нечеловеческие дела, или уничтожилась бы моя связь с этими делами, чтобы или посадили меня в тюрьму, где бы я ясно сознавал, что не для меня уже делаются все эти ужасы, или же, что было бы лучше всего (так хорошо, что я и не смею мечтать о таком счастье), надели на меня, так же как на тех двадцать или двенадцать крестьян, саван, колпак и так же столкнули с скамейки, чтобы я своей тяжестью затянул на своем старом горле намыленную петлю.

VII

И вот для того, чтобы достигнуть одной из этих двух целей, обращаюсь ко всем участникам этих страшных дел, обращаюсь ко всем, начиная с надевающих на людей-братьев, на женщин, на детей колпаки и петли, от тюремных смотрителей и до вас, главных распорядителей и разрешителей этих ужасных преступлений.

Люди-братья! Опомнитесь, одумайтесь, поймите, что вы делаете. Вспомните, кто вы.

Ведь вы прежде, чем быть палачами, генералами, прокурорами, судьями, премьер-министрами, царями, прежде всего вы люди. Нынче выглянули на свет божий, завтра вас не будет. (Вам-то, палачам всякого разряда, вызывавшим и вызывающим к себе особенную ненависть, вам-то особенно надо помнить это.) Неужели вам, выглянувшему на этот один короткий миг на свет божий — ведь смерть, если вас и не убьют, всегда у

всех нас за плечами, — неужели вам не видно в ваши светлые минуты, что ваше призвание в жизни не может быть в том, чтобы мучить, убивать людей, самим дрожать от страха быть убитыми, и лгать перед собою, перед людьми и перед богом, уверяя себя и людей, что, принимая участие в этих делах, вы делаете важное, великое дело для блага миллионов? Неужели вы сами не знаете, — когда не опьянены обстановкой, лестью и привычными софизмами, — что все это — слова, придуманные только для того, чтобы, делая самые дурные дела, можно было бы считать себя хорошим человеком? Вы не можете не знать того, что у вас, так же как у каждого из нас, есть только одно настоящее дело, включающее в себя все остальные дела, — то, чтобы прожить этот короткий промежуток данного нам времени в согласии с той волей, которая послала нас в этот мир, и в согласии с ней уйти из него. Воля же эта хочет только одного: любви людей к людям.

Вы же, что вы делаете? На что кладете свои душевные силы? Кого любите? Кто вас любит? Ваша жена? Ваш ребенок? Но ведь это не любовь. Любовь жены, детей — это не человеческая любовь. Так, и сильнее, любят животные. Человеческая любовь — это любовь человека к человеку, ко всякому человеку, как к сыну божию и потому брату.

Кого же вы так любите? Никого. А кто вас любит? Никто.

Вас боятся, как боятся ката-палача или дикого зверя. Вам льстят, потому что в душе презирают вас и ненавидят — и как ненавидят! И вы это знаете и боитесь людей.

Да, подумайте все вы, от высших до низших участников убийств, подумайте о том, кто вы, и перестаньте делать то, что делаете. Перестаньте — не для себя, не для своей личности и не для людей, не для того, чтобы люди перестали осуждать вас, но для своей души, для того бога, который, как вы ни заглушаете его, живет в вас.

31 мая 1908 г. Ясная Поляна.

Александр Бывшев
(пос. Кромы Орловской обл.)

Александр Михайлович Бывшев родился в 1972 году в поселке Кромы Орловской области; в 1994 году закончил факультет иностранных языков Орловского педагогического института, преподаватель иностранного языка, автор двух книг, печатается с 1991 года в центральных и региональных изданиях, коллективных сборниках и литературных альманахах. Автор «Приокских зорь».

НА МОГИЛЕ ЛЬВА ТОЛСТОГО

В тенистом месте, где пророк
Лежит, сомкнув уста,
Ютится скромный бугорок
Под дубом, без креста.

Здесь мрамор был бы ни к чему
И речи не нужны.
Легко покоится ему
В объятьях тишины.

К живым цветам добавь букет,
Отдай земной поклон.
А от него прими в ответ
Молчанье этих крон...

Игорь Карлов
(г. Тула)

Читатели «Приокских зорь» уже знакомы с творчеством Игоря Карлова по опубликованному в журнале очерку «Тихий ток наших чистых рек» (№ 4 за 2009 г.). За этот очерк автор удостоен литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова в жанре публицистики за 2009 г.

До недавнего времени Игорь Карлов работал учителем русского языка и литературы в Улан-Баторе, в школе при посольстве Российской Федерации в Монголии. Ныне он преподает на факультете русского языка и литературы в Тульском государственном педагогическом университете им. Л. Н. Толстого.

ТОЛСТОЙ УХОДИТ

1

Толстой уходит. Остаются
Среди глухой ноябрьской ночи
Все те, кто за наследство бьются
Со всей своей дворянской мочи.

Толстой из этой битвы вышел.
Чадит фонарик станционный.
Россия спит, пока не слышит
Той новости сенсационной,

Которой завтра же газеты
Пойдут пугать, дразнить, смущая.
Толстой чуть дремлет. Ждет рассвета.
Душан приносит пару чая.

2

Толстой уходит. Остается втуне
Страна ноябрьских заморозков жестких.
Старик, себя вверяющий фортуне,
Стоит у вечных русских перекрестков.

Пойдешь налево — урки с палачами,
Кабак, тюрьма, бордели да погосты.
И лишь березы белыми лучами
Несчитанные высветили версты.

Пойдешь направо — церковь иль казарма,
В дворцах мелькают тени самодержцев.
Но иногда палитра или гамма
Заставят замереть в восторге сердце.

3

Толстой уходит. Что же остается?
Дым паровоза — клочья бороды.
За окнами в такт поезду трясется
Вселенная, с которой он на ты.

Толстой уходит. Едет третьим классом
В бессмертие. В вагоне сквозняки,
Дымок махорки; пахнет хлебным квасом,
Гуторят меж собою мужики

Толстой уходит в вечность. Дальше, дальше
Там мчатся ветры по своим кругам,
Там нет насилья, жадности и фальши.
И вот — из вечности — Толстой приходит к нам.

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Владимир Жириновский
(г. Москва)

ПИСАТЕЛЬ ДОЛЖЕН ГОВОРИТЬ ПРАВДУ

Беседа с Владимиром Вольфовичем Жириновским — Председателем ЛДПР, зам. Председателя Госдумы, доктором философских наук, Заслуженным юристом России. Беседу вела Людмила Евгеньевна Авдеева, автор нашего журнала, литературовед, культуролог, поэт, журналист-международник.

Л. А. Владимир Вольфович, Вы давно обещали журналу «Приокские зори» поделиться своими размышлениями о современной российской литературе.

В. В. Ж. Да, обещал. И у меня были публикации в этом журнале. И состояние отечественной литературы мне небезразлично. К этой теме я неоднократно обращался в своих печатных работах, выступлениях, на встречах. Проблемы современной культуры обсуждались, в том числе, на круглых столах в Госдуме. Мы хотим жить в сильной и процветающей стране. Хотим делать историю, за которую не будет стыдно. Значит, и литература нам нужна сильная и интересная для читателей не только в России, но и во всем мире. А у русской литературы крепкие корни и богатые традиции, это по-своему уникальная литература. Меняется время. Меняются поколения. Сейчас молодые литераторы более жесткие, чем мое поколение шестидесятников.

Л. А. Вам удастся знакомиться с произведениями современных авторов?

В. В. Ж. У меня, к сожалению, не так много времени для чтения художественной литературы, хотя и стараюсь быть в курсе. Безусловно, знаю, какие романы и рассказы обсуждаются, кто какие премии получил. На мое имя поступает множество журналов, альманахов, сборников, авторы присылают книги, просят высказать свое мнение. Но у меня время распределено даже не по часам, а по секундам. Знакомлюсь с содержанием толстых журналов. В первую очередь интересны те произведения, где автор занят не столько поиском новых форм, сколько кристаллизацией Правды. Писатель должен говорить правду. Написать предельно смело и честно о нашей жизни

многого стоит. Я стараюсь это делать постоянно, какой бы нелюбимой такая правда ни была.

Л. А. Количество Ваших изданий более чем внушительно. Одна только «Политическая классика» составила 100 томов. К 20-летию ЛДПР издано много новых острых брошюр, охватывающих большинство болезненных проблем современного общества. Интересна книга «Мысли и афоризмы». А потом, насколько я помню, Вы издали целый курс лекций «История русской культуры» с древних времен до конца 19 века. Не собираетесь сделать курс лекций по современной культуре, в том числе российской литературе? Это было бы интересно и для студентов созданного Вами Института мировых цивилизаций.

В. В. Ж. Желание продолжить курс лекций есть. Но прежде надо осуществить много других планов, от решения которых во многом зависит и судьба страны, и судьбы людей. Поэтому пишу постоянно или диктую тексты.

Л. А. Кстати, четвертый номер журнала «Приокские зори» посвящен памяти Льва Николаевича, 100-летию со дня его смерти.

В. В. Ж. Лев Толстой, откровенно говоря, очень сложный писатель. Писатель-мыслитель. Его творчество — уникальное достояние и русской культуры, и всего человечества. Я много и внимательно читал его произведения, дневники, статьи. Конечно, в школьные годы мало кому удавалось полностью прочитать «Войну и мир». Считаю, такие эпохальные произведения надо осмысливать уже в сознательном возрасте. В моих книгах, кстати, можно найти ссылки на Толстого. У него много интересных рассуждений, но есть и довольно противоречивые — по вопросам богоискательства, государственности. Гениальный писатель прошел через глубокий духовный кризис.

Л. А. Выдающиеся личности мыслят незаурядно и велики и в своих прозрениях, и в своих заблуждениях. Ведь восприятие жизни и взгляды совершенно естественно могут претерпеть в силу многих обстоятельств существенные изменения. Однако противоречивость мыслей выдающихся деятелей культуры и литературы не снижает значения их творчества и духовного наследия, ведь для них именно судьба России была первостепенной заботой. А внутреннюю противоречивость, вероятно, можно найти в любой яркой для национальной истории и культуры личности.

В. В. Ж. Поэтому читатель должен учиться думать, что-то бесспорно принимать, что-то, не задумываясь, отвергать. Умного, думающего читателя и призвана воспитывать современная русская литература.

Л. А. Лев Николаевич очень точно определял сущность человека, отмечая, что человек подобен дроби, где в числителе то, что он есть, его реальные достоинства, а в знаменателе — то, что он сам о себе думает. И чем больше знаменатель, то есть самомнение, тщеславие, тем меньше дробь, а, следовательно, мельче и человеческая натура.

В. В. Ж. Вот этой формулой не мешало бы определять достоинства каждого, как в политике, так и в культуре. Посмотрите, в современной российской литературе немало «свадебных генералов», тех, кого много издают, да мало читают. Насколько знаю, сейчас достаточно разных литературных содружеств, масса желающих «попасть в литературу», множество премий. А действительно интересных авторов, кото-

рых хочется перечитывать, рекомендовать, не так уж и много. Сегодня многое определяет финансирование. Можно долго рассуждать, насколько губительна такая ситуация для литературы, но это реалии.

Л. А. Вы затронули очень болезненную для авторов и издателей тему. При наличии средств и спонсоров можно издать любое «творение» при полном отсутствии дарования. А талантливые интересные авторы и бескорыстные издатели, не умеющие «выбивать» средства, остаются за бортом литературной жизни. К слову, журнал «Приокские зори» в Тульском регионе сегодня единственный полноформатный литературно-художественный и публицистический толстый журнал с богатой исторической родословной. Он один из немногих, кто издает авторов бесплатно, ищет таланты среди молодежи, дает трибуну поэтам, прозаикам, критикам, публицистам, драматургам и только уповает на возможность включения в план финансирования областного Департамента культуры.

В. В. Ж. К сожалению, это участь не только журнала «Приокские зори». Сегодня хорошо живут гляцевые журналы, авторы детективов. Как писал Пушкин «Не продается вдохновенье, так можно рукопись продать». А какую рукопись купят, диктует рынок, спрос. Но все действительно талантливое, правдивое, злободневное, как показывает история литературы, все равно, так или иначе, пробивается. И думаю, что администрация Тульской области тоже заинтересована в развитии отечественной литературы, тем более, что тульская земля связана с именами великих писателей, и не только Льва Толстого.

Л. А. Тульская земля богата талантами. Кроме яснополянского мудреца Льва Николаевича это и Вересаев, и братья Успенские, да и имена многих талантливых писателей России, связаны с этой благодатной землей. И сейчас здесь немало интересных прозаиков и поэтов. Вы знакомы с творчеством главного редактора журнала, профессора Алексея Афанасьевича Яшина?

В. В. Ж. Я знаю его творчество. Яшин не только интересный писатель, но и широко мыслящий ученый. Читал его очень остроумную книгу «Без руля и без ветрил». Точные, четкие характеристики, сатирические. Я и сам нередко «пропечатаваю» своих персонажей.

Л. А. Вам это особенно удалось в «Последнем вагоне на Север», где карикатурные персонажи ельцинской эпохи получились запоминающимися надолго. А профессор Яшин создал целую ярмарку портретов обнаглевшего чиновничества, выразительных образов олигархов, взяточников, обывателей. А о его последнем романе «Любовь новоюрского периода» Вы знаете?

В. В. Ж. Очень объемистый, грамотно изданный роман. Глубокие размышления о жизни, интересные узнаваемые современные герои. Роман надо читать внимательно. Проблемы страны отражаются на судьбах героев. Такая бьющая не в бровь, а в глаз литература сатирической направленности сегодня необходима для пробуждения России. Нужны новые Гоголи и Щедрины российской литературы.

Л. А. С книгами каких еще современных прозаиков Вы знакомы? Что вас заинтересовало в их творчестве?

В. В. Ж. Знаком с романами Александра Проханова, Юрия Бондарева, Валентина

Распутина. Читал написанное Дмитрием Быковым, Юрием Поляковым, Виктором Ерофеевым. Не стану разбирать их книги. Это дело критиков. Из критиков, кстати, всегда интересовало мнение Льва Анненского. Мне нравятся произведения социальной направленности, в которых есть нерв жизни, энергетика. Интересные авторы с актуальными темами встречаются, но в тоже время публикуется много тусклого, посредственного. Телевизор, Интернет, видео стали жесткими конкурентами книги. Читать стали меньше. Молодежь сейчас вообще мало читает серьезной литературы. Это огорчает — мы всегда считались самой читающей страной в мире. Помню, едешь в метро и в любом общественном транспорте: все с книгами, с учебниками, с газетами и журналами. Теперь у кого-то детектив, у кого-то гламурный журнальчик, кто-то с кроссвордом, а так все усталые в транспорте после работы. Литература, удовлетворяющая низменные потребности, стремление к «сильным ощущениям», особенно негативно влияет на сознание молодежи, изгоняя исконные нравственные начала, рождая в молодых цинизм, культ грубой силы. Желание и умение размышлять приходит с годами. И этому должна учить настоящая русская литература, причем как проза, так и поэзия.

Л. А. А какие отношения у Вас, Владимир Вольфович, с поэзией?

В. В. Ж. В молодости очень увлекался русской, европейской, восточной поэзией. Знал наизусть и к случаю мог блеснуть строками Пушкина, Блока, Есенина. Часто бывал в Политехническом. Слушал Евтушенко, Рождественского, Вознесенского. Двоих последних уже нет. Это удар по современной поэзии. Бродского я прочитал еще в списках. Из современников нравятся стихи Глеба Горбовского, Юрия Кузнецова, Николая Рубцова. Нравится ироничная поэзия Владимира Вишневецкого. Емко, остро, кратко. Вот и с Вашей последней книгой лирики «Чаша мудрости» познакомился. Написано по мотивам восточной поэзии, а я изучал восточную поэзию. Знаю турецкую и иранскую литературу. Особенно заинтересовали четверостишия. Недаром говорят: «Краткость — сестра таланта». На Востоке вообще любят четверостишия — рубаи. Они меткие, точные, актуальные, запоминающиеся. Это хорошо, когда пишущий мыслит образно и кратко. Есть строки: «Много поэтов хороших и разных». Разных, действительно много, а вот хороших, ярких, к стихам которых хочется возвращаться, надо искать.

Л. А. Сейчас много появилось литературных объединений, клубов, содружеств и новых имен, как молодых, так и ранее неизвестных поэтов среднего и даже старшего поколения. Проходят многочисленные поэтические конкурсы, фестивали. Но, Вы правы, зачастую «творческие изыски», «словесные эксперименты», «игра в модернизм» и сам уровень того, что звучит на различных литературных встречах, удручает. Подобное творчество широко представлено и на сайтах. Претендуя «на место» в современной литературе, на новаторство подобные «творцы» являются, по существу, служителями антикультуры. Бездуховность культуры ведет к бездуховности общества в целом.

В. В. Ж. Действительно, сегодня в России не только экономический, но и «духовный кризис». Нельзя мечтать о возрождении России, не зная собственного духовного наследия, которое нам оставили великие писатели и мыслители прошлого. Оно должно быть в полном объеме в нынешней культурной жизни, в школьных программах. Для современной отечественной литературы важна твердая нравственная позиция авторов, убежденность, справедливая оценка прошлого и убедительная, яркая критика настоящего. Писатель может многое. Высмеять, например, чиновничество и

этим помочь ограничить его власть. Надо только, чтобы умные талантливые писатели становились единомышленниками, чтобы поменять что-то в этой жизни в лучшую сторону. Но при этом нельзя унижать своими писаниями народ, историю, не допускать ненависти к России, что позволяют себе некоторые авторы.

Л. А. Таким не мешало бы помнить слова Пушкина, который писал Чаадаеву, что хотя он тоже «раздражен» и далеко не всем восторгается, что видит вокруг, но «ни за что на свете не хотел бы поменять Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков».

В. В. Ж. Как это всегда бывает, время вытравит фальшь, дешевые подделки и оставит истинную литературу. Надо учиться отделять зерна от плевел.

ТОЛСТОЙ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР: АНТОЛОГИЯ ПРОЗЫ

Алексей Яшин
(г. Тула)

ТАКСИ ДО СТАНЦИИ АСТАПОВО

Писатель Никаноров проживал в Подмосковье, в бывшем наукограде. Кроме литературной профессии имел он и другие занятия: являлся подполковником запаса, а в отставке работал инженером в дотлевающем научно-исследовательском институте по профилю бывшей службы. Военная пенсия и какое-никакое жалование в институте кормило семью и позволило пережить самые лихие годы «волчьих девяностых».

Сразу по окончании Олимпиады в Афинах ему стукнуло шестьдесят, и перестал он ходить на работу. Сказать, что вышел на пенсию — нелогично; он ее получал уже десять лет. Словом, решил полностью отдаться литературе, благо дети оперились в этой жизни, а им с женой хватало. Как раз заканчивал Никаноров большой роман и даже заранее заручился поддержкой о финансировании издания у бывшего сослуживца; тот хотя и выбился в люди, но человеком остался. Фирма же его продавала за рубеж остатки неликвидов из числа ценных материалов того же самого института.

Полагал Никаноров, что теперь-то последние главы чуть ли не сами напишутся — ведь сейчас не только выходные и будние вечера в распоряжении его пера! Однако, недоучел специфику психики человека в переломные для жизни моменты, расслабился (не водка, конечно, имеется в виду) и за весь сентябрь вымучил только один крохотный эпизод девятнадцатой главы.

Никаноров затосковал, но жена нашла выход и посоветовала развезься, съездить на недельку в недалекую Тулу:

— Поезжай, Андрей Сергеич уже который год зовет, поохотитесь с ним, как раз сезон открывается.

И верно, опять же бывший сослуживец в августе звонил, поздравлял с «выходом на гражданскую», звал на уток... И главное в голове образовалось: побывать в толстовских местах, вдохновиться. Со стыдом вспомнил: лет двадцать как в Ясной Поляне не был... писатель называется! Сразу согласился, а уже к вечеру следующего дня закусывал в компании приятеля и его добрейшей супруги летними хозяйскими припасами привезенный с собою коньяк.

До открытия охоты оставалась пара дней, потому коньяк — свой и алаверды — пил умеренно, а наутро сел в щекинский автолайн, бодро дошагал от развилки до знаменитых въездных башен, протянул в окошко кассы удостоверение члена Союза писателей, памятуя, что двадцать лет тому назад членов Союза впускали в музей-

усадебу по бесплатной контрамарке, о чем он и напомнил молоденькой кассирше. Та недоуменно выслушала, заявила, что никаких льгот никому уже давно нет, а билет с экскурсией стоит сто рублей. Ходят тут, мол, всякие.

...Возвратился в Тулу Никаноров несколько раздосадованным, но начавшаяся охота на водоплавающую дичь его отвлекла. Вернулся он домой хорошо отдохнувшим и с вдохновением, но скорее пессимистического характера, а потому в начало следующей главы своего романа вставил фантастический эпизод. Впрочем, модный в отечественной прозе в последние десять-пятнадцать лет.

...Всем известны успехи современной науки в части генетики; ее высшим достижением явилось развитие практического клонирования, то есть воссоздания из одной единственной молекулы ДНК всего целостного организма. Как известно, клонирование человека запрещено законодательно во всех странах мира, где это умеют делать. Понятно почему: каждая из сторон имеет законное опасение, что их исторический супостат-противник вырастит полки суворовых, роммелей, наполеонов и пр. И тем более понятно, что работы по клонированию человека, что называется подпольно, тотчас и начались во всех этих царствах-государствах. Не следует и пояснять: эти исследования курировались спецслужбами на государственных уровнях.

Единственным исключением оказалась Россия; опять же и дураку понятно почему. Но — свято место пусто не бывает. Или, как говорил философ Лейбниц: природа не терпит пустоты. Поэтому в России на себя эту обязанность взяли патриотически настроенные ученые, где-то в Томске или в Новосибирске, словом, в некоем еще сохранившемся научном центре.

А дальше случилось то, что случается с мастеровыми русскими людьми со времен Ползунова и братьев Черепановых: в отсутствии денег и необходимого инструмента они такое вмиг сотворят, что в европах-америках долго затылки яйцеголовые чешут. Так и наши подпольные ученые, радея за место государства в части щекотливой науки, на допотопном биологическом оборудовании не только вперед всех европейских и американских «нобелистов» научились клонировать человеческий организм, но попутно решили и сверхзадачу: ускорили рост, физическое и умственное развитие клона в сто раз! Но и опять были бы они не русскими людьми, если бы не страдали комплексом Левши из лесковского рассказа. Как тот подковал блоху, но, не ведая законов биомеханики, не рассчитал тяжести подков и обездвижил насекомое, так и наши подпольные ученые научились в сто раз скорее развивать организм, но не смогли останавливать это развитие в нужном возрасте, то есть в двадцать, тридцать лет... Еле-еле осилили этот останов в возрасте, соответствующем предельному для предшественника клона. Такая вот петрушка получилась. А все дело в том, что не было у них сорока штук баксов для покупки за рубежом машины для ДНК-анализа, что имеется в самой захудалой западной больничке! Поэтому, оставив не светлое будущее решение возникшей задачи, решили сибиряки испытать свое открытие на каком-нибудь великом человеке.

Опять же, поскольку были наши гениальные ученые подпольщиками вне закона, то возник вопрос о генетическом материале. Где тайно взять ДНК давно умершего великого? Выручил коллектив профессор Перерушев Аркадий Гаврилович, страстный почитатель Льва Толстого, коллекционер всего, что связано с его именем. В советское время каждый профессор, а то и доцент, увлекались чем-либо интеллектуальным, далеким от основной работы. Дело в том, что самым большим раритетом коллекции Аркадия Гавриловича являлся изящный дамский медальон-ладанка с прядью волос Льва Николаевича. Достался он профессору от бабушки, в начале века московской консерваторки и страстной почитательницы гения земли русской.

Поначалу коллектив засмутился, засомневался: дескать, морально ли это, все же гордость народа, на издевательство над памятью великого похоже... Но Перерушев,

уже предчувствуя встречу и беседы о смысле жизни со своим литературным кумиром, заволновался, раскричался:

— ...Где я вам биоартефакты Сталина или Суворова возьму? Что есть, то и есть, а пока мы, гнилая интеллигенция — правильно о нас Владимир Ильич говорил,— будем умничать и морализировать, америкосы тысячи копий Шварценеггеров и Майклов Джексонев настругают. И что тогда будет? Каждый Шварценеггер захапает себе территорию размером с Калифорнию, а Джексонсы... Ну, понятно, что они понатворят.

Почему-то именно последний довод убедил компатриотов. Дело закипело и уже к концу октября следующего за началом эксперимента года Аркадий Гаврилович любовно смотрел на вдохновенное лицо Толстого, столь знакомое по фотографиям последнего года жизни великого учителя и проповедника. Толстого спящего, ибо процесс физиологического ускоренного развития и, увы, старения клона совершался в анабиозе. Опять же возник вопрос: пора будить, 31-ое октября на носу*, а как клон поведет себя? Выручил опять же профессор Перерушев, предвкушавший долгие беседы с Учителем:

— Нужно, чтобы он проснулся в той же обстановке, что и накануне кончины. Понятно, проснулся не в жару и ознобе, как то было со Львом Николаевичем, а здоровехоньким. Мы ему перед пробуждением интенсивную терапию антибиотиками проведем. Давайте обсудим, как это все сделать.

Благо, накануне в их институте выдали зарплату за три летних месяца, поэтому, выдав женам на хозяйство по минимуму, ученые сбросились (а Перерушев еще и фамильный золотой портсигар новорусскому коллекционеру за три тысячи долларов толкнул), зафрахтовали у дальнобойщиков фуру и доставили спящего клона, необходимую аппаратуру и самих себя на станцию Астапово. Совсем уж на последние деньги заарендовали на неделю бывшую квартиру начальника станции И. И. Озолина — выдали себя за киношников.

Про киношников скоро узнали все население маленького станционного поселка, поэтому никто не удивился, когда утром 13-го ноября** в станционный зал ожидания, к кассе подошел старик с длинной бородой и косматыми бровями в странной длиннополой одежде и сапогах. «Смотри, смотри! Этот актер Толстого играет. Говорят, шестидесятисерийный блокбастер снимают...» — зашептался народ в зале.

Меж тем старец, назвав кассиршу милой барышней, попросил один билет до Ясной Поляны с пересадкой в Козельске. Но барышня огорошила: так по железной дороге доехать нельзя. Старец растерялся, но тут к нему подскочил Петруха, местный парень, подрабатывавший частным извозом:

— Давайте, товарищ артист, мигом домчу. И возьму по-божески из уважения.

Старец чуть помедлил и послушно пошел за автомобилистом. Покоясь на мягком заднем сиденье «москвича», старец, только что отошедший от нездоровья, длившегося тяжело и мучительно почти неделю, да еще в постоянных переездах, боязни, что за ним пошлют домашнюю погоню, восстанавливал в некогда цепкой памяти события сегодняшнего утра: как он проснулся, нет, очнулся совершенно здоровым, без липкого пота горячки, без озноба. Какие-то незнакомые, но добрые люди помогли ему одеться, что-то положили в его бумажник (а вроде и не его бумажник?), подвели к вокзалу. Он как будто заново родился: все вокруг изменилось, поезда не ходят прежним путем, а таких роскошных авто он и в Москве не видывал... Догадывался, что болезнь случилась нешуточная, раз весь мир воспринимается иным. Такое с ним было только в далеком-далеком детстве после сильной, горячечной простудной болезни.

За их «москвичом» неотступно следовала бежевая «волга» с сибирскими учеными. Перерушевым тож. Только одна мысль заполняла большелобую голову Аркадия Гавриловича: «О чем сейчас думает Учитель?».

* Л. Н. Толстой скончался 31 октября 1910 года.

** То есть по старому стилю 31 октября.

А старец, ощущая прилив ясности мышления, что бывает с любым человеком после тяжелой болезни, не замечая мелькавших за окном странных пейзажей, думал, что напрасно он поддался хандре, самоистязал себя душевно. Опять же этот суматошный отъезд без цели странствования...

К полудню распогодилось, осеннее солнце хотя и не грело, но радовало душу. Казалось старцу, что теперь все разрешится. И Соня, и дети поймут, что не в деньгах счастье, но в служении людям, человечеству, в личном самосовершенствовании. Да и не свойственно русскому человеку преклонение перед золотым тельцом; это ведь не протестантский Запад с его торгашеством и накопительством... Он почувствовал прилив энергии, замечтался, как лет через сто, уже в начале XXI века и нового тысячелетия деньги и вовсе исчезнут из обихода, а в его любимую Ясную Поляну будут стекаться тысячи и тысячи людей. Может, и его добрым словом помянут, прогуливаясь по тенистым аллеям, по его заветным местам...

Вот и Поляна, авто остановилось возле самых въездных башен. Старец вынул бумажник, раскрыл: и деньги он перестал узнавать, сочтя это за добрый знак — в унисон его мыслям. Протянул деньги шоферу. Тот заулыбался, взял несколько бумажек:

— В расчете, этого хватит. Может вас подождать? И мне назад не порожняком ехать.

Старец молчал, а шофер, чуть отъехав, остановился: может найдет пассажиров до Тулы, заодно и к сеструхе заглянет. Давно не видел.

Узнавая и вместе с тем не узнавая многих деталей, старец прошел между въездными башенками, несколько озадаченный многолюдством снующих туда-сюда, да в какой-то странной одежде? Однако двинулся вперед по плотинной дороге, но был остановлен неким мундирным: армейским или полицейским; опять же в новомодном мундире:

— Вы, я вижу, забыли билет приобрести? Пройдите к кассе,— и полицейский чин указал рукой на окошечко в домике-пристройке у левой въездной башни. Мало что поняв, старец подошел к окошку, в глубине которого виднелась молодая девица, стриженная под курсистку.

Девица была занята беседой с кем-то, не видимым снаружи в окошко, а глаза старца узрели текст объявления, обрамленный и остекленный. Из текста следовало, что билет на экскурсию по усадьбе стоит сто рублей. «Как?! — вскипела его душа, — не успел я из дома уйти, неделя всего прошла, а они Дом мой в дом торговли * превратили? А я-то, наивный, полагал, что своим уходом разбужу в них совесть, понимание мыслей и дел моих...

Снова, как вчера и в предыдущие дни в поезде, в Шамордино и Козельске, в квартире начальника станции в Астапово, зазнобило, тут же бросило в жар, в голове застучали молотки плотников, а потом и вовсе забухали фабричные молоты. С трудом, как некогда в гору на Кавказе поднимаясь, он протащился мимо белых въездных башен, теперь уже навсегда покидая свою Ясную, глядя себе под ноги, чтобы не заплелись, медленно пошел под гору по широкой площади.

— Эй, артист! — окликнул его давешний шофер.— Куда везти?

Старец поравнялся с «москвичом» и с трудом втиснулся в предупредительно открытую шофером дверь. Он и не видел, как в стоявшую позади «волгу» суетливо усаживаются взволнованные ученые-сибиряки.

— Так куда прикажете?

— В Астапово,— едва пошевелил губами старец и впал в болезненное забытие.

* Евангельские слова.

Илья Луданов*
(г. Узловая)

ЯСНЫЙ ДЕНЬ

Как легко видно зло в плохом, так много сложнее выявить зло в хорошем. Дар этот самый важный, и именно такое зло — худшее.

Я очень страдаю от несварения. И борюсь, чтобы не научиться переваривать, как большинство вокруг, кто всю грязь, что мы сами производим, и которой нас так усиленно пичкают, в себя принимают, сами ею обваливаются и в ней же тонут. Я устал от непрестанной бури возмущения и разоблачения внутри себя, от беспросветной хмари на душе, когда не то что не видишь луча света среди туч, а когда видеть-то как раз способен, и тут с ужасом осознаешь, как света вокруг тебя мало, что его почти нет, а все серебряные пятна во тьме и притягивающий блеск вокруг — ложь, ложь самая страшная, ложь привлекательная, в себя поглощающая, и что эта ложь любой в глубину уходящей черноты хуже.

Мне нужен был глоток света, правды, некая волна добра, чтобы вздохнуть свободнее, не забыть, как выглядит настоящий свет; чтобы поверить. Я не мог найти этот свет вокруг себя, и, чтобы почувствовать всю силу его, открыл книгу и представил себе этот свет.

Никогда никому и ни в чем легче не было, и со временем многое стало и лучше, но то, что мне надо было сейчас — заброшено еще хуже, чем столетие назад. Я не радовался знанию, я скучал за учебниками, я не мог понять, как после многих десятилетий развития, переварив в себе такое количество талантов и открытий, самое дорогое, что у нас было: проявление духовности в обычной жизни, все то, что мы делаем, чтоб вокруг стало немного лучше, и было видно, что люди не напрасно использовали отведенное им время — все это оказалось так далеко от массовых надежд и дум о будущем. Не может же быть, чтоб все зря, думал я, ведь большинство того, что есть, много хуже, чем было когда-то, за все время, и только частичка настоящего — более совершенна, и потому почти незаметна, а общая картина — убога и не нравится ни историкам, ни критикам, и, боюсь, не будет нравиться потомкам. Я стал отчаиваться при виде старух, сначала ставящих свечи в церкви, а потом шарящих по помойкам; при встрече с пустыми лицами и глазами, которые были довольны, получая сытую плату заработка, бегущих за границу к обывательским идеалам и радующимся в тот момент, когда о чем-то, самом меньшем, надо было задуматься; когда смотрел на таких же, внутри себя медленно отмирающих друзей и родню, у которых было все тоже — «все хорошо» — но при виде гибели которых так больно было мне.

Кажется, появилось чувство того, что в книжках называется усталостью от жизни, и во мне начала зарождаться злоба. Медленно, тихо, порою даже незаметно, но все больше, она завладевала сознанием, желаниями, и временами я стал замечать, что теряю восприятие реального мира. Конечно, я бы победил эту злобу — ведь добра во

* Наш постоянный автор, см. «ПЗ» № 1, 2010 г.

мне всегда было больше, и я боролся за него. Не я первый, и не мне быть последним. Победил бы, и жил как прежде, и все было бы хорошо, и все были бы довольны, спокойны и сыты.

Но я требовал от себя света, стремления к знанию, и еще больше — к очищению. К знанию мыслей обо всем развитии людей, к постижению истории прогресса человеческого духа. Такой прогресс становился для меня целью, смыслом жизни, и я не мог не желать знать его истории, знать, до чего в своем понимании жизни дошли люди, и с чего мне, познав предыдущее, начинать.

Свет мысли, бьющий через дела и достижения предков, притягивал. Не было ничего дороже познания добра и любви в людях, и когда я открыл книгу — увидел этот свет, ощутил возможность представить себя в котле бурлящего движения мыслей и объединения людей чувством — то не мог отказаться, даже мысленно идя на преступление вмешательства.

Я понимал, что больше одного шанса мне уже будет много, что если сразу не почувствую, не пойму, то потом и пытаться не стоит. Я кое-что знал и, внешне казалась, был готов, хоть и страшно боялся. Думал совсем не вмешиваться, не разговаривать, а только смотреть, но чувствовал, что не смогу устоять перед таким соблазном познания. Мне как воздух надо было возродить в себе веру в свет истины, в совершенство духа и разума.

Я выбрал время (благо вся история была передо мной), как можно проще оделся (и лето, и знал, что — не зря), и рано утром, появившись в полях, скоро нашел дорогу и двинулся к усадьбе.

Солнце, как и положено для начала лета, стояло уже высоко, крестьяне из недалеких, петухами кричащих деревень возвращались с работ. Одевшись как можно проще, среди народа я излишнего внимания не вызывал, хотя, конечно, показаться рабочим мужиком при всем желании не смог бы — и время не то, и люди другие. Мой же, по наряду вполне приличный, но не богатый вид, как я надеялся, должен был обеспечить проход к главному дому и исключить лишние вопросы.

По дороге к усадьбе мне встретились мужики на господских лошадях и молодые женщины, привлекающие глаз свежестью лиц. Во взгляде у всех встречных, кем бы они ни были, была непривычная простота и незамысловатость, что вызывало во мне сначала умиление, а потом боязнь того, как бы меня с моей скрытой озлобленностью и бунтарским возмущением в глазах, покрытого налетом угрюмого презрения и усталости, не заподозрили. Ну, ничего, сказал я себе, обращаясь к встречным, привыкайте, скоро вы такие взгляды, и еще даже хуже, часто встречать будете, а может, и сами такими станете.

До усадьбы оставалось недалеко, и уже стали видны зеленые верхушки столбов на въезде, когда совсем близко, впереди, под углом пересекая мне путь, показались два всадника ехавшие к воротам: молодой человек в костюме и старый и дряхлый, но большой и статный старик с огромной и чудной седой бородой. Они ехали тихой рысью и о чем-то оживленно переговаривались. Лиц я не разглядел: несколько секунд всадники ехали ко мне боком, а когда свернули на дорогу, видно было только их спины. Из тихого, топотом копыт заглушаемого разговора до меня долетело лишь пара фраз:

— Я удивляюсь, как вы справляетесь, ведь столько сил... И что же думаете делать?

— Это хуже всего и есть, когда как не у себя в доме. Нет, правда, если б не Саша, не дети, я бы давно ушел...

Старик что-то, казалось, почтительно отвечал, о чем-то еще они продолжали говорить, но расслышать было нельзя. Меня они так и не заметили и скоро скрылись за воротами въезда в усадьбу.

Я видел всадников меньше минуты, но уже должен был остановиться и подумать. Люди из другого мира, о которых знал я только понаслышке, не могли не произвести на меня впечатления. Я сразу понял, что недостаточно готов, что легко могу все испортить. Приведет это к чему — неизвестно, и придется врать и изворачиваться, хотя врать я не умею. Но другого шанса дать себе не мог, и надо было либо идти вперед, либо возвращаться.

Я огляделся: вокруг были все те же кусты и деревня, на свежем лугу росла такая же зеленая трава, а сверху икрилось голубизной бескрайнее небо. Чего же я боюсь, спросил я у себя? Все ведь то же, лишь оболочка со временем меняет цвет и форму, а нам, чтобы от времени не отстать, знать его, надо представить и понять, как и чем жили люди до нас. И я пошел вперед.

Старик крестьянин стоял у скромного красивого столба у входа в усадьбу. Шуршащий под ногами щебень идущего вверх «Прешпекта», молодая зелень берез, густая тина на мелком дне пруда, — все казалось мне каким-то близким и знакомым. Я будто ждал, что так оно и будет.

Какая же радость, смешанная с робостью ожидания, охватила меня теперь! Я здесь! В месте, где царит душа и разум, где люди ищут свой путь к богу, где знают, что такое добро и любовь не только из книг, где можно не стесняться открытого хода мысли и голоса чувств! Казалось, сама истина была отсюда не так далеко.

Для меня столько всего насыщенного сразу было так много, что я, как боялся и думал еще дома, почувствовал, что все-таки во многом не готов к такой важной встрече. И хотя много готовился и все обдумывал, теперь запросто мог спутаться, сказать или сделать какую-нибудь глупость и не только не узнать, что хотел, но еще больше запутаться. Тогда я решил немного обождать, пройтись по усадьбе, посмотреть на быт здесь живущих людей, ведь какая потрясающая возможность для историка! Я, конечно, не специалист, но не знаю, ни одного описания или фотографии, которые производили бы подобное увиденному впечатление. А тут вот оно, все в натуре: и верхний «малый», но глубокий пруд справа, и небольшой парник чуть подалее, и проглядывающая на вершине возвышенности меж деревьев белизна главного дома.

Я свернул направо, не торопясь показываться на глаза обитателям усадьбы. Меня и так с неподдельным интересом на «Прешпекте» и у парника рассматривали, как нового гостя, несколько крестьян. Гостем я не был, а посетителем становиться не спешил. Очень уж непривычно было здесь.

Боялся дождя, но погода терпела, жалуя все живое теплом солнца; становилось даже немного жарко — лето есть лето, хоть июнь только вступал в свои права.

Я заранее решил рано с утра не навещать, а прийти после завтрака, что по нашему привычному распорядку было почти в обеденное время. И стоило подождать, тем более одного из давешних всадников я, кажется, узнал. Спустившись к каскаду прудов «Аглицкого» парка, постоял на деревянном пешеходном мостике, перекинутом через протоку, соединявшую два пруда. Посмотрел на переливающийся красками лета веселый солнечный день. Послушал шепот играющих с ветром листьев. Улыбнулся совершенной простоте природы.

Тут за деревьями, на соседней, параллельной моей, тропе, служившей видимо аллеей для прогулок, я заметил мелькание двух серых костюмов. Оба мужчины были средних лет, но один, по голосу, постарше другого; шли они, как и положено, не торопясь, говорили тихо, и слышно их стало только, когда они проходили мимо скрывающего меня дерева. Говорили о картах и шахматах, о поездках «верхом», которыми была озабочена чья-то беспокойная супруга.

— Но, знаете, Валентин Федорович, современная медицина такие поездки очень рекомендует. А для детей — особенно, помогает в развитии организма. И Владимир

Григорьевич очень просил, говорит, это полезно для его болезней, а главное — для настроения. Как специалист насчет последнего я особенно согласен. Он видит, что еще на многое способен, и это придает дополнительные силы. Да и я же вам говорил, к мнению Черткова граф всегда прислушивался, иногда даже больше, чем к членам семьи. И не знаешь порой, может, и к лучшему, что ему запретили приезжать, меньше подозрений и ссор, — сдавленно говорил один голос. Второй взволновано и быстро отвечал:

— Да, это ужасно! Они так часто ссорятся, чуть ли не каждый день, но это не ругательство, а молчаливое напряжение, что еще хуже. Софья Андреевна всегда чем-то раздражена и недовольна. И с Александрой Львовной такие тяжелые, натянутые отношения! Вот Сергей Львович приехал, а сразу видно, что с отцом тоже не совсем ладит, хотя любят друг друга. И все другими недовольны, и сами же от этого страдают, но больше всех — сам граф. Вы меня, Душан Петрович, уж извините за это, но как он все это терпит — страшно подумать! Ему работать хочется, а покоя нет, и так все переживает! Все же на нем! Я теперь понимаю, почему в Кочетах было так спокойно и хорошо. Мы работали с удовольствием и огромной энергией. Так невольно думаешь: уехать бы еще куда-нибудь.

— Ну, я слышал, Владимир Григорьевич давно приглашал Льва Николаевича, и тот, сколько мне известно, дал согласие...

Тут они скрылись за поворотом, и я вышел из-за дерева. И правда, подумал, вовремя я решил. Всеобщее напряжение усиливалось, а я так хотел заставить его в спокойном настроении, если такое в его возрасте возможно, до нарастающего «кризиса», когда можно было еще не только поговорить, но и задуматься. Я потому и прибыл сегодня, зная, что скоро он будет в Мещерском, а после внезапного возвращения оттуда напряжение уже не пройдет, а будет только нарастать.

Какое замечательное место, думал я, гуляя вдоль пруда по узкой тропе. Поднимаясь обратно и снова оказавшись на бревенчатом мостике, я остановился и посмотрел на воду. И какие люди! Дело не в их добротных костюмах, красивой речи и изысканных манерах. Это лишь оболочка, эпиграф, вступление перед внутренним миром духовной высоты. Вот она, жизнь, — когда нет глупого понятия «говорить о высоком», то есть о том, чем мы живем, нет случаев настоящего, чистого зла, потому что есть осознание его глупости. Здесь еще многое несовершенно, много и самих здесь живущих людей не устраивает, не даром же граф своим положением столько лет себя угнетает. Но сколько же хорошего в том, что есть! Какими силами это достигается! Ведь поколения головы сложили, чтобы сейчас здесь было чем восхищаться, было чем гордиться.

А ведь не так и плохо шли! И многое надо было менять и исправлять, но не так же! А уже ходят по земле люди, которым суждено разрушить этот мир. И я уверен, и здесь есть люди, которых будущее изменит до ненависти к своему прошлому, когда хочется не просто все забыть, как плохой сон, а уничтожить, разодрать, выжечь...

Но это будет позже. Пока же у нас есть ясный солнечный день и осуществленная мечта.

Я вышел на окраину парка. Справа впереди уходила вдаль поросшая камышом и осокой низина. Пригревало показавшееся из-за облака солнце. А ведь мы будем гноить этих людей в лагерях, расстреливать по моментной прихоти, карать их и душиить. Потом возрождать из пепла и отбеливать прошлое, но того, что с ними пропало, уже не вернуть. И ничего здесь, похоже, не поделаешь: история...

При мысли о том, что ожидает всех их, и с чем нам потом придется жить, как в детстве захотелось тепла и света. Я встал в солнечный просвет между ветвей и подставил лицо ласковым лучам. Мне стало тепло, и я первые расслабился. Здесь становилось даже хорошо. Так хотелось этого хорошего, и знал, что, может быть, его

больше. Изнутри возник соблазн остаться здесь, просто жить, своим трудом и своими заботами, рядом с этими людьми. Я из них никого не знаю, но, кажется, чувствую их всех вместе. Как хорошо было бы! Как светло и уютно! Но не получается не думать, и в груди что-то горит. И нельзя не помнить: кто я и для чего я, что у нас есть и куда нам смотреть. Время такое.

Главное же, я немного «притерся» — и не знаю, как сказать иначе. Присмотрелся, примерился, пообжился... глупостей теперь бы только не делать и болтать поменьше, а спрашивать побольше. А эгоист я все же: для себя здесь в первую очередь. Не для кого-то и чего-то, а для себя; для своего, внутреннего, клеточным жаждущего. С миром бы только все. С добром и светом, как сейчас. Тогда все плохое и злое просто быть не может. Глупость моя только со мной, но это уж неотделимое, первичное, надолго. Кем бы мы ни были, мы всегда можем ошибиться.

Снова, повторно, поднимаюсь по «Прешпекту» вдоль частокола берез, наверх. И теплее стало, солнце над головой выше, и я для этого другой уже и больше готов.

Впереди, среди деревьев, я снова увидел хозяйский дом: такой же большой и красивый, каким я привык видеть его в фотоальбомах. Тогда я, никуда уже не сворачивая и ни от кого не скрываясь, пошел к террасе, где у крыльца стоял кто-то, и слышалось несколько голосов.

Когда я подошел, жители усадьбы, вежливые и аккуратные, встретили меня любопытными, но доброжелательными взглядами. У крыльца старый слуга Илья Васильевич, как я угадал, и спросил, что мне угодно, и чем он может мне помочь.

Вот тут и надо было применить все, что готовил. Да и волновался страшно.

С наигранной болью и трепетом в глазах сказал, что я студент из Московского университета, но сомневаюсь в правильности моей учебы, и вот не решил и не знаю, как жить дальше, что делать и чему себя посвятить. И что мне очень необходимо видеть Льва Николаевича, и будто я уже писал ему несколько месяцев назад с просьбой о разговоре, и он ответил мне согласием.

Знатное время! Здесь как ничто другое ценилась искренность и открытость — как это было для меня трудно! но как живо! Можно ли мне было простить ложь? Но я объяснял это необходимостью цели. Оправдывала ли цель средства? Но ведь я уже признал себя эгоистом...

И хоть слуга что-то проворчал типа «граф ответов на просьбы не дает, а люди приходят сами», но злости в его голосе не было, а было такое непривычное для меня участие, и он провел меня в дом, к кабинету хозяина.

Знакомая со слов экскурсоводов прихожая, широкая лестница, старые верные часы английских мастеров. Гостиная с портретами, длинным столом и роялем. И уходящие одна за другой налево комнаты...

Остановившись у дверей, слуга сказал, что Лев Николаевич недавно вернулся с верховой прогулки, и сейчас он узнает, отдыхает ли граф, и если нет, спросит, сможет ли он принять.

Вернувшись через некоторое время, Илья Васильевич мне на радость сообщил, что граф читал, а не работал, иначе бы пришлось ждать, и теперь готов принять меня, ответить на вопросы и поговорить. «Только поймите его, он — старый человек, и если можно, то не очень долго».

На это я ничего не ответил, зная, что не могу позволить себе такого сочувствия, возможность одна, а врать этому хорошему человеку очень не хотелось.

Когда я вошел, Лев Николаевич сидел на старом кожаном диване и читал. Увидев меня, он живо встал, поздоровался со мной, немоторопевшим в первые секунды, и сев за стол, предложил место напротив.

Я судорожно пытался успокоиться и в панике метался взглядом по комнате. Картины, фотографии, книги. Рабочий стол, как всегда, завален кипами бумаг.

Я сел и увидел устремленный на меня пронзительный, с большой внутренней силой взгляд из-под густых бровей. Сила его взгляда будто просвечивала и изучала меня всего. Но я это, к счастью знал и понимал, что через это надо пройти, взять себя в руки, иначе все дело пропадет. И тут вдруг, именно под тяжестью этого взгляда, я успокоился, овладел собой, ко мне вернулся пылливый настрой поиска, и все мысли снова выстроились в один ровный ряд.

Лев Николаевич спокойно и учтиво смотрел на меня, сам еще не произнеся ни слова и ожидая, что я сделаю. Еще раз вспомнив, кто я и зачем здесь, вдохнув полной грудью, я обратился к нему:

— Лев Николаевич, здравствуйте! Извините за беспокойство, но так уж получилось, что есть возможность посетить вас, и я, поймите, не могу не спросить, не поговорить с вами о том, что так волнует, что стоит того чтобы мне об этом думать.

— Пожалуйста, молодой человек, спрашивайте. Я постараюсь сказать вам как думаю, и как это есть на самом деле.

— И разрешите, я сразу к делу. Не хочу просто так у вас драгоценное время отнимать... извините за откровенность, по-другому с вами не могу...

— И не надо. Правдивые слова, сказанные искренними чувствами и светлыми мыслями — самые важные и единственно правильные слова. Остальное — глупость. Ложь же вашу я сразу увижу.

Граф говорил со мной быстро, уверенно и чисто. Ни к чему, кроме как к истине, слова такого человека отнести было нельзя.

— Мне, Лев Николаевич, чуть больше двадцати, я не так давно поступил в Московский Университет и жить только начинаю, но уже сейчас много спорного вижу, и даже если всего не понимаю, то многое меня беспокоит и вызывает вопросы.

— О чем же вы хотели меня спросить? И что же вас так беспокоит?

— Как и всех — будущее, Лев Николаевич. Я уже понимаю, что будущее — это единственное, что есть у нас главного, что чем сложнее прошлое, запутаннее настоящее, тем туманнее размытое будущее, и, если честно, чем больше я смотрю вокруг, тем меньше представляю, каким может быть мое и наше будущее; будущее русского народа и России. Что-то меня в сегодняшнем дне очень не устраивает, унижает и возмущает, и я не знаю, что именно, но часто кажется, что чуть ли не все сразу...

— Во многом так и должно быть. Мыслящего человека всегда что-то не устраивает, потому как он всегда видит возможности к развитию, путь большего совершенства.

— Но если всего ужасающего слишком много...

— Это уже вопрос сравнительного состояния жизни людей.

— Но сегодня лучше, чем вчера?

— Что вы имеете в виду?

— Вообще...

— Должно быть лучше. Если же нет, надо исправлять путь — он неверен. Исправлять делами каждого и всех. Ведь не только общество влияет на человека, но и человек на общество, только реже и менее заметно.

— Значит, и маленькое дело, одного человека, его, так сказать, родное, влияет на общий процесс развития и на прогресс в целом? — я очень внимательно посмотрел на Льва Николаевича.

— Несомненно! — не менее прямо и внушаемо ответил мне его взгляд, и слова эти поразили своей естественной прямоотой. — Иначе тогда что бы было? Не генералы выигрывают сражения, и не цари строят города. Это делают люди. Своей очень тяжелой, беспросветной жизнью. Работой длиною в жизнь и только своим делом. Умея и желая, а если страстно желая и лучше умея, — то иногда получается великое дело, оставляющее память в поколениях.

— Но какой в этом смысл для всеобщей жизни? Ведь вы же сами в своих произведениях говорите, что материальное ничто по сравнению с духовным?! — я к своему ужасу спокойно и расслабленно уселся в предложенном мне знаком руки кресле, с намерением задавать много неудобных вопросов, ответы на которые получать было бы даже страшно.— Я вот все думаю: что же есть тогда во всех наших делах, в трудах миллионов людей, их муках и страданиях? Ведь все же разбивается о смерть! О тупость. О непонимание, нежелание и безверие!?

— Не так сразу, молодой человек. Вы правильный вопрос ставите неправильно. Совершенно ясно, что все, что есть, все, что окружает людей и является результатом их жизни — есть отражение духовного мира людей и взаимодействие их душ, их желаний и потребностей между собой. Так по жизни человека несложно определить состояние его души и всего духовного развития. И все это есть в течение времени, то есть при воздействии истории и в водовороте культур. Эта огромная сложность называется будничной жизнью, и разобраться в ней мало кому дано.

— И что же: всенародный раскол? — как можно проще о страшном спросил я.

— Нет. Непонимание от страха и безверия. Нежелание от духовной слабости и слепоты,— легко о далеком и непостигнутом ответил Лев Николаевич.— Таких как вы много: вы от этой же слепоты и спрашиваете меня о всеобщем смысле, в тайне надеясь, что я скажу, что — да, смысла нет, и все попусту, и вы будете рады опустить руки, а потом чуть ли не сами положите свои головы на плаху к уже неизбежному тогда тупику и скажите: «рубь!» Но это — ложь. Это зло, которое делает дух человека трусливым, а душу — серой. Потому что вы не боретесь за преобладание истины и превосходство любви! А ее, любви, так мало, почти не видно. И любить не умеют и не хотят уметь. Вот где гибель чувств! Надо учиться любить! Каждый день, всю жизнь учиться любить, и тогда вы увидите, как люди потянутся к этой любви, и сами начнут учиться любить. Это ведь важнейшая задача при рождении каждого — научиться любить! И дела ваши тогда — будут стоить вашего времени, и смерть вам не страшна. А если зла и лжи окажется больше, так, конечно, никакое дело не останется, все пойдет прахом.

— Лев Николаевич, так как же понять, как решить, куда идти и что делать?

— Я не бог чтобы говорить вам что делать, и ни один из живущих людей не смеет брать на себя такую ответственность, и объявлять себя вправе решать за других, что им делать и как жить.

Лицо графа передавало чувство удивительного душевного подъема, и внешняя старость его была совсем незаметна — такая в нем была сила жизни на девятом десятке! Он распрямился в кресле и все время, пока я мог терпеть, зорко смотрел мне прямо в глаза. Выдержать такой взгляд было нелегко, но так я хотя бы еле успевал за ходом мысли, а потому время от времени смешивался, и не знал, что сказать и что спросить. Я перевел дух, чуть собравшись мыслями, и снова задал вопрос:

— Лев Николаевич, недавно я понял: кто бы чего ни говорил и какую точку зрения на это ни имел, самое главное для человека, при всех его достижениях и ошибках — обессмертить свою жизнь делами, поступками и решениями, будто поставить себя вне времени, чтобы хоть что-то хорошего и стоящего людской памяти оставить после себя...

— Это хорошо, но, конечно, не главное. Надо жить так, чтоб в памяти о тебе в людях главным были не твои дорогие вещи, награды и достижения, а чувства и мысли, которые возбуждаются в сердце и голове при воспоминании о тебе, и не должно быть повода — материального, денежного, чтобы и никого не обидеть, и мнение о себе не испортить. А то говорят: вот как этот помещик хорошо жил, сколько денег нажил, земель купил и заводов построил. А скольких он крестьян засек до смерти, скольких использовал и в Сибирь или в тюрьму отправил! — граф с омерзением по-

морщился, и вид его стал еще более напряженным.— Стараются забыть, а это главное, потому как такими средствами никаких устремлений оплатить нельзя. Доказывать же существование вечной жизни никому не надо — она есть! — и в это надо просто верить, и жить по этой вере. А есть она потому, что бессмертна духовная жизнь человека, и она не такая, какую мы, как нашу, видим, слышим и осязаем — то есть, чувствуем своим телом. Эту жизнь надо ощутить душой и осознать разумом, развивая мысль о своем предназначении для этой эпохи как теорию бесконечного совершенствования личности человека.

— Но как же отдельному, простому человеку, для которого самое дорогое — привычный вид из окна его дома, выбрать, что ему делать, и что ему ближе? Как решиться, когда он так мало знает, ничего толком не понял и ни с чем еще не определился? Ведь люди живут так всю жизнь!

— Позвольте, молодой человек! Вы хоть что-нибудь настоящего читали? Я вот всегда удивляюсь, как люди целыми группами, в поколениях, все высматривают, мучаясь, пытаются что-то разглядеть и ничего не видят! И меньше всего то, что к ним всего ближе! Ведь вы же путаете сами себя и друг друга! Скажите же мне: будет ли здоровый телом, умом и духом человек дышать скверным воздухом, если можно дышать чистым? Зачем кусать старое, гнилое яблоко, если можно кушать спелое и сочное? Как же можно с самим собой такое творить, утопая в грязи и глупости, путая ложь и правду? Ведь это со всеми и каждый день! Может, вы, молодежь, разучились отличать белое от черного?

Я, наверное, был в шоке, не зная, что на это не то, чтобы возразить, но и толково-го сказать, но, видя, что отстать от него нельзя, сделал что мог, чтобы совсем не оплошать:

— Но если все вокруг серо? Если белое мажут сажей, а грязь отбеливают? Что же делать человеку со всеми его трудностями и проблемами в таком мире?

Лев Николаевич на миг замолчал, остановился, чуть замер, а потом поднял на меня глаза и тихо, как великий секрет, сказал:

— Любить и верить. Тогда человек чувствует бога в себе, и в нем разгорается — тихо, медленно, но величественно и всемогуще — надежда.

Тут нас очень вовремя оборвали, потому как я уже не знал, что думать и что говорить, позвав пить чай, и граф предложил спуститься вниз к небольшому яснополянскому обществу домочадцев и гостей, обещая продолжить интересный и важный разговор, и сказал, что я для него редок и из тех простых гостей, которым он всегда рад. Я облегченно вздохнул, и с новой робостью прошел в гостиную, где нас уже ждали. Сказал мой собеседник это, когда мы поднялись и прошли к столу, где Татьяна Львовна помогала прислуге сервировать стол, и на последние слова Льва Николаевича воскликнула будто шутливо:

— Вы проходите, не стесняйтесь! Будьте смелее! — и добавила также шутливо, но уже шепотом.— Папа всем рад кто денег не просит, а тогда огорчается, что люди к нему только из-за денег пришли, и, наверное, разочаровывается...

Хозяин усадьбы на это чуть усмехнулся сквозь бороду, подмигнул веселящей проворными выходками публику внучке, и мы сели пить чай.

Я был в немом восторге. Очень нравилась обстановка дома и вещей, все было как-то значимо, оправдано, несло в себе красоту и мысль; нравилось общение с этими умными людьми, сумевшими по-доброму использовать знания прошлого для построения настоящего и выбора своего пути в будущем; необычайное удовольствие доставляла царившая здесь атмосфера осмысленного оптимизма, верха над пороками душевных чувств и силы духа человека.

Только время оказалось такое же: тяжелое и даже, наверное, более непростое, чем сейчас: Россия снова была в смятении, народ стоял на перепутье, и еще совсем не

ясно было, куда *все* повернет. Но уже отхрипели крики кровавого воскресенья, уже солдаты стреляли по иконам, расстреливая веру во власть, взрывали министров и губернаторов, а вожди будущих правительств, следя из-за пограничного столба, уже высматривали, как можно парализовать могучую страну, и что власть ничтожно слаба, и может действовать только силой. Люди ждали перемен, все предпосылки к их необратимости были на их памяти, но то, как они жили, пробуждало желание многому научиться у них.

Они проиграют. Даже со всеми своими знаниями и опытом — бога в душах народа не хватит. Как, в общем, и всегда. У нас сейчас и такого опыта нет, мы только учимся по крупицам собирать, что было, слабо пытаюсь делать какие-то выводы...

За столом я в первую очередь стал внимательно изучать присутствующих, пытаюсь уловить стиль и ход тут же возникшей беседы. Сначала князь Трубецкой, почти не говоря по-русски, и пытаюсь сделать комплимент наконец-то установившейся погоде, высказал возможность сходить купаться в Воронку, или, на худой конец, на «средний» пруд, Татьяна Львовна шутливо грозила пристававшей к бороде деда дочери, а Дима Чертков рассказывал, как на пути из Телятинок он вместе с Валентином Федоровичем снова видел гонящего крестьян с полей усадьбы черкеса. Лев Николаевич нахмурился и сказал, что уже несколько раз просил и просит и сейчас Софью Андреевну убрать этого злодея с полей, на что графиня ответила, что не в состоянии терпеть нахальства крестьян, и что им, бедным хозяевам, только и остается, что нанимать охрану. Лев Николаевич сказал: «Не понимаю, в чем наша бедность. Если только в совести». Здесь сразу был виден большой скрытый конфликт, который всех очень напрягал и огорчал, но никто ничего не мог с собой поделать. Завязался краткий спор, который почти сразу погас, когда Душан Петрович спросил про сегодняшних гостей, а Лев Николаевич указал на меня.

— Вот, молодой человек, московский студент, пожаловал ко мне с массой вопросов важнейшего характера, так как сам много не знает и наивно полагает, что я за раз отвечу ему на все и все для него решу. Но — думать пытается, и ответы ему эти нужны, потому как уже сейчас его волнуют вопросы от которых, как понимаю, дальнейшая жизнь и зависит.

К своей радости и удовольствию могу сказать, что рассматривали меня с неподдельным любопытством. Я раскланялся с присутствующими как мог:

— У нас, в городе, знаете ли, всего очень много. Перемены во власти, в экономике, масса новинок всевозможных. И на разных вечерах расходятся во мнениях, что же нужно России и русскому человеку. Политические на это взгляды различны. И не только, поймите, революционные движения. А и в общем. Хотя, говорят, из-за границы, в Европе, сильное движение имеется, большая поддержка террористам и всюду эти взрывы, стрельба, убийства. Это здесь, в деревне, благодать...

— Неужто евреи против России опять что-то замышляют? Воротилы эти! Дай вздохнуть — оседлают, не заметишь как!.. — со своего места возмутился Душан Петрович.

— Ну что вы?! — остановил его Лев Николаевич. — Причем здесь евреи? Вы уж поймите, — обратился он теперь к одному мне. — Душан Петрович совершенно необъяснимо питает какую-то непонятную неприязнь к евреям, и никто никакими доводами разубедить его в этом утверждении не может.

Доктор еще хотел сказать что-то вроде «лет через десять посмотрим, что будет», но его уже никто не слушал, а Лев Николаевич сказал, что это так интересно, услышать мнение молодежи, и просил продолжать.

— Да... вы поймите, — с трудом пытался я изобразить хоть что-то внятное, — все очень разобщено, все страшно различные, сторонятся своих каких-то новых мнений

и принципов, не всегда даже будучи способны объяснить положение этих мнений. И все о политике и о судьбе России. О каких-то необходимых и, по-моему, страшных переменях. Однако, все это, конечно, пустые слухи. От фантазий юношеских, наверное. У всех же есть глаза, свои идеалы, чуть ли не идола, все мы хотим быть на кого-то похожи, и делать, как кто-то делает, говорит или показывает...

— Ужас! — воскликнул Лев Николаевич. — И где это так? В Москве? Неужели все это сейчас? Похоже на сказку, на выдумку! Столько, я вижу, ваших сверстников блуждают в потемках! Самого простого и ясного у ног своих не замечают! Впрочем, все мы так. А смотреть надо стараться шире. Главного в жизни людей — достижения счастья — можно добиваться только когда следуешь сильнейшему душевному желанию. Современные молодые люди пытаются в чем-то или ком-то найти воплощение, осуществление идеала, а надо его делать!

— Как же его делать?

— Работой, конечно. Постоянной работой мозга, тела и духа, для поддержания наилучшего разностороннего развития человека.

И я снова не мог не поразиться, как он четко, точно, ничего не мешкая, говорил. Думалось, так сказать мог только человек, всю жизнь проведший в борьбе, в работе над собой, в совершенствовании духа и мысли.

В гостиной стояла тишина, и только маленькая «Татьяна Татьяновна», шутливо балауясь, специально громко причмокивала, когда отпивала очередной глоток чаю.

Все, заинтересовавшись актуальной темой, следили за нами, не вмешиваясь и не мешая, а только молча прислушиваясь. Но главное, что, кажется, заинтересовался сам хозяин дома.

Я же тему свою знал, не зря готовился и, чтобы не сбиться, не оплошать и не выдать себя, что было так легко и опасно, настырно вел свою линию:

— Но ведь все простые люди всю свою жизнь работают, не покладая рук. И трудятся почти всегда не на себя, а на кого-то, но не заметно по нашей жизни, чтобы люди при этом были довольны и счастливы. А счастливы при этом их хозяева. И видит человек, что чтобы он ни сделал, как и сколько бы его предки ни проработали, все это ни к чему не приводит, и ни ему, ни его детям ничего настоящего не даст, — он всегда останется тем, кем был, и там, где был. И, конечно, многие недовольны, злора в людях растет, и со временем беспорядки от этого, и революции...

— Это все правда, и так и есть. Но в нашем устройстве это — проблемы правил. А ведь вы совсем не сказали о работе духа и разума, и хотя телесный труд воспитывает дух, как, к примеру, религиозное знание есть основа воспитания, но мало кто это понимает. А мыслительный труд вообще большинству мешает, от него болит голова, и все кажется сложнее. Он мало кому становится нужен, и только тогда есть в человеке осознание значимости, непрерывности этого процесса, когда понимаешь, что даже малые остановки сильно тормозят развитие человека и отбрасывают его далеко назад, особенно когда кто-то рядом идет быстрее и более уверенным шагом. И если бы мы знали все, то не было бы ни недовольных, ни, может быть, революций...

— Но если не брать частные случаи, не сегодняшний день, не к какому-то штампу всегда привязанный исторический период, а в целом всю жизнь, с ее неизменяемыми временем чувствами, ценностями и ко всему подходящими выводами? Когда на самом деле видно, что человек — один, а вокруг него все временно, многого не стоит и, может, не такое и ясное. Что же все-таки, по-вашему, должен делать человек, если видит, что все попытки его изменять и преобладать, ничтожны и глупы? Как тогда найти веру в свое дело, убедиться в бесполезности себя?! — в каком-то безумии воскликнул я и замер с трепетом в ожидании приговора. Вот здесь возможное отчаяние взяло меня в оборот. Я замер, затихли гости за столом, задумался и сам Лев

Николаевич. Тут-то мне и стало страшно, и хотел я этого больше всего в жизни; я верил правде мыслей этого человека, потому как много им созданное и ко мне относилось, испытало уже меня, выборы и поступки пересмотреть заставило, и теперь уже было не важно, в каком виде и как писатель ответит на мой вопрос,— главным было, чтобы он дал мне ответ: как? Сейчас я переворачивал страницу книги жизни, открывая себе вещи, о которых не думал и не догадывался. И не мог не замереть в ожидании: не поворот завтрашнего дня решался, не направление пути следующих, а мой взгляд на все вокруг, на мир мой. Четче становились акценты, по которым я сам буду проявлять и определять. Оттачивались сухая суть законов и блеск ценностей, по которым я должен буду идти дальше, чтобы ощущать себя живым, чтобы жить с честью среди людей и чистой совестью под крышей неба над головой.

— Всякое дело человека,— медленно, вкрадливо, чтоб не только услышали, но и поняли, сказал Лев Николаевич,— ничто перед бесконечностью времени и пространства, кто бы из всех людей чего ни делал. А вместе с тем действия все наши бесконечны в пространстве и времени. Важно, друзья мои,— обратился он уже не ко мне, а ко всем,— не ошибиться, пытаюсь угодить и богу и всем людям.

Я метался в незнании и ощущении то ли недопонимания, то ли недопостижения. Я стоял в самом начале этого пути, и, признаюсь, мне было очень страшно. Нет, казалось, я все понимал: значимость дела для духа и материи, цели для жизни с самим собой и в обществе. Значимость искупления перед своей душой и оправдания перед людьми. И что велико было перед одним, ничтожно и бесполезно было перед другим,— я все это угадывал, но не знал, что же делать мне, что же именно вот теперь мне делать, как и куда идти, за что бороться, а с чем навсегда порвать. Все это было так громадно, что из великого общего смысла я не мог выбрать своего, конкретного.

— Но как быть нам, простым, обычным людям? Как в этом бесконечном объеме теории найти свою отправную точку, как вытянуть из клубка свою нить, четко осязать модель нашей жизни?

— Нет, молодой человек, это ошибка. Нет модели, нет единой формулы, как построить свою судьбу. Каждый последующий миг определяется мигом идущим, все непрерывно меняется, от другого в зависимости. Нет никаких планов, есть только наши чувства, наши мысли и наш выбор. Нельзя построить храм одним песком, глиной и камнями, если нет веры,— это будет просто красивое здание, так же как с одной только верой можно построить храм внутри себя. Нельзя просто посадить дерево или просто воспитать ребенка. К каждому моменту ведут сети следствий, и такие же переплетения в будущих последствиях исходят от настоящего момента. Каждый человек живет по чувствам и мыслям своим, как хочет, как лучше ему видится, и ошибкой будет задумываться о ценности каждого последствия для всех, потому как для всех всего не сделаешь. Но только тебе самому решать, на чьей ты стороне, к чему себя относишь, как ты видишь людей, на что надеешься и во что веришь.

— Для себя?

— В первую очередь.

— Но ведь вы говорите, что для себя — еще более пусто, еще глупее, ведь, не станет тебя, и тогда все попусту?

— Да. Но если ты в себе главное видишь, огонек в темноте тебя ведущий, и делом твоим руководит свет и добро, тогда то, что ты делаешь — есть благо и для всех. А если только для себя каждый из всего, что есть, рвать будет, отбирая, но не отдавая... каждый будет делать только для себя, считаясь только с собой и праведно верить этой своей правоте, то это приведет к бездне, где его место будет ниже худших. Это есть безумие. И тогда все движение — бесполезно, и дела твои тогда — пусты. И как же человеку убедить себя, что он должен еще что-то делать, еще куда-то двигаться, кроме своей механической роли самообеспечения для бесконечного насыщения.

Вот оно, что было самое важное для всех людей — ведь мы сами, в основе смысла всего нашего общества, положения всех чинов и мест подмечали, во всех видах исследовали, на свет божий всю эту взвешенную смесь выставляли и чуть ли не конечным исходом решали. На теории, конечно, но на теории самой истинной, той, на которой потом все и основывается. Мы будто еще раз весь подтекст спирали нашего развития проходим, пустое и глупое пытаюсь отсечь. А это уже касается всех.

За столом был слышно, как жужжат на террасе мухи. Даже маленькая Танечка затихла, наблюдая за единой неподвижностью взрослых. Выждав небольшую паузу, будто про себя еще раз что-то проговорив, Лев Николаевич придвинулся ко мне и даже немного наклонился вперед.

То о чем говорил, он уже давно знал, все понимал, много обдумывал, видел, что все за столом стараются понять. Такой ход к единению мысли был одной из главных целей разговора. Но граф на своем уровне девятого десятка, на уровне великого таланта и беспримерного опыта, был много выше всей этой служебно-положенческой суеты, справедливо порицая карьеристику и выслуживания, и говорил то, до чего сам дошел и так, как знал.

— Послушайте, мой юный друг. Это и в правду важно. Нам подарили жизнь, и мы появились на этом свете. Так задайте себе самый простой вопрос: не может же это быть просто так? Не может же быть рождение жизни хаотичной случайностью? Для чего-то мы все рождены? Но не ради же себя, это было бы глупо... И если ты сказал себе о главном, о том, зачем стоит жить, увидел ведущую тебя идею, руководящий твоим делом свет, и что есть в тебе осознание чистоты смысла, тогда то, что ты делаешь для себя, своих целей, есть единое благо и для всех людей. В этом и религия духа, и истина мысли, и любовь. И если конечный результат всего, что в тебе — любовь, то не так это пусто и плохо, а как раз есть совершенно необходимое дело твоей жизни.

— То есть каждый человек, живя своей жизнью и делая ее лучше, тем самым, как может, меняет к лучшему и общество? — шепотом спросил я.

— Конечно. Это подходит для очень многих людей живущих для своего блага. Ведь вокруг никогда не было бы столько ошибок и лжи, если бы люди так жили. Но только и этого никак не достаточно. Человек не живет поодиночке или в своем кругу, он живет в обществе, рядом с другими такими же, как и он, и не может не участвовать в их жизни, собою на кого-то влияя или сам такому влиянию подвергаясь. Совершенствуя себя, пытаюсь жить полно, подаешь внешний пример другим, и кого-то это, может, и заставит что-то в себе изменить, но большинство все равно пройдет мимо, считая себя более правыми и выше. Сейчас мало начать обращать на других внимание, если ты молод и независим. От этого ничему не учатся и ничего не узнают. У каждого свое, и всем кажется, что их — лучшее. А так быть не может — ведь истина только в совершенстве духа, в боге. И влияет на нас не только череда мыслей и поступков отдельных людей, но и со временем созданная обществом развратная и губящая жизнь. Она разрушает сознание, притупляет чувства, и когда такой человек думает, что он живет лучше всех, на самом деле он вообще не живет. Потому люди правдой должны влиять друг на друга. Спорить, обсуждать, просто говорить мысли. Так делали люди прошлого и делают наши современники. Для этого нам дана память, мы изучаем историю жизней людей прошлого. И для этого людям, полной жизнью живущим, дана и религия, и вера.

— Лев Николаевич, но как же все объяснить уже испорченным, впусую живущим людям, которых очень и очень много, страшно сказать — едва ли не большинство! К чему им вера и религия? Что им с этими знаниями делать?

— Надо, друг мой, дать увидеть — что сейчас происходит, и показать как может быть. Все дело в относительном сравнении. К примеру. Стоило в Европу в 1813, 14-ом

годах попасть — и восстание на Сенатской площади, попытка государственного переворота. А ведь и у них там тоже очень все не так хорошо, и многое и плохо даже, и не к этому стремиться надо, а через них, через духовность культуры Европы и религии Востока осознать, как может стать лучше. Ведь и у нас начинается разъединение народов, не просто несправедливая классовость, но раскол нации, а это очень опасно, это к большой крови привести может, когда из-за несогласия, как мух, будут люди давить друг друга,— Лев Николаевич очень взволновался, и видно было, что эта тема его особенно тронула, тема, которой он, в том числе, посвятил последние десятилетия.— А это хуже всего. Если такое произойдет, мы все потеряем и ничего не приобретем. Мы тогда сами же сломаем дух и испортим душу всем людям. Поэтому все преобразования надо производить укреплением духа и очищением души — истинным народным искусством — воспитанием через музыку, живопись, архитектуру и литературу высших религиозных чувств — добра и любви. А если пойдем по пути революций и войн, получится ужасно, как, может, и во Франции: надеялись на свободу, а получили военную диктатуру Бонапарта, что позже, после мнимых побед и ликований повергло страну в хаос. Это надо понять всем революционерам — то, что кровью еще никто никогда ничего не добивался. Вспомните учение Христа: прав побежденный, но не победитель. Людям надо показать, но не указывать, и они поймут самое важное — для чего они живут, и как надо жить. Но, прежде всего надо дать человеку свободу. Настоящую, чтобы человеку сказали «ты свободен!», и он не мог этого не почувствовать и не понять, и сам воскликнул бы: «Господи, ты видишь — я свободен!»

Я смотрел вокруг онемевшим взглядом. Вот ведь оно! Вот — что надо, за что боролись, за что поколениями мучились! История идет вперед, контурами нового витка повторяясь идеями. Ведь так все просто кажется, так чего же не хватает? А свобода?! Ведь — да, и грош нам цена, и в обществе разлад, и в политике, и экономике — бардак и еще какой, культура на задворках, но... свобода есть... Ведь мы и правда свободны... Ведь это даже не верится и сказать страшно: мы свободны! Шепотом, на ухо. Еще не до конца, конечно, но много больше чем когда-либо. Не они там, наверху, у короны и казны свободны, а — мы, вот здесь, у сохи и лопаты... Бедные духом, нищие карманом, но... свободные?! Нельзя поверить.

Когда же мы ее, долгожданную, получили? Даже не заметили как-то. Боролись, мучились, толпами на плаху ложились и вдруг увидели, что — свободны...

А ведь так это много значит! Многого стоит. Она у меня родная, богом изначально данная, есть, я ее не то что чувствую, почти пощупать могу, и любому за нее, кто покусится, крылья оторву и на любого демона крест наложу. И не так ее и много, и бороться еще нам за нее, но она — есть. Мы за нее революции, войны мировые прошли, «от сердца» каждый день умираем, вешаемся по пьяни, и если в начале двадцатого века ее так и не получили, а обман один, то, хоть, за все наши беды, в конце столетия она к нам, кажется, пришла. И ломали и разваливали, но ведь, сколько и писали; сколько пели, рисовали, вылепливали! Настоящего, души рвущего, поверить заставляющего. И бога в себе, на земле или на небе еще не нашли, это дело будущих свершений, но уже потихоньку, в любви и борьбе открываем для себя достижением воли дорогу по которой пойдем.

Я был радостно взволнован; здесь, под июньским солнцем, я понял, что нам есть куда идти, и эта дорога ведет к лучшему.

Чаепитие давно закончилось, и все стали расходиться по своим делам: они тоже были свободны. Только я никуда не хотел. Я глотнул правды, только начал пить из этого источника, и оторваться мне было нелегко. К счастью, не торопился и сам Лев Николаевич, хотя, я уверен, у него была масса дел. Наконец, откланялись и доктор с секретарем. Валентин Федорович сказал только, что позже принесет пробно им отредактированную какую-то книжку из цикла «На каждый день», на что Лев Николаевич

ответил, что посмотрит ближе к вечеру и что грех не воспользоваться такой погодой, и что он, верно, еще прогуляется. Потом он выжидательно, прямо в глаза, посмотрел на меня. Я спросил, возможно ли составить ему компанию на прогулке, и испугался: ведь если нет, то визит закончен, а как сейчас уйти? К счастью Лев Николаевич дал согласие, только просил дать ему еще немного отдохнуть.

— Дух и разум сегодня чувствуют себя отлично, но тело своими старческими болезнями заставляет их немного исправляться.

Последние наши слова сводили движение разговора к теме о всех людях и тому главному, что в них есть. И я тогда, памятуя о свободе, не мог не спросить про литературу:

— Лев Николаевич, но ведь уроки прошлого, знания, опыт, это все ведь чтобы делать свое, что получается и что ближе...

— Делать для себя и творить для людей. Если сможете, конечно. К счастью, все люди разные, повторений в этом не бывает, и человек создает всегда что-то новое, по своему времени, и видится это уже по-другому, яснее, даже если говорить, что о всем уже сказано мудрецами древности.

— И в литературе так?

— В любом искусстве. Это как спираль. Внешне широко и разنو, ближе к центру, к сути, часто оказывается очень схожим. Но это не значит, что следующий виток нам не нужен — это же и есть развитие.

— Тогда, Лев Николаевич, еще один маленький вопрос.

— Ну, если только очень маленький,— добродушно пошутил он.

— Я знаю, вы сейчас пишете книгу о жизненном пути, собирая в нее самые лучшие мысли о самом главном. Можете сказать, о чем она конкретно?

— Нельзя, молодой человек, рассказать о книге в пять минут, я же ее так давно пишу. Книгу надо прочесть. И если хотите что-то узнать — читайте. Эта же книга — как некий итоговый взгляд на огромную, объемную и многогранную жизнь, которая есть у каждого человека. Пишу для людей, а люди должны знать, что нельзя рассматривать свою жизнь близоруко, в упор, ведь мир человека так велик!

— Не хотите ли теперь,— тут же переменял к иному он,— пройти в сад, и вы увидите, как огромно небо. Такая же и жизнь под небом.

Я с согласием энергично закивал, Лев Николаевич очень живо встал, но пошел медленно. Выйдя на улицу, он сквозь бороду улыбнулся солнцу и сам повел меня к знаменитой черемухе.

Дом стоял на вершине холма, и небо отсюда казалось огромным.

— Вот в таких местах и понимаешь, что все люди равны, и как при этом можно терпеть все ужасы, что у нас происходят? Казни, многолетние ссылки по мелким статьям. А люди все видят. И происходят революции. Для очищения, чтобы самую черную грязь вычистить. Беда только, что революции через насилия идут, через такие же казни и ссылки. Это главная ошибка. Перемены к лучшему не могут проходить через зло — это ведь так ясно! Так можно всю страну начать делить и половину ее людей выселить и расстрелять! И что тогда будет? Вот самое страшное, что может быть: потерять не отдельных людей или группу, а целый слой, поколение, которым общество, так или иначе, но двигалось, и без которого этот ход по направлению может превратиться в хаотичное дергание замкнутого кольца,— Лев Николаевич смотрел то на солнце, то на уходящую в тень сада темноту.

При этих последних словах я с ужасом посмотрел на него: «как точно, как верно!» И ведь, правда, кажется это и не так сложно, и вполне определенно: тот самый дарвинский «естественный отбор», борьба за место под солнцем, гонения неугодных. Но это у животных. А мы?..

Я вдруг опомнился и поймал себя на том, что говорю что-то вслух, а Лев Нико-

лаевич внимательно на меня смотрит. Боясь неосторожным словом погубить себя, я резко перевел разговор в русло литературы:

— Как же вам, Лев Николаевич, удастся приходиться к таким глубоким выводам на основании таких простых вещей? Это, может, как когда пишешь книги — мысли приходят внезапными озарениями как дар таланта?

— Что вы, молодой человек! Конечно, данные и умения нужны, но надо понять, что работа человека в искусстве, его творчество — это прежде всего духовный путь личности на многих стадиях ее развития. И глупо говорить, что все, что кто-то создал,— гениально для всех и во все времена. Ведь все всему когда-то учились, что-то для себя постигали и как-то это пробовали. Разница же в том, что кто-то смог дальше опробованных знаний развиваться, нашел в себе духовные и умственные силы, а другие остановились, начали ходить протоптанными дорожками по кругу, лишь пересказывая модным языком что уже было и выставляя это как нечто новое, особенное, удивительное и больше всего для всех нужное. Это ложное искусство. Беда в том, что его многократно больше, чем настоящего, развитием духовной мысли вымученного, и выделить его, моментально отсеять, может только каждый для себя, а люди и не разбираются, и ошибаются, а указать на правду им некому — столько вокруг мнений и чужих интересов. И часто получается, что ложное берет над истинным верх, хотя и всегда временно. К счастью, справедливее времени судьи никогда не было и не будет.

— Вы, Лев Николаевич, говорите о новых направлениях в литературе, музыке и живописи. Но ведь говорят, что это не ложное, но разностороннее развитие настоящего, просто его не все понимают, и надо учиться понимать это...

— Вот в этом-то и главная ошибка! — Лев Николаевич резко оборвал меня, и было видно, что эта тема особенно волновала его.— Посмотрите на эти новые течения! Как они себя называют! На этих декадентов, на этих импрессионистов! Как их можно понять, когда у них самих бурелом в головах? Произведение искусства ясностью своей мысли должно будить в людях чувства. То, что переживал сам художник просто и открыто должно передаваться другим, и самые лучшие, духовные и религиозные чувства должны со всей силой гореть в груди читателя, зрителя или слушателя. А сейчас на модных выставках или в успешных изданиях людей только путают сами вконец заблудившиеся поэты и писатели, музыканты и живописцы. В их работах все спутано и ничего не понятно, а нужного людям нет.

Такая ясность правды поразила меня, я не мог не согласиться, но в то же время испугался, зная, какое общественно мощное оружие держит в руках деятель искусств.

— Но что же теперь будет? За кем же идти людям, если впереди такая суматоха и непроглядность? — со скамьи у черемухи мы пошли через спортивную площадку к флигелю «Кузьминских».

— Идти надо только за богом и по дороге добра. Помогают же в этом творцы, несущие в себе любовь. Таким людям очень сложно, и они, конечно, путаются. Но исторически так складывается, что они всегда были и, даст бог, будут. И сейчас, к примеру, много хороших писателей, но их не ценят и не хотят замечать!

— Но ведь так, в общем, было всегда,— я настороженно скосил взгляд на идущего рядом Льва Николаевича.— И, наверное, так и будет...

— Может быть, ведь это дает художнику силу бороться, импульс к развитию своей личности. Ведь только тогда он может жить и работать. И получаться у творца идеи будут только тогда, когда он будет в мире с собой и с богом.— Мы вышли из тени деревьев на солнце, Лев Николаевич надел белую шляпу, и вдруг, снова прямо взглянув мне в глаза, будто признался.— Хорошо ведь будет только то, что пишешь сначала только для бога и для себя. Если пишешь для всех, никогда ничего не выхо-

дит. А многие писатели пытаются угодить сразу всем, ничего не получается, и они, пользуясь безграничностью духовных тем, выдают это за что-то новое.

Я пожалел себя, еще такого совсем слепого и наивного: ведь вот оно, и так просто! Чего же мы все выдумываем, все изобретаем что-то? Чтобы заработать? Прославиться? Но ведь... на святом слове! А так и получается. Какие же тогда из нас художники, и кто тогда смеет себя писателям назвать? А ведь и не просто называют...

— Лев Николаевич! — я уже чувствовал, что перешел все рамки времени посещения, и что у графа масса дел, но не мог уйти и не мог не спросить.— Но ведь все люди такие разные, и нет в природе ничего больше внутренне различного! Все всё делают, и пишут о своем как могут. И если все ослепли, ошибаются, путаются, занимаются не тем... то что тогда нужно людям, о чем же тогда писать?

— Ну, это каждый сам для себя решает. Не стоит забывать о свободе. Но писать надо о всегда всем нужном; о том, чего нельзя отнести ни к какому времени или человеку. Все остальное, вся суета, все мелкие, жизни недостойные проблемы ничего не стоят и скоро позабудутся, растворяясь во времени. И надо помнить, что в глубине во всех нас одно, единое начало.

— Лев Николаевич, как это правильно,— тихо говорил я вслух как сам себе.— И ведь я вижу, как этого много. И какой чувшью мы все занимаемся!

Мы немного помолчали.

— Мне уже много лет, восемьдесят третий скоро пойдет, и вам кажется, что все, что я вам говорю, чудесным образом рождается во мне при ответе на ваши вопросы. На самом же деле, я уже не помню, сколько раз и когда мне их задавали, или я сам спрашивал себя об этом. Я всю жизнь отвечаю на эти вопросы, в этом основа моего пути человека. Надо учиться задавать себе самые важные вопросы, и тогда целью жизни будет поиск ответов на них, а знание их будет казаться тем, кто еще не знает, чудом или твоим даром. И это достижение.

— Но не можете же вы отрицать свой талант? Ведь миллионы взоров обращены к вам, и это все люди, которые как бы ни хотели, ничего подобного сделать не могут...

— Вот все говорят: «Толстой гений!» — Лев Николаевич брезгливо поморщился.— А я обычный человек, как чиновник или служивый человек, я ни на что великое и не способен, и это видно так ясно, что нет сомнений — могу только делать, что делаю, на пропитание хватает — и ладно, главное — свое дело люблю и тогда я во многом счастлив. Я вот всем своим близким пытаюсь сказать, что так считать — глупо, что все перед правдой равны, в каждом есть что-то, чего нет в другом, и наоборот, каждый в своем может достичь лучшего результата, чем кто-либо до него. Но никто меня не слушает,— с видимым сожалением сказал он.— Большинство же пользуется слухами обо мне.

Было видно, что все это внимание и вся слава ему давно в большую тягость, ничего этого не надо, а лишь хочется отдохнуть от людей и побыть с самим собой.

Лев Николаевич, все переводивший взгляд с меня на дорожку и обратно, остановился и посмотрел вдаль.

— Это очень плохо, когда понимают в тебе не то, принимают не за то, что есть, а ведь так, как есть, больше не напишешь, и мысль пропадает. Вот почему еще надо всегда стараться на пределе возможностей. Вы согласны?

Я не ожидал вопроса и, растерявшись, сказал первое, что пришло:

— Да, но не у всех же всегда получается. Даже у художников.

— Это самая страшная недоработка и ошибка, молодой человек, когда художник не видит в себе возможностей духовного роста. Для чего же он тогда шел к этому многие годы? И чудно, что не видит, ведь при рождении все равны и чисты, и только с возрастом при плохом, как у нас, воспитании портятся. Последнее время я при общении и с аристократами, и с крестьянами, особенно ясно вижу, что

каждый человек — как алмаз, который можно заставить блистать или замарать свою чистоту. Я думаю, в той мере, в которой он очищен, через него светит божественный свет любви.

— Но это же огромная работа и многие люди, даже те, кто на это идут, и за всю жизнь с этим не справляются, ссылаясь на природное бессилие, неспособность и бессмысленность желания... Как же их заставить развиваться?

— Это есть не иначе как нравственная неподвижность,— ответил Лев Николаевич.— Один из признаков, например, пьющих и курящих. А не двигаться вперед для человека все равно, что идти назад, для этого надо просветление. И вот это просветление затемняется вином, табаком, наркотиками и обманом.

— Каким обманом?

— Обманом греха и ложной религии — это сложная тема. Первое плохо, соблазняет тем, что нравится: доставляет телесное удовольствие, расслабляющее и останавливающее людей на уровне животного развития — и потому плохо, а ведь многим сейчас — ужасная глупость — даже хочется быть такими и еще хуже. Это от злости ко всему и от слабости перед всем. А второе нравится, потому как кажется хорошим, добрым, и люди не видят в нем ошибок лжи, того, как их обманывают худшим способом — через любовь и добро. Во многом здесь вина церкви. Церковь поменяла для своей выгоды религиозные ценности и живет за счет труда простых людей, в ответ прикрываясь именем бога, и, испортившись, сама же перестает в самое главное верить. Для всего надо очищение — слишком много грязи вокруг...

— Как перестала? И во что должна верить? — я еле успевал за ходом его мысли.— Разве церковные служители не должны и не верят в то, во что верят все люди?

— Вот и правильно-то, и хорошо. Обязательно надо верить, а единственное, во что можно и должно верить, это в то, что добро — есть добро, что его можно и должно делать без награды. Церковная жизнь своими надуманными обрядами, золотом горящими куполами и серебряными иконами, обязательностью себепоклонения заменила добро, а любовь свою к богу и людям перевела в надобность взятия с людей денег. Вот если бы от всего этого уйти и жить своим трудом, тогда можно вести не церковную, а истинно христианскую жизнь.

— Но ведь и церковь делает много хорошего, раз под ее крест становятся целые народы! Или неужели она, как и система государственности, не имеет божьего права на существование?

— Из видимого церковь ничего плохого не делает и тем и привлекает, но испорченные пороками попы путают и себя, и людей, сами, верно, не знают, во что верят, и что несут людям. А так продолжаться долго не может. Церковь сейчас подобна государству: кажется добродетелью, возвышается призраком славной истории, к ней все привыкли и надеются на ее защиту, но в ней, как и в государстве, столько лжи и порока, так мало настоящего, что было заложено у истоков при ее создании. И я, наверное, до того дня уже не доживу, но здесь должны быть большие перемены, настолько глубокие, чтобы вырвать из системы язву лжи и вернуть церковь к истинным началам.

Я задумался, а пред глазами встали фотографии расстрелянной через восемь лет царской семьи, лица детей. И сотни, и тысячи лиц уничтоженных в революционные 20-е, 30-е годы православных церковнослужителей.

— Но ведь, Лев Николаевич, все это заблуждение — в конкретных людях. Быть может, если и государство, и церковь пройдут через много изменяющий в них перелом и поймут, что эти перемены за их ошибки даны им, они изменятся к лучшему, и повернут свое лицо к истине?

— Такое может быть, ведь все живое в движении меняется, но системы эти так стары и сложны, что для такого поворота надо будет их выкорчевать и будто переса-

дить, как растение, но очень аккуратно, чтобы не убить, а дать снова расцвести. И предпосылки этих перемен должны быть огромны.

Ничего сверхъестественного в нашем разговоре и в этих выводах не было, но как удивительно он попадал в точку итога пути того времени! Скоро все будут думать, что православию на Руси конец, а Россия пропала, и открыто на весь мир говорить об этом. А потом Россия и церковь, все же не погибнув, возродятся, но в них будут уже во многом другие люди, с другими понятиями о жизни. Таким другим человеком являюсь и я. Вот передо мной черты политики восстановления государственной твердыни, проводимой в последние годы, повсеместное строительство и восстановление церквей, соборов и храмов. И ни в том, ни в другом, с виду не кажется ничего плохого, и все идет к лучшему. «Что же это, значит, перерождение свершилось? — подумал я.— И ошибки исправлены? И правды стало больше?» Как-то не лежало на душе к этому. Тут я вспомнил и о копошащейся массе заразных червей вокруг Кремля, ложью и бездельем разъедающих систему власти, и толстым слоем золота блестящие купола новых церквей, золото на иконах, и драгоценностями сверкающие иконостасы на груди служителей церкви. Как грязь на белоснежном лице. И засомневался: а стало ли в этом больше правды и добра? Нет, рано было радоваться. Работать нам еще и работать.

На все это, нас двоих во времени разделяющее, посмотришь, и невольно подумаешь, что мало нам двух переворотов и двух мировых войн минувшего века. Они людьми другими сделали, но к лучшему-то мало изменили. Как же теперь?..

Навстречу нам из кустов вдруг выскочила дурочка Параша, остановилась, смешно хлопая глазами, потом махнула рукой и, залившись смехом, побежала прочь. Все это время мы со Львом Николаевичем неторопливым шагом кружили вокруг флигеля и главного дома и теперь грелись на солнце в верхней части «Прешпекта». Кто-то из гостей, кивнув, прошел мимо, идя купаться в Воронку. Кто-то читал в беседке. У прудов веселились ребятишки. Я был здесь чужим, но никто не мешал нам и не пытался меня скорее выпроводить. Да и знали, что если Лев Николаевич устанет от меня, то сам скажет или шутливо намекнет.

Ход разговора о будущем России получал вектор развития, а я так боялся выдать себя уверенностью в этом будущем, что старался переводить вопросы на общие темы.

— Но все-таки, Лев Николаевич, если оглянуться, ведь так много пройдено, столько за все заплачено, и нельзя же сказать, что ничего хорошего не сделано?

— Есть, и много. Но даже в этом хорошем так много глупости! А сколько ошибок? Не только в государстве и церкви. А сколько в науке, искусстве, в главном, что всеми нами движет? И очень много хорошего и настоящего уничтожено, забито, изгнано. Это можно простить и забыть, и по-христиански смиренно надо.

— Но ведь это снова будет ошибка...

— Да, но из них в основном наша жизнь и состоит, и не значит, что их не надо делать. Людей сажают в тюрьму за то, что они читают и распространяют мои книги, и я пишу о сумасшествии глупого правления, но не хочу этим уничтожить их, подобно тому, как они убивают людей, а говорю об исправлении. Пусть не сразу и не сейчас, но и не через смерть и кровь. Все смерти, все войны на Земле можно прекратить одним — осознанием божьей истины, того, что человек не может убивать другого человека. Ничего другое не поможет. Ошибка всех правящих в том, что больше остальных они боятся за свое, собственное, материальное, совсем не заботясь о духе своего народа и воспитании детей. Из достижения денежного богатства в материальном мире вся жизнь правящих классов и состоит. Помощи людям добром в них нет, и счастья своим правлением они никому не приносят. Еще и поэтому больше добра не становится, хоть и придумали такие слова, как «гуманизм», которые что-то облегчи-

ли, но лучше мир это не сделало. И боюсь пока так и будет. Изменятся только формы гонений, убийств, лжи и глупости. Сейчас самая главная задача — развитие духовного в людях! Того, что неподвержено изменению во времени. Если завтра Земля погибнет, то всему материальному, что мы имеем — конец. А божественная сила так велика, что для духовного гибель Земли, как и всего что мы понаделали, также как для всего человечества гибель мухи...

Эти слова, которые я видел как правду, с чем-то, наверное, не всегда соглашаясь, наводили на меня большую печаль, потому что за столетие, что было между нами, в целом положение только усложнилось. Были великие люди и великие идеи. Была страшная борьба за жизнь. Но сейчас во всех людях, вместе с добром и светом по прежнему столько лжи и глупости, столько ненужного зла, что выведенное нами из разговора, как ко всему этому подходящее, наводило большую печаль, и стало внутри нехорошо.

Мы, минуя флигель «Кузьминских», прошли в сад, к старым яблоням, где я, сильно рискуя, но, оторванно не боясь, завел речь о самом важном для меня, самом наблевшем.

— Лев Николаевич, а как быть, когда в людях, в очень многих людях... большей их части...— сильнейший нравственный упадок, и все святое почти утеряно? Они не то, что не могут вырваться из этой лживой жизни, но, уже духовно умирая, по прежнему ничего не хотят делать, чтобы больше почувствовать и понять. Это ведь страшно...

— Это бездействие всех духовных сил. Понимаете, вернуть себе жизнь может только сам человек, услышав голос бога внутри себя. Другие могут только помочь. Надо проснуться, как когда снится кошмар. Надо понять, что это кошмар, и проснуться. Я сам много раз это понимал, когда вдруг встряхивался от зла и лжи вокруг. Для этого надо верить в главное, что объединяет людей,— в силу добра и любви. Но мало сказать: я делаю добро, это так все говорят. Надо, чтобы любовь в делах твоих стала также необходима и естественна, как и любовь к себе. Это так просто, что когда я это понял, то долго удивлялся, как не видел этого раньше. Человеку важно и нужно смотреть не только под ноги, боясь споткнуться и поскользнуться, но чаще смотреть вперед, дальше, чтоб увидеть и понять, как всего вокруг много, и как много хорошего он может сделать.

Некоторое время мы шли молча. Вокруг бушевала еще очень светлая и нежная зелень: молодая и сочная трава, свежая, не огрубевшая на ветру листва. Все вокруг было тепло и приятно, рядом находился источник духовных знаний и силы мысли, от которого я только и жаждал набраться больше опыта, и еще раз так захотелось бросить все и остаться здесь. Но думал я о своем.

— Но как же, Лев Николаевич, прозреть всем и сразу? Мне видится, что в большинстве людей не то, что зла много, но над ними преобладает большая слабость во всех ее проявлениях: слепота и загубленность, лень и ложь, и где взять сил, чтобы стряхнуть с себя все это и открыть глаза, неизвестно...

— Конечно, из силы жизни, из веры! — отвечал мой великий собеседник.— Но вы правы, очень много в жизни современных людей ошибок, неправды и недобра, особенно у вас, в городе. Я довольно давно в Москве не был, но по рассказам и газетам вижу, что там и теперь все также. Потому что в городе все сложнее. Здесь, в деревне, среди свободных полей и простого народа все проще и яснее, а потому люди ближе и добрее друг к другу. Власть по глупости своей и недалекости этим пользуется, но это еще одна ошибка. Посмотрите, как мы в деревне живем: вместе, под одной крышей, но мы свободны и независимы, не мешаемся в кучу, и суетливой массой нас никто не считает. Это лучшее общество, когда в нем каждый человек — личность. Тогда его ценят, он сознает свое существование, видит свой крест и несет

людям добро. Здесь у каждого свой путь, даже если мы идем рядом. А из алчной толпы, где каждый только и хочет, чтоб вперед вылезти, где от суеты все путается, больше выходит зла, всеобщего, для всех зла, того зла, что очень легко можно сделать всем вместе, даже если в отдельности каждый этого не желает. Добро же можно делать только поодиночке.

— Но для этого тогда простого быта мало, нужно же сильное духовное развитие, чтобы не только понимать, но и чувствовать, и всем вместе...— осторожно предположил я.

— Я думаю, что животная жизнь человека ведет только к злу,— подойдя к одной из яблонь и осмотрев топорщащуюся кору ствола, сказал Лев Николаевич.— Направлять людей должна жизнь духовная, выражаемая обществом в искусстве — голосе народа.

— Лев Николаевич, вы очень много занимаетесь вопросом искусства, больше остальных писали об этом и прошли путь от детских учебников до религиозной философии. Есть и отдельный труд. Но если кратко сказать: что же есть искусство?

— Очень многосторонний вопрос. Но если все связать и принять за истинную основу, можно сказать, что искусство, это проявление духовной силы людей, и каждый создает произведение искусства по уровню и силе духовности в себе — и тогда не красивое искусство больше истинно, высокохудожественное по форме, но пустое и непонятное людям по содержанию. У нас же сейчас все наоборот.

— И главное, все стоят на месте! — невольно вырвалось у меня. Во мне не было страха.— Форма во всем количественно преобладает, всеобщее развитие технологий есть, все куда-то идут, к чему-то движутся, но у меня впечатление, что в этом потоке каждый сам по себе стоит на месте, не желает и разучивается двигаться, не стремится, подчиняясь движению общей массы...

— Это потому что человек, под влиянием слабости и лени, считает, что он рожден, чтобы сидеть на своем месте и делать что хочет. Человек думает, что стоит, а он течет. Течет и сам по себе, и со всеми, живя в обществе. Главное, не уверить себя, что ты должен стоять, а доказать, что ты обязан идти.

Я будто слышал от него свои потаенные и не высказанные мысли. Я спрашивал себя, неужели он сам до всего дошел и все осознал. Сейчас его мысль казалась гениальной, путь души верен, и я не удивился бы, если он вывел все это сам и сам все определил для себя. Но зная, сколько праведных и умных людей моего времени рядом со мной блуждают в темноте, живя ошибками и натываясь на стены, я понимал, что мысль должна развиваться в поколениях, быть преемственной, прогрессировать, принося пользу; для этого она и нужна, для того и искусство, и литература. Я смотрел на себя, и говорил, что, может, и до чего-то дойду, но как дойду, не зная пути? Даже если я силен и смел, то фактически обречен, если, не зная броду, полезу в воду.

— Лев Николаевич, спрошу прямо, потому как не могу не спросить. Как вы до всего этого дошли? Неужели сами? Вот уже сколько времени мы с вами обо всем этом говорим, и я лишь вставляю вопросы, а вы ни в чем и не ошиблись, и все говорите лучшее и самое правдивое, что по всему этому вообще можно сказать. Я понимаю: сила мысли, духовный свет, но разве этого достаточно?

— А знания?

— Знания?

— Огромные, за всю историю полученные нами знания, опыт этих знаний веками передаваемый от одного другому. Поверьте, за много веков не сказано человеком, по сути, ничего нового, а мыслящие и верующие люди передают эти знания остальным в новой, более свежей и понятной форме своими произведениями искусства. Ведь искусство — лучший учитель. В скульптуре — вспомните памятники древности и последние работы как классиков, так и новоявленных авангардистов в

изображении — от наскальных рисунков до великих полотен мыслящих художников, в музыке, что даже рождает, создает чувства, а особенно — в письменности учителей человечества. Они уже дали людям самые главные знания делом своих жизней: таково учение Христа, Будды, Мухаммеда. Они открыли истину жизни, дали знание, а мы, пользуясь этими знаниями, обрамляем основы в сюжеты и формы для лучшего восприятия и своим искусством передаем эти знания дальше... Это и художественность в литературе, и направления в музыке, стили в живописи и скульптуре. Когда среди людей нет учителей, то главным направлением развития их мыслей становится искусство. Поэтому оно должно стремиться к совершенству и быть духовно чистым: его творец несет ответственность в передаче людям этих знаний. И тех, у кого это получается, мы называем великими. Это часто спорно и ошибочно, но в большинстве так и есть.

— Но о чем говорить, если не слышат?

— Это очень просто: о том, что все люди должны жить истинной, духовной жизнью. Только тогда они смогут через возбужденные в них искусством чувства понять передаваемые мысли и овладеть знаниями.

— Получается, Лев Николаевич, знания приходят через чувства. Но зачем? Не легче ли дать их в простом и прямом виде, чтобы поняли все?

— Но как же вы не понимаете?! Ведь эти самые важные знания — огромная, самая большая сила что есть!..

— И овладеть ей должны только высоко духовные люди, несущие в себе добро,— немного понуро подытожил я.

— Конечно. Только духовно развитый человек может чувствовать, и чем чище он духовно, тем ярче и сильнее он чувствует, и нет возбудителя мысли сильнее, чем чувства. Через чувства человек понимает и осознает. И через чувства получает от искусств величайшие знания людей. Поэтому, еще раз повторюсь, так важна преемственность знаний, сохранность и развитие во времени искусства. Это целые поколения людей, и отрыв от этой цепи преемственности, уничтожения слоя или вида людей, влечет страшные потери знаний, и последующим поколениям без этого очень непросто, и часто очень многие гибнут.

Вот почему нам так сложно, подумал я. За это столетие столько переломало, столько выжгло и истребило, что неудивительно, что мы так много потеряли, и столько приходится заново начинать...

— Но все знания, что в искусстве... получается, они все оторваны друг от друга отдельными изречениями, мыслями... или есть объединение? — скомкано, как получилось, выдал я из себя очередной вопрос.

— Вы никак не поймете самого главного. Это духовные знания и их сопоставление зависит от человека. Это знания данные учителями, пророками, в основе их закон божий, правила данные для жизни, и объединение этих божественных знаний мы называем религией.

— Но даже если каждый живет духовной жизнью, в стремлении личности к совершенству, по божьим законам, как утвердить себя в праведности такой жизни, когда вы говорите, что деяния каждого человека ничтожны в вечности? Что тогда движет всеми людьми?

— Те же самые божьи знания — религия — что воспринимает человек духовным ростом, проявляя эти знания в искусстве. Выражение мыслью этого духовного роста в письменности, поэзии, живописи, архитектуре или музыке, есть самое важное для восприятия людьми искусства, познанием которого заметно продвижение этого человека. Очень важно здесь не ошибиться, не пойти в искусстве по ложному пути своей корысти и каждый день руководствоваться перед богом чистым разумом и светлым духом. И большинство ошибается, но тех, кто идет правильно, история помнит

как ярких носителей религиозных знаний своего времени, как выдающихся в каком-то своем деле людей.

— Но ведь натурально есть много тех, кто идет правильным путем... Как вы, например.

Лев Николаевич остановился, серьезно посмотрел на меня и сказал:

— Я всегда пытался найти этот путь и думаю, что не так давно нашел. И уже идя по нему, и тоже, конечно, ошибаясь, но как могу, стараюсь сказать людям, что я узнал и что понял.

Мне показалось, что это-то и есть самое сложное: без ложного стеснения и напыщенности определить правильность своего пути и своего предназначения в жизни среди людей.

— Но ведь это так нелегко! Это ведь адский труд, и всю свою жизнь человек на него тратит...— вырвалось у меня.

— Это труд божественный... Это крест человека, его предназначение, которое каждый должен видеть. Значимость таких вещей надо осознавать. Тогда для человека не может быть дней отдыха, ему не нужны праздники и облегчающее веселье — он нашел свое и вся жизнь его — это его дело. То, чем он несет свой свет знаний.

— Но ведь это случается не сразу, по открытию какого-то дара или таланта, к этому надо еще прийти...

— Конечно. И прийти чувством, как находит собака дорогу домой своим чутьем. Для этого и познание, и духовное развитие. А после пробы — развитие в искусстве. Первым делом не для кого-то — для себя. Чтобы себя найти, свое направление в своем деле.

— И когда человек, как вы, находит в нем свою истину, он видит мир иным? — то ли спрашивал, то ли пытался утвердить я.

— Да. И так было и у меня, когда я нашел в себе бога и свою дорогу во времени. Происходит переворот в сознании, и все вокруг видишь по-другому, чем раньше.

— Лев Николаевич, как же вы... что же было для вас...— сбивался я, захлебываясь от важности темы,— извините, что спрашиваю, но снова не спросить не могу: что было для вас главным в перемене своих взглядов на устройство мира?

— Очень многое, молодой человек, и очень трудное: познание греха и силы духа, разочарование в общественной, государственной жизни и нашей церкви. Но началось все для меня пробуждением сомнения в значимости и даже реальности материального мира. Нет, не того, что он есть, и вот он перед нами, это было бы крайней глупостью. Но через поиск веры и понимание религии этот мир потерял для меня свое значение.

— И как прийти к этому? — замер я.

— Вы забываете — у каждого свой путь. Единого рецепта здесь быть не может. Но путь этот — только через лучшее. В своем. И в знаниях, и в чувствах, и в мыслях.

Достаточно пропетляв по большому саду, мы вошли в «Старый Заказ», встретивший нас стройными рядами берез. И, слушая птиц и по-своему радуясь солнцу в чистой лесной тишине, неторопливо гуляли по маленькой лесной тропе. На природе мысль созревала лучше всего, а на душе было чисто и спокойно.

В таком месте казалось невозможным о чем-нибудь соврать или уклониться от честного ответа. Я еще раз удивился, как похожи наши времена. Это как солнце, которое на одной высоте стоит над горизонтом и светит с равной силой. Только солнце этого времени склонялось к закату, и я очень надеялся, что наша современность поднимается с восходом.

Казалось, будто я ничего не знал, о чем можно было бы сказать или спросить, и давно надо было бы оставить почтенного старца в покое, но внутренне я цеплялся за его видимый интерес к моим мнениям и вопросам.

По произведениям последних лет я знал, что проблема становления личности и обретения в себе веры немного отошла у графа на задний план, хотя и всегда подразумевалась, и теперь Льва Николаевича больше интересовали те же вопросы, но в масштабах общества и народа. Ведь именно эти ответы решали судьбу всего и всех. И мою судьбу тоже.

— Лев Николаевич,— обратился я после некоторого молчания, ставшего передышкой,— мы с вами замечательно обсудили важнейшие для человека и общества вопросы, вы показали мне, чем может и должен быть человек, и до каких высот духовного развития он может пойти. Это замечательно и конечно во многом мне поможет. Но боюсь, что, как бы я себе ни нагло льстил, все же я скорее исключение, чем правило. Как ни страшно, огромное количество людей, взрослея, буквально превращаются в скот, веруя в прелести грязи — то слепые, но очень много и ложью своей слабости упивающихся вполне здравомыслящих, хороших людей. Их обманули, они ошиблись и возвели себе идолов, развращающих их души... Если это появляется, они посвящают этому свою жизнь, идут по возрастающей в обогащении этим и погибают, так и не зная жизни. Это так больно! А особенно в больших городах, среди людской толпы, где на улицах витает дух борьбы и сопротивления. Там нет умиротворенного покоя, и это выматывает душу. Люди начинают считать себя неудачниками, все хорошее — злом, а все худшее — добром, ищут выход на дне стакана или на кончике иглы, а кто-то просто кончает с собой. До слез жаль, но большинство из таких — не глупые люди. Они спускаются по наклонной, ни в кого не вырастая, и остаются на всю долгую жизнь калеками, представляясь перед другими во всем своем уродстве. Они остаются неполноценными для человека, но еще высшими для животных, и так прожигают свое время, являясь какой-то пустой болванкой, ничего не стоящей, так ничего после себя не оставив, и очень скоро их все забывают...

— В массовом рассмотрении проблема, конечно, страшна и ведет к измельчанию,— ответил Лев Николаевич.— У нас сейчас этого очень много. Остается только естественное желание жить, дыша воздухом и верить в бога. В массе людей, как и у одного человека, главное — направление движения. Оно зависит от выбора ценностей, того, что считается главным. Если это богатство — люди идут к деньгам, если власть — борются за право управлять — и это, конечно, благо, но благо ложное, ведущие не иначе как к злу и смерти. Это уход от бога. Главная цель в жизни для всех людей есть стремление к благу, благу истинному, что достигается на пути к богу духовной жизнью человека. Жизнь же для тела приносит одни страдания. Это самая простая и истинная правда. И если все люди, как и должно быть в обществе, поставят ложь к злу и правду к добру, выявят истинные ценности и определят главные цели, духовная жизнь будет становиться первостепенной для большинства людей и только тогда в этом можно будет искать выход. А случиться это может со всеми сразу, потому как людей соединяет то, что одно во всех: путь к знанию... вера... добро... любовь. Надо только воспитывать в людях отношение к этим понятиям, тогда они будут знать, как относиться к главному и передавать эти знания через время... Я уже говорил, что потому все главное — в детях, и зависит от того, как их воспитывать. Это самое ответственное дело,— Лев Николаевич, с удовольствием морщась на солнце, утвердительно сделал знак рукой.— Не родить и вскормить, а воспитать. Это же очевидно, что в движении человечества вперед может принимать участие только духовно растущий, совершенствующийся в своем деле человек, и надо его к этому готовить, учить, с юности давать знания религиозного искусства, в которых основы всеобщих жизненных знаний...

— Но ведь так мало родителей могут это дать! И сами — невежественны и необразованны, и многие вообще не считают нужным давать подобные знания детям. Говорят, вырастут — сами поймут! — наигранно, вопрошающе возмутился я.— И ни в

какой школе этому не учат. Нет таких предметов и наук. В «воскресных», правда, преподают «закон божий», но это...

— Это все не то, конечно! Что там: учат как молиться! Да разве это можно?! Заучивают правила поведения, посты когда, обряды какие... это ж ничего не нужно! Человек сам для себя все это определит, дайте ему только знания, приоткройте значимость духовных основ, покажите искусством силу чувств... Он поймет, примет, а все формальности — на самом деле мелочи, это придет само, как бог на душу положит.

В университетах же и школах большинство наук ложные. Что вы там изучаете? Какие горы бумаг, забивающие лишним голову, перебираете? Они же ничуть не сделают вас лучше и добрее, а только отвратят от желания знать. Я уже много говорил: для всех людей есть только одна наука — наука о том, как жить. Все остальные менее важны, они так мало дают, только кажутся большими и важными, что охватить никак нельзя. В них одни выдумки как легче жить, но нет знаний, способных сделать вас счастливым.

Лев Николаевич, будто чуть выдохшись, прервался, и некоторое время мы шли молча. Потом он вдруг остановился.

— Вы посмотрите, мы дошли до удивительно места, связанного с моими детскими воспоминаниями. По семейному преданию, основанному моим братом, где-то здесь закопана некая «зеленая палочка», и на ней написано, как сделать всех людей счастливыми.

Мы стояли среди частого берез, у начала большого оврага, крутыми склонами уходящего в глубину леса. Глядя на своего собеседника, на это место, я, признаться, оторопел. Ведь не так и давно я, мерно вышагивая по этой же самой, оказывается, тропе, прошел табличку «зона тишины» и увидел за поворотом...

— Удивительное место, с которым у меня, старика, самые теплые воспоминания. Мне здесь всегда хорошо, — вдохнул он полной грудью, и так же шумно выдохнул. — Главное, что у меня есть вера в это, я верю в эту легенду, в эту палочку с надписью... Она придает силы для жизни. Ах, правда, мне здесь всегда хорошо! Давайте только дальше не пойдем. Там спуск с бугра, и мне, старику, назад будет, боюсь, подняться нелегко.

Мы повернули назад, к дому, и как-то сразу пошли быстрее. Да и вечерело уже. Солнце давно свалилось к закату, и нам обоим надо было возвращаться.

Уходя отсюда, я еще раз оглянулся посмотреть на место, где может быть спрятан от людей рецепт всеобщего счастья.

— А может быть, я его когда-нибудь и найду, — сказал Лев Николаевич, обернувшись за мной. — Я не так мало за свою жизнь сделал для того, чтобы люди шли по пути к своему счастью, и, конечно, хочется, чтобы и мое счастье было недалеко. Хотя бы где-то рядом, и я чувствовал его близость.

От отголосков этой темы веяло тяжестью, я был совершенно вымотан страшным напряжением, и весь остаток тропы по лесу мы прошли довольно быстро, не говоря ни слова. Вокруг была зона тишины.

В саду верхушки яблонь золотило уходящее солнце, затихали птицы.

— Вот и закат, — к чему-то сказал я. — Интересно, в истинном знании сказано, как человек может определить конец своей жизни?

— Не думаю, было бы неинтересно доживать. Многие говорят, что люди часто предвидят, как бы предчувствуют приближение смерти, и говорят об этом другим. И это единственное предчувствие, в которое я верю. Иногда мне кажется, что оно у меня есть, — оглянулся он на меня.

Лев Николаевич, быстро и смело вышагивая по дороге к дому, казался мне большим и сильным, и я хоть и знал лишнее... но поверить сейчас, рядом с ним, в это не мог.

— Ну что вы, Лев Николаевич, посмотрите на себя, вам еще жить да жить, служить и служить...

— Да что вы! Старик я уже совсем. И жить-то всего где-то с год осталось. И то не проживу... А дел, правда,— добавил он со вздохом,— лет на пятьдесят, все мысли, мысли...

Вскоре забелел впереди флигель «Кузьминских», а за ним и большой дом. Мы быстро, минут в пятнадцать вернулись, и нельзя было поверить, что шли от дома не один час. Но я не удивился, ведь за работой мысли часы бегут незаметно, а за поиском бога в душе иногда незаметно проходят многие годы.

Мы молчали. Мне не то что не было о чем спросить, мы говорили о жизни — а это тема вечна — но я уже не мог спрашивать. Я и так получил сегодня слишком много, и сложно сказать к лучшему ли. Как я теперь буду смотреть на жизнь? Куда поверну, и в какую сторону она изменится? Я только знал, что через разговор этого дня обрел, как зритель через искусство, большое знание, дающее опыт жизни. Это знание пришло ко мне без потерь века двадцатого, в старорусском истинном виде. И я был бесконечно благодарен за эту возможность.

У крыльца нас встретил старый слуга Илья Васильевич. Он беспокойно, с приторной серьезностью разбил Льва Николаевича за долгое отсутствие и подозрительно посмотрел на меня.

— Ничего, Васильевич,— сказал граф.— Так надо было. Хорошо очень, я чуть не расплакался несколько раз, да стыдно перед молодым человеком.

На ступени вышли Татьяна Львовна и Трубецкой.

— Ну, нельзя, Лев Николаевич, так долго. Софья Андреевна и все волновались. А то ушли бог знает куда...

— Ничего,— рассмеялся он.— Пытались, вот, найти немного счастья в лесу, это никогда не помешает.

Тут из дома выбежала «Татьяна Татьяновна» и бросилась на руки к деду.

— Вот они — дети,— обратился Лев Николаевич ко мне.— Все в них.

Так, с цепляющейся за бороду внучкой на руках он и вошел на террасу. Я остался у порога. С виду они вдвоем вызвали чувство самого душевного умиления. Но мне на них было страшно смотреть,— эта связь поколений была обречена. История этой земли перемелет все, что здесь было. И нам это все придется начинать заново, главное, может быть, утерев.

— Спасибо вам, Лев Николаевич, но мне пора...

— А что же, на обед не останетесь? Еще светло...

— Да, но... свои ждут. Мне кажется, без меня им будет хуже, чем со мной. Теперь, думаю, я буду им нужен,— прощально улыбнулся я.

Жители и гости усадьбы собирались к позднему обеду. Кто-то возвращался с прогулки, кто-то с реки. Другие, закончив писать или что-то читать, выходили из комнат посмотреть на чарующий вечерними цветами закат, когда мы с Львом Николаевичем вернулись из «Старого Заказа». Из дома раздавалась музыка — играли на рояле. Граф тоже поблагодарил меня за посещение, и очень просто пожелал всего хорошего, и я не мог еще раз не сказать ему того же.

— Большой, вдохновенной вам, Лев Николаевич, работы,— сказал я напоследок.

Ему бы тяжело, но он крепился. Тяжело было с родными людьми, не просто находиться стало даже в родном доме. Теперь он собирался уехать в Мещерское, где попытается найти покой. Мне до слез было жаль его,— я знал, что это будет лишь краткой передышкой, может быть, даже последней для него. И отсюда, даже из родного дома, семейные склоки и публичная дотошность заставляли его уходить.

Вот и весь секрет, подумал я. А ведь теперь будет все труднее, все сложнее, и нигде не легче. Даже в этот дом светила культуры проберутся распри. И он уйдет, чтобы никогда не вернуться.

Я простился с жильцами «Ясной Поляны», со слугами, с встречными крестьянами и медленно пошел вниз по «Прешпекту», чтобы уйти так же, как и пришел — без этого нельзя было вернуться домой.

А хотелось ли возвращаться, еще раз спросил я себя? Ведь как бы ни было, здесь так замечательно! И до этого времени, все эти годы, десятилетия, когда писалось все великое, что он оставит после себя. Здесь царила потрясающая атмосфера культуры мысли и океана всего и сразу, куда мы окунаемся на страницах его книг. Здесь люди всю жизнь шли по дороге к богу, всегда находясь на пути к счастью. И путь этот находился на самом высоком идейном уровне, который только можно себе представить.

Так здесь было хорошо, когда я осознавал все это! Это место показалось мне лучшим из всех что есть. Через тепло, которое принимало от всего окружающего мое тело и моя душа, я ощутил особое чувство родства с Землей, увидел высокую мысль, ощутил близость совершенства духа.

И всему этому скоро конец! И мы во всем своем удобстве и комфорте, с нашими сытыми возможностями ведь ни на йоту не продвинулись, ничего благо дающего не открыли, ничего нового не увидели. За прошедшие сто лет люди, как ни пытались, чего ни делали, не стали счастливее. Только еще больше усложнили и так не простой мир. Много было хорошего, умного, но сколько горя принесли мы себе! И поэтому я спрашивал себя: а стоит ли уходить? Надо ли возвращаться? Зачем покидать это блаженное место, если в промежутке между нашими жизнями не стало *лучше*, и теперь я вряд ли что сделаю, а здесь так хорошо?! А если остаться?! Мне сначала будет, конечно, хорошо. Но пройдет год, два... и я ведь знаю — скоро всему этому конец!

Веселое, яркое, июньское солнце все больше склонялось к закату, когда я вышел через центральные ворота усадьбы и, постоянно останавливаясь и оглядываясь, с очень сложными чувствами, побрел по дороге. Склонялось к закату и солнце старой империи.

Мне было и страшно, и жалко. Внутри все сжалось от ожидания беды. Как же так получится, что весь этот блеск жизни, все это сияние культуры, эти столетиями сложенные устои рухнут, и все эти люди пропадут для России? Целые поколения обманом будут лишены главных идей, что я здесь услышал сегодня. И вот вся эта жизнь, которой я очарован, которую поколениями накапливали и заслужили эти люди, будет считаться варварством, исторической ошибкой и просто злом.

Мы тоже — скромные люди. Нам немного всем дано, и мне немного надо. Немного бы человечности. И какой бы мощной страна ни стала потом, я не могу поддерживать уклад жизни, когда детей приучают «по-нашему» думать, а взрослых, кто говорит «не то», гонят и уничтожают. Я проклинаю политический режим, загоняющий сознание в формат заведенных порядков и норм, и не дающий оглядеться... Формат, запирающий чувства и осуждающий развитие мысли.

Ведь какая ошибка! Во время моего посещения усадьбы столько людей в России верили, что борются за свободу, а получили кандалы еще хуже, чем были. Только руки по-другому вывернуты.

Нет уж, сказал я себе. Хоть и прелестно у вас, хоть и притягательно, но не хочу я в ваше «начало» века, мне мое «начало», моего века, больше нравится. Потому что у вашего времени будущего нет, я знаю, а за свое, даст бог, я еще поборюсь. Да и глупость это — бежать. Куда? К чему? В моем времени одни сплошные гадости, мы с детства хорошее видим только по телевизору или читаем о нем в книгах, но никак не за окном, и я благодарю за возможность окунуться ваш мир, в ваше время, но как бы оно меня ни прельщало, как бы мне ни нравилось, я не думаю, что мое рождение теперь, на моей тихой Родине — случайность, и для меня важнее — остаться. Пусть у нас меньше блеска жизни, но зато цена правды здесь виднее; пусть мне не светят

идеалы теории «великих вождей», но голос бога под нашим небом услышать легче. История жизни каждого человека, как и история всех людей, не марионетка, чтобы вертеть ее в руках времени, у нее есть свое место и свой путь.

Я уходил из этих мест с благодарностью за опыт, с поклоном за познание настоящей, полной жизни, посвященной работе духа и мысли. Но главное, я уходил с необузданным желанием творить, меняя к лучшему. Хотя бы свою жизнь.

Когда я вернулся, на улице было почти темно. Все было то же: также мало светлого, доброго и, вообще, стоящего; и также все было завалено грязью, пошлостью и пустотой. Вокруг кишели гады. Только трава была такой же сочно зеленой, а над головой в неизвестность уходило темно-голубое небо. Это было место, где я живу. И это было мое время. До слез было жалко, что все «так», а вернее, что все «не так». И жалко, что не живу здесь же, но лет сто пятьдесят назад. Хотя тогда, я, наверное, был бы рабом...

Дома меня встретили близкие мне люди, я дотронулся до дорогих мне вещей. Ночь стала теплее. Я страшно переживал, ища выход. Ничего, сказал я себе, все у тебя получится. С богом в душе и правдой в руках.

Когда я снова подошел к окну, то за стеклом кроме черноты ничего не увидел. Единственный, кто мог осветить эту темноту, был человек, несущий в душе свет. И я вдруг понял, что моя самая большая цель и заветная мечта — стать таким человеком. И для этого стоило жить.

Людмила Алтунина
(г. Тула)

КАРТИНА ДЛЯ ЗЕКА *

Людмила Алтунина родилась и выросла в Сибири, в Горном Алтае, закончила факультет журналистики Казанского государственного университета, журналист, член Союза журналистов РФ. Работала в печатных СМИ, на радио, много лет — в многотиражной газете ТулГУ «Университетская газета» (ранее «За инженерные кадры»). Награждена нагрудным знаком «За заслуги перед университетом». Печтается в местных и центральных СМИ; в журналах «Сибирские огни», «Приокские зори», «Тульские епархиальные ведомости». Автор и соавтор нескольких книг, в том числе об ученых ТулГУ, о Великой Отечественной войне. Активный участник (рассказы, повести, эссе) литературно-творческого проекта «Новые имена России. Тульский регион», семь книг которого вышли в ЗАО «Гриф и К» в 2005—2009 гг. Соавтор избранного в трех книгах «Гриф и Странник», вышедших в этом же издательстве в 2007—2010 гг. Работает над авторской книгой.

Художницу Инну Михайловну Михайлову совершенно неожиданно для нее самой пригласили устроить выставку ее картин перед заключенными в колонии, расположенной в Калужской области. Туда отправлялась творческая интеллигенция города Т. с благотворительной акцией, и в делегацию кто-то решил включить Инну. Она согласилась не сразу. Сомневалась, будет ли понятно и нужно ее творчеству такому контингенту зрителей, не представляла себе, как сложится ее общение с заключенными, о которых она имела смутное представление по фильмам и книгам. Но как человек доброй души испытывала к ним сострадание. Это-то и заставило ее дать свое согласие на поездку. Но сомнения и волнение по поводу правильности такого ее шага не покидали Инну всю дорогу до колонии. Она так боялась равнодушных глаз, а может, даже и едких откровенных ухмылок, реплик, того, что ее творчество не будет понято.

...В городе она уже приобрела определенное имя в своей среде и в творческих кругах. Ее приглашали на различные выставки и презентации, говорили немало добрых слов о ее творчестве и даже заказывали картины. А один экстрасенс, долго и пристально рассматривающий ее картины даже сказал, что они обладают целительной силой, лечат душу, а значит — и тело. Такая светлая, чистая и сильная заложена в них энергетика, такое гармоничное сочетание красок, образа и духа.

В общем-то Инна не была профессиональным художником. По профессии она — инженер-строитель. Но рисовать любила с детства. Закончила детскую художественную школу, будучи студенткой занималась в изостудии в городском Дворце пионе-

* Из цикла «Врачующая душу кисть...» (Рассказы о художниках).

ров. Потом семья, рождение ребенка, работа надолго заставили забыть ее о кисти, правда, всякий раз, когда что-то необычное в окружающем мире привлекало ее внимание, она мысленно рисовала это в картине (переводила в художественный образ на полотно, тщательно, подбирая краски). А потом ее вдруг как прорвало. Она стала писать одну картину за другой, сначала акварели, потом и маслом. В ее воображении музыка, стихи, имена людей обретали какие-то неземные краски, легкие, яркие, загадочно переходящие в небывалые тона и полутона, они ложились на большое полотно в виде цветов необычайной красоты и сказочности. Инна и сама не знала откуда это бралось. Первой такой картиной стали причудливые, еле уловимые ирисы — именно так она восприняла стихи одного автора. Другая картина, которую она назвала «Морская», воплотила в себе любимые ее цветаевские строки: «Кто создан из камня, кто создан из глины, а я серебрюсь и сверкаю. Мне имя Марина, мне дело — измена. Я легкая пена морская!..» Полотно это было выполнено в светлых бирюзово-голубых тонах, напоминающих как бы разбросанные цветы причудливо-экзотической формы на гребнях пенных завитков и капель невесомых морских волн, уходящих в глубину темно-серыми тонами, символизирующими трагическую судьбу и кончину Марины Цветаевой.

Написала она картину и о себе — «Инна». В переводе с греческого это имя означает «плачущая» или «бурный поток». Поток, напоминающий одновременно и огромную гирлянду свисающих с небес необычных цветов, струился на ее полотне в пастельных, размытых, как бы припорошенных первым инеем, сиренево-сизых с голубишной тонах. Иней Инна привнесла в полотно потому что собственное имя у нее скорее ассоциировалось с легким инеем и свежестью первого морозца, чуть прихватившего водяные струи.

Описать художественное произведение словами просто невозможно. Его надо видеть, чувствовать. И люди, проходящие на выставки Инны Михайловой, это чувствовали. Оставляли восхищенные, благодарные отзывы, норовили познакомиться с художницей, поговорить с ней. В основном это были тоже творческие люди — писатели, поэты, журналисты, актеры, стареющие дамы из околокультурной среды — одним словом, творческая интеллигенция города. Потом она выставляла, по приглашению, свои картины перед молодежью, студентами и школьниками и тоже нашла там понимание. Но заключенные... — опять вернулась мыслями Инна к предстоящей встрече. Наконец, она рассудила, что на все воля Божья, так стало быть Ему угодно, чтобы она в колонии показала свое творчество. Ведь всегда и во всем нас ведет «Кто-то» свыше. Надо уметь читать эти знаки, не пропустить их.

...Когда же после всех речей людей из приехавшей в колонию делегации наконец слово предоставили Инне, она, хрупкая, темноволосая со стрижкой «каре», немного смущенная и растерянная, встала и сказала просто:

— Вся я, моя душа и видение мира — в моих картинах. Они перед вами. Смотрите... Вы все поймете... Будут вопросы, задавайте без стеснения.

Молодой человек в модных очках из делегации быстро сдернул покрывало, прикрывавшее выставленные вдоль стены картины.

А Инна уже спокойно следила за взглядами, скользящими по полотнам сидящих перед нею людей — зэков. В основном это были молодые парни. Она видела их глаза, такие внимательные, благодарные, жадно впитывающие каждое слово, каждый жест и теперь полностью сосредоточенные на ее картинах и понимала, что более отзывчивого, понимающего и благодарного зрителя она не встречала... «Какие ж это эзки?», — думала она, глядя на них, — обычные парни с несложившейся судьбой, а оттого больше вызывающие сострадание, нежели презрение, осуждение». Ее сознание не хотело воспринимать то, что среди них есть насильники, убийцы, воры, бандиты.

Тюремное начальство распорядилось так, что заключенные рассматривали ее

творчество со своих мест, тесно сидя в небольшом зале «красного» уголка. Сидящие в задних рядах вытягивали шеи, привставали, чтобы лучше рассмотреть полотна. И так они были в этот миг по-детски наивны и простодушны, что трудно было поверить, что каждый из них преступил закон, совершил какое-то преступление. Напротив Инны сидел крепкий высокий мужчина лет сорока с умным, внимательным и усталым взглядом. Закинув ногу на ногу, обхватив подбородок рукой, он оперся о колено и буквально впился сощуренным взглядом в одно из полотен. Она проследила за его взором и уловила, что его внимание привлекла ее картина «Утренний ноктюрн». Мыслями, понимала она по выражению лица мужчины, он был далеко-далеко отсюда. Какие мысли, чувства, воспоминания вызвало в нем ее творчество? Инна могла только предполагать. Ей так хотелось расспросить этого мужчину о его жизни, узнать о нем что-то, заглянуть в его душу — что там, какие тревоги, надежды? В зале было так тихо, что было отчетливо слышно, как углу под потолком тонко и монотонно пищит комар, а в окне о стекло бьется муха. Инна не решалась нарушить этой тишины. Молчали и приехавшие с нею люди. Однако, видя как в задних рядах почти все повставали с мест и, вытягиваясь, пытаются через головы передних рассмотреть картины, Инна повернулась к представителю тюремной администрации, коренастому немолодому майору, их сопровождавшему, и почему-то шепотом спросила:

— Можно я покажу картины ближе, со стола — так виднее?

— Да, да, пожалуйста, — быстро и учтиво отозвался тот и, соскочив со стула, сам стал подавать ей полотна. Оживились и люди из делегации и тоже выразили готовность помочь.

Немаленькие по размеру — полтора метра в высоту и семьдесят сантиметров в ширину, — полотна тем не менее не были тяжелыми в сухих простых узких деревянных рамках, которые она заказывала у знакомого столяра и сама же покрывала золотистым лаком. Инна и сама легко могла бы справиться с ними, но ей была даже немного приятна суетливая любезность майора. То, как бережно он брал каждую картину, словно живое и хрупкое создание, которое надо беречь и, неся ее, старался не загромождать собою изображение и не отворачивать его от зрителей, говорило Инне, что ее творчество зацепило и его. Может, он и не до конца понял ее художественные образы, ее мысли и видение мира, рожденные какими-то божественными озарениями и вложенные в каждое полотно, но Инна чувствовала, с каким неподдельным уважением и даже почтением он относится к ее творениям, к ней самой. Это вызвало в ней чувство благодарности и симпатии к нему, которые она пыталась выразить легкими одобрительными кивками головы и едва уловимой улыбкой всякий раз, когда принимала или отдавала ему очередное полотно.

Одну за другой она ставила картины на стол перед собой и мельком, глянув на нее, сообщала только название, хотя ей хотелось так многое сказать этим сидящим в тишине людям, чьи взгляды так искренне и доверительно обращены к тому, во что она вложила всю свою душу, всю себя. И так боялась быть непонятой, отвергнутой этой, далекой от элитарной, публикой, перед которой она привыкла выставлять свое творчество и где находила понимание и поддержку. Но, оказалось, страхи ее были напрасны и ошибочны. Наверное, эти люди, заключенные, лишенные самого главного — свободы, оторванные от прежней жизни, в которой у каждого из них были свои привязанности, своя боль и радость, свой дом, жены, дети, любимые, как никто другой способны к обостренному восприятию сердцем, а не разумом и образованностью безошибочно улавливать происходящее вокруг. Подобно обостренному чутью зверя они, должно быть, улавливают малейшие нюансы движения души другого человека. И, тихие, мирные с виду, в любой миг готовы ответить на зло злом, на добро — добром. И в творчестве — чувствовать и отличать фальшь от искренности, подлинное от подделки. Неслучайно многие из них начинают увлекаться поэзией, сами писать сти-

хи и прозу, приходят к вере в Бога. Ее картины были искренние и не были подделкой в том смысле, что она никогда не бралась за кисть ради конъюнктуры, денег, тщеславия или от нечего делать. Картины, видение их, еще не написанных, приходило к ней откуда-то свыше. Они рождались сами собой как звучание музыки. И эту ноту ее напряженно-лирического, чистого, без фальши, внутреннего звучания, реализованного в ее картинах, чувствовала Инна, уловили вот эти заключенные из чуждого, как казалось ей ранее, мира. И оказалось, сделала Инна для себя открытие, их миры не были столь чуждыми и бесконечно удаленными друг от друга. Она видела просветленные взоры заключенных, и ей хотелось сделать для каждого из них гораздо большее, чем выставку картин; как-то помочь, поддержать, ободрить. Инна поставила на стол еще одну картину:

— Александр Блок. К циклу «Стихи о Прекрасной Даме». Стихи о любви. Это чувство живет в душе каждого человека. И каждому оно понятно и близко. Именно любовь — между мужчиной и женщиной, между родителями и детьми, да и вообще к людям, своей стране, ко всему миру — способна пробудить самое сокровенное в нас, обнажить самые глубокие и лучшие тайники нашего сердца,— тихим, спокойным и ясным голосом произнесла она. И также тихо, проникновенно и искренне процитировала слегка нараспев любимое из блоковской «Незнакомки»:

...И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!

Я знаю: истина в вине.

Зал, как ей показалось, разом с болью и скрытым восторгом выдохнул и еще больше затих, напряженно и благодарно впиваясь взглядами в ее картину и в их автора.

Потом Инна указала на другую картину, возникшую на столе:

— Петрарка. Сонет.— Инна уже не боялась быть непонятой, в ее душе не было смятения от мысли, что попала она со своим творчеством не туда, и что здесь вовсе не уместны, слишком высоки и элитарны ее картины к сонетам Петрарки и Шекспира, стихам поэтов Серебряного века: Блока, Ахматовой, Цветаевой, Мандельштама, Пастернака, Андрея Белого, Игоря Северянина и других. Улетучилось и сожаление о том, что у нее не было иных, более простых, картин. В своем творчестве она еще только начала переходить к пейзажам с природы, натюрмортам и портретам. У нее было несколько таких работ в набросках, но не показывать же их сырыми, незавершенными.

Еще одно полотно поставил на стол перед Инной услужливый майор. Она более открыто, одобрительно дружески улыбнулась ему и с такой же улыбкой, уже без внутренней напряженности обратилась к заключенным:

— А эта картина к стихотворению всем известного и любимого Александра Сергеевича Пушкина «Цветок». Она так и называется «Пушкинский цветок».

В зале пронесся легкий, одобрительный шумок, многие улыбнулись в ответ на Иннину улыбку, закивали головами в знак согласия, мол, Пушкина они знают и любят.

— Давайте вместе вспомним это чудное пушкинское стихотворение,— сказала Инна,— оно, казалось бы, такое простое, как, на первый взгляд, и многие другие стихи поэта, но какой глубокий философский смысл в нем заключен. Именно это я и хотела отразить на своем полотне.

Придерживая правой рукой картину за угол рамки, она выпрямилась, вскинула голову и начала декламировать своим теплым, ласкающим голосом:

Цветок засохший, безуханный,
Забывтый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвел? Когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем?
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот? и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

Последние строки Инна произнесла очень тихо и по-особому выразительно. Помолчала. А потом призналась:

— Это одно из моих любимых стихотворений.

Тишина вокруг поразительная, даже комар перестал пищать, и вдруг заключенные дружно и громко захлопали в ладоши. «Почитайте что-нибудь еще»,— попросил

кто-то...

Встреча подходила к концу. Майор объявил, что присутствующие могут письменно задавать вопросы и передавать их гостям, предупредив, чтобы не затягивали, время осталось мало.

Инне было адресовано больше всех записок. Одна из них поразила ее. Неизвестный написал: «Мне кажется, в вашей картине с названием «Музыка» звучит флейта. Я тоже играю на флейте». Инна окинула взглядом заключенных, пытаясь вычислить, кто бы из них мог прислать такую записку. Может, вон тот голубоглазый молоденький паренек во втором ряду слева, а может, этот черненький справа — он так внимательно и сосредоточенно вглядывался в ее картины, так неистово хлопал? И хоть ей хотелось узнать автора записки, она, коль он предпочел остаться неизвестным и не подписал записку, не стала нарушать его тайны. Возможно, здесь у них, какие-то свои правила, своя этика, надо быть тактичной, подумала Инна, и, зачитав записку вслух, ответила бодро:

— Вы поняли верно. Эту картину мне, действительно, навяла флейта.

Она уже уверенно смотрела в зал, спокойно, с улыбкой ловила встречные взгляды. Не опускала взор, как в первые минуты встречи, когда грызла себя тайным укором и чувством необъяснимой вины, что, мол, попала она не по адресу и, скорее всего, не оправдает, а разочарует ожидания заключенных при знакомстве с ее творчеством. И запоздало корила себя за согласие поехать.

Инна ощущала этот неуловимый контакт с аудиторией, взаимопонимание, ей стало легко и радостно и хотелось дать как можно больше тепла этим людям.

— Так, про флейту,— вернулась она к разговору.— Однажды я пришла в музыкальную школу к учителю моей дочери Дедову. Был вечер, занятия закончились, из-за двери, за которой он находился, раздавались звуки фортепиано. Я не решилась прервать его игру и присела на стул в узком коридорчике перед дверью. И заслушалась на целых два часа. Он играл на фаготе, на трубе, на флейте — так, для себя, но как играл! И вот, когда, сомкнув веки, я слушала флейту, передо мною вдруг четко возникла вот эта самая картина, которую вы видите на полотне...— указала Инна рукой на картину в размытых лилово-фиолетовых тонах.

Инна не успела ответить на все вопросы. Она не выбросила записки, а забрала их с собой. Чем-то они были ей дороги. Сидя в автобусе, она погрузилась в свой мир, перебирая все мгновения встречи, воскрешая одно за другим лица заключенных. Ей захотелось прочесть записки, на которые она не успела ответить, интересно, о чем в них спрашивают. Она разложила записки на коленях, их было штук пять. Развернула первую попавшуюся и от неожиданности вздрогнула, словно горячей волной обдало ее с ног до головы. Пробежала записку глазами еще и еще раз: «Уважаемая Инна Михайловна, очень прошу Вас, напишите, пожалуйста, для меня картину. Мне осталось сидеть два года. Когда выйду из заключения, я отыщу Вас и выкуплю картину. Заранее благодарен Алексей».

Инна была в смятении и от неожиданности просьбы, и от мысли, что она не знает, какую картину надо написать для этого неизвестного Алексея. Одновременно она пыталась вычислить, кто же из них, пятидесяти человек, мог быть Алексеем. Попытка эта ее ни к чему не привела. «Ну почему я повнимательней не пригляделась к каждому из них,— думала Инна,— если бы я смогла угадать, который из них Алексей, вспомнить его внешность, его взгляд, реакцию на происходящее, я могла бы составить хоть какой-то психологический его портрет, тогда бы мне уже легче было бы определиться, что эта за картина должна быть». Инна ни минуты не колебалась — писать ей картину по заказу Алексея или нет. У нее даже и сомнений не было,— конечно, писать. Но о чем? Здесь должно быть что-то важное, самое главное для этого человека, что могло бы дать ему силы жить, прочно встать на свободе на ноги. Там, в

зоне, люди, была она уверена, просто так такой заказ не сделают. Значит, что-то уловил он в ее творчестве, зацепило его оно за душу. Картина для него тем более должна обладать не меньшей, а большей внутренней силой. У Инны даже мелькнула мысль приехать снова в тюрьму, узнать, кто сделал заказ. Но, если бы этот человек хотел того, он, скорее всего, написал бы и свой адрес, и фамилию,— здраво пришла к выводу Инна.

Она смотрела в окно автобуса на знакомый с детства — родилась и выросла Инна в Калужской области — красивый пейзаж среднерусской полосы, на перелески, цветочное буйство летнего разнотравья, но в мыслях неотвязно было одно: заказанная картина.

За окном мелькнул молодой крепкий дубок, сильно обгоревший почти до половины, с черным, обугленным стволом. Видно было, что кто-то у самого его подножья разводил костер — вон после него остались черные угли и перекалина, на которой не то подвешивали чайник, не то сушили одежду. Казалось бы, не выжить больше дубку, но, несмотря на такую опасную травму, дуб пышно раскинул крону и усиленно тянулся отросшими уже за этот весенне-летний сезон побегами, которые выдавала салатово-нежная зелень, ввысь, в небесную синеву.

Инну осенило! Она вмиг увидела будущую свою картину для Алексея: обгоревший дуб с зеленой кроной и нежными побегами на фоне голубого неба. У подножия дуба — черные угли, пепел и пробивающаяся через них трава. «Ему будет понятна эта аллегория,— размышляла внутренне ликующая от такой идейной находки художница.— Обгоревший дуб — это он сам. Черные угли и пепел — все, что было плохое, темное в его жизни. Зеленая, нежная трава, пробивающаяся угли и пепел,— затягивающиеся душевные раны ушедшего прошлого, жажда и сила жизни. Голубое небо и убегающая вдаль чистая линия горизонта — его будущее». Она видела эту новую, еще не рожденную, картину во всех деталях, в красках. Краски не будут резкими, контрастными. Они, как и ранее в ее работах, будут слегка размытыми, переходящими одна в другую, взаимосвязанными, как и все в жизни — счастье и горе, радость и печаль, плохое и хорошее, добро и зло. Но доминирующими в этой картине будут легкие нежно-зеленые и голубые тона, пронизанные золотисто-солнечным светом, олицетворяющим торжество жизни, света и добра.

Инне не терпелось сейчас же взяться за кисти. Она так и сделала. Едва переступив порог дома,— жила в небольшом частном доме, утопающем в яблонях, черемухе и сирени,— накинула рабочий халат и побежала в деревянную пристройку к дому, служившую ей мастерской. Холст уже был натянут для другой картины, и Инна с упоением начала писать. Картину она закончила в три дня, почти не выходя из мастерской. Отошла от готового, еще не просохшего полотна, посмотрела издали, прищурившись и откинув голову назад. Потом села перед ним на низенькую, широкую табуреточку и долго смотрела, представляя на своем месте Алексея. Да, определенно, картина ей нравилась. Это то, что нужно Алексею, заключила Инна. Подошла к полотну и написала в правом нижнем углу дату — 16 июня 2003 года. Отсчет времени пошел. Через два года он заберет картину.

...Ранней осенью у калитки раздался звонок, Инна вышла из мастерской как была в синем рабочем халате, руки испачканы краской, светлые, слегка вьющиеся от природы волосы, схвачены резинкой в пучок на макушке, чтобы не мешали при работе. Она приоткрыла калитку и увидела высокого, приятной внешности молодого человека лет двадцати пяти — тридцати, худощавого, жилистого в вязанном дешевеньком пуловере на пуговицах, спортивных синих брюках с матерчатой сумкой-котомкой из старенькой джинсы в руках:

— Здравствуйте, Инна Михайловна, я — Алексей. Помните, там, в записке,— он не произнес слова «тюрьма»,— я просил Вас картину мне нарисовать... Я заплачу...

Потом вдруг как-то смутившись, кивнул на свою одежду, добавил:

— Только что оттуда, извините...,— виновато вскинул серые с зеленцой глаза на хозяйку, и спросил: «Впустите?»

Он сказал это непривычное для ее слуха из уст гостей слово «впустите?» каким-то особым тоном. Инна испытала неловкость от того, что сама первой не пригласила его войти и поспешно проговорила:

— Да, да, конечно! Пожалуйста,— и жестом руки пригласила гостя входить.— Идите прямо в мастерскую. Вы увидите вашу картину.

— Правда!? — по-детски удивленно и радостно, прося улыбку, воскликнул гость.

В светлой мастерской, заставленной подрамниками, картинами, пахло красками и свежим деревом. Справа стоял небольшой синий диванчик, рядом — стол с двумя стульями, самоваром и несколькими чайными парами в крупный красный горшок.

— Присаживайтесь, Алексей, где вам понравится.

Гость скромно присел на краешек стула. Сумку, войдя, он поставил в углу, у двери. Он явно ощущал неловкость и стеснялся самого себя, своего затрапезного вида.

Хозяйка отошла в глубь мастерской, достала из-за ширмы полотно, накрытое цветастой тканью, и установила его на свободный подрамник.

— Эту картину я никому не показывала. Вы — ее владелец и первый зритель...— с этими словами Инна изящным движением скинула ткань с полотна и внимательно посмотрела на гостя. Он, встав со стула и почти вплотную приблизившись к картине, так и впился в нее глазами. Минут пять Алексей молча рассматривал ее, отступив шага на три. Инна видела сбоку, как на его шее ходил острый кадык, выдавая внутреннее волнение. Потом, не оборачиваясь, будто самому себе сказал: «Здорово! То, что надо!»

Потер ладонями лицо, и обратился к Инне:

— Спасибо! Слов нет вас благодарить. Я два года ждал этого дня...

В увлажнившихся его глазах было столько признательности. Он взял свою сумку и достал оттуда аккуратно сложенную пачку денег, протянул Инне:

— Здесь тридцать тысяч. Я знаю, картины стоят дорого. Если этого мало, вы скажите, заработаю еще и доплачу...

— Нет, Алексей, денег не надо. Я с радостью дарю вам эту картину. Пусть она поможет вам; чтоб как тот дубок,— Инна кивнула в сторону картины,— стремиться ввысь, к небу, свету.

— Я там поверил в Бога и покрестился,— тихо сказал Алексей.— Про картину и про меня я все понял. Спасибо, Инна Михайловна, за добрые слова, за то, что выполнили мою просьбу и такую картину нарисовали...

Хозяйка еле уговорила гостя выпить чашку чаю, остаться ночевать он наотрез отказался.

— Куда ж ты сейчас пойдешь? — спросила Инна.

— Домой поеду, в Тверь.

— Кто там у тебя — родители? Жена?

— Родители. Они инженеры. Но отец, пока я там шесть лет был, стал верующим, ушел в церковь, уехали они с матерью из города. Отец в сельской церкви служит, меня отмаливает. К ним и поеду. В городской квартире младший брат — женился, ребенок уже. У меня была невеста. Она вышла замуж за другого. Я ж для нее старался, мечтал ее в загс на собственном белом «Мерседесе» увезти. Был студентом, хотел на «мерс» и квартиру быстро много денег заработать, перегонял ворованные иномарки. Вот и попались... Да не жалеете вы меня — выкарабкаюсь...

Инна проглотила подступающие слезы. Ей так хотелось по-матерински приласкать, погладить по голове Алешу, ведь он немногим старше ее собственной дочери,

но в нем чувствовалась какая-то надломленность, боль, неуверенность и едва скрываемая озлобленность. Такое состояние, если его не преодолеть, к добру не приведет. Инна отчетливо это понимала и потому твердо и убежденно сказала гостю, как бы отвечая на его немой вопрос, как жить с таким грузом прошлого дальше?

— Иди, Алеша, по жизни смело. Каждый может оступиться, главное — не дать себе упасть. Ты можешь встретиться сейчас с тем, что многие знакомые закроют перед тобой двери, будут будто бы не узнавать тебя на улице,— не ожесточайся, не замыкайся. Учись, трудись, тянись к свету, и все придет — и обретешь твердую почву под ногами. У тебя есть Бог, родители и картина-напутствие. Для счастья и душевной тишины не так уж много надо...

— Я это понял...

— Ну иди с Богом! Ангелы навстречу...

— Спасибо, Инна Михайловна, я еще приеду к вам, когда придет время...

Она проводила Алексея за калитку и смотрела вслед, пока он не скрылся за домами, бережно неся под мышкой ее картину.

Прошло почти пять лет... О судьбе Алексея Инна ничего не знала, хотя частенько вспоминала его, думала о том, как сложилась его судьба. И однажды он явился, как снег на голову...

Это случилось в конце весны. День был солнечный, яркий, отцветала сирень и черемуха, наполняя все вокруг пьянящим ароматом. Инна жила в своем небольшом частном доме с ухоженным двориком, несколькими грядками, отведенными под огородную мелочь. Уже пробились острыми стрелками чеснок и лук, посаженные ею под зиму. С граблями в руках она мастерила лунки под огурцы. Мимо ворот шустро проскочила серебристая иномарка и также резко попятилась назад, круто притормозив у самых ее ворот. Инна подняла голову. Неужели гости к ней? Кто бы это мог быть? Никто не обещался, и она никого не ждала. Из машины выскочил высокий молодой человек в темных солнцезащитных очках, опрятно, можно сказать, даже щегольски одетый в светло-серый костюм в мелкую синюю полосочку, с которой удачно гармонировали рубашка в тон, галстук. Увидев хозяйку через невысокий штакетник, незнакомец радостно и громко воскликнул: «Инна Михайловна! А мы — к вам. Не узнаете? Алексей я, ну тот самый, которому вы картину рисовали, помните!?»

— Алексей! — так же радостно воскликнула Инна и кинулась открывать калитку. — Заходите, заходите, пожалуйста, как я рада вас видеть! Я так часто думала о вас.

Инна кинулась на шею гостю, как родному. Он так же искренне и горячо прижал ее к себе. Алексей так долго ждал этой минуты, сколько раз мысленно представлял, как это произойдет, но даже и предположить не мог, что это случится так трогательно, искренне, по-родственному. У обоих на глазах даже слезы навернулись.

— Как хорошо, что вы на месте, Инна Михайловна, никуда не переехали, я так боялся вас не найти,— выпалил Алексей и добавил, обернувшись в сторону машины,— а я не один... Сейчас приведу...

Бросился к машине и через минуту подвел к Инне милостивую, смущенно улыбающуюся, молодую женщину с крохотным, спящим ребенком на руках. Младенцу, похоже, и года нет.

— Знакомьтесь,— радостно, с нескрываемой гордостью в голосе сказал Алексей,— это Инна Михайловна. Я тебе рассказывал про нее,— обратился он к своей спутнице,— а это две моих Оленьки, Большая и Маленькая,— жена и дочь.

— Боже мой! — с восторгом воскликнула Инна.— Какое счастье! Как я рада за вас! Какие вы молодцы! Просто и слов нет всю радость выразить. Ну идемте же в дом, идемте!

— Одну секундочку! Вы идите, я сейчас вас догоню, только до машины сгоню — и назад.

Инна провела гостью в дом, усадила в зале на кушетку. Принесла из другой комнаты подушку. Осторожно взяла из рук Ольги ребенка и положила его рядом с ней на эту самую подушку.

— Отдохните обе. Сейчас чай пить будем. Я — мигом.

Инна убежала на кухню, загремела там посудой, послышался шум струи из-под крана, звонко ударяющей в пустое дно чайника.

В прихожей появился улыбающийся, радостно возбужденный Алексей с огромным букетом темно-бордовых отливающих шелковистым атласом роз, с круглой коробкой огромного торта и большущей коробкой дорогих конфет.

Он аккуратно снял туфли и, осторожно ступая, прошел в зал. На тихое приглашение жены сесть рядом с ней, он сделал останавливающий жест рукой, мол, подожди, потом. И стоя стал ждать хозяйку. Она появилась из кухни с чайной посудой в руках. И едва пристроила чашки на столе, как к ней вплотную подошел Алексей, а следом за ним — и Оля-Большая. Волнуясь и, видимо, от того слегка заикаясь, Алексей произнес ту дорогую фразу, которую столько раз и по-разному, пытаясь уловить нужную интонацию, он мысленно прокручивал в голове. Но та, нужная, как ему казалось, интонация куда-то улетучилась от волнения и полноты чувств, которые он хотел вложить в произнесенные им слова. И он просто и искренне сказал:

— Я так долго ждал этой минуты, Инна Михайловна, чтобы прийти к вам и сказать вам большое спасибо за то, что вы сделали для меня. Вы меня спасли, вернули к жизни. Наверное, мне вас Бог послал. Наверное, его промыслом мне суждено было жить и выкарабкиваться. И я карабкался изо всех сил. Мне помогла ваша вера в меня, выраженная в картине. Я и есть то обугленное пожаром дерево, пустившее новые побеги. Потерять в себя веру проще, вернуть куда сложнее, по себе знаю. Вы помогли мне это сделать. От всех нас, от нашей семьи, огромное вам спасибо и примите вот этот букет. Эти розы мы с Олей специально для вас растили на даче и вырастили! Пусть они порадуют вас!

Алексей бережно протянул букет Инне Михайловне, смахивающей фартуком слезинки, и поцеловал ее, как мать родную или сестру, в щеку.

— Я не сомневалась, что ты станешь Человеком. Дух этой святой веры я и старалась вложить в картину и передать тебе — и, вижу, передала. Разве может быть художнику награда больше!? — счастливой улыбкой просияла в ответ Инна.

Николай Мых-Степняк
(г. Тула)

ПОГОВОРИЛИ...

Николай Александрович, родился в Казахстане в 1940 году, где и прожил большую часть своей жизни. Окончил Уральский педагогический институт, Алма-Атинскую высшую партийную школу, аспирантуру при Казахском государственном университете. Кандидат исторических наук, доцент. Работал в газетах, преподавал в вузах. Автор трех книг прозы.

В Туле проживает с 2001 года.

I

Многие ли из нас могут припомнить такую встречу, которая запомнилась на десятилетия, стала бы судьбоносной, предостерегающей, укоряющей? Такая встреча и продолжительная, тяжелая беседа случилась у подполковника внутренней службы Романа Семеновича Ткаченко с писателем Александром Исаевичем Солженицыным в купе поезда «Симферополь — Москва», проходившего через город К. И состоялась она в середине апреля 1964 года. О ней не очень хотелось вспоминать Роману Семеновичу. Он никогда не мог сказать, что она приятна ему, но и забыть о ней он уже не мог. При мыслях о ней ему становилось неуютно, некомфортно, во многом она была как бы укором ему. О такой встрече и рассказать другому хочется, — лестно ведь, — и не очень-то и расскажешь. Это была встреча-откровение, воспринималась как сущее наваждение, даже — обида. Воспоминание о ней радовало, тревожило и жгло душу, вызывало смятение, подталкивало к внутреннему спору и возмущало. Так, наверное, происходит с каждым, общающимся с великим человеком, с гением добра и зла. Сплошные противоречия, скажет вдумчивый читатель. И будет прав. Но вспомним гетевского «Фауста», вспомним, что его герой был частью могучей неопределенной силы, которая вечно желает зла и вечно творит добро...

...Было воскресенье, конец весеннего солнечного дня. Ткаченко садился на скорый поезд, чтобы после непродолжительного отдыха в семье возвратиться в Москву, где он находился на шестимесячной учебе в высшей школе Комитета госбезопасности. Учились, доучивались и переучивались офицеры внутренней службы постоянно. На этот раз Роману Семеновичу особенно подфартило: направили его на престижную учебу на базе КГБ. После завершения школы Романа Семеновича ожидало очередное должностное повышение и очередное воинское звание.

В газетном киоске на перроне вокзала купил Роман Семенович свежую газету, вошел в свободное пока купе, осмотрелся, повесил плащ и присел у столика. Купе — уютное, чистое, воздух свежий, весенний поступал через приоткрытую часть окна. На краю нижней полки у входа стояли готовые к выносу вещи — модная польская «двойка» бежевого цвета и такой же дорожный портфель. На столике в аккуратной

хрустальной вазочке, что удивило Романа Семеновича, помещалось пять белых веточек ковровой вишни с полураспустившимися нежными плотно обсыпавшими прутики цветочками.

Устроившись, Роман Семенович, развернув газету, стал просматривать ее, отмечая про себя, что же надо прочесть в первую очередь. «Не пропустить,— сказал он себе,— передовую статью». Быстро пробежал глазами короткие информации, а из передовой статьи «Политика верная, ленинская» «неожиданно» узнал («Известия» преподносили как свежую новость!), что «народ уверенно идет за своим боевым, испытанным авангардом — партией, потому что знает: в руках у нее надежный компас — марксистско-ленинское учение. А огромный вклад в разработку теории вносит ЦК во главе с ленинцем Никитой Хрущевым».

В купе, кажется, будет их двое. Тот, второй, пока отсутствовал, а вещи приготовил к выходу, хотя ехать еще и ехать. Когда поезд тронулся с места, лязгнув своими железными сочленениями, в купе вошел мужчина лет сорока пяти, тот единственный пассажир купе, его старожил, сухо кивнул Роману Семеновичу, не здороваясь. Особого внимания на него Роман Семенович не обратил, это уже попозже, узнав, что едет со знаменитостью, стал он внимательнее присматриваться к нему. Одет незнакомец, пока незнакомец, в светло-серый костюм полуспортивного типа, в свитер. Хорошо сложен, даже спортивен, роста — выше среднего. О таком говорят: все на нем, и все при нем. У соседа по купе и попутчика — мягкие русые волосы с распадом по бокам, волосы, которые часто он и поправлял. Поперек лба — глубокая впадина, как от удара, ближе к правому глазу. Выражение лица — сосредоточенное, но скорее мягкое, чем строгое, у глаз — венчики морщин, глаза — светло-серые, но, как показалось Роману Семеновичу, они менялись в зависимости от «градуса» спора, в котором позже схлестнулись соседи-ппутчики. Держался свободно, раскованно, чувствовалась в нем сила, власть, уверенность. Владел собой совершенно, речь — образная, правильная, грамотная, пересыпанная пословицами, поговорками, сравнениями.

Ехали некоторое время молча, но вот вошла проводница, средних лет красавица в железнодорожном форменном костюме, с обильными белыми кудряшками, крашеными, вся сияющая, и спросила, обращаясь ко всем сразу и отдельно к старожилу купе:

— Чайку принести? Не желаете еще чаю, Александр Исаевич? Или кофе?

Чаю они пожелали, и пару минут спустя он явился — горячий, хорошо заваренный, дымящийся, в серебряных ажурных подстаканниках. «Александр Исаевич, Александр Исаевич», — мучился Роман Семенович. — Кого-то он мне смутно напоминает?» Но так и не вспомнил. И только когда нарочно вышел из купе, чтобы расплатиться за чай, услышал от проводницы:

— Да это же Солженицын! Он с самого Симферополя. Видели бы вы, как его провожали! Веточки в вазе — с Крыма, а цветы... Один букет вручил мне, другие передал женщинам нашего вагона...

Теперь Роман Семенович вспомнил: видел это лицо на обложке журнала «Роман-газета», где печаталась повесть «Один день Ивана Денисовича».

Припомнилось и вот еще что. Месяца два назад приглашали к себе офицеры учебного полка МВД выступать с лекцией известную в городе К. писательницу Наталью Степановну Смурьгину. Ее попросили рассказать о местных поэтах и прозаиках, о литературной жизни и книжных новинках. Тогда-то и рассказала она слушателям о нашумевшей повести из жизни заключенных.

Любопытнейшая обозначилась «мизансцена». Двое в купе: подполковник МВД-МГБ и бывший политический заключенный, зэк, а ныне — известный писатель. Беседуют вдвоем, без свидетелей, как сейчас говорят — без галстуков. Мы знаем, кто они, и они уже почти знают «кто есть кто». Послушаем и мы, уважаемый читатель, погадаем, кто из них первым включится в беседу, которая, наверно, будет

нелегкой, кто первым нарушит тягостное молчание. Говорят, окажись в подобной ситуации два англичанина, в продолжение всего пути и двух слов не скажут они, если кто-нибудь третий не представит их друг другу. Так и будут ехать молча, хоть тысячу верст...

А поезд все шел, гремели колеса, отсчитывая километры. За окнами вагона мелькали перелески, дачные домики, какие-то строения, полустанки... Роман Семенович продолжал шуршать газетой. Первый шаг-выпад, попытку завязать разговор, когда молчание слишком, до неприличия, затянулось, первую атаку предпринял Александр Исаевич, по праву писателя, «инженера человеческих душ», философа, и просто русского человека, а не какого-то там «аристократа» — англичанина.

— Извините,— сказал он. Его голос прозвучал резко.— Вот вы просмотрели передовую статью.— Не удивляйтесь, у меня уже был в руках этот номер «Известий». Какого мнения вы о статье? Вы член партии?

Вопрос для Ткаченко стал неожиданным, и пока он размышлял, как отреагировать на резкость, Солженицын сам же и ответил:

— Да, конечно, офицер не может быть беспартийным, иначе не будет роста, ничего не будет. Вот, фальшивая по сути коммунистическая идейность и идеология, помогающая милиционеру обелять свои поступки и слышать не укоры, не проклятия, а хвалу и почет...

— Вы неправы,— ответил шокированный неожиданным напором Роман Семенович.— Я обязан возразить...

— Не стоит,— пресек попытку Александр Исаевич.— И еще хочу спросить, уж не обижайтесь: на вашей совести наверняка есть пара-тройка тысяч жертв, замученных, с вашей помощью или вами лично. Вас их тени не мучают?

— Я знаком с вашей биографией, Александр Исаевич,— вдруг совсем спокойно ответил Роман Семенович, отложив газету.— Обязан вам сообщить, что я в прошлом тоже — фронтовик, офицер, около четырех лет воевавший, имеющий четыре боевых ордена, серьезные ранения, а сейчас — начальник штаба учебного полка МВД, но к тюрьмам, лагерям никакого отношения не имел и не имею.

— Воевали, боевые награды, зачем же пошли в услужение к...

— Везде нужны знающие, опытные люди. Я — оружейник, знаю все виды боевого оружия. Мы обучаем солдат и гражданским профессиям, связанным, например, с радио-, холодильной и другой бытовой аппаратурой.

— Не верю в порядочность людей вашей системы. Да, конечно, вы не крутили ручку кровавой мясорубки тридцать седьмого года, лет 15—16 вам тогда было, так?

— Будь мне лет поболее,— попытался пошутить Роман Семенович,— я бы тогда обязательно потребовал себе кожаную куртку и маузер...

— Вы сейчас каждодневно связаны со следователями, прокурорами, охраной... Вы — в одной обойме! Сегодня вы — оружейник, как утверждаете, а завтра, если партия прикажет, вы — начальник режима, начальник тюрьмы, лагеря, следователь... И если вы не палач, то потворствуете им, так называемым «ветеранам», заглядывая им в глаза, поздравляете с новыми орденами и медалями...

— Откровенность за откровенность... В сорок пятом, после победы и после моего излечения в военном госпитале, предложили мне высокую тюремную должность в Виннице. Не согласился я, вспомнив своего незаконно арестованного отца. Он, как потом признали, был ни при чем. Если человек не виновен, ему нечего бояться...

— Так что же вас понесло в услужение к... краснопогонникам?

— Я был оружейником... А что касается облав, дежурств, охраны — мы — учебное подразделение...

— Одним миром мазаны.— Солженицын помолчал, поправил вазочку с вишневыми веточками.— Я вот добиваюсь, насколько хватит сил, чтобы каждый из таких,

как вы, хотя бы просто признал, хотя бы просто сказал: «Да, я — грешен, я — палач, я — убийца». И покайся!

— Не в чем мне каяться!

— Ответственность наравне с другими вы не можете не делить! Я уверен, что надо так перестроить человечество, чтобы люди гордились только трудом рук своих и стыдились бы быть надсмотрщиками, «руководителями», партийными главарями...

Закончив тираду, Солженицын резко встал, едва ли не выбежал из купе, но неожиданно успокоился.

— Вот часто я задаюсь вопросом: способен ли ваш брат энквэдэшник или эмвэдэшник, хоть раз в жизни представить себя на месте подследственного или заключенного? Конечно, для этого нужно убрать незримую перегородку между собой и этим несчастным — подозреваемым, подследственным, заключенным...

— Думаю, да...

— Сомневаюсь. Для этого надо быть личностью! Хотите, пример. Император Александр Второй, да, тот самый, обложенный революционерами, семижды убивавшими его, как-то посетил Дом предварительного заключения в Петербурге, на Шпалерной, и в одиночную камеру № 227 велел запереть себя. Просидел в ней больше часа, хотел вникнуть в состояние того, кого он там держал. Это была нравственная потребность человека взглянуть на дело духовно! А теперь, можем ли мы представить кого-нибудь из вас, отмечающих профессиональные праздники, дни рождения, кто добровольно захотел бы влезть в арестантскую шкуру? Или у вас, у всех, уверенное заблуждение, что все заключенные — низкие, злорадные, бесчестные люди? А сколько из них просто запутавшихся, взятых «по ошибке»...

...Несколько слов о самом Романе Ткаченко. Он немногословен, говорит с легким украинским акцентом, не лишен юмора. Уверенность в себе, настойчивость в споре ему придают не только знание дела, опыт, но и хорошее образование. После войны он заочно окончил исторический факультет университета. (А в те годы в системе внутренних войск офицеров с высшим образованием можно было пересчитать на пальцах одной руки.)

Роману Семеновичу случалось, оставшись наедине, осмысливать свою жизнь. Были в ней ошибки, заблуждения, а было ли такое, чего не стоило делать, за что стоило бы упрекать себя, каяться?

...Война... 1944 год. Западная Украина... Война на освобожденной от немцев территории закончена, и началась война «со своими» — бандеровцами, оуновцами... А в распоряжении Романа Семеновича — оружие, много оружия. Целый склад, расположенный в лесу. И хоть и охранялся склад надежно, — часовые, проволочная ограда, — но лезут же за оружием. И приказал Роман Семенович начальнику склада артвооружения и часовым: «Как услышите подозрительный шум — бросайте гранату!» — «А если кто случайно будет идти, подвыпивший, просто заблудившийся?» — «Нечего тут слоняться случайным людям!»

Был свидетелем и такого жуткого события в танковом соединении, где он служил. Случилась поломка танка, и дальше он двигаться не мог. Подразделение танковое ушло, как и следовало ему, а танкисты остались в ожидании технической помощи. Вышли из леса, казалось бы, наши, русские: «Выходите, не бойтесь, свои». И расстреляли танкистов, казнили самым диким, бесчеловечным образом. Узнав это, с опозданием прибывшие танкисты буквально в щепки разнесли расположенный рядом хутор. «Был грех, один грех на всех... Война! Но не я же ее начал, не я ее придумал? — говорил себе в оправдание Роман Семенович. — Защищать Родину, защищаться самому — значило убивать!»

— Можно подумать, что вы безгрешны, — заметил примирительно Роман Семенович. — Недостатков — не имеете, «звездной болезни» не чувствуете, и поэтому сами не каетесь!..

— Я делаю так,— ответил серьезно Солженицын на шутливо прозвучавший вопрос,— чтобы не забываться, я в годовщину своего ареста устраиваю «День зэка». Отрезаю утром 650 граммов хлеба, кладу два кусочка сахара, наливаю незаваренного кипятка. А на обед прошу сварить мне баланды и черпачок жидкой кашицы. И бодро вхожу в старую форму, вспоминаю все, и уже к концу дня собираю в рот крошки, вылизываю миску... Я поклялся никогда не забывать вкуса баланды!

— Охотно верю! А после такого поста наваливаете на сало с чесноком, чем подкармливали вас ваши родные и близкие во время вашего пребывания в местах не столь отдаленных, чтобы вы не отощали... Или вы предпочитаете по бедности цыплят-табака?

Иногда выпады Солженицына были такими резкими, жесткими, обидными и просто нестерпимыми настолько, что Роману Семеновичу хотелось прервать разговор. Но он не делал этого, зная свою систему изнутри и зная, что Солженицын во многом прав, может быть, даже в главном. А потом, никуда и не денешься, купе — замкнутое пространство. Визави — это же сам Солженицын! Личность яркая, умница, краснобай... Несомненно, одарен от природы, но и человек, неспособный воздержаться от мести за пережитые невзгоды. «Впрочем, законченный антисоветчик,— думал Роман Семенович.— Явно — у человека крыша поехала от обид и перенесенных унижений».

Роман Семенович был начитанным человеком, сам когда-то баловался стихотворчеством. В свободную минуту любил полежать на диване со свежим журналом или модной книгой. Высоко ценил и знал многие произведения советских писателей, те, которые были у всех на слуху, о чем и сказал Солженицыну, и услышал:

— Советская литература за редчайшими исключениями — это гнусная литература, трубившая много лет на весь мир о достижениях страны социализма, распристрастная враждебная человеку идеологии. Я уже почти не читаю, но знаю, что есть десяток-другой толстых журналов, две литературные газеты... Чушь! Не признаю их настоящими, да и следить за ними времени нет. Кого вы считаете за великих? Шолохова, Тихонова, Грибачева? Мерзавцы! Лжецы, фальшивомонетчики...

— Извините. Не ожидал такого от известного литератора! А Шолохова вам не стоило бы трогать,— нахмурился Роман Семенович.— «Тихий Дон», «Судьба человека», «Поднятая целина» — о них каждый школьник знает... Классик...

— Как раз классический пример того, когда надо говорить не об образованности писателя, а как раз об отсутствии элементарной грамотности и... порядочности... Навозная куча, которая, с которой...— Солженицын остановился, подыскивая сравнение...

Но закончить мысль не успел. В это время дверь отодвинулась и, постучав, в купе заглянул лейтенант, милиционер. За его спиной стояла улыбающаяся проводница, в коридоре топтался еще один милиционер, сержант, с огромной овчаркой на поводке. Углядев в купе офицера, лейтенант поспешно задвинул дверь. Александр Исаевич же вздрогнул и, как показалось Роману Семеновичу, втянул голову в плечи.

— Ну вот и они, голубчики,— проворчал Солженицын.— Как же без вас!!

Разговор прервался, и Александр Исаевич вышел из купе. В полуоткрытую дверь Роман Семенович увидел Солженицына с горящей сигаретой в руке. «Нервы, однако! А я слышал от Смурыгиной, что Солженицын не курит и не пьет»,— подумал Роман Семенович.

Роман Семенович продолжал наблюдать, анализировать. Споря, Солженицын часто неожиданно и резко вскакивал с места, возмущался, и все время Роману Семеновичу казалось, что писатель играет какую-то роль. Для кого и для чего? По свойственному ему от природы актерству? А твердости в споре, убежденности, уверенности в свою мессианскую роль у Солженицына — хоть отбавляй!

Роман Семенович в этом плане проигрывал, позиция у Солженицына была пред-

почтительнее, как говорят шахматисты. Солженицын атаковал, в то время как Роман Семенович восхищался им. К тому же, что там ни говори, Солженицын часто был прав. Временами Роману Семеновичу казалось, что он вдруг видит перед собой другого человека с лицом замученным и печальным. «Актер, актер, несомненно — хороший актер!»

Для самого же Александра Исаевича была крайне неприятна и нежелательна любая встреча с милицией, с любыми подозрительными людьми. И боялся он не за себя. Никто не знал, и знать не мог, и не должен был знать, какую бомбу готовил Александр Исаевич. Об «Одном дне Ивана Денисовича» он говорил: «Первая крохотная капля правды разорвалась, как психологическая бомба. Что же будет в нашей стране, когда правда обрушится водопадами!» «Сотрясение общества сможет вызвать и начать литература! — считал Солженицын.— Появилась щель свободы, пролом. И вот в этот пролом двинулись Варлам Шаламов, Евгения Гинзбург, Гранкина, десятки других. Литература могла и должна ускорить историю!» Литературная деятельность ставилась писателю в вину уже по давнишнему следственному делу. А сейчас надо беречься, беречься. Но как удержись, когда тебя распирает от возмущения? Когда так и хочется подраться? Сколько можно держаться, таиться и молчать?

А впереди должно быть что-то покрепче! Солженицын с 1964 по 1970 годы собирал материал и активно работал над «Архипелагом Гулаг», писал тайком, постоянно прятал собранный материал (за ним он и ездил в Симферополь) и написанное от КГБ, который, как он считал, и не без основания, следил за его деятельностью. Сам Солженицын друзьям говорил так: «Меч висит надо мной. Постоянно страшит то, что снова загребут меня. Страшила более всего гибель написанного и собранного. Статистически маловероятно, что нагрянут лоботрясы из госбезопасности, но это пока соблюдается пословица: «Никто в лесу не знал бы дятла, если бы не свой носок». А если нагрянут — то смерть всему».

А трудолюбие Солженицына, настойчивость, фанатичная уверенность в том, что он делает великое дело,— поразительны: «Вечерами, бессонными ночами я торопился мелко-мелко записывать, скручивать листочки по несколько в трубочки, а трубочки заталкивал в бутылки из-под шампанского. Бутылки закапывал... Тут были стихи, пьесы, проза, заготовки для будущих книг. Ни в год, ни в месяц, ни в праздники, ни в отпуске,— говорил Солженицын друзьям,— у меня не было свободного времени».

Десять лет молчания! Кто хочет, попробуйте! «Писать, писать, писать,— и молчать! Не высываться! А я — одерзел!»

II

— Вот я и хочу вас спросить,— сказал Солженицын, вернувшись в купе.— Вы повесть мою про Ивана Денисовича читали? И какого вы о ней мнения?

— Повести вашей я не читал,— ответил Роман Семенович и, кажется, огорчил Солженицына.— Но представление имею. И в нашем коллективе ее мало кто читал. Да и зачем? У нас выступала наша местная писательница Наталья Смурыгина, может, вы слышали о ней.

— Нет, не имел чести быть знакомым. Но считаю, что прочесть и обсудить повесть вы были должны... Для вас же и писалась...

— Много книг сейчас выходит. Мы же — самая читающая страна в мире, за всем не уследишь.— Роман Семенович замолчал и крупными своими руками потер уже совсем лысую голову... Лысеть он начал давно, еще с первого курса вуза...

А в той лекции Смурыгина говорила так:

— Читать или не читать повесть — решать вам. В повести мастерски, надо отдать должное автору, показан тюремный быт, тюремный уклад. Отрицательно поданы

офицеры НКВД. Лейтенант Волковой, например... А надзиратели? Алчные, малограмотные люди, в грязных гимнастерках. Надзиратель по кличке Татарин,— худой и длинный, просто противен, у него безвольное мятое лицо, сдавленный голос, ходит в старой шинели с замусоленными голубыми петлицами. Да я вам лучше прочту отрывок из повести. Вот он сегодня дежурит, он — дежурняк, по-лагерному. Вот текст:

«Шухов проворно спрятался от Татарина за угол барака: второй раз попадешься — опять пригребется. Да и никогда зевать нельзя! Стараться надо, чтобы никакой надзиратель тебя в одиночку не видел, а в толпе только. Может, он человека ищет на работу послать, может, зло отвести не на ком. Читали же вот приказ по баракам — перед надзирателем за пять шагов снимать шапку и два шага спустя надеть... Сколько за ту шапку в кондей перетаскали, псы проклятые...»

Или вот еще отрывок.

«От штабного барака подошел начальник режима лейтенант Волковой и крикнул что-то надзирателям. И надзиратели, без Волкового шмонавшие кое-как, тут зарьянились, кинулись, как звери... Волкового не то, что эски, и не то, что надзиратели — сам начальник лагеря, говорят, боится. Вот Бог шельму метит, фамилицу дал! — иначе, как волк, Волковой не смотрит. Темный, да длинный, да насупленный — и носится быстро... Поперву он еще плетку таскал, как рука до локтя, кожаную, крученую. Ею же сек, говорят. Или на проверке вечерней столпятся эски у барака, а он подкрадется сзади да хлесть плетью по шее: «Почему в строй не стал, падло?» Как волной от него толпу шарахнет. Обиженный за шею схватится, вытрет кровь, молчит: каб еще не дал...»

А вот как водили заключенных: «А конвоиров понатыкано! Полукругом обняли колонну... Автоматы вскинули, прямо в морду тебе держат. И собаководы с собаками серыми. Одна собака зубы оскалила, как смеется над эсками. Конвоиры все в полушубках, лишь шестеро в тулупах. Тулупы у них сменные: тот надевает, кому на вышку идти...»

— Солженицын так описывает жизнь лагеря, будто там не было партийной организации. А ведь мы знаем,— подчеркивала Наталья Степановна,— что в любом подразделении, любом коллективе всегда есть партячейка. Хорошие работники всегда поощряются. В книге столько желчи, что кажется, будто автор специально натравливает народ против МВД.

— Мое мнение о повести? — сказал Роман Семенович.— Повесть оскорбляет солдат, сержантов, офицеров. Ну, был Волковой. Но теперь-то таких — нет! Народ — творец истории, а в повести он показан в виде «попок», «остолопов», «дураков»... А зачем обвинять охрану... Это — солдаты срочной службы... Мы далеко не святые. Но считаю, что у нас все равно меньше злоупотреблений, чем в любом другом советском учреждении...

«Диву даешься! Повесть он — не читал. Писательница, секретарь парторганизации, член общества «Знание» — не рекомендовала... И читать ему некогда, хотя у него, по его словам, отличная библиотека со всеми новинками. Не читал — а высказывает свое мнение! Чисто по-советски! Впрочем, один ли он такой?» И вспомнился Александру Исаевичу лейтенант Овсянников, командир взвода той роты, которой командовал Солженицын в последний год своей службы. Не часто приходилось Александру Исаевичу встречаться с таким благородным, родниковой чистоты человеком. Дружили, с одного котелка ели, укрывались одной шинелью. Офицерскую должность свою тот исполнял так, чтобы сохранить жизнь каждому своему солдату. В феврале сорок пятого Солженицына «загребли», Овсянников же, отслужив, окончил Ярославский пединститут, женился, стал... следователем госбезопасности. «Долго я его разыскивал, наконец, на второе или третье письмо он ответил. Я уже был автором «Ивана Денисовича». Нет, эту повесть он не читал! А зачем ему знать то, что с осужденными происходит? Писал мне,

что ни о прошлом не вспоминает, ни о будущем не задумывается. Со мной ему встретиться не захотелось. Зачем? Еще запачкаешься»...

— Понурая свинка глубок корень роет, а покорное теля двух маток сосет,— вслух сказал Солженицын.— Да, иные боятся даже в руки взять мою повесть. Сам Твардовский одиннадцать месяцев держал мою повестушку в своем сейфе, а опубликовал с большим опозданием.

Собеседники помолчали, напряженно слушая перестук колес то убыстряющего, то замедляющего свой ход поезда. Ветер проникал в окно, с приближением ночи в купе становилось прохладнее. И строго смотрели на разгневанных мужчин пять беззащитных курчавящихся вишневых веточек.

Вновь зашла та же широко улыбающаяся проводница и принесла чаю — уже по собственному почину. Увидев, как ей показалось, мирно беседующих мужчин, постояв минуту-другую и послушав диктора поездного радиоузла, долдонившего бесконечные поздравления и приветствия дорогому Никите Сергеевичу в связи с присвоением ему звания Героя Советского Союза, неожиданно сказала:

— Уши вянут...

Сказала — и вдруг замолчала, поняв, что сморозила глупость, сболтнула лишнего...

— А вам это не по сердцу?..

— Люди говорят, что у нас не газеты — а ресторанные меню. Одни приемы да проводы гостей... А радио? Лучше бы песни передавали...

— Над чем вы работаете теперь,— не удержался Роман Семенович от традиционного вопроса. Спросил примирительно.

Не хотел и не мог ответить Александр Исаевич. Все было тайна и секрет. Вспомнился ему один давнишний разговор на Лубянке. Там прокурору на подобный вопрос Солженицын ответил так:

— Литература? Что вы! Я давно забыл о литературе. Мечтаю заняться физикой!

Ничего не ответил Солженицын Роману Семеновичу, а сам подумал: «Так я перед тобой и откроюсь. Хоть чему-нибудь должна была нас научить тюрьма, хоть умению держаться... Не плачь, битый, плачь небитый...»

Роман Семенович, не получив ответа, спросил иначе:

— Вы, писатели,— дайте нам положительный образ, пример для подражания...

— Положительная тема сейчас — разоблачение преступлений и разрушение системы лагерей,— ответил Солженицын.— Правда жизни — вот главная тема и главный герой. Надо рассказать о положении в тюрьмах, в лагерях, о незаконных расстрелах, о ссылках... Обойдя эту тему — главной правды не напишешь. И мы пишем. Всем нам дышать нелегко, но мы выступим из моря, как 33 богатыря,— и возродится наша великая литература!

— И кто же они, эти «шлемоблещущие богатыри», как вы говорите. У нас на Украине, и вы это знаете, есть пословица: «Казала Настя як удасьця!» Подвиг народа — вот тема для писателя.

— Сам Твардовский, великий поэт и редактор, говорил мне, и не один раз: «Только не будьте идейным. Пишите так, как пишете!»

— Гонорары, наверное, отхватываете приличные,— спросил Роман Семенович, чтобы хоть как-то утешить Солженицына.— В сотнях тысяч экземпляров разошлась ваша повесть...

— Гонораром за книгу может стать решетка и колючая проволока. Не пришло еще время писать открыто. Причина тому — наша жестокая и трусливая потаенность, от которой, впрочем, и все беды нашей страны. И в гонорах ли тут дело?!

«И в них — тоже, наверное,— подумал Роман Семенович.— Ведь всего час назад приводили вы, дорогой товарищ, слова Твардовского, будто бы сказавшего: «Моя сберкнижка — ваша сберкнижка».

В брызгах заходящего вечернего солнца, в потоках апрельского ветерка, посту- павшего в чуть приоткрытую часть вагонного окна, весело раскачивались вишневые веточки, стоявшие в хрустальной вазе. Роман Семенович смотрел в окно. И впервые, кажется, обратил внимание на то, что тени, отбрасываемые деревьями,— голубые. Почему вдруг голубые?

Из коридора слышались голоса весело проходивших пассажиров. Смеялись. Наиболее любопытные — заглядывали в двери вроде бы случайно, на самом деле, чтобы взглянуть на живого знаменитого писателя.

... Гремели колеса, вокруг, насколько можно было видеть, раскинулись поля. От- куда они здесь, в Подмоскowie? И снова — строительные площадки, склады, склады, окруженные высоченными заборами. Солженицын смотрел в окно и неожиданно рассердился: «Загородились...» И в очередной раз набросился на Романа Семеновича, продолжая его обличать. Так, наверное, орел, нет, скорее коршун, терзает, аж перья летят, попавшую ему в лапы птицу.

...Иногда градус спора падал, и попутчики беседовали вполне мирно, философст- вовали. Поговорили о людях-перевертышах:

— Это страшный вопрос, если отвечать на него честно.— Солженицын поправил вазочку с вишневыми веточками, сползавшую к краю. Побарабанил по столешнице пальцами.— Сам задумываюсь: когда и как человеческое переходит в нечеловече- ское? Физики, к примеру, знают пороговые величины, как то: свечение газа, переход газа в жидкое, потом — в твердое состояние... Преодолевается какой-то порог... Зло- действо — величина пороговая. Что-то срывается, соскальзывает, перейден порог — и нет человека, а есть палач, убийца... К такому переходу склонны чаще всего люди вашей системы...

— Такое может случиться со всяким,— возразил Роман Семенович.— С вами, например. Ошибки в нашей стране — устраняются, многое исправляется. А вы, по- моему, вы — просто людей не любите!

— В чем-то мог бы и согласиться... Жизнь приучила меня к плохому гораздо больше, чем к хорошему. В плохое я верю с готовностью. Я еще в лагере усвоил по- словицу: «Счастьем не верь, беды не пугайся».

— И я повидал в жизни много злого и нехорошего — сказал Роман Семенович.— «Голодомор» 30-х годов на Украине, в итоге чудом остался жив. На войне постоянно рисковал. В меня бросили гранату — во мне десятки осколков, которые врачи полго- да выковыривали. Но не озлобился.

— Вы,— возразил Александр Исаевич,— не видели, не пережили и десятой доли того, что я. Об вас не вытирали ноги. Не издевались. И кто? Власти... А вы им про- стили все. Вы служите им. Вы их охраняете... Воля ваша. Из пустой души ничего не изречется!

Солженицын вышел, разгневанный, и в купе больше не зашел.

Поезд медленно подходил к Курскому вокзалу. Писатель, стоя у окна в коридоре вагона, курил, с кем-то беседуя. Когда поезд остановился, его вещи забрал его мос- ковский товарищ, пришедший встречать Солженицына.

«Поговорили!..— подвел итог всему Роман Семенович.— Ни тебе «до свидания», ни тебе «прощай». Ни разу даже по имени-отчеству не назвал, не спросил, как зовут... Хорошо хоть в итоге количество жертв, якобы загубленных мною, снизил до двух- трех сотен, в десять раз. Спасибо...».

— Ну вот я и в Москве,— говорил между тем Александр Исаевич товарищу, несшему его чемодан и дорожную сумку.— Не люблю я Москву. Суэта. А через пару дней буду дома. Домой, домой, в укryвище! Чтобы не угодить в узилище. Поездка была трудная, но не бесполезная.

Накрапывал мелкий дождик.

— «Засыпал Шухов вполне удовлетворенный. И таких дней,— вдруг начал цитировать свою повесть Александр Исаевич,— было у него, Ивана Денисовича, аж три тысячи шестьсот пятьдесят три. Из-за високосных годов — три дня лишних набавлялось». Это я к чему? Столько лет прошло, а до сих пор с опаской, с недоверием смотрю я на эти голубые петлицы, на эти энквэдэшные погоны с голубыми кантами...

— Это ты о подполковнике из твоего купе?

— Да... Поговорили!.. Среди них есть, конечно, и неплохие люди, только служба у них — собачья. И образование, вроде, есть, скажем, мой визави до войны закончил два курса института в Киеве, потом военное училище, университет...

Жалел ли Солженицын о продолжительном общении с этим непонятно зачем подсевшим к нему человеком... «Все уготованное должно укупеть в очередную книгу... Ни одна блоха не плоха... Закон творчества — быть выше своего гнева и воспринимать сущее с точки зрения вечности. А я — кипячусь»,— «укорачивал» себя Александр Исаевич.

... А встречали писателя хорошо. Роман Семенович насчитал десятка три встречавших. Радостные лица. Цветы, восклицания. Вспышки магния при фотосъемках. Пользовался уже славой и уважением Александр Солженицын.

Как-никак — знаменитость!

III

Всегда бывает так, что когда уходит из жизни великий человек, разгораются споры, связанные с его именем, его идеями. Роман Семенович по выработанной десятилетиями привычке думать, решать, оценивать по команде свыше, решил еще раз обратиться к известной писательнице. С ее помощью он мог умнее объяснить себе и другим сложные проблемы литературы и литературного творчества. Старушка, а лет ей было далеко за 80, была жива и хорошо помнила то свое выступление сорокапятилетней давности перед офицерами МВД. В своей оценке творчества Солженицына,— а именно это волновало Романа Семеновича,— она была еще резче и еще непримиримее. «Как писатель,— сказала она,— он... так себе. Кроме двух-трех вещей — ничего выдающегося не написал. Не люблю я его, очень не люблю».

Столь негативное отношение объяснялось тем, что известная когда-то писательница — сейчас почти нищенствовала. Пенсия — на уровне выживания. Свою прекрасную трехкомнатную квартиру сталинского типа в элитном доме и с потолками более чем трехметровой высоты она разменяла на двух- и однокомнатную квартиры. Двухкомнатную отказала приемной дочери с маленьким ребенком, а сама ютилась в однокомнатной квартире.

— Солженицын сокрушался,— сказала Наталья Степановна,— по поводу того, что литература не ускоряет историю. Как бы не так — ускорила! Правда, и западные друзья помогли. И чего добились у нас демократы с помощью этого провокатора? Всеми силами он боролся против коммунистического гнета, а на смену ему пришел еще худший режим. Он сам, увидев результаты рук своих, ужаснулся: в тех же верхних эшелонах власти — те же рожи, гибрид уцелевшей номенклатуры, акул финансового подполья и лжепредпринимателей.

И такая власть, по мнению старой мудрой писательницы, сохранится не 70, а 170 лет.

— Изобрел какой-то «новояз». Ужас! Язык — натужный, вычурный, вымученный. Слова выдумывает и использует без всякого отбора, и понимаешь, что сам-то он лишен элементарного литературного вкуса и чутья,— возмущалась писательница.— Что это такое: «укорная, перебойчатая мысль»? Это издевательство над языком или над нами, читателями?

— Над чем работают писатели? Об этом спрашивают не только у нас, но и по

всей планете. Всюду кризис: в экономике, в литературе, кино, театре. Показали, описали, воспели педерастов, проституток, генерал-предателей,— и всем стало скучно! «Жить стало скучно, потому что умирать не за что»,— заявлял один из моих героев из романа «Совесть». В этом вся беда!

Не удержался Роман Семенович и спросил писательницу о положительном герое.

— Нет его в современной литературе. А он обязательно должен быть! Дурь, грязь проходят, а высота и чистота останутся!

... Ткаченко прослужил в одном и том же полку в одной и той же должности, в одном звании — подполковником, до самого ухода в отставку. Звание полковника дали ему «вдогонку», как участнику войны. Никуда он не рвался, потому и не вырос. Единственный его сын, Николай, как и отец, стал оружейником. Это становилось семейной традицией. Окончил Харьковское военное училище. Любопытно, что специалистом — оружейником — стал и внук Романа Семеновича, Игорь.

А в усмирении бунта заключенных Роману Семеновичу участвовать все-таки пришлось, хотя он когда-то и уверял Солженицына, что это не его дело. Подняли тогда школу по тревоге. Взяли взвод курсантов, выдали автоматы, посадили на автомобили — и вперед! Роман Семенович под свою ответственность выдал солдатам патроны с холостыми зарядами, офицеры, естественно, получили боевые патроны. Дела большого и не было: заключенные скоро и разбежались, увидев вооруженных солдат и услышав автоматные очереди. Роман Семенович получил замечание от генерала за «самодеятельность», но позже тот же генерал и одобрил действия Ткаченко.

Уволившись со службы, Роман Семенович еще более двадцати лет отдал службе гражданской, работая кадровиком. На «гражданке», познав и оценив «свободную» жизнь, Роман Семенович постепенно убеждался, что прав был Солженицын. Припомнились слова его: «Надо было вращаться в умеренно-благополучную жизнь. Надо было не выделяться, быть образцовым советским гражданином, то есть всегда послушным любому помыканию, всегда довольным любым глупостям». Только вот секиры над своей шеей он, как когда-то Солженицын, не чувствовал. Скорее наоборот, его побаивались и даже сторонились.

Сейчас на девяностом году жизни он отдыхает. Получает приличную пенсию, далеко не маленькую, дай Бог всем такую. Через год ездит на курорты: и как ветеран, и как инвалид. Государство о нем заботится, оно не забывает тех, кто ему верно служил и служит. Уважает государство человека с ружьем. Кроме того, Роман Семенович почти ежегодно бывает у родных на Украине, в Винницкой области. Родственники его живут там бедно и завидуют Роману Семеновичу. Свою солидную библиотеку художественной, специальной и политической литературы Роман собирается продать и совсем не дорого, но покупателей не находится. Обладая крепкой, профессиональной, фотографической памятью, Роман Семенович помнит встречу со знаменитым писателем до деталей, но вспоминать о ней не любит. До пенсии Солженицына не читал, зато выйдя в отставку — восполнил упущенное. Но всю жизнь за судьбой писателя следил, знал, что тот был выдворен из страны, стал Нобелевским лауреатом, знал, что при Ельцине вернулся писатель на родину. Как многие помнят, по случаю восьмидесятилетия Ельцин наградил именинника орденом Святого апостола Андрея Первозванного. Но Солженицын ордена не принял: «От верховной власти, доведшей Россию до нынешнего гибельного состояния, я награду не приму». «Надо же такое учудить,— сказал тогда Роман Семенович.— Впрочем, одобряю! Заметно к худшему меняется жизнь в стране».

А когда Александр Исаевич ушел из жизни, помянул его и добрым словом, и сотней граммов «фронтовых».

Ткаченко в том далеком шестьдесят четвертом году все ж прочел повесть об Иване Денисовиче. Оценил, но кое-что не понравилось в ней. Двадцать лет спустя книгу перечитал. И показалось ему, что она претерпела изменения. «Видимо, Солже-

ницын учел критику. А ведь каким непримиримым и непробиваемым он был тогда, сорок пять лет назад!»

...Вот и подошел к концу мой рассказ. Много у героев моего повествования общего: оба хорошо образованы, оба прошли богатую школу жизни. Да и возрастом почти не разнятся: Александр старше Романа всего на три года. Совпало и то, что оба именно в феврале победного сорок пятого оставили не по своей прихоти военную службу. Один, как мы знаем, угодил за колючую проволоку, другой — на службу в НКВД-МВД.

Встретились случайно, обидели друг друга — и разошлись непримиримыми. А по логике вещей, по русскому обычаю — обняться бы им, опрокинуть по стаканчику-другому чего-нибудь, что покрепче, поделиться пережитым, ведь воевали где-то совсем рядом... Не получилось. Не судьба. Знать самим небом предназначалась каждому своя особая роль. Могли бы пожать друг другу руки, сказать: «Я не прав, прости!», а сказалось: «Прав — я! Не прощу!»

А что могло их когда-нибудь примирить? И могло ли?

От главного редактора: *С творчеством Николая Александровича Мых-Степняка начал знакомиться со второго года издания межрегионального литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главным редактором которого являюсь.*

Отбирая материал для комплектования журнала № 3, 2007, обратил внимание на стихи известного украинского поэта-«шестидесятника» Василя Симоненко в очень квалифицированном и адекватном переводе Н. Мыха-Степняка и поместил их в рубрике «Великая дружба». Далее в редакцию журнала поступили два его очерка, один из которых вошел в № 1, 2008. А совсем недавно прочитал свежееизданную (Тула: Левша, 2008.— 132 с.) книгу Николая Александровича «Больше всего я люблю истину... Пьеса для чтения и постановки на сцене» с подзаголовком, вынесенным на обложку: «Жизнь Л. Н. Толстого, рассказанная им самим и С. А. Толстой».

В активе у писателя также книга «Пятый урок Ибрая Алтынсарина: Документальная повесть», изданная в Алма-Ате, в издательстве «Кайнар» (1998 г.), а также большое число публикаций — рассказов, очерков, стихотворных переводов и исторических исследований — в различных изданиях периодики России, Казахстана, Украины, в том числе в журнале «Дружба народов» (Москва), в республиканских газетах «Крымские известия», «Казахстанская правда», в изданиях АПН и пр.

Как уже следует из названий изданий и издательств, Николай Мых-Степняк суть яркий представитель того, некогда мощного пласта населения 1/6 части земной суши, что с гордостью произносят песенные слова: «Мой адрес не дом и не улица; мой адрес — Советский Союз!»

Действительно, родился за год с небольшим до начала Великой Отечественной войны в небольшом поселке Кустанайской области Казахской ССР. Учился на железнодорожника в Актюбинске. В Советской Армии служил на Сахалине. Там же учился в Южно-Сахалинском пединституте, но высшее педагогическое образование получил в Уральском педвузе. И еще одно высшее образование (не нынешние два-три-четыре... «образования» за умеренную плату...) — факультет журналистики в ВПШ КазССР. Кандидат филологических наук. А с 2001-го живет в Туле. Вот такая география. И работа учителем, директором школы, журналистом, партработником, доцентом, зав. кафедрой ВУЗов.

...И постоянно из журналиста «перерастал» в писательское сословие. Как мне представляется, читая автобиографию Н. Мых-Степняка, что и образования в различных учебных заведениях он выбирал обдуманно, как существенное методологическое подспорье для серьезной литературной работы, время которой пришло (см. перечисленные выше издания).

С украинскими корнями, большую часть жизни проживший в Казахстане, человек высокой русской культуры, очеркист, драматург, поэт и писатель-прозаик... — в этом этнокультурном и жанровом переплетении важным представляется выявить творческую доминанту Николая Мых-Степняка. Многие здесь подсказывает и увлечение всей его жизни - изучение творческого духовного наследия Л. Н. Толстого. На сегодняшний день квинтэссенцией такого изучения-постижения у писателя является пьеса «Больше всего я люблю истину...». И в произведениях Мыха-Степняка четко прослеживается лейтмотив любви к истине, прежде всего в творчестве.

Василий Мишин

(г. Тула)

МЕДАЛЬ ЗА ОТВАГУ

Возвращался Роман Петрович большаком, глотая раскаленную пыль, поднимаемую июньским ветерком, а когда показались вдаль деревенские дома, свернул с него и напрямик подался через косогор, потом по лощине, по равнинному берегу речки. Хотя это было дальше, но зато теплом и радостью наполнилась душа. Каждый бугорок, каждая тропинка здесь истоптана босоногим детством: та же самая трава стелется под ногами, тот же самый пряный запах, не выветренный временем. И речушка — бежит себе, плещется о равнинные берега, журчит на каменных перекатах. Никогда не забывал он о родных местах, во сне снились, звали к себе.

По едва заметной тропинке поднялся на крутой бугор и у первого встречного, а им оказался рыжий мальчуган, спросил:

— Скажи-ка мне, дружок, где тут у вас сельсовет?

— Да вон видишь дом кулака Авдеева? — и показал на середину деревни, где стоял дом, в котором располагался сельсовет. Эти слова сильно резанули Романа Петровича. Надо же — дом кулака Авдеева! Стало быть, не выветрились из памяти сельчан те, казалось бы, уже давние события.

— Чей ты будешь? И как тебя зовут? — спросил огорченно он мальчика.

— Я Гриша. Фроловых знаете?

— Ну как же мне не знать! — Роман Петрович помнил всех в деревне, помнил дворовые прозвища.

Подходя к бывшему своему дому, а вернее сказать, к отцовской усадьбе, он испытывал необъяснимое чувство волнения. По шатким скрипучим ступенькам поднялся на крыльцо и через прихожую вошел в комнату. Знакомый стол, знакомая обстановка, те же самые стулья, только сильно потертые и засаленные, беспорядочно расставленные вдоль стены. А лицо человека, сидящего за столом, кого-то напоминало.

— Здравствуйте! Я к вам по делу.

Тот, не вставая из-за стола, долго всматривался в неожиданного посетителя и, угадав, холодно произнес:

— Ты, что ли, Роман Петрович? Каким ветром к нам?

— Да вот вернулся в родные края. Куда же мне подаваться, — ответил Роман Петрович. Сразу по голосу узнал в сидящем за столом человеке односельчанина, активиста в кампании по раскулачиванию зажиточных крестьян — Семена Дубова. Для обоих неожиданной была встреча. Задав еще несколько вопросов, Дубов сказал:

— Ты на этот дом не рассчитывай, здесь теперь сельсовет. Селись на краю села. Там у нас пустует изба. Разберешься. Как у тебя с документами?

— Как же без них. Есть. Вот, — Роман Петрович протянул документы.

Семен долго их рассматривал и, не скрывая недовольства, сказал:

— Ты там времени даром не терял, раз оказался на хорошем счету и искупил свою вину перед Советской властью: хоть к награде представляй.

— Я ни перед кем не виновен.

Не стал дальше Роман Петрович продолжать разговор на эту тему.

Так и пришлось ему поселиться в старом брошенном домике. Обустроил его. И старуху свою, Матвеевну, привез. Ноги у нее болели, потому редко выходила на люди, больше дома сидела или копалась в огороде.

Роман Петрович — в деревне человек не пришлый. Здесь его корни. Дом, занятый сельсоветчиками, его родной дом. Раньше была усадьба, со стороны поля обнесенная небольшим земляным рвом. Стройный ряд старых ракич останавливал холодные северные ветры. Ракич уже нет, нет дворовых построек. Никому не нужным стал яблоневый сад. Теперь придется как можно реже ходить мимо нынешнего сельсовета, чтобы лишний раз не терзать себя воспоминаниями о прошлом, чтобы душа не болела по бывшей своей усадьбе и нынешней ее запущенности. Без хозяина, как говорится, дом сирота. Собственно, дом-то принадлежал его отцу. И раскулачивали отца, а не Романа Петровича. И не кулаком был отец, а просто справным, зажиточным крестьянином. Стал он поперек дороги местным активистам. Такие, как Семен Дубов, навесили на семью ярлык «кулака». В его понятии « кулак» — пособник врагу. Отняли скотину, отвели ее на общий двор. И имущество, хоть не богатое, а оно было. Растащили. Все пошло прахом. Хотя хозяйство теперь общее, но за ним нужно следить, как за своим личным. Без хозяйского пригляду вряд ли дела пойдут в гору. Одним словом — не свое, чужое. А кто раскулачивал? Партийцы. Какие они партийцы! Обыкновенные голодранцы, у которых ни кола, ни двора. Лодыри. Они на земле работать не умеют. А громче всех кричали во все горло:

— Кулачье! Отобрать! Выселить! Расстрелять!

Выселили. Семья Авдеевых была большая — отец, два сына с женами. Все работящие. Добрались до казахстанских степей — бескрайних, не тронутых плугом земель. Бог от рождения дал русскому мужику трудолюбие и терпение. Была бы земля-кормилица, а ее здесь вон сколько! На новом месте обустроились быстро, но нелегко далось это обустройство. Годы брали свое — помер отец. А Роман Петрович так и не смог свыкнуться с новым своим местожительством. Он понимал, что в родных местах, куда так рвалась душа, найдутся люди, которые будут держать камень за пазухой. Без молвы и пересудов, без косых взглядов не обойдется. Жена, Матвеевна, может, пойдет на поправку, возвратившись в родные края. Что только не придумывал, чтобы оправдать свое возвращение. И вот уехал. Взял с собой только самое необходимое. Всего не увезешь.

Не таил он ни на кого зла, но и любви не питал к установившейся власти. Хотя понимал — она навсегда. Время исцеляет, рассеивает сомнения, притупляет обиды, если они и были. Понимал также: от ярлыка «классовый враг» никуда не денешься.

Жизнь на селе шла своим чередом. Люди работали в поле, на ферме. Бывшие мальчишки выросли и стали парнями. Гоняет по улицам малышня, родившаяся уже в отсутствие Романа Петровича. Стал потихоньку таять холодок во взаимоотношениях с сельчанами. Другие люди пришли к руководству деревней. За это время кто-то выслужился и пошел в гору, кого-то сгубила бремя власти, кто-то был раздавлен самой властью.

О войне люди не думали. А вот там, наверху, знали, что не миновать войны, но оттягивали ее как могли. Время нужно было на подготовку. Только случилась она неожиданно, и застала всех врасплох. Райвоенкомат успел произвести мобилизацию всех призывных возрастов. Поредела деревня. Слез пролито было немало на проводах в армию. Затихли деревенские вечеринки с танцами, посиделками. Ушли на фронт гармонисты.

Немец шел по стране, железной мощью уничтожая все на своем пути. Казалось, ничем не остановить его. Дошел до родной деревни Романа Петровича, черной тенью накрыл ее. С грохотом пронеслись по улице машины, тягачи с пушками, в серых

шинелях мышиного цвета топтали деревенские улицы немцы. Люди старались поменьше выходить из домов. Дом, в котором раньше располагался сельский совет, теперь заняли немецкие власти.

Вызвали в комендатуру и Романа Петровича.

Немецкий офицер усадил его напротив, похлопав покровительственно по плечу, через переводчика говорил:

— Мы знаем про тебя все. Коммунисты отняли у тебя дом, убили отца, в тюрьму тебя посадили. Мы все тебе вернем — землю, дом, хозяйство. Будешь старостой. Ты ведь этого хочешь?

Не сразу дошло до Романа Петровича, что от него хотят. Никто его не слушал, не спрашивал на это согласия. Зачем ему власть? всю жизнь сам ходил под чьей-то властью. Неужели на старости лет и в его руках будет власть? А зачем она ему эта власть?

Пришел домой. Из головы все равно не мог выбросить разговор в комендатуре. Что только не передумал. Чем больше предавался размышлениям, тем муторнее становилось на душе. Староста. Он хорошо понимает, чем придется заниматься. Что будет думать о нем сельчане? Голова шла кругом.

Новый немецкий порядок действовал повсюду. На постой немцы становились в лучших домах, безжалостно вышвыривая на улицу их прежних обитателей. Вчера расстреляли двух комсомольцев, двух молодых парней. Они взорвали склад с горючим. Знал их Роман Петрович, жалко было ребят. Немецкий офицер в бешенстве кричал на него:

— Где списки коммунистов и комсомольцев? Где списки семей, у которых родственники в армии или в партизанах?

Однажды попробовал было заступиться Роман Петрович за Наталью, мать троих детей, у которой последнее выгребли из закрома. Засмеялся немец, снисходительно похлопал его по плечу:

— Не надо расстраиваться, господин староста. Не стоит их жалеть.

Пришло окончательное понимание планов оккупационных немецких властей: уничтожение мирного населения. Уничтожение руками обиженных или недовольных Советской властью.

Самого Романа Петровича никто никогда не жалел, но всякую снисходительность к себе он воспринимал как оскорбление.

Жизнь в деревне продолжалась по законам военного времени. Немцы вгрызались в землю, закрепляясь на данном участке. Однако их позиции подвергались почти ежедневному обстрелу. Случалось, что крайние дома деревни переходили из рук в руки. Шли бои местного значения.

Роман Петрович был дома. Матвеевна расспрашивала его о деревенских новостях. Не любил он об этом говорить. Непокойно на душе, непокойно на улице. Участилась что-то стрельба. Подойдя к окну, наполовину замороженному, он увидел бегущих немецких автоматчиков. С воем пролетел снаряд, ударился о мерзлую землю. Высокий черный столб поднялся на том месте. Перестрелка перешла в бой.

В это время разведывательный отряд красноармейцев под прикрытием артиллерии пошел на прорыв немецкой обороны как раз в направлении домов, расположенных на краю деревни. Роман Петрович стоял в простенке между окнами. Дзинькнула пуля, пробив замороженное стекло. Оно не разбилось, только от круглого отверстия в нем разбежались во все стороны мелкие лучики. Выглянув еще раз, он увидел еле заметные фигурки красноармейцев в белых маскировочных халатах, залегших на дальних подступах к деревне. Короткими перебежками, поддерживаемые артиллерией, они теснили немцев. Но вот над головой Романа Петровича застучал пулемет. Стоило только поднять голову наступающим или сделать рывок, как пулеметная очередь с чердака прижимала их к земле. Роман Петрович видел, что атака может за-

хлебнуться. Сколько поляжет ребят! А как им помочь? В жизни может наступить такая минута, когда в одно мгновение созреет неожиданное решение, от которого будет зависеть не только жизнь людей, ради которых принято это решение, но и твоя. Не задумываясь в правильности принятого решения и его последствиях, он метнулся в сени. В руки попались вилы. Быстро, по-стариковски, поднялся по лестнице на чердак. Перед ним, распластавшись и широко раскинув ноги, за пулеметом лежал немец. Из чердачного окна хорошо просматривалось заснеженное поле. Все как на ладони. Видны наши бойцы в белых маскировочных халатах, залегшие среди снежных заносов. Короткими очередями гитлеровский пулеметчик прижимал их к земле. Встал Роман Петрович над фашистом. Что дальше делать? Как убить? Перед ним человек, хоть и враг. Не был Роман Петрович на войне, потому не приходилось стрелять в людей, тем более убивать да еще вилами. Сколько за всю жизнь этими вилами наметано стогов сена, заскирдовано соломы! Вся жизнь связана с косою, граблями, плугом да вилами. А тут вот такое дело. Не помня себя, он закричал:

— На-а-а!.. Получай, иуда!

Ошеломленный этим криком, немец вскочил. Увидев старика с вилами, опомнился, и в считанные секунды схватил рядом лежавший пистолет.

Роман Петрович с силой вонзил занесенные вилы...

Скоротечный бой закончился. Разведывательный отряд на плечах немцев, ворвался в деревню, отбросив их на другой берег речки. Разгоряченные боем, в избу бежали бойцы отряда и напрямиком на чердак.

— Это ты его, отец?

Понятно было без слов — кто же еще.

Спустились вниз. Изба была переполнена бойцами. Дым стоял коромыслом. Перевязывали раненых. К Роману Петровичу подошел, судя по погонам, капитан, крепко пожимая руку, обнял:

— Спасибо за помощь! От командования, от солдат, от себя лично выражаю благодарность.

Благодарили солдаты. Кажется, впервые за долгие годы жизни, так был счастлив Роман Петрович. Расспрашивал о жизни на той, на не оккупированной немцами стороне, о положении на фронтах. Оказывается, бьют немца, да еще как бьют. Фашистским зверствам на оккупированной территории скоро придет конец, настанет час расплаты за все.

— Будем ходатайствовать о представлении вас к награде,— сказал капитан, крепко обнимая Романа Петровича и пожимая руку.

Выполнив разведывательное задание, и взяв «языка», отряд под покровом вечерних сумерек, отстреливаясь от наседавших фашистов, покидал окраину деревни.

— Может, с нами пойдешь, отец? — звали с собой бойцы.

— Куда мне старику с вами. Не один я, жена больная,— говорит Роман Петрович.— А вы поскорее возвращайтесь!..

Теперь снова окраина деревни в руках немцев. Они осматривали каждый дом, каждое строение — не остались ли в засаде русские солдаты. Ожесточенно избивали мирных жителей. Ворвались в избу Романа Петровича, схватили его и устроили допрос:

— Говори, ты убил немецкого пулеметчика?

Отпираться не было смысла, кроме него некому было убивать.

— Я,— говорит Роман Петрович.

— Зачем ты сделал это?

На этот вопрос не смог он ответить. Ни к чему тут высокие слова, если бы даже он их и знал. Ненависть к врагу? А что такое ненависть? Он знал одно — перед ним нелюдь, который незвано пришел на его родную землю. Пришел разорять, грабить, убивать. Он должен за все ответить.

— Коммунист? — кричит взбешенный немецкий офицер.

Роман Петрович во время допроса прямо смотрит в лицо фашиста. А тот, не выдержав этого взгляда, нервничает, вскакивает, тычет перчаткой в грудь, брызжет слюной. «Какой я коммунист,— думает Роман Петрович.— Коммунист тот, кто боролся за Советскую власть, коммунист тот, кто с оружием в руках воюет с фашистами. Вот красноармейцы — они, коммунисты».

— Ты коммунист! — снова кричит немецкий офицер.

Не может, не имеет права причислить себя к коммунистам Роман Петрович и не успевает ничего ответить, как снова крик немца:

— На колени!

Сжав кулаки, с высоты своего роста, смотрит Роман Петрович на взбешенного офицера. Перед кем вставать на колени? Перед ним? Никогда!

— На колени! — снова командует немецкий офицер. Забегал по избе, гремя подковами начищенных до блеска сапог.

Никогда ни перед кем не стоял Роман Петрович на коленях. Понял он, что пришел час смерти, и в последний раз уничтожающе посмотрел на окруживших его фашистов. Тогда гитлеровец подал рукой знак конвоиру. Тот со всего размаха прикладом винтовки ударил по поясице Романа Петровича. Хрустнуло что-то там и он, теряя сознание от нестерпимой боли, стал медленно заваливаться на бок. Последнее, что услышал:

— Расстрелять!..

Сползла с полатей Матвеевна, упала без чувств на Романа Петровича:

— Что они с тобой сделали! За что они тебя убили! Господи, на кого ты меня оставил, как мне теперь без тебя жить. Возьми меня с собой!

Долго еще она оплакивала мужа. Тому свидетели — осиротевшие стены избы да божница в красном углу...

Прошло три дня. Заметили соседи — никто не выходит из избы Романа Петровича, и самого старосты не видно, должно быть что-то случилось,— подумали они. Сами войти в избу не решились, как никак, к самому старосте идти-то. Послали Гришу, самого бойкого мальчишку. Он сразу же вернулся. Опустив голову, сквозь слезы выдавил:

— Умерли дядя с тетей.

Зашли в избу соседи. На земляном полу рядышком лежали бездыханные тела Романа Петровича и Матвеевны. Никто не знал, какую мученическую смерть приняли Авдеевы и за что.

Погост далеко, на той стороне речки. Туда везти не на чем и некому. Выкопали могилу за околицей. Хоть и служил старостой у немцев Авдеев, а человек он хороший был, никого не выдал, потому и зла на него никто не таил. Решили — хоронить надо их вместе. Вместе приняли смерть — вместе и лежать в одной могиле, под одним крестом.

Вскоре Красная Армия очистила деревню от немцев. Командный пункт расположился в бывшем здании сельского совета. Военные стали разыскивать Авдеева Романа Петровича. Прояснились подробности его гибели,— зверски был замучен фашистами.

До этого никто в деревне не знал о поступке Романа Петровича. Оказывается, во время одного из рейдов нашего разведывательного отряда он убил фашистского пулеметчика на чердаке своего дома, тем самым спас десятки жизней советских солдат. За это он был представлен к награде медалью «За отвагу». Только вот кому вручить ее теперь?

Перезахоронили их на деревенском погосте. А медаль осталась в сельском совете как память об Авдееве Романа Петровиче.

Борис Кобринский
(г. Москва)

МИРАЖ
(Петроград 1917-го)

Борис Аркадьевич Кобринский родился в 1944 г. в Москве. Образование получил во 2-м Московском медицинском институте и Московском институте радиотехники, электроники и автоматики. Автор более 400 научных работ, в том числе 12 книг. Член редакционных коллегий ряда отечественных и зарубежных научных журналов. В течение ряда лет совмещает литературную работу и научную деятельность, является руководителем Медицинского центра новых информационных технологий Московского института педиатрии и детской хирургии. Доктор медицинских наук, профессор, академик Российской академии естественных наук и Международной академии информатизации. Один из ведущих специалистов в области медицинской кибернетики и информатики. Лауреат литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2009 год.

Ранее публиковались отрывки из воспоминаний и литературоведческое эссе.

*Я снова
В давно минувшем живу*

Бусон

*И поспешили низойти
Ко мне видения толпою...*

А. Чижевский

*Цель искусства, цель жизни,
может, только в том и состоит,
чтобы увеличивать совокупность
свободы и ответственности,
присущих каждому человеку и миру в целом*

Альбер Камю

Хмурый день второй половины октября, идет дождь. В Мариинский дворец, на очередное заседание собираются члены Временного Совета Российской Республики, более известного как Предпарламент. Среди них можно видеть Веру Фигнер, участницу покушения на Александра II, и октябриста Александра Ивановича Гучкова, «бабушку русской революции» Екатерину Константиновну Брешко-Брешковскую и представителя военного флота Ивана Михайловича Баженова, основателя группы «Освобождение труда» Георгия Валентиновича Плеханова и известного кадета Павла Николаевича Милокова, знаменитого писателя Леонида Андреева и одного из руко-

водителей партии эсеров Виктора Михайловича Чернова, видного меньшевика Федора Ильича Дана и философа Николая Александровича Бердяева, автора первого «Манифеста РСДРП» Петра Бернгардовича Струве и Николая Васильевича Чайковского, под именем которого вошел в историю народнический кружок «чайковцев». С 7 октября, дня первого заседания Совета, не прошло еще и месяца их совместной деятельности. Практически все члены этого органа поддерживают принцип народовластия, но как далеки друг от друга бывают их взгляды на решение конкретных вопросов. И это при том, что крайне левые — фракция большевиков — вообще отказались от участия в его работе, заявив еще на первом заседании устами Троцкого, что «с этим правительством народной измены и с этим Советом контрреволюционного попустительства мы не имеем ничего общего».

Сегодня, 24 октября, на заседание должен приехать глава правительства Александр Федорович Керенский. Но начало как всегда затягивается. Собираясь группками, члены Предпарламента негромко беседуют. Слышно как в разговорах члены Совета вновь возвращаются к проблеме кризиса фронта, находясь под впечатлением недавнего выступления военного министра генерала А. И. Верховского, в котором он так обнаженно, как никто до него, говорил о жутком состоянии армии, о неминуемой катастрофе, намекал на необходимость переговоров с союзниками о мире. Тем более сейчас все указывает на большевистскую угрозу и невольно вспоминаются слова Церетели на Первом съезде Советов, что контрреволюция «может ворваться через большевистские ворота». И это видится все более реальным, ведь 18 октября в горьковской «Новой жизни» было опубликовано письмо старых большевиков Каменева и Зиновьева против решения о большевистском восстании. Значит, ленинцы все-таки готовятся нанести удар.

О чем-то разговаривают, стоя у колонны, Юлий Осипович Мартов с Германом Владимировичем Шубом. Они встретились, еще не войдя в зал, перекуривая перед заседанием. Оба заядлые курильщики. Юлий обычно вообще не выпускает папиросу, он прикуривает их одну от другой, не давая предыдущей погаснуть, так он привык в течение многих лет. Поблескивают пенсне. Особенно сильно бликует оно у Мартова, который говорит энергично, с жаром, жестикулируя, чуть заикаясь, глядя снизу вверх своими умными глазами на более высокого друга. Сейчас в его лице нет и намека на мягкость и грусть, свойственные ему в спокойной обстановке, не проглядывает в его словах и свойственная его речи ирония. Герман напряжен, но в его лице и фигуре нет той лихорадочности, которая сжигает темпераментного Юлия. Хотя глаза выдают напряжение.

Шуб всегда собран внешне и внутренне. Таким он был и мальчишкой, членом еврейской самообороны в Минске, и юношей на пресненской баррикаде в 1905. Он значительно моложе Мартова, но это не очень заметно, так как он выглядит много старше своих лет. Но при этом, по типу общения можно догадаться, что они не только единомышленники, но и друзья. Их знакомство восходит к 1913 году, когда Юлий между двумя эмиграциями жил в Петербурге.

Сегодня у них нет расхождений в отношении того, что еще может изменить общую критическую ситуацию и остановить надвигающийся переворот. Герман настойчиво говорит о том, что время не терпит и необходимо потребовать от власти экстренных действенных мер, а не ожидания решений будущего Учредительного собрания. Хотя бы,— подчеркивает он,— следовало принять проект закона Чернова-Маслова о переходе земли до Учредительного собрания в распоряжение земельных комитетов. В развитие этой мысли Юлий как бы продолжает начатую фразу:

— А если мы этого не добьемся от нынешнего правительства, то будем иметь дело с новым, крайне левым, ленинским. Время и так почти упущено.

Друзей отличает способность быстро схватывать чужую мысль, разбираться в

сложных вопросах текущих событий. Оба не сомневаются в том, что нельзя дальше откладывать созыв Учредительного собрания, что необходимо добиваться от правительства и, в первую очередь, от его главы, быстрых и ответственных решений. А может быть, и передачи власти в руки однородного социалистического правительства из представителей тех партий, которые согласятся с этим, и независимых.

— Нам нужен уже не только лозунг «Всей демократии вся власть», нам нужно всеобщее единение во имя спасения революции,— чуть сильнее заикаясь говорит Юлий.

— Мы стоим на краю бездны,— теперь уже взволнованно, но жестко, произносит Герман,— и готовы свалиться туда при малейшем толчке, которым может быть еще одна попытка переворота со стороны право- или лево-радикальных сил. И кроме вопроса о земле нужно тотчас же решать проблему перемирия или даже мира на любых условиях. Только этим можно удержать от взрыва фронт.

В вопросе войны и мира они придерживаются центристских позиций, не принимают лозунга поражения «своего» правительства, хотя и не считают его своим с идейных позиций.

В это же время сидящий недалеко от них Николай Васильевич Чайковский, член Президиума Предпарламента, продолжает обдумывать новые доводы в пользу первостепенного решения вопросов обороны страны, о чем он говорил здесь с трибуны 12 дней назад.

Диссонансом по отношению к собравшимся здесь взволнованным людям выглядела эта роскошная зала с беломраморными колоннами и хрустальными люстрами, место заседаний Государственного совета Российской империи, хотя со стульями вместо кресел и затянутой холстом картиной Репина «Торжественное заседание Государственного совета». Этот зал как будто отталкивал их, привыкнув к чинно-спокойным обсуждениям другой публики. Быть может, поэтому многим из них не давалась здесь наступательная, свойственная в прошлом, позиция. Но, скорее всего, причиной было то, что помыслы их были разнонаправлены, и потому отсутствовала единая, их объединяющая, воля.

А между тем в будущем, которого не могли знать собравшиеся в этом зале, но представляли они его по-разному, большинство из них будут названы новой властью врагами революции, якобы неспособными на отказ от прошлого, от сотрудничества с так называемыми нетрудовыми элементами. А так большевики называли не только владельцев крупных и мелких предприятий, магазинов, лавочек, но и большинство российской интеллигенции, независимо от ее политических взглядов.

Между тем разговор двух друзей продолжается. Они говорят о том, что вера в революцию, в социалистическое будущее не исключает сомнений в способе и сроках достижения поставленных целей:

— Ты ведь помнишь Герман, что Маркс, говоря о переходе к социализму, предполагал определенный уровень политической культуры широких слоев населения европейских стран.

— А в России, которая всего лишь чуть более полувека назад отказалась от крепостного права, тем более требуется эволюция и сознания, и культуры, — произносит Герман, как бы размышляя.

— Да, для нас это утопия, а может быть, и преступление, — поддержал его Мартов.— И ленинское жесткое противопоставление классов — путь к гражданской войне. Я сейчас просто не понимаю Ильича, который тащит нас в пропасть. Хотя конспиративные партии бланкистского толка всегда склонны к радикальным действиям и призывам.

— Вспомни, Юлий,— продолжал Шуб,— что недавно умерший Максим Максимович Ковалевский, любимый народом историк, обращал внимание на политические

порядки, которые не могут быть перевернуты вверх дном без того, чтобы не причинить народу тяжких ранений. А сейчас Россия еще и больна от войны, и вылечить ее можно только скорым миром. А иначе, как в «Чертовых качелях» у Федора Сологуба: «Взлетим мы выше ели и лбом о землю трах».

Юлий соглашается с ним:

— Во время войны особенно сложно перестроить жизнь, а именно к этому зовет Ленин, призывая к войне классов, к гражданской. В то время как мы, социал-демократы-интернационалисты, призываем вырвать Россию из объятий войны.

В возбуждении Мартов произносит несколько громче:

— Или мы спасем революцию путем экстренного прекращения войны любым путем, или — большевистский переворот.

На эту фразу неожиданно откликается подошедший руководитель социал-демократической фракции Совета Республики Ф. И. Дан. К удивлению Мартова и Шуба он говорит:

— Необходимо срочно переломить сознание масс, что невозможно без мира и решения вопроса о земле.

Это так на него не похоже, что они не сразу отвечают. Но потом, перебивая друг друга, говорят о необходимости срочного объединения всех сил в Предпарламенте и в союзах для давления на правительство, чтобы объявить перемирие и передачу земли сегодня.

— И затем срочно решать продовольственный вопрос, — добавляет подошедший Федор Череванин.

Эти разговоры отражают изменение в психологии членов Предпарламента, их озабоченность складывающейся в Петрограде и на фронтах ситуацией, ощущение надвигающейся грозы.

Однако заседание уже началось с доклада министра внутренних дел А. М. Никитина. Около 11 часов неожиданно для всех, привычно быстрой походкой в зал вошел председатель правительства А. Ф. Керенский. Нельзя не заметить особую бледность его лица с воспаленными от бессонницы глазами. Он мрачен, хотя и возбужден, и немедленно обращается к председателю Совета Николаю Дмитриевичу Авксентьеву с просьбой предоставить ему слово для срочного сообщения.

Его речь была быстрой, но несколько рваной, с паузами между фразами. Своим излишне резким голосом, хотя и без присущей ему театральности, он начинает свое выступление. Говорит твердо и достаточно громко, хотя иногда сбиваясь и повторяя свою мысль:

— Россия переживает драматический момент. Всего неделю назад я предсказал, что столкновение с властью произойдет скоро, и весьма решительное. И я был уверен, что правительство справится с выступлением большевиков, что ему обеспечена поддержка питерского гарнизона. Увы, военное руководство Петрограда оказалось безвольным. А многие полки заняли выжидательную позицию. В такой ситуации возможна победа активного меньшинства, руководимого ленинцами.

И неожиданно для присутствующих он указывает, что правительство только что определилось в вопросе о передаче земель в распоряжение земельных комитетов и о необходимости решительно и точно определить задачи и цели войны, то есть поставить перед союзными державами вопрос о мире. Так и кажется, что Керенский подслушал приведенный выше разговор Мартова, Шуба и Дана.

А министр-председатель продолжает говорить о том, что предлагаемые правительством решения должны изменить ситуацию. Невольно обращает внимание, что сегодня не видно его обычного самомнения, так возросшего в период революции вследствие истерически-восторженного отношения к нему на митингах и улицах столицы. Он приводит бесспорные доказательства подготовки восстания большевиков против прави-

тельства, сопровождая их цитатами из статей Ленина последних дней в газете «Рабочий путь», и просит революционную демократию противопоставить свои силы вооруженным рабочим отрядам для того, чтобы справиться с поднимающимся слева валом.

Значимость этого обращения становится еще более ясной, когда Керенский говорит о том, что военно-революционный комитет большевиков предписал полковым и ротным комиссарам привести полки в состояние боевой готовности и ждать дальнейших распоряжений. В этот момент заместитель Председателя правительства А. И. Коновалов передает ему листок бумаги, оказавшийся копией документа, рассылаемого ВРК по полкам. После его прочтения, Александр Федорович с каменным лицом произносит:

— Часть населения Петрограда уже находится в состоянии восстания.

Понятно, что у него произошел перелом в отношении большевиков, и он перестал воспринимать их партию как один из отрядов революционной демократии. Сейчас глава правительства говорит о них, как о контрреволюционерах:

— Попытку переворота со стороны большевиков я могу охарактеризовать, повторив вопрос Павла Николаевича Милокова, заданный им с думской трибуны в 1916 году по поводу царского режима: «Что это? Глупость или измена?».

И, как бы отвечая, Керенский продолжает:

— В любом случае, сегодня — это измена революции!

И резко возвысив голос:

— Я обращаюсь к членам Совета Республики за содействием. Я прошу от имени страны, я требую, чтобы сегодня в этом заседании Временное правительство получило от вас ответ, может ли оно рассчитывать на поддержку этого высокого собрания? Я призываю вас приложить все силы, чтобы спасти государство и свободу! Я предлагаю всем партиям и группам, представленным в Предпарламенте, немедленно обратиться к своим членам и призвать их выступить в поддержку Революционного правительства. Только народные массы могут спасти сейчас революцию, как это было в июле. Временное правительство и я в том числе, предпочитаем быть убитыми и уничтоженными, но жизнь, честь и независимость государства мы не предадим. Все, кому дороги свобода и революция, должны сплотиться с полным взаимным доверием!

Он закончил. И подавляющее большинство, встав, свидетельствовало этим о своей солидарности с Временным правительством.

Выходя из зала, Керенский почти столкнулся с идущим ему навстречу Н. Н. Сухановым, газету которого он недавно закрывал. Приостановившись на секунду, он затем сделал шаг и с мрачным видом протянул ему руку.

В перерыв фракции обсуждали формулу объединения. Это, кстати, отвечало давней, еще с 1912 года, мысли Керенского о создании единого фронта либералов и социалистов.

После перерыва начались прения. Все говорили коротко. Было понятно, что времени на споры нет. Первыми, один за другим, на трибуну поднялись меньшевик Дан и эсер Гоц. И одинаково неожидан был тон их речей. Необходимы срочные меры в пользу крестьян, рабочих, солдат. Мир и передача помещичьей земли местным земельным комитетам, ускоренный созыв Учредительного собрания для утверждения принимаемых решений. Только так можно перехватить инициативу у большевистских агитаторов и сместить чашу весов настроения большинства населения в сторону демократических партий.

Дан призывает потребовать от правительства немедленного обращения к союзникам с предложением срочно открыть переговоры о всеобщем мире. Но при этом он подчеркивает:

— Революционная демократия чувствует себя на краю пропасти, куда ее толкают объективные условия, но туда же хотят бросить ее и наши товарищи слева, объеди-

нившиеся вокруг Ленина. Грозящие вооруженные столкновения означают не торжество революции, а торжество контрреволюции, которая сметет не только правительство, но и все социалистические партии. Спасение возможно сейчас только при опоре на силы революционной демократии в самом широком смысле. Нужно железной рукой принудить большевиков покориться воле большинства. Мы должны объединиться и создать Комитет спасения Родины и Революции.

Он заканчивает выступление напоминанием о своей июльской речи, где еще тогда указывал, что не считает «правительство идеальным, но если создались условия, при которых страну может спасти только это Правительство, то мы должны его поддержать».

Плеханов говорит о скатывании большевиков-ленинцев на позиции анархо-синдикализма, о забвении марксистской теории перехода к социализму и попытках подменить движение пролетарских масс заговором руководства партии. Он призывает все революционные силы сплотиться для защиты февральской революции, давшей народу свободу, спасти страну от опасности преждевременного социалистического переворота. Он указывает на пагубность в текущий момент психологии защиты и полуподдержки ленинцев как одного из отрядов революционной демократии. Одновременно он соглашается с Даном и Гоцем в необходимости экстренного прекращения войны и считает необходимым обратиться к солдатам, рабочим и крестьянам с разъяснением по поводу мира, решения продуктовых вопросов, сокращения рабочего дня и передачи земли.

Обаятельный даже в этот момент Церетели темпераментно обращается к членам Предпарламента:

— Всякий, кто восстанет против большинства революционной демократии, является врагом революции. Необходимы экстренные меры. Власть должна справиться с анархией, ибо она грозит стране гибелью. Надо спасти страну от большевистской угрозы анархо-синдикализма. И это спасение может быть достигнуто только единением большинства революционной демократии и всех живых сил страны. Мы должны призвать своих сторонников срочно выйти на улицы и преградить путь большевистским отрядам, показать им силу поддержки революционного правительства. Сегодня или никогда!

На трибуну, прихрамывая, поднимается «официальный» оратор фракции меньшевиков-интернационалистов Мартов и, как бы продолжая, начинает говорить:

— Я еще раз повторяю, что почва для восстания подготовлена правительством, но не время сейчас перестраивать власть. И я не теряю надежды, что та демократия, которая не участвует в подготовке вооруженного выступления, не допустит торжества людей, стремящихся остановить развитие революции. Но правительство незамедлительно должно дать гарантии реализации насущных нужд страны. В первую очередь Мы, Совет Российской Республики, я подчеркиваю, что именно Мы и Правительство должны высказаться за мир, не останавливаясь перед разрывом с империалистической коалицией.

И он формулирует свою знаменитую формулу:

— Или революция съест войну, или война съест революцию. И мы обязаны создать единый революционный фронт внутри страны!

Выступает видный деятель кадетской партии Набоков:

— Я думаю, что сегодня не время для долгих речей. Мы обязаны преодолеть в себе слабость русского либерализма и наши разногласия между собой и с революционной демократией. Это, видимо, последний шанс сохранить завоевания революции и предотвратить контрреволюцию слева. Надо отказаться от рабской подчиненности грядущим событиям и немедленно вступить на путь активной борьбы за недавно завоеванную свободу.

Шуб в своем выступлении говорит, что нельзя не согласиться с Горьким с его «Нельзя молчать» в отношении необходимости поставить заслон на пути повторения кровавых июльских событий, едва не погубивших дело Революции:

— История не простит нам колебаний и раздумий в этот трагический для России час.

Дан предлагает резолюцию, включающую требование к Правительству срочной передачи по телеграфу в армию и в губернские и областные центры решений по вопросу о мире, о передаче земли в ведение земельных комитетов для последующего распределения между крестьянами, об ускоренном созыве Учредительного Собрания. А всем партиям предлагается срочно отправить своих представителей на предприятия, в воинские части, в профессиональные организации, в учебные заведения для разъяснения текущей ситуации и экстренной организации массовых демонстраций в поддержку Правительства и Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Авксентьев объявляет голосование. Подавляющим большинством резолюция принимается.

В это же время меньшевик-интернационалист Суханов думает о возможности направиться в Смольный и договориться с большевиками. Но им уже не требуется ничьей политической поддержки, и они не собираются ни с кем обсуждать вопрос о власти. Переворот начался.

На улицах пока только немногочисленные патрули юнкеров. Войска Петроградского гарнизона в казармах. Они то ли выжидают, не желая вмешиваться в события, то ли ждут приказа из Смольного. Тем более, что наряду с обращением к полковым комитетам о готовности, ВРК Петроградского совета опубликовал в тот же день постановление, в котором говорится: «Вопреки всякого рода толкам и слухам, Военно-революционный комитет заявляет, что он существует отнюдь не для того, чтобы готовить и осуществлять захват власти, но исключительно для защиты интересов Петроградского гарнизона от контрреволюционных и погромных посягательств». Однако небольшие отряды Красной гвардии, солдат и матросов, направленные ВРК, уже продвигаются к центру города и начинают занимать стратегически важные учреждения.

В это время председатель Предпарламента Н. Д. Авксентьев, временно исполняющий обязанности председателя ВЦИК, лидер правых меньшевиков Ф. И. Дан и один из лидеров правых эсеров А. Р. Гоц едут с принятым решением в Зимний дворец. В сумерках осеннего дождливого дня Зимний, в котором светятся единичные окна, смотрится серой громадой доисторического бронтозавра. В Малахитовой гостиной происходит заседание правительства. Делегацию Совета Республики проводят в Серебряную гостиную, куда к ним выходит Керенский. Они знакомят его с принятым решением и быстро согласовывают совместные действия.

И вот руководители и агитаторы всех партий, работающих в Предпарламенте, отправляются в казармы Петроградского гарнизона, Ораниенбаума, Павловска, Царского села, на Путиловский и другие заводы города, в Городскую Думу. Они разъясняют положение, сообщают о решениях Центрального Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов и Исполнительного Комитета Совета крестьянских депутатов по текущему моменту, о позиции Временного Совета Российской Республики. Зовут офицеров и солдат на защиту революции. Представители партий обращаются к городской думе, к союзам, объединяющим военных и гражданских представителей различных направлений, к учащимся юнкерских училищ и студентам.

Вечером на улицы выходят рабочие, интеллигенция, студенты и юнкера, делегаты крестьянского съезда, полки в полном вооружении. В руках у них знамена и наскоро написанные транспаранты в поддержку ЦИК Совета Р. и С. Д., ИК Совета К. Д., Временного правительства и Совета Российской Республики. В рядах можно за-

метить хорошо известные лица деятелей разных партий — конституционных демократов, народных социалистов, социал-демократов разных оттенков, социалистов-революционеров, группы «Единство».

Люди идут под мелким сеющим дождем. Среди демонстрантов можно видеть и машины бронированного отряда. Сгущающийся мрак осеннего вечера прорезают снопы света прожекторов, взятых с собой одним из батальонов, встречавших в апреле Ленина.

При свете немногочисленных фонарей удастся прочесть отдельные надписи на транспарантах: «Да Временному правительству», «Поддержим Исполкомы Советов Р., С. и К. Д. и Временное революционное правительство», «Да здравствуют Временное Правительство и Комитет Государственной Думы», «Защитим революционное правительство Керенского», «От правительства Керенского к Учредительному Собранию», «Нет анархии», «Верим Временному правительству», «Препградим дорогу большевистской анархии», «Большевиков к ответу», «Да здравствует демократия».

Демонстранты идут из края в край по всему Невскому проспекту, уходя одни к Зимнему дворцу, где заседает Временное правительство, другие к Мариинскому, месту заседаний Временного Парламента Российской Республики. Отдельные колонны по традиции направляются к Таврическому дворцу, резиденции Государственной Думы. Идут и к Смольному, где располагаются Петроградский и Центральный Исполнительные Комитеты Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

Постепенно демонстрация разливается по всему городу, и красногвардейские отряды тонут в этом море.

Эти разговоры, эта петроградская демонстрация в защиту февральской революции то ли померещились автору, то ли миражом представлялся членам Предпарламента другой путь России осенью 17 года.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

НЕ СТАТЬ ХУЖЕ

Жандармского ротмистра Бегичева чувство беспокойства охватило утром, как только он пробудился ото сна. Перебирая мысленно прошедший день и вспомнив планирование на день наступивший, он никак не мог понять причину, ввергшую его в такое дискомфортное состояние, но как человек, имевший огромный опыт на службе в политической полиции, он приготовился к чему-то нехорошему, неординарному, немыслимому доселе зловредному обстоятельству. И это нехорошее чувство не обмануло его; едва он прибыл на службу, как его тут же срочно вызвали к начальнику Калужского губернского жандармского управления генерал-майору Трояновскому.

В приемной губернского жандармского начальника чувство беспокойства у Бегичева усилилось, и он почувствовал, как у него, щекоча между лопаток спину, струйкой побежал пот. Вытерев носовым платком вспотевший лоб и усы, он без разрешения адъютанта приоткрыл окно и полной грудью вдохнул в себя свежий осенний воздух. Это на какое-то время успокоило его, остудило разгоряченную плоть, освежило сознание. На улице было холодно и пасмурно. Осеннее небо, словно защищаясь от хмурого взгляда ротмистра, скрылось за тяжелыми темно-серыми тучами, готовыми при первой возможности излить на землю свои холодные дождевые слезы. Вскоре из кабинета Трояновского послышался звон колокольчика, и адъютант скрылся за огромной обитым кожаным дерматином дверью. «Их высокопревосходительство просят вас войти», — произнес он после того как вернулся в приемную. Бегичев провел рукой по усам, пригладил волосы и не без волнения перешагнул порог кабинета. Став по стойке смирно в ожидании дальнейших распоряжений, он опытным взглядом успел заметить образцовый порядок, царивший в кабинете шефа. Высокие оклеенные зелеными обоями стены огромного кабинета шефа жандармов под потолком завершались идеальной гипсовой окантовкой, с высокого потолка на длинной цепи свисала хрустальная в несколько ламп люстра, пол застелен мягкой поглощающей шаги ковровой дорожкой. На трех больших полуциркульных окнах от потолка до пола свисали тяжелые бархатные бордового цвета портьеры. У стены напротив окон находился шкаф с именной картотекой, а посередине кабинета стоял огромный с резными краями покрытый зеленым сукном рабочий стол хозяина кабинета, на котором стояла чернильница с пером, бронзовый подсвечник, находился небольшой медный колокольчик, стопкой лежала писчая бумага. Над высокой спинкой мягкого кожаного кресла на стене горделиво красовался изготовленный из меди двуглавый орел чеканной работы, а рядом с ним Чудотворная Калужская икона Божией Матери, Небесной покровительницы Калуги и Калужской земли. Генерал стоял у окна и смотрел куда-то вдаль. Он молчал. Молчание затянулось, и это обстоятельство еще больше усилило беспокойство ротмистра. Наконец, стоявшие в углу кабинета большие напольные часы с длинным маятником начали отсчитывать двенадцать часов пополудни, нару-

шив своим мягким приглушенным боем затянувшуюся до неприличия тишину. Трояновский вздрогнул, взглянул на часы, а затем медленно повернулся к Бегичеву и жестом руки указал на стул, после чего обошел рабочий стол и сел в кресло. Дождавшись последнего боя курантов, он взглянул на ротмистра тяжелым взглядом из-под опухших от бессонницы век.

— Скажите, Сергей Николаевич, не довелось ли вам когда-либо встречаться с графом Львом Николаевичем Толстым? — тихим голосом спросил он.

— Никак нет, ваше превосходительство, не имел чести,— ответил Бегичев, не совсем понимая сути заданного ему вопроса.

— А знакомы ли вы с его литературными трудами? — вновь задал вопрос генерал.

— Да, я читал его романы «Война и мир» и эту, как ее — «Анну Каренину», скажу я вам, довольно-таки занятные вещи,— ответил совсем растерявшийся от неожиданного разговора Бегичев.

— А что бы вы могли сказать о его лжеучении, которое ныне в огромных количествах распространяется среди рабочих и крестьян? — генерал склонил седую голову и стал энергично растирать пальцами виски.

— По долгу службы я ознакомился и с его лжеучением,— помолчав немного и собравшись с мыслями, ответил ротмистр.— Скверная и опасная, скажу я вам, эта вещь — его лжеучение. А с какой целью, осмелюсь спросить, вы спрашиваете меня о Толстом?

— По сведениям Тульского губернского жандармского управления вчера ночью двадцать восьмого октября граф Лев Толстой совместно со своим доктором скрылся из своего имения Ясная Поляна.

— И куда же, любопытно знать, он направился? — спросил ротмистр.

— Скрылся с целью, как надо предполагать, странничать,— ответил генерал. Затем расстегнул тесный ворот темно-синего мундира и, пригладив бороду, продолжил.— Далее в донесении сказано следующее,— при этих словах Трояновский взял в руки лежавшее на столе донесение, водрузил на нос небольшие очки и, покряхтев, принялся читать.— Граф Толстой в личных беседах уже неоднократно говорил о том, что собирается навестить в Шамординском монастыре свою сестру — монахиню Марию Николаевну. Также граф Толстой высказывал мысль о желании остаться жить в одной из деревень в округе какого-нибудь монастыря, а в особенности Оптиной Пустыни,— после этих слов генерал закончил читать донесение и, отложив его в сторону, внимательно взглянул на Бегичева. — Как мне доложили, охрана церковей, монастырей и монастырских деревень от какого-либо противного государственному порядку и общественной безопасности действия относится к вашей компетенции, ротмистр?

— Так точно, господин генерал,— при этих словах Бегичев встал со стула и стал по стойке смирно.

— Да сидите вы, сидите,— махнул рукой генерал, после чего продолжил.— Лично говорю вам, любезнейший Сергей Николаевич, в случае появления Толстого или вообще странника, возраст и приметы которого подходили бы к личности графа, не применять к нему никаких установленных законом мер, как против бесписьменного, так и других. В случае прибытия и выяснения самоличности графа, немедленно донести мне. Немедленно.

— А почему бы нам, милостивый сударь Евгений Иванович, в случае появления графа не арестовать его и как не имеющего вида выслать обратно в его же имение в Ясную Поляну? — спросил Бегичев.

— Ни в коем случае,— замотал головой Трояновский.— Его арест непременно вызовет огромное недовольство в обществе и спровоцирует беспорядки, которые с нетерпением ждут определенные круги, расшатывающие устои империи. А потом,—

генерал вновь стал массажировать пальцами виски,— а потом, скажу вам по секрету, жена нашего губернатора церемониймейстера двора его императорского величества князя Сергея Дмитриевича Горчакова, Анна Евграфовна Горчакова, урожденная графиня Комаровская, племянница Софьи Андреевны Толстой, жены графа. И самое главное, что я вам хотел сказать и зачем, собственно, и пригласил вас для личной беседы. В случае появления графа Толстого в монастырских деревнях, необходимо сделать все возможное и невозможное, чтобы он не смог бы в них поселиться, и вообще нужно сделать так, чтобы в случае приезда он как можно быстрее покинул бы нашу губернию. Это нужно сделать очень аккуратно, чтобы ни сам граф, ни следующий с ним доктор, ни кто-либо другой, не смогли догадаться о том, что инициатива о выдворении графа Толстого за пределы нашей губернии исходит от властей. Способны ли вы, ротмистр, выполнить данную работу без лишнего шума?

— Так точно, ваше высокопревосходительство, способен,— четко доложил Бегичев.

— Ну, вот и славненько. Сейчас же оформляйте предписание и выезжайте в Козельск. Я же со своей стороны направлю в полицию распоряжение о выделении вам в помощь полицейских,— проговорил генерал, вставая из-за рабочего стола давая понять, что разговор окончен.— К слову сказать, наши с вами действия согласованы с губернатором, и он ждет от нас действенных мер. Кстати, осмелюсь напомнить вам, господин ротмистр, о том, что в прошлом году за бездеятельность в отношении графа Толстого были уволены со службы помощник Тульского полицмейстера, Крапивенский уездный исправник, становой пристав и жандармский офицер, осуществлявший секретное наблюдение за графом,— как бы невзначай произнес жандармский генерал, после чего в кабинете воцарилась тишина, нарушаемая тихим ходом напольных часов.— Ну-с, честь имею, господин ротмистр! — кивнул головой генерал.

— Честь имею, ваше высокопревосходительство! — щелкнул каблукми Бегичев и склонил голову.

«Вот оно — это мучившее меня все утро мое беспокойное состояние. Наконец-то оно приобрело конкретное имя, фамилию, отчество и звание»,— мысленно думал Бегичев, после возвращения от начальника жандармского управления, и тут же почувствовал, как у него неприятно заныло под ложечкой, а на правом глазу задергалось нижнее веко.

* * *

Ночной литерный поезд уже давно выбился из своего графика и шел с большим опозданием. Несмотря на это он подолгу простаивал на станциях и, едва раздавался удар перронного колокола, гудел протяжно и, лязгнув буферами, отправлялся в путь.

В общем вагоне было душно и тесно от переполненности пассажиров и вещей. Измученные долгой дорогой люди сидели на полках по несколько человек, а кому не хватило мест, расположились на мешках, узлах, картонных коробках, чемоданах и корзинах, а некоторые прямо на грязном истоптанном полу. Многие устав от дневной суеты, вагонной толкотни и ночного мучения под утро все же задремали, опустив на грудь отяжелевшие головы и выронив из рук свои нехитрые пожитки.

Сидевший у стены старец с большой седой бородой смотрел в окно. Одет он был в длинное русское пальто темно-синего сукна со складками сзади, сапоги в глубоких калошах, на голове — бархатная шапка, формой полукамилавки, в руке он держал складной стул, который одновременно служил ему тростью. В предрассветной серой дымке мимо поезда медленно проплывали поля, деревья, деревенские избы и пристанционные постройки небольших станций. Оторвав взгляд от окна, он повернулся к сидевшему рядом с ним господину с небольшой аккуратной бородкой и усами, так

же, как и старец, одетого в пальто, сапоги и шапку.

— Нехорошо поступил по отношению к Софье Андреевне,— произнес старец и снял с головы шапку.— Все ж надо было бы ее предупредить, а так... нехорошо поступил. Нынче, как приедем, тотчас же отпишу ей,— произнес он и вновь отвернулся к окну.

Произошедший накануне разлад с близкими ему людьми, особенно с женой Софьей Андреевной, удручал его. В который раз он вспоминал их последний непростой разговор.

— Как же ты не видишь в Черткове вероломного и эгоистического человека? Неужели ты не догадываешься, что он просто-напросто хочет нас всех пустить по миру? И это твое духовное завещание — оно погубит всех нас, разорит! Неужели ты не понимаешь этого, Левушка? — еле сдерживая слезы отчаяния, спрашивала у него Софья Андреевна.

— Не говори так, Софья, не говори! Ты же о нем ничего не знаешь и про мое завещание тоже ничего не знаешь!

— Все я знаю! По твоему завещанию все твои рукописи и дневники попадут в его руки! Ты только его и слушаешь, а нас ты не слышишь и не видишь! Хочешь меня с детьми по миру пустить! Ах, как я его ненавижу! — перешла на крик Софья.— Если ты не уничтожишь это свое завещание, то я покончу с собой! Я объявлю тебя потерявшим разум! Я обращусь к царю и потребую над тобой опеки! — кричала она.

— Вы все хотите жить, ничего не делая, не очень обременяя себя душевными скорбями, а жить и трудиться надо во благо народа,— повысив голос, ответил он жене.

Софья Андреевна поняв бессмысленность дальнейшего разговора, махнула рукой и, сев в кресло, разрыдалась. Как же ему хотелось в этот момент подойти к ней, обнять ее, сказать доброе ласковое слово, погладить сбившиеся на голове волосы, пожалеть ее. Нет, не подошел, не обнял, не пожалел. И вот теперь сидя в полутемном душном общем вагоне и вглядываясь в предрассветную темь, он вновь и вновь переживал о произошедшем семейном разладе. Вспомнив слезы и рыдания жены, ему вновь, как и прошлый раз, в доме, захотелось обнять Софью, прижать к себе и успокоить. Невольно на его глаза стали наворачиваться слезы. «Нехорошо поступил по отношению к ней»,— вновь подумал он. И вдруг в тот же миг, какое-то другое чувство охватило его, опьянило сознание, выдворило из сердца и из души сопереживание. «Как же она могла так поступить со мною? По какому праву, ничего не объяснив, тайно ночью со свечою в руке начала обыскивать мои ящики с рукописями, ища мое завещание?» — вновь задался он вопросами, на которые не мог найти ответа, вспомнив, как он, мучаясь от бессонницы, увидел, что жена тайно обыскивает его рабочий кабинет. Он словно потерял почву под ногами. Оставаться и жить после такого, было просто невыносимо, и он решил на уход. Разбудив темной осенней ночью своего спутника — господина с небольшой и аккуратной бородкой, он произнес:

— Просыпайтесь, Душан Петрович, мы уходим.

— Как уходим, куда? — удивился тот, не сразу сообразив спросонья, что именно от него хотят.

— Совсем уходим, навсегда. Вставайте, времени нет, надо спешить, пока ночь на дворе, и все спят. Возьмите с собою все самое необходимое и выходите, а я на конюшню, распоряжусь, пусть запрягают лошадей.

— Может быть, дождаться утра, Лев Николаевич, утро вечера мудренее,— предложил Душан Петрович, вставая с кровати.

— Нет, надо спешить, пока все спят,— вновь повторил Лев Николаевич.

Душан Петрович не стал спорить, и вскоре уже был на улице. Он подошел к стоявшему в раздумье Льву Николаевичу.

— Может быть, все-таки вернетесь? — спросил Душан Петрович, застегивая на ходу пальто и надевая шапку. В руке он держал небольшой чемоданчик с лекарства-

ми, необходимыми Льву Николаевичу.

— Надо попрощаться с Сашенькой,— вместо ответа произнес Лев Николаевич и направился в сторону дома.

Свою младшую дочь Александру Львовну Лев Николаевич любил больше всех своих детей. Сашенька с раннего детства помогала отцу в разборе его почты, отвечала по его поручению на многочисленные письма, перепечатывала его рукописи. Не всегда их взаимоотношения были идеальными. Нестерпимый, взрывной характер Александры иногда проявлялся резкими, не всегда тактичными выходками в отношении отца. «Не нужно мне твоей стенографии, не нужно. Мне нужна твоя любовь, твоя благодарная дочерняя любовь!» — проговорил однажды Лев Николаевич во время ссоры с дочерью и заплакал. И вот сейчас разбудив Александру, он вновь плакал.

— Я ухожу, Сашенька, ухожу навсегда,— тихо, почти шепотом, говорил Лев Николаевич. — Так жить я больше не могу.

— Куда вы собрались, папа? — сделал ударение в слове «папа» на последнюю букву «а», спросила Александра.

— В Оптину. Поселюсь там где-нибудь рядом с монастырем. Маме ничего не говори, я сам ей отпишу все в письме,— произнес Лев Николаевич и, развернувшись, вышел из комнаты.

К уходу было все готово. У конюшни стояли запряженные в дышловою коляску лошади, на козлах сидел старый кучер Адриан, а для сопровождения коляски верхом на лошади конюх Филипп.

— Ты, Филиппушка, поезжай первым, будешь светить нам факелом дорогу,— приказал Лев Николаевич конюху. — В Козлову Засеку не поедем, в случае пробуждения Софьи, все за мною непременно кинутся именно в Козлову Засеку. Поедем на станцию Щекино, там они меня искать не догадаются, да и поездов там больше останавливается. Ну, трогай! — махнул он рукой и лошади взяли с места...

Поезд вновь остановился на каком-то полустанке, и задремавшая было сидевшая рядом со старцем худощавая лет тридцати крестьянка проснулась, машинально схватив выпавший из ее рук узелок, начала развязывать его, проверяя: целы ли ее вещи и не украли что-либо из ее узелка лихие люди. Убедившись, что все цело, она вздохнула с облегчением и, прижав узелок к себе, начала всматриваться в окно.

— Это что же за станция-то? — растолкала она своего спавшего мужа, добротного полного крестьянина, одетого в тулуп и шапку.

— Чего тебе? — недовольно спросил тот.

— Что за станция-то? Не проспять бы станцию нашу.

— Сиди, спи, дурная баба. Тебе же сказано было: как подъезжать будем к нашей станции, так кондуктор нас покличет,— со злостью в голосе проговорил крестьянин.

— Что ты брешешь-то на меня? Вот кобель-то окаянный, все брешет и брешет, а за что и сам не знает, лишь бы побрехать! — с обидой в голосе произнесла крестьянка.

Услышав громкий разговор, от шума проснулись спавшие пассажиры, слышались возня, скрип корзин, хруст сумок и мешков, щелканье замков чемоданов, чье-то недовольное бормотание.

— Есть такие люди, что любят быть сердитыми. Они всегда чем-нибудь заняты и всегда рады случайно оборвать, обругать того, кто к ним обратится за каким-нибудь делом,— вполголоса произнес старец, оторвав свой взгляд от окна и обращаясь к крестьянке.— Такие люди бывают очень неприятны. Но надо помнить, что они очень несчастны, не зная радости, доброго расположения духа, и потому надо не сердиться на них, а жалеть их.

— Дык как же его жалеть-то? Я уже и так с ним, и этак, и по-хорошему, а он с каждым разом все злее и злее становится, что дьявол в него вселился, что ли? — жалобно проговорила женщина, глядя на старца.— Я уже ему говорю: давай в церковь к

батюшке сходим, поговоришь с ним, может он, что и подскажет тебе,— не хочет.

— Чем больше живет человек для души, тем меньше ему бывает помех во всех делах его и потому, тем меньше он будет сердиться,— произнес старец.

— А ты не успокаивай! Тоже мне успокоитель нашелся! Надо будет, я и сам ее успокою! — громко и со злостью в голосе произнес муж крестьянки.

— Лев Николаевич, не разговаривайте с ним, прошу, не надо. Вам нельзя волноваться,— вполголоса проговорил сидевший рядом со старцем господин с аккуратной бородкой.

— Позвольте, позвольте, дайте же пройти,— раздался мужской голос, и к сидящим протиснулся мужчина, одетый в серое широкое пальто, сапоги и кепку. На вид ему было около тридцати лет. — Позвольте,— еще раз повторил он и стал внимательно всматриваться в лицо старца. — Лев Николаевич, вы ли это? Да какими же судьбами... сюда к нам... в общий вагон? — растерянно заговорил он.

— А вы кто будете? — спросил Лев Николаевич у мужчины.

— Тимофей я. Тимофей Борисов, рабочий Тульского патронного завода,— громко произнес мужчина. — Я же видал вас по фотографии, как же я сразу-то вас не признал?! — улыбнулся Тимофей. — Мужики, бабы,— обратился ко всем Тимофей,— с нами вместе едет писатель Лев Толстой.

Некоторые пассажиры, услышав о Льве Толстом, стали с любопытством на него смотреть, другие стали двигаться к нему, расталкивая мешавшие под ногами вещи, третьи с безразличием отвернулись.

— Ну и как живет нынче рабочему человеку? — спросил Тимофея Толстой.

— Живется-то не шибко хорошо, плохо живется.

— Плохо, значит? — словно раздумывая, переспросил Толстой. — А в чем же оно выражается?

— Во всем. Работаем спозаранку и до самого темна, рабочий день не нормирован, иногда по двенадцать, а то и по четырнадцать часов работаем. Условия плохие, зарплата маленькая, бедность заела. Хотели забастовку организовать, так запретили. Хозяева стали грозить полицией или казаками, а еще хуже жандармом пугают, сил уже нету никаких.

— Сила не в казаках и не в жандармах. Сила в вас в рабочем народе. Если он несет свое угнетение, но только потому, что он загнипнотизирован. Вот в этом-то все и дело — уничтожить гипноз. А вот крестьянам еще хуже живется, чем рабочим, а они живут, и дело свое крестьянское исполняют,— произнес Толстой.

— Да, и нам, крестьянам, тоже не сладко живется, тоже авось не сахар в мед кунаем, а землю пашем, хлебушек растим. Без него, без хлебушка-то нашего, чай, ни рабочий, ни хозяйский какой человек, а то и сам жандарм работать не согласится. Какая же тут работа, коли в животе пусто,— проговорил ругавший жену крестьянин.— Баба-то вон моя жаловалась давеча, что я злой стал, а как же тут не разозлишься, коли детей полна хата, и все рот разевают, покушать хотят, а что я им дам-то? Квас с брюквой? Как дальше жить — ума не приложу!

— Жить нужно просто: работать, любить землю, рожать и воспитывать детей, помогать соседу, не обольщаться роскошью, не впадать в алчность, жить скромно, сдержанно, правдиво,— ответил Толстой.

Наступила тишина, нарушаемая перестуком вагонных колес, никто за разговорами и не заметил, как поезд тронулся и уже давно находится в пути.

— Это ты, братишка, лодырь. Поэтому у тебя и детишки голодные,— обратился к крестьянину парень лет двадцати.— Я вот недавно с флота возвратился, служил на Балтике, так мы с родителями и братьями, хлеб вырастили, и барину хватило, и нам, и еще на продажу осталось. Вот так. А ты говоришь: детей нечем кормить. Работать надо, а не лодыря праздновать да с бабой своею ругаться,— после этих слов многие из присутствующих засмеялись, и лишь крестьянин что-то пробурчал недовольно и

отвернулся к окну.

— А что теперь на флоте, как там матросы с офицерством уживаются? — спросил у парня Лев Николаевич.

— Как вам сказать? Всякое бывает. Ежели, допустим, офицер человек хороший, то и уживаются с ним братишки наши, а ежели прежде приказания он зуботычину справляет, то, конечно, недовольство имеется огромное. Таких офицеров наш брат матрос не уважает и в случае чего, то и за борт может такого запросто швырнуть.

— Ну, а наказания не побоится, ежели офицера за борт бросит?

— Я вам скажу так: если доведут господа офицера нашего брата матроса до отчаяния несправедливостью какою, то они же сами должны и отвечать за это, а не наш брат матрос.

— Скажи, а вот в случае чего будете в людей из оружия стрелять?

— Я вам скажу так: ежели неприятель, какой напанет, то пальнем из всех орудий, да так, что в следующий раз неповадно будет.

— А вот, например, в своего русского. Например, в рабочего или крестьянина, если они за оружие возьмутся?

— В своего мужика рабочего или крестьянина матрос стрелять не будет.

— А если офицер прикажет? — не отступал от парня Лев Николаевич.

— Трудно сказать. Думаю, что офицер — он тоже не дурак. Он тоже понимает, в кого можно стрелять, а в кого нет, — ответил парень.

Разговоры прекратились. За окном уже давно рассвело, и день набирал силу. В тишине под монотонный стук вагонных колес многие уснули. Уснул и Лев Николаевич с Душаном Петровичем.

— Следующая станция Козельск, — разбудил их громогласный голос кондуктора. — Козельск следующая остановка, приготовляйтесь к выходу, — еще раз объявил он, проходя по вагону.

К станции поезд подошел медленно. Наконец, дернув вагоны, остановился. Лев Николаевич и Душан Петрович сошли на шумный, переполненный людьми перрон, было около пяти часов вечера, на улице уже смеркалось. Наняв ямщика, они выехали вскоре на ямщицкой в сторону Оптино-Введенской пустыни. Погода ухудшилась. Поднявшийся ветер гнал по ночному небу тучи, которые то и дело закрывали собой луну. В эти минуты становилось совсем темно и лошадь, отфыркиваясь, шла шагом, с трудом волоча за собой повозку по раскисшей от грязи дороге. В ямщицкой тележке было холодно.

— Лев Николаевич, оденьте еще одну шапку и запахните лучше пальто, — распорядился Душан Петрович, поправляя на Толстом одежду.

— А какие теперь старцы в Оптиной? — спросил Толстой у ямщика.

— Отец Варсонофий и отец Иосиф, — ответил ямщик.

— Как приедем, так сразу пойду к ним, — скорее сам себе, чем кому-либо, сказал Толстой и замолчал.

В очередной раз в темном небе показалась луна, бледным взглядом вглядываясь в благоухающие осенним ароматом Оптиные сосны, маленькими фонариками загорелись над лесом звезды, освещая разбитую ненастьем дорогу, грандиозный и величавый раскинулся за речкой золотоглавый монастырь.

* * *

Гостинник Оптино-Введенской обители монах отец Михаил едва возвратился с вечерней литургии, как в гостиницу вошли Толстой и Маковицкий. Толстой снял шапку и подошел к Михаилу.

— Можно ли нам у вас здесь в гостинице остановиться на несколько дней? —

спросил он, кладя перчатки на стол.

— Пожалуйста, братья, живите, сколько вам будет угодно,— ответил Михаил, склонив в почтении голову.

— Вам, может быть, неприятно, что я приехал? — вновь задал вопрос Толстой.

— Почему же нам должно быть неприятно?! — удивился отец Михаил.— Мы всегда рады путникам, проходящим в нашу обитель.

— Я Лев Толстой, отверженный церковью, пришел к вашим старцам поговорить с ними,— уточнил Толстой.

После этих слов, монах с любопытством взглянул на Толстого, и у него едва заметно дернулась рыжая борода.

— Что же?! Может быть, из уст старцев вы и услышите сильное слово, которое осветит истину. Может быть, прояснятся сомнения, охватившие вашу душу?! — изрек монах.— Пойдемте, я провожу вас в вашу комнату,— проговорил он и направился по коридору. Толстой и Маковицкий последовали за ним следом.

Комната оказалась просторной и светлой с двумя кроватями и широким диваном у стены. Внесли вещи.

— Как же здесь хорошо! — воскликнул Лев Николаевич и сел на диван. Он давно не испытывал такого радостного чувства.— Скажите, отец Михаил, можно ли у вас попросить принести мне бумагу и карандаш? Я хотел бы сесть за писание,— обратился он к гостиннику.

— Разумеется, Лев Николаевич. Я распоряжусь, и вам сейчас же принесут все необходимое для работы,— ответил монах.

На следующее утро Толстой проснулся около девяти часов. Не став будить спавшего Маковицкого, он, взяв с собой складной стул-трость, направился в скит к старцам. Выйдя из гостиницы, он не пошел в монастырские ворота, а направился вдоль стены. По дороге ему встретились двое монахов, которые при виде Толстого, сняли с головы свои скуфейки и поприветствовали его полупоклоном. Лев Николаевич тоже снял с головы шапку и, так же как и монахи, молча, склонил голову в полупоклоне, после чего направился по дороге, ведущей в сторону скита. Подойдя к воротам скита, Толстой остановился в нерешительности, не зная к кому из старцев войти. С правой стороны ворот находилась келья старца Иосифа, а с левой — Варсонофия, с которым Толстой был уже знаком. «К кому же мне войти? С кем мне поговорить, с кем обдумать мучающие меня душевные сомнения?» — раздумывал он, продолжая стоять у ворот скита.— «Пойду к Иосифу,— решил наконец-то Лев Николаевич, вспомнив, как в произошедшей однажды беседе с отцом Варсонофием, они разошлись во взглядах о святом писании и, не придя к единому мнению, расстались.— К Иосифу»,— вновь повторил мысленно Толстой и уже было направился к келье старца, как вдруг, в его сознании и внутренних чувствах возникло противодействие встрече со старцем. Словно какая-то невидимая злая сила загородила ему дорогу в келью. Словно каменная стена встала на пути у Толстого, заточив в невидимые каменные казематы его душу, спрятав ее от покаяния, не дав возможности ему громко крикнуть на весь мир: я с вами, братья православные, я с тобою остаюсь навеки, Русь православная! Вместо этого словно какими-то колдовскими чарами обволокло сознание великого мыслителя, ввергло его в сон и все дальше и дальше отводило затуманенный разум от здравомыслия, все больше и больше ввергая его в уныние и отчаяние, навлекая на него гордыню и недоверие к давно ожидавшим его старцам. «Зачем я иду сюда к ним? Для чего ищу встречи со старцами? Что нового они мне скажут? То, что я и без них давно знаю?! И что я им скажу? Что я, отвергнутый церковью граф Толстой, пришел у вас искать душевной поддержки? Все это пустое. Вот если бы они сами меня пригласили к себе, то меня не мучил бы вопрос: что им сказать? Гостинник отец Михаил уже, наверное, доложил настоятелю о моем приезде, но они молчат. Возможно, они не

желают встречаться со мною?! Ну что же, так тому и быть!» Толстой вдохнул глубоко осенний утренний воздух и, постояв еще немного, словно сомневаясь, идти к старцам или нет, круто развернувшись, зашагал прочь. Дойдя по тропинке до реки, он развернул свой складной стул и сел на него, любуясь открывшейся перед ним панорамой окруженного лесом монастыря. Затем вернулся в гостиницу.

— Граф, где же вы были? — спросил его по возвращении Маковицкий.

— Ходил в скит, хотел зайти к старцам, постоял, но не решился.

— Почему же? — удивился Маковицкий, вспомнив, как Толстой жаждал встречи со старцами.

— Не решился, ведь я же отлучен.

— А еще пойдете?

— Если меня пригласят, — грустно вздохнул Толстой. — Я, дорогой Душан Петрович, что-то нездоров, прилягу, пожалуй, — при этих словах Толстой прилег на диван.

Доктор Маковицкий измерил ему пульс, дал выпить лекарство, после чего Лев Николаевич уснул. Проснулся он под вечер, когда уже завершилась вечерняя служба. Вышел на улицу и прогулялся по Оптиной, еще раз сходил к реке, к парому, после чего вернулся в гостиницу.

На следующее утро Толстой проснулся рано, разбудил Маковицкого.

— Просыпайтесь, Душан Петрович, — проговорил он. — Мы уезжаем в Шамордино к Машеньке. Может быть, она мне подскажет, как поступить.

Через час вышли из гостиницы, где Лев Николаевич в журнале посетителей написал: «Благодарю за теплый прием. Лев Толстой».

(продолжение следует)

В МИРЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

Александр Харчиков

(г. Тула)

PERSONALIA

Харчиков Александр Тихонович. Родился 29 февраля 1936 года в деревне Харчиково бывшего Дросковского района Орловской области в семье крестьян-колхозников Тихона Трофимовича и Степаниды Емельяновны. Кроме Дросковской средней школы окончил Новомосковский химико-механический техникум и Литературный институт имени А. М. Горького в Москве.

12 лет работал то бригадиром дежурных электриков доменного цеха КМЗ под Тулой, то освобожденным секретарем комитета ВЛКСМ этого завода.

С завода ушел заведовать отделом в Тульскую областную газету «Молодой коммунар», где вскоре стал заместителем главного редактора. За публикацию рассказа о подписке на заем в деревне в военные годы и помощь опальным литераторам и художникам был уволен из газеты «по собственному желанию»; 20 лет занимался творческой деятельностью, в годы перестройки вернулся к газетной работе: заведовал отделом «Политики и права» в партийной газете «Коммунар», возглавлял отделы «Политика и жизнь» в «Туле вечерней» и «Тульских известиях».

Первую книгу — о металлургах — выпустил в 1965 году. Роман «Среди людей» опубликовал в журнале «Октябрь» — в 1970. В разные годы издал 11 книг художественной прозы в том числе: «Кричу и бегу», «Святые грешники», «Бегство из рая» — в последние годы, два сборника стихотворений: «Под стон людской» и «Тень крыла».

ПОСЛЕДНИЙ УЖИН

Памяти Д. Д. Чурьянова

Сел на рельсы, сложил инструменты:
Это был пистолет и петля...
Простирались вдали континенты...
Простиралась родная земля.
Сколько раз умирала планета
В каждом сердце, уставшем стучать!
Ни слезы, ни руки, ни совета:
Что забыть и откуда начать...

Вспомнил он боевые полеты;
Как горела земля под крылом...
Как спасали друг друга пилоты...
Как друзья предавали потом...
Самодельную вынул затычку
Из бутылки, и сделал глоток...
И поставил сосуд по привычке
Между щебнем, у шпал, в уголок.
И стучало: «Не нужен... Не нужен...»
И в ответ: «Не нужна! Не нужна!»
Он-то знал, что осталась на ужин
Только эта бутылка вина.
Он лениво проверил карманы.
Он повесил петлю на плечо.
Он припомнил про старые раны,
Он хлебнул на дорожку еще.
А потом за спиной простучало:
Тра-та-та, тра-та-та, тра-та-та...

Лишь бутылка из щебня торчала...
Да краснела вокруг пустота...

В ПУТИ

Что-то там светилось вдалеке...
Я шагнул вдогонку налегке.
Карту путевую и компас
Я оставил дома про запас.
Думал, что идти недалеко —
Заблудиться будет нелегко.
Думал, что у рельсов сталь ясна —
Не отпустит в сторону она.
Да и самолетная стрела
Непоколебимою была...
Пролетели быстрые года.
Я примчался!.. Господи!.. Куда?..
Прилетел, волнуясь и спеша...
Вот я здесь! Но где ж моя душа?..
Видно, там, где по миру плутал,
Душу, незаметно, потерял!
Нет ее! И с миром связи нет!
Я назад вернулся следом в след.
Где же карта? Где же мой компас,
Что оставил дома про запас?
...Дочь и сын, играя в лопухах,
Эту карту, изорвали в прах.
Детство долго детства не хранит...—
Потеряли стрелку и магнит...
Испугался! — Новая беда!
А в детей взгляделся...— Ерунда!..

Малыши, мои вы малыши...
Вы мое хранилище души!

ЗАГАДКА

*Лешке Енину,
лучшему гармонисту округа*

Хоронили Лешку-гармониста...
Леха, Леха... Парень был — огонь.
В это воскресенье в поле чистом
За райцентром он ласкал гармонь.

А за ним посольство снарядила
Любка — нелюбимая жена.—
Бабка Воробьиха приходила,
Приносила пузырек вина.

— Выпей, Леня! Выпей, дорогуша!
Мне бы спеть, тебе бы поиграть...
Я-то и молчком тебя послушать
Прибежала б деревень за пять.

Мокрохвостки с голыми пупками...
Дуры, а зазнайства через край.
Лучше посиди, Алеша, с нами.
Барыню веселую сыграй.

Он играл соседкам до обеда.
А потом опять ушел в поля...

Утром мы нашли его по следу,
Отпустив с веревки кобеля.

РОМАНС

«От тюрьмы да от сумы не зарекайся...»

Русская пословица

Как славно жить в России милой!
Не хочешь — стронешься с ума.
Нам светят с детства до могилы
Тому — тюрьма, тому — сума.

Заговоришь — тебя не слышат.
Заплачешь — слезы не поймут!
Начнешь молиться — скажут «свыше»,
Что «власти сраму не имут»!

Зачем пришли они? Откуда?
Поработить? Иль развратить?..
Молчать?.. А я молчать не буду.
В набат не перестану бить.

Они, как сами безголосы,
Так и боятся голосов!
И нет — ответить на вопросы —
И ни ума у них, ни слов.

Они у старых отнимают.
Из детских ручек рвут кусок.
Копят... Зачем?.. — Они не знают.
Ведут... Куда?.. —
Им — невдомек.

Как славно жить в России милой!
Не хочешь — сдвинешься с ума.
Нам светят с детства до могилы:
Тюрьма, психушка и сума.

ОЖИДАНИЕ

Г.

Не приходи... Я жду... Не приходи...
Метет метель по улице сквозная.
А что у нас с тобою впереди?
Я жду тебя... Но где ты, я не знаю!

Как знать тебе, что я тебя боюсь,
Сражен твоей мерцающей усмешкой.
Не приходи... Я над собой смеюсь.
Я жду тебя! Ты приходи!.. Не мешкай!

Стучит стекло... Но нет лица в окне.
Не приходи... На сердце холод веет.
Я открываю дверь своей весне!
Входи, весна! Входи, весна, скорее!

Как легок шаг... И как гремит гроза!..
Вошла любовь и подает мне руку.
И я боюсь... Боюсь, закрыв глаза...
Что будет поцелуй, как жертва другу...

ПРОЩАНИЕ

Не объясняется незнаньем —
Я не поздравил Вас с Крещеньем!
Но и с Господним обрезаньем
Простите, не поздравил Вас.

Так будьте счастливы отныне
Вы со своим развратным мужем.
Ему молитесь как святыне...
Что делать! Он любезен Вам.

А я злословить перестану,
О Вас писать я перестану.
О Вас мечтать не перестану.
Не перестану Вас любить.

О, как не хочется прощаться!
Со счастьем разве расстанутся?
Вы были мне возможным счастьем.
Неужто счастьем есть конец!?

Смотри, как ватными валами...
Все ниже небо! Ниже, ниже.
И точку, где сияло пламя,
Смело волною ледяной.
И все что с нами не случилось.
Но что сводило души ближе,
Все там осталось, там осталось,
За этой белою стеной!

РЕИНКАРНАЦИЯ

Все о себе и о себе...
Одна забота!
Подумать надо о судьбе —
Да неохота.
Но тут не выйдет —
Плачь, не плачь —
Проси прощенья.
Ты сам судья и сам палач!
И нет спасенья!
Закон у совести жесток
Но выход будет.
Вон там, вдали, наискосок...
Собрались люди.
Не все, но все-таки придут
К тебе без зова.
Души частицу отдадут...
И встанешь снова.
Неправдой жизни не лечи
Больную душу.
Горит, горит огонь в ночи.
И совесть глушит.
Когда дотла сгорит душа,
Тогда — запомни! —
Огонь ворвется, тьму круша,

И все наполнит.
Ты снова будешь! Но не ты —
Рожденный веком.
Явившийся из пустоты,
Будь человеком!

ПРОРОК И ЛЮДИ

Пророк — седые волоса
О горе пел... Ему сказали,
Чтоб ровно через два часа
О нем здесь больше не слышали!
Пророк — седые волоса
О счастье пел... Его побили...
Пророк ушел один в леса.
И люди про него забыли.
Живут... О горе не поют.
Сулят то мир, то гибель свету.
Забились каждый в свой уют,
И голоса, что счастья нету.

ЛЮДИ

Кто-то скажет доброе
Через силу.
Кто-то, не задумавшись,
Оболжет.
Кто-то в бок со злобою
Всадит вилы.
Кто-то бросит все дела
И спасет.
Это — человечество.
Божьи дети.
За какою далью
Что ни различи,
Люди одинаковы
Все на свете.
Лучше или хуже их
Не ищи.

ИУДСТВО

Закрылась не могильная плита!
Захлопнулось людское равнодушие.
Ушли куда-то боль и суета.
Осталось нежеланье и удушье.

Подсовывает кто-то: «Не хочу...»
И вторит непреклонное: «Не буду».

Похлопывает кто-то по плечу...
То за спиною щерится Иуда.

Он снова здесь с протянутой рукой.
Как прежде верен вечному подряду.
Он предает, не зная про покой.
И отовсюду ждет свою награду.

Мне от тебя, Иуда, не смешно.
Мне жаль — тебя еще не покарали.
Бери монеты, как заведено...
Но знай, что половину их украли!

Такой уж век! «Чужого не желай...»
У нас теперь совсем не те порядки.
Жену, мошну и дом чужой хватай!
Гони «откат»! И будут взятки гладки.

Не сдвинута могильная плита.
Но предают Христа какой-то роже.
И только Мир — святая простота —
Не понимает, ЧТО ему дороже!

БЫТИЕ

Не надо думать: «почему?»
Давайте думать: «что?»
Непостижимое уму,
Качает решето?
Лет, дней, событий решето
Качает кто-то там,
Перетирая в жизни то,
Что рвется к облакам.
И наша мудрость — к облакам!
И глупость — к облакам!
Пыль, недоступная векам,
Мечам и кулакам.
А мы с тобою разве пыль?
Нет! Мы с тобою — злая быль.

Ирина Хомякова
(г. Тула)

Родилась в г. Новомосковске Тульской области. Закончила Тульский педагогический колледж № 2, а затем Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого, после чего пять лет работала в сфере образования. Свои первые стихи написала в 12 лет. Это было наивное, искреннее и несколько несформенное выражение своего восприятия этого мира. С 2003 года принимала участие в ежегодно проводимых смотрах самодеятельности работников образования, занимая призовые места. С 2005 года стала бессменным автором текстов начинающей тульской рок-группы «Сиена».

ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Золотистые сережки,
Яркой охры вновь наряд,
И багряные сапожки
Ярче солнышка горят.

Появилась снова Осень
В златоглавом сентябре.
Все еще тепло приносит
Горстка листьев на окне.

До чего ж приятен взору
Рыжий с отблесками цвет,
Разноцветные узоры
Вновь увидел белый свет!

* * *

Я напишу о том,
Как в небе клин летящий
Прощается с теплом,
Надолго уходящим.

Тоскливо вторят мне
Усталые березы:
Лишь в долгом зимнем сне

Они распустят косы.
У речки на краю
Мне лето вновь приснится:
Как будто я стою
И вдаль смотрю; ресницы

Тяжелые от слез...
И никуда не деться:
Не в шутку, а всерьез
Уходит наше детство.

Калитка скрипнет вдруг,
Соседский пес залает.
Я оглянусь вокруг...
Нет... ничего... бывает.

* * *

Я прошу тебя — не грусти,
Не печалься сегодня — не стоит,
Тайный смысл между строк не ищи,
Понапрасну себя беспокоя.

Журавли пусть тоску унесут,
Тихий вечер на город ляжет...
Ты пойми: тебя любят и ждут,
Для кого-то ты очень важен.

* * *

Я нарисую грустью осень
В вечерне-пасмурных тонах;
Теней загадочную просинь,
Берез печаль, стога в полях.

Из-за тумана над рекою
Не видно города, и мгла
Творожно-белой пеленою
На плечи тихо мне легла.

Вдаль взор холодный устремляя,
На небе вновь луна взойдет...
Я эту осень выпиваю
До дна. Теперь ее черед.

* * *

Заплела береза
Золотые косы.
И туманы белые
Над рекой стоят.
Холоднее стали
Утренние росы,

И рябины кисти
Вновь в окно глядят.
Я под покрывалом
Осени беспечной
Словно побывала
В детстве быстротечном:
На лугу у дома
Вновь ковер кленовый;
Не спеша по тропке
Я домой иду.
Журавли курлычат,
Кот у ног мурлычет...
Я у этой осени
Словно бы в плену.
Опадет рябина,
Вишни облетят —
Снова нелюдимым
Станет милый сад.
Трав ковер увянет,
Роща голой станет;
Тишиною манит
Осени пора...
Грустная тональность,
Только вновь в реальность,
Погрутивши малость,
Мне спешить пора.

* * *

Я жизнь свою измеряю улыбкой
На лицах незнакомых мне людей,
Исправлю все-все-все свои ошибки
И календарь открою светлых дней.

Я постараюсь словом не обидеть,
И в душу никому не наплевать,
И в серых тучах солнца луч увидеть,
Не разучиться все-таки мечтать.

Любить, надеждой жить и просто верить
В то лучшее, что здесь и что сейчас.
Добру навстречу я открою двери,
Теплу души, что согревает нас.

Владимир Сапожников
(г. Тула)

**ПРОСНУЛИСЬ —
А СОЮЗА БОЛЬШЕ НЕТ...**

* * *

Проснулись — а Союза больше нет...
Была страна — и сгинула мгновенно...
Ненужным показался партбилет,
Да и сама идея стала тленна...

Опять живем, отдавшись сатане,
И смотрит бог на это с укоризной...
Вот только не проснуться бы в стране,
Которая вчера звалась Отчизной!

ХОЛОДНАЯ ОСЕНЬ 2007

Холодная серая осень
Сквозь мрачную туч пелену
Плохое опять напророчит,
Нашлет на народ, на страну...

Мы ждем, что, вдруг, станет полегче
Дышать, выживать... И просвет
Появится в слякотной сечи,
Как многих вопросов ответ...

Но цены растут бесконечно,
Съедает людей нищета...
Растет ВВП... и, конечно,
На выборах вновь суета!

ТРИ ДЕРЕВА

Рябина желтая
с багряной челкою
Стоит осенняя,

молчит неловкая...
Чего печалишься,
играя красками?
Обидел кто чужой —
свой друг — неласковый?
Да, осень ранняя
накрыла стужею,
Любовь неожиданная
нашла замужнюю...
А клен загадочно
все шепчет нежное,
Рябины веточки
затронув бережно.
Так и стоят они
рядком — но разные,
Меж них березонька —
жена несчастная...

* * *

Не ворошите старое — не надо!
Что было — то ушло в небытие...
Но каждой встрече мы по правде рады,
Нас породнило прежнее житье...

Нам не вернуть былую свежесть кожи,
Былой запал объятий не вернуть...
У нас иные судьбы, дети, ложа...
Но хочется в глаза порой взглянуть!

ГОЛУБИ

Голуби в небе воркуют,
Воркуют, воркуют...
Но не обо мне тоскуют,
Тоскуют, тоскуют...
Они зовут подругу,
А, может быть, верного друга,
А, может, птенца озорного,
Которому небо ново...
Голуби, меня подождите!
Не ждут... Так летите!
Поднимайтесь выше и выше,
Оставляя людям их крыши...
Голуби в небе воркуют,
Воркуют, воркуют...
Но не обо мне тоскуют,
Тоскуют, тоскуют...

* * *

Разносится далеко
Тот колокольный звон,
Что, то звучит высоко,
То затухает он...

С кладбищенской церквушки
Расплылся над землей,
Над ветхими крестами,
Где плиты и покой...

Мы все там тоже будем:
Кто позже, кто — быстрее...
Летят над храмом звуки,
Как тени от людей...

Людмила Гайдукова
(г. Алексин)

САМОЦВЕТОВЫЙ ВЕНЕЦ*

* * *

Мир неспешен, тягуч, словно утренний кофе;
Дышит летними травами, смотрит в окно.
Мой зеркальный двойник отражается в профиль.
Это было однажды давно.

Тает свечка в стакане. И книги на полках,—
Собеседников мудрых неспешная речь.
Я себя собираю в нелепых осколках
Расставаний, вокзалов и встреч.

В этой тайне так мало волшебных мелодий:
Подготовлены нити, рисунок, канва.
Я придумала утро... обычное, вроде...
Заклинанье разбив на слова.

Кофе... Книга... Мгновенье дрожит невесомо,
Все настойчивей сердце зовут города.
Я останусь себе до конца незнакомой,
Чтобы ты возвращался всегда!

ЧЕРУБИНА

Не спится. Ночь. В окно стучатся тени
С испанскими горячими глазами.
Мой друг — лукавый, светлокудрый гений,
Смотрите, что мы натворили с вами!

Она глядит с прозреньем и упреком,
Трепещут черных локонов извивы.
А в отраженье петербургских стекол —
Горда и пряна — бьется гроздь оливы.

* Стихи вошли в одноименную поэтическую книгу Людмилы Гайдуковой, изданную в 2009 году в серии «Библиотека журнала «Приокские зори».

Мятежная, вся в кружеве и розах,
Она моею нежностью томима,
И на щеках — ее застыли слезы,
А губы шепчут имя Черубины.

Так страшно, Макс! Ведь мы за все в ответе!
Сгорело сердце от ее сомнений.
Довольно лжи! Пусты насмешки света
Перед судом грядущих поколений!

* * *

Недолюбить... Посмели зеркала
Мое молчанье отразить невольно.
Не в том беда, что сердцу стало больно,
А в том, что я нечаянно зашла
В тот мир, где нет оков и нет цепей,—
Есть крыльев взмах на стартовой площадке,
Есть мысль, вперед зовущая нещадно,
И радость зеленеющих ветвей.

Я помню... Пыль на полках и в углу
Седые книги в кожаных морщинах,
И горький запах, еле различимый,
Зовущий вновь к мольберту и столу —
Писать, сокрыв под жаром пряных строк
Мучительный, слезоточивый кашель;
Оставив тайной и молитвой нашей
Польнью увядающий венок.

Нет, не предать! Я берегом клялась,
Клялась волной и радугой заката,
И парусом, что стал роднее брата,—
Кому б могла я выплакаться всласть!
Недолюбить — страшнее слова нет.
Теперь тебя вовеки не покину!
Мне руку протяни — живой, единый,
Степей скупых медвяный звездоцвет.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

М. В.

Мреет жизни покрывало.
Тает время... Город. Снег.
Обезумевшим — начало.
Нерастраченным — побег.

Каждый шаг нанизан плавно
На бордюрики дорог.
Я молчу о самом главном

В переменчивый поток.
Так, авто... Машины. Лица.
Снежной каплею с ресниц
Взгляд усталого провидца,
Тайна крохотных синиц.

Погоди! Возьму в дорогу
Мой бубенчик-оберег.
Тридцать первый... Это — много?
Будет город. Будет снег.

* * *

Алебастровый мир достается мне...
О. Медведев

Ладонью в след твоей руки
За тонкой гранью миража.
И собираю огоньки,
И избегаю дележа.

Твоя разбитая струна
Мне пальцы жжет. Не тает снег:
Здесь радость — вовсе не весна,
Больная тень прикрытых век.

Не выше. Просто подойти,
Когда молчать уже невмочь,
Связать узлы, скрестить пути,
Звездой черкнув глухую ночь.

За алебастровый покой,
За капли света в янтаре,
Чтоб оживала под рукой
Без сил упавшая свирель,

За новый день — ладонью в след.
Смотри, узор уже совпал!
Ведь в этом мире смерти нет,
Но есть покинутый вокзал.

* * *

Цепочкой огней растянулось пространство,
А белая гладь, как забытая трасса,
Нехоженная тропа.
И тайна сияет в глазах непрозрачных:
На слышащих чутко, на избранных, зрячих
Покров темноты упал.

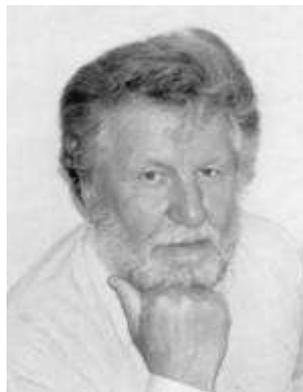
Ухаживал ветер за всем поколеньем,
И к свету вели золотые ступени,

Скрывающие следы.
Взлеяно мудростью, вскормлено песней,
Проросшим зерном по дорогам и весям
Рассыпано в теплый дым.

Спокойствие ночи ничто не тревожит.
Спят люди. Но кто-то проснется, быть может,
Почувяв урочный миг,
И так же, поклявшись дороге и ветру,
Пройдет свои первые километры
Во имя огней живых.

Серафим Лавров
(д. Полунино, Куликово Поле)

Серафим Лавров родился в небольшой деревеньке Полунино Тульской области, недалеко от Куликова Поля. Здесь прошло его детство, здесь появились первые стихи.

Епифанская средняя школа, Армия, Московский государственный университет, аспирантура, НИИ — это основные вехи его жизни. Последние годы С. Лавров живет на своей малой Родине. Благоустройство усадьбы, пчеловодство, поэтическое творчество — вот что наполняет его жизнь смыслом и помогает ему противостоять жизненным трудностям.

* * *

Зимой картошку не сажают,
На лыжах летом не бегут,
Болото, топь не орошают,
А Господу в Душе не лгут.

* * *

Забыв про совесть и про Бога,
Взахлеб, как шашкою рубя,
Нам так легко судить другого,
Так сложно осудить себя.

* * *

Порой слеза немного значит
И льется там, где совесть спит.
Глубоко искренне скорбит
Лишь тот, кто втайне тихо плачет.

* * *

Жизнь, от начала до конца,
В грехах, как та в репьях овца.
У каждого своя дорога
Грехи очистить перед Богом.

* * *

По жизни быстрая езда
Успех приносит не всегда.
Остановись и поразмысли:
Ведь это гонка в никуда.

* * *

Душу свою питай любовью,
Борись, не требуя взамен
Ни сил, ни власти, ни здоровья,
Не жди и быстрых перемен.

* * *

Рок ли, удачи над нами витают,
Судьбы свои люди сами творят.
Рваные раны быстрее заживают,
Раны душевные дольше болят.

* * *

Мы все гоняемся за счастьем.
Другую мысль употреблю:
Свободен тот, кто не подвластен
Ни лжи, ни страху, ни рублю.

* * *

Мы часто зрим на жизнь уныло,
Стремясь на все найти ответ.
Нас время каждого пронзило
Пороками прошедших лет.

* * *

Осмыслить надо навсегда,
Что все желания и мысли
Должны быть искренни и чисты
Как родниковая вода.

* * *

И пусть строка звучит завидно,
Как будто кажется живой.
Слова все сшиты меж собой,
Да так, что шва среди букв не видно.

* * *

Пусть нас не покидают силы.
Мы гимн любви тебе поем,
Твоей судьбой живем, Россия,
Твоими бедами живем.

* * *

Добро аль зло? Что скажет плоть?
Борьба ведется здесь годами.
Но право выбора Господь
Всегда оставит лишь за нами.

* * *

Хороший друг — какое счастье,
И день, и вечер у него.
Считай, что потерял его,
Коли добрался друг до власти.

* * *

Мы все решаем кто — кого.
Нам время это доказало:
Все наши беды от того,
Что зло в почете ныне стало.

* * *

Коль хочешь ты богатым быть
И жить в грехах своих безбожно,
Власть — это лучшая возможность
Проблему данную решить.

* * *

Всю жизнь живем мы в хлопотах,
Устав тянуть гужи.
Нас бедность учит опыту,
Богатство учит лжи.

* * *

Вся боль Души, ее страданья —
Итоги жизни несуразной.
Коль грязны мысли и желанья,
То жизнь такой же будет грязной.

* * *

Мы перестройку пережили —
Закончились врагов насмешки;
Пожары вроде затушили,
Остались только головешки.

* * *

Восходы сменяют закаты,
А время торопит года,
Да, ждет роковая нас дата,
От ней не уйти никуда.

* * *

Сегодняшние мы... Ну что же,
Какие есть, такие есть.
На тех, кто прожил — не похожи,
Мы — всех времен взрывная смесь.

Лидия Данулова
(г. Сергиев-Посад)

Лидия Сергеевна Данулова в прошлом работник библиотеки, в настоящее время на пенсии. Публиковалась в сборнике «Братина», в альманахе «День поэзии — 2000», в антологии «Поэты Сергиева Посада. XX век», в журналах «Форум» и «Литературные незнакомцы», «Голос сердца», в сборнике «Его именем названа библиотека» (Сергиев Посад, 1998). Печаталась в «Литературной газете», в газетах «Российский писатель» и «Русская Америка», а также в местной периодике. Дважды лауреат конкурса «Посадская лира» в 2005 и 2008 годах с вручением приза «Радонежье — мое вдохновенье». Член жюри конкурса «Пастернаковское лето». Автор книги стихов «Жизнь как есть» (Сергиев Посад, 2002). Ветеран литературного объединения «Свиток». Член Союза писателей России.

* * *

Жалеть себя? — Смешно и глупо.
Я говорю себе: «Не смей!».
Пусть жизнь отмерила не скупю
Мне горьких и тревожных дней.
 Что жизнь моя на фоне общей
 Такой нерадостной судьбы,
 Где старики тихонько ропщут
 И угасают без борьбы.
...Опять в деревне. И одна...
Дождит. И протекает крыша.
Мне грустно видеть из окна,
Как дождь листву дерев колыхет.
 Они промокли до корня,
 И дом мой мокнет и дряхлеет.
 Жалею дом. Но и меня,
 Наверно, кто-то пожалеет.

* * *

*В Сергиевом Посаде в Черниговском скиту
долгие годы над могилами Розанова и
Леонтьева была угольная яма.*

В Черниговском скиту есть две могилы,
Два невысоких холмика земли.
Философы в обители унылой
Покой свой вечный рядом обрели.

Не видно здесь других захоронений.
По крайней мере, нет их на виду.
Да и они для многих поколений
Забыты были, к нашему стыду.
Пророки они были иль мессии —
Раздумья все свои несли в печать
И вглядывались пристально в Россию,
И все ее пытались разгадать.
Провидчески раздумья их звучали,
А мысли поражали, глубоки.
Пусть их почти столетье отвергали —
Они вернулись на свои круги.
И мертвые как будто бы ожили,
Их книги стали переиздавать,
А что при жизни не всегда дружили —
Об этом можно и не вспоминать.

ЛЯЛИНСКИЕ ПТИЦЫ

По краям деревни — по избушке,
А в избушке каждой — по старушке.
Тихо-тихо век свой доживали,
С двух концов деревню замыкали.
Обе одиноки, обе — вдовы.
Коз держали (им не до коровы).
Огород да куры у избенки —
Вот и набегало работенки.
Прозвища старушек украшали,
Им деревня прозвища дала.
Бабу Машу «Чайкой» величали,
И «Залеткой» Манечка была.
Помнится, тогда зима стояла,
И войне, казалось, нет конца.
Маша Чайкой меж бойцов порхала,
Покорив солдатские сердца.
Став у Феде Ручкина хозяйкой,
Рядом с Федей годы прожила,
Только навсегда осталась Чайкой,
Машей-Чайкой. Так и померла.
Ну, а Маня, залетев в деревню,
Быстро обрела в ней дом родной.
Муж за ней ухаживал, наверно,
Но молчал. Он был глухонемой.
Добрый был мужик. Не выпивоха.
Все сумел в хозяйстве подновить.
И жилось Залетке с ним неплохо,
Да пришлось его похоронить.
И Мария без подмоги мужней
Сразу одряхлела и сдала.
Вся деревня помогала дружно
Выправлять залеткины дела.

Как встречала! Выйдет на дорогу,
Ручками так радостно всплеснет:
— Родные! С приездом! Слава Богу! —
И лицо в улыбке расцветет.
...Нет давно ни Чайки, ни Залетки.
Обновился деревенский люд.
Здесь, свои обхаживая сотки,
Городские дачники живут.
Но бывает: над деревней стайкой —
С озера пернатые кругом.
Может, среди них и Маша-Чайка,
И Залетка рядом под крылом.

* * *

Я вышла на площадку постоять.
Здесь тишина. Закрыты плотно двери.
Свои стихи хочу я прочитать
Тихонечко, чтоб их на слух проверить.

Когда навязнут строчки на зубах —
Озвучить их, как довести до цели.
Чтобы они, рожденные впотьмах,
Как бы извне до слуха долетели.

Мой тихий голос одухотворен
Акустикой на лестничной площадке.
Слова плывут, как будто бы сквозь сон,
И этот сон пленительный и сладкий.

Умолкла. Чу... Окончился сеанс.
На лестничной площадке снова глухо.
Самой смешно, когда впадает в транс
Такая нестандартная старуха.

Александр Евдокимов
(г. Тула)

НА РОДИНЕ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Александр Николаевич Евдокимов стихи начал писать после окончания средней школы. Публиковался в газете «Красный воин», член литобъединения «Пегас» при Тульском областном отделении Союза писателей России

Я стою, волненья скрыть не в силах,
Возле старых тесаных ворот,
Солнце — рыжебокая кобыла
Из Оки за плесом воду пьет.
Чист просторный двор.
Горят рябины.
Старый сад, ведерко у крыльца,
Запах сена, вилы у овина —
Все невольно трогает сердца...
Мало кто в селе повеселился,
Нищетой истерзанный вконец,
Что в семье Есениных родился
Русского крестьянина певец.
Знать, одним живет бедняк и дышит
С мироздания, через тьму веков:
Две овцы, изба с дырявой крышей,
Десятина — на пять едоков...
Поросль ивняка затронув краем,
Заглядевшись в древнюю Оку,
Нас село встречает караваем
Золота ржаного на току.
Может здесь, в тени от лап еловых,
Если вдруг подкрадывалась грусть,
Паренек сидел белоголовый,
Что воспел бревенчатую Русь.
А когда луны скользили сани,
Серебро разбрызгав по реке,
Выходил из дома сын Рязани
К сумраком укутанной Оке.
Там, где у синеющей протоки
В хороводе девушки поют,
Он писал волнующие строки
Про любовь, про первую свою.

Славил, но не мед в рифленых сотах,
Не вино замызганных сулей —
Пополам с крестьянским горьким потом
Щедрость константиновских полей...
Час разлуки. Это значит снова
Уходить... Но я еще вернусь
В край, где паренек белоголовый
Воспевал святую нашу Русь!

Николай Прудкин
(пос. Заокский)

СНЫ ВЕТЕРАНА

Прудкин Николай Иванович проживает в деревне Никольское Заокского района Тульской области. Издал пять сборников стихов и рассказов. Член литературного объединения «Пегас» при Тульском областном отделении Союза писателей России.

* * *

Ну почему, когда лишь повзрослеем,
Мы начинаем с вами понимать,
Что многого мы в жизни не умеем,
А главное — зачем живем, понять.

Не можем мы постигнуть этой тайны.
Вся мудрость наша, в суетных делах.
Надеемся, что с Неба будет манна,
Но в души не впустили Божий страх.

Все на авось, день пробежал — и ладно.
Не совершишь, так завтра совершишь.
Но с ближними нет никакого ладу:
Что шаг иль слово, то и грешишь.

Ну почему лишь в детстве мы святые
И беззаветно любим вся и всех?
Цветем мы, как цветочки полевые,
Звонит повсюду чистый детский смех.

А повзрослели — хмурые, как тени;
Наш смех похож на ржание коней;
В нас столько сразу глупости и лени;
В гордыне замыкаемся своей.

Все начинаем понимать с годами,
Да чистоты, как в детстве, не вернем
И в бешеной погоне за деньгами
Им души, как иуды, наши продаем.

Вопрос «как быть?» все чаще нас тревожит,
И мы живем уже своим умом.
К своим поступкам быть нам бы построже,
Но думать нам не хочется о том.

Как быть? Что делать? Как назад вернуться
В бессуетное время чистоты?
Как в тот святой источник окунуться
А может быть, все это знаешь ты?

О ЛЮБВИ

Любовь моя соловушкой
Внутри меня поет.
Как белый снег, лебедушкой
По реченьке плывет;

Малиновыми звонами
В лесу она звучит;
Играет в море волнами
И тишиной звенит;

С журавушками осенью
В далекий край летит;
И в травке первой проседью
Искристою лежит;

Зимой, весной и летом
И осенью златой;
Как солнца лучик света,
Любовь всегда со мной.

СНЫ ВЕТЕРАНА

Вновь ветерану не спится:
Устал он видеть во сне
Войны жестокой зарницы,
Засевшей, осколком в спине.

Осколок от бомбы, что с неба
Фашистский стервятник послал
На поле созревшего хлеба,
Где взвод окопавшись лежал.

Лежали бойцы, а над ними
Тот немец, как ворон, кружил.
Над теми, что честно служили
Отчизне, и каждый любил.

А после был бой, и осталось
В живых лишь четыре бойца.
Такая им доля досталась —
Бой простоять до конца.

Не спится вновь ветерану.
Вновь думы: за что воевал?
За этих, кто сдуру ли, спьяну
Страну на куски раскромсал?

Страны, что они раскромсали,
Уж нет,— вот печальный итог.
Но *той* мы тогда присягали
И верно исполнили долг.

Остался один он из взвода
С осколком, засевшим в спине.
Служил трудовому народу
И выжил в той страшной войне.

Он выжил, чтоб помнили люди
Те страшные годы потерь.
И вечная память да будет
Погибшим, чтоб жили теперь!

Владимир Резцов
(г. Тула)

**ПОХВАЛА НОВОМУ ГОДУ
В НОВОЙ РОССИИ**

Идет опять к нам Новый год:
Гостей орава, поздравленья,
Конфетами набитый рот,
Шампанское до изумленья,

Салат, колбаска и сырок,
Икорка, водочка, к примеру,
«И шашлычок под коньячок»...
Но хорошо лишь то, что в меру.

У нас — чем дальше, тем чудней:
Спасибо безголовой Думе
За то, что десять долгих дней
Гудит страна в хмельном безумье!

Гуляет вширь госаппарат,
Гуляют ЖЭК'и и больницы;
Проблему — срочно не решат, —
Паршивой справки не добиться!

Придет нужда, и ты потом
Все проклянешь, глазам не веря,
И будешь ты стучаться лбом
В надежно запертые двери.

Да это пир среди чумы!
С чего б такой загул, ответьте?
Ужель живем богаче мы
Всех стран на голубой планете?

Десятидневный паралич.
Такое бы стряслось едва ли,
Когда б из гроба встал Ильич,
И грозно сдвинул брови Сталин.

Ах, эти «если б» да «кабы»!
Ведь мы в реальности, не в сказке,

И к черту волею судьбы
Несемся в пьяной свистопляске.

...А как рассеется угар,—
Спешит к кому-то травматолог,
К кому-то — дюжий санитар,
А то, глядишь, и венеролог.

И понеслась — за рыбу грош!
И вновь никчемные заботы!
И тот не гож, и этот тож,—
И снова нам не до работы...

Но Новый год есть Новый год.
Не будем говорить о грустном!
Друг другу каждый пусть нальет,
А угощение будет вкусным!

Поднимет тост моя семья:
О дне грядущем наши думы.
И будем меру знать, друзья:
Нам надо быть умнее Думы!

Александр Хадарцев
(г. Тула)

В КОМНАТЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

НАВЕЯЛО

Когда погаснет вдохновенье —
наступит горечь темных дней!
Тогда и тем, и слов значенье
упрячут облака теней...
Иссохнет яблочная мякоть,
уйдя в морщины кожуры...
И не придется больше плакать,
купаясь в блесках мишуры.
Утихнет гимн любовной жажды,
иссякнет рифм журчащий ток,
пока на склоне лет однажды
не вспыхнет юности росток!
Зазеленится нежным светом,
желая всем назло цвести,
а это значит, что поэтам —
придется в вечность прорасти:
под бугорком, в уединенье,
там, где живые не живут,
не помышляя о прощенье
за недосказанность минут...
Реальных дней былые краски
уста сомненьем возбудят...
И нет конца у этой сказки,
и в юность — нет пути назад!
Об этом Ясная Поляна
листвой осенней прошуршит,
плеснув дождем на дно стакана,
пока зима не запуржит...

НЕ ПРОМЕНЯЮ

Не променяю никогда
кипенье дружбы в миг застолья,
бурление тостов с хлебом солью,

желанность поутру рассоля,
загоризонтное раздолье —
не променяю никогда!

Не променяю никогда
друзей воистину — сужденья,
которым чужды чьи-то мненья,
в их мыслях — мира сотворенье,
и в правоте своей сомненье —
не променяю ни когда!

Не променяю никогда
любви щемящее желанье;
горчинку злую расставанья,
приятность встреч, беды стенанье
и даже мрачность отпеванья —
не променяю никогда!

Не променяю никогда
все это на златые горы,
на мерзкой власти коридоры,
на вечной жизни мухоморы,
на свежемислия заторы —
не променяю никогда!

Не променяю никогда
свой путь, кремнистый, но прицельный,
на достиженье главной цели,
в науке и искусстве цельной,
недостижимой, беспредельной —
не променяю никогда!

Не променяю никогда
реки ревущей камнедробье,
на тихих плесов бесподобье,
на перевалов сложнотропье
на гладь бетона плоскостопья —
не променяю никогда!

Не променяю никогда
Тургенева и Льва Толстого
на тех, кто исковеркал Слово!
А правду, хоть она — сурова,
на лесть, что подличать готова —
не променяю никогда!

В КОМНАТЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

Половицы деревянные, скобленные,
коврик домотканый у кровати,
две гантельки, весом оскорбленные,

да толстовка, да простое платье.
Где же ты, «матерый человечище»?
Где же «глыба» с имиджем мессии?
Как увидеть в Маковецким леченном
символ духа здравия России?

Вновь лежат Каренины на рельсах...
Не придет к Катюше воскресение...
Как всегда сменяет пасха — песах* ...
Пленники кавказские — в забвении...

Вновь война и мир взаимоскручены,
а в оврагах ищут тонны «зелени»,
рукава Николенек засучены,
только вот они — без роду-племени!

Вместо дома предков — игромания.
Связи близкородственные — прерваны.
Реже — встречи, чаще — расставания.
Русь играет вздыбленными нервами!

Половицы — прошлого глашатаи —
чуть скрипят в углах по-стариковски...
Речь ведут экскурсоводы штатные,
жизнь Толстого режут на полоски...

Черная полоска, или белая?
Все равно столетиям грядущим!
Из деталей вылеплено целое,
и оно для нас, как хлеб насущный!

От дивана кожаного в вечность
улетела оболочка брменная...
Он — не глыба, не скалы беспечность.
Он — и Тула, и сама Вселенная!

* Песах — пасха (древнееврейск.).

Алексей Скаредов
(г. Тула)

БЕЗ НЕЕ
(венки сонетов-блюзов)

Родился в 1970 году в г. Владикавказе, затем жил в республике Дагестан (в г. Кизил-Юрт, в Махачкале), приехал в г. Тулу, откуда был призван в армию, служил в войсках ВВС. В настоящее время проживает в Туле.

Свои первые стихи опубликовал в журнале «Алый парус» в 1990 году. В 1993 году издан сборник «Соль-бемоль седьмой октавы», в 2010 году — сборник «Ночью», отдельные произведения публикуются в журнале «Приокские зори».

ЖИВОЙ

*Я предсказал немало горя
и все исполнилось сполна...
Луны светила белизна
на путников, идущих строем.
Да, я старания утрою,
чтоб быть поближе к ним. Волна
следов не смоеет, хоть сильна
прибоя мощь не только воем.
Они идут. И я иду.
Мы разминемся ненадолго,
под ужас завываний волка
разделим воду и еду.
Я им скажу: «Живой, живой!
А счастье бродит стороной».*

СТИХОПЛЕТ

*А счастье бродит стороной —
ему чего-то нужно боле,
чем стихоплет в ночной неволе
лежащий с призрачной виной.
И не найти судьбы иной,
как перебраться через поле,
уйти, забыть о злой доле —
а псы — пусть лают за спиной!
И пусть во тьме стучит затвор —*

ушел бы: нате вам! Нелепо
бежать от сырости из склепа,
когда смертелен приговор.
Не запятнав себя виной,
Был изувечен я страной.

ВОЛЯ

Был изувечен я страной,
бродил по дымным электричкам,
жизнь доверял коротким спичкам
и не жалел судьбы дрянной.
Ни разу не был на Сенной,
не подставлял погоны лычкам,
спокойно относился к стычкам
зимы с весенней новизной.
А что в итоге? Псу под хвост
мои старанья: «Быть и только!»
Сочти-ка, для чего и сколько
не выпил я за этот гост!
И мне досталась рюмка горя,
Хоть жил в провинции, у моря.

РУСЬ

Хоть жил в провинции, у моря,
а все смотрел на север я —
туда, где тучные поля
да перелески на просторе,
где по-московски люд гуторит.
Объемлет небо там края
Земли. Там святости струя
с пожаром обличенья спорит.
Порой бывает важно знать,
что ты изгнанник — без изгнания,
без чина, без сапог, без званья,
и некому по батьке звать.
Кого ругаю я порою?
Об этом знают только трое.

МЫСЛЬ

Об этом знают только трое —
что скрыто в тайниках души,
а ты все знай себе, пиши
стихи моднейшего покроя.
Ни рифмы не найдешь, ни строя
в тех виршах, в русскости глуши...

Глуши ты водку, не глуши,
а пенье клира — слушай стоя!
В церквах неведомых поют
во славу в вышних Саваофу,
а ты продумываешь строфы,
чтоб мысль была в них и уют.
Надеюсь, что за мыслью той —
Отец да Сын, да Дух Святой.

ТРОЕ

Отец, да Сын, да Дух Святой,
а больше ничего не надо —
все дышит Ими, все Им радо,
и повторяешь с простотой:
«Прости мне, Боже, что с Тобой
я говорю не часто! Прятал
слова, бывало, я, но свято
лишь то, что сказано с душой».
Их трое у меня — один
не прозябаю с Ними даже,
когда куражусь в эпатаже,
забыв про белизну седин.
Смерть окропив святой водой,
Они-то справились с бедой.

ПОЕЗД

Они-то справились с бедой.
Меня же гложут страх и совесть,
как неоконченная повесть —
сюжет судьбы кривой, пустой.
Но под словесною рудой
услышал я подземный поезд.
Куда идет? Откуда? Бог весть!
Идет! Шепчу ему: «Постой!»
Чуть ошалелый, на ветру
стою и улыбаюсь тихо,
надежда есть — минует лихо.
Не время к ключарю Петру!
Зонты судьбы за нас горою,
А, значит, и меня прикроют.

ВЫБОР

А, значит, и меня прикроют
от этой страшной суеты,
когда судьба с тобой на «ты»,

когда сирены дико воют,
когда могилы в дождик роют,
когда цветы в венках светлы
для тех, любимых... А «Битлы»
не голоса, а тускло ноют.
Без слов понятно в этот раз,
что гвалт поднялся не случайно.
И выбор будет беспечальным,
коль сделан он не напоказ.
Стара дилемма: быть — не быть.
Чего еще? Любить? Кутить?

ВОПРОСЫ

Чего еще? Любить? Кутить?
Жизнь прожигать на табуретке?
Залезть за пазуху к субретке,
чтоб госпожой ее крутить?
Девчонок молодых дурить?
Изобретать свои приметки?
Предпочитать стихам виньетки
и для талантов ямы рыть?
Вийон сказал однажды так:
«Теперь я говорю: довольно!»
И пусть обидно мне и больно —
я на ответы не мастак.
Мерца, сердце вдруг заныло:
Все пусто — не осталось пыла.

МЕТЛА

Все пусто — не осталось пыла,
лишь угли теплятся в костре.
Она же на простой метле
летает там, во тьме постылой.
То, что когда-то было мило,
висит на призрачной ветле,
в тугой болтается петле,
а я иду спокойно мимо.
Опять один, опять живой,
я из угла слоняюсь в угол
шалых миров. От пьяных пугал
мне слышится: «Ты сам кривой!»
В погасших окнах ночь застыла.
Никто не пишет мне на «мыло».*

* «мыло» — (разгов., жарг.) — электронная почта, e-mail.

ОДИНОЧЕСТВО

*Никто не пишет мне на «мыло»,
Пусть электронной почты — нет,
но я пишу (кому?) ответ
в тетрадку дневника... Да, было...
Живое слово вдруг уплыло,
хотя страниц свободных нет.
Я помню — говорил мне дед,
мол, не меняй на мыло шило.
Кому писать, что тесен гроб,
что одиночество лихое —
лекарство от любви плохое,
что тяжек памяти сугроб?
Но музыке не дам остыть:
Иду «сидюшный»* диск купить.*

МУЗЫКА

*Иду «сидюшный» диск купить.
Какой — и сам пока не знаю.
Куплю то, что своим признаю.
Все лучше, чем «шмурдяк»** глушить.
И постараюсь так прожить,
чтоб постучаться в двери рая
задорно, весело, играя —
не век же демонам служить.
Есть в этих звуках тайный свет,
он пробивает бреши в тучах.
В оврагах, дебрях и на кручах
он шлет издалика привет.
И я не плачу, не тоскую —
Забывать про музыку рискую.*

ОНА

*Забывать про музыку рискую,
но глаз ее коварна власть —
в них есть и колдовство, и страсть,
такие, что не обрисую.
Она преследует — пирую
иль сплю — она во мне. Как звать
ее — не важно! Важно стать
судьбу зовущим — не впустую.
И вот уже мне не до сна,*

* «Сидюшный» — (разгов., жарг.) — CD-диск для записи музыки.

** «Шмурдяк» — (жарг.) — некачественный самогон

не до пиров. И, с каждым шагом,
смерть отступает с бледным флагом.
Над смертью, на метле — она.

Пусть не видал ее нагую,
Судьбу себе желал такую!

НЕ СУДЬБА

Судьбу себе желал такую,
с изнеженным — как мел плечом.
В ее игре я был мячом:
Меня колотят — я ликую!
Ничем себя не застрахую —
пусть бьет! Она тут ни при чем.
Скрипичным изогнусь ключом,
но не пойду просить другую.
Я мог бы стать — хоть гордецом,
но ей меня одернуть пара
каких-то пустяков! А кару —
приму с не дрогнувшим лицом.
Одно ей не исправить, споря —
Я предсказал немало горя.

БЕЗ НЕЕ

Я предсказал немало горя,
А счастье бродит стороной,
Был изувечен я страной,
Хоть жил в провинции, у моря.
Об этом знают только трое:
Отец, да Сын, да Дух Святой —
Они-то справились с бедой,
А, значит, и меня прикроют.
Чего еще? Любить? Кутить?
Все пусто — не осталось пыла,
Никто не пишет мне на «мыло»...
Иду «сидюшный» диск купить.
Забывать про музыку рискую:
Судьбу себе — желал такую.

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

Старый парк безмолвие хранит,
Осыпая листья мне под ноги,
И мои сомненья и тревоги
Тишиной своею усыпит.

Время замедляет стрелок бег,
И попав в другое измеренье,
Я услышу вдруг сердцебиенье
И порадуюсь, что выпал первый снег

Я пройду аллеей не спеша
И открою тайну желтым кленам,
Что во мне, как в заново рожденном,
Говорит ожившая душа.

* * *

Октябрьский теплый день
Нас улыбнуться просит,
Как будто бы не осень,
Как будто бы апрель.

На языке любви
Поговори с природой,
И в сердце непогоды
Развеются твои.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ТУЛЫ И ОБЛАСТИ

БОГОРОДИЦКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ-КЛУБ (БЛОК)

В 2007 году Богородицкое литературное объединение-клуб (БЛОК) отмечает свой первый, пятилетний, юбилей. И, наверное, не случайно этот юбилей совпал с 230-летием города Богородицка. Это значит, что БЛОК идет в ногу с городом, переживая вместе с ним значительные и не слишком заметные постороннему глазу события и перемены в его жизни. Но главное, на мой взгляд, значение юбилея БЛОКа в том, что литературные традиции Богородицка восстановлены, приумножены и продолжают приумножаться.

Общественное значение альманаха «БЛОК», в котором нашло отражение литературное творчество объединения, отмечено «Литературной газетой» — одним из центральных органов российской печати. Члены объединения регулярно печатаются в областных газетах, сборниках, журналах, выпускают авторские сборники, выступают перед учениками, студентами, производственными коллективами, по радио и телевидению, проводят творческие вечера. Богородицким литобъединением налажены прочные связи с администрацией города, отделом культуры и комитетом по образованию; именно в таком взаимодействии возникла и успешно воплощается в жизнь идея создания дневника Богородицкого школьника — дети должны знать историю города и гордиться ей, ведь воспитание патриотизма и есть главная задача, как мы ее понимаем, Богородицкого литературного объединения.

В. В. Киреев,
*руководитель Богородицкого литературного
объединения-клуба, член Союза писателей России*

ЮРИЙ ЛУКАШ (г. Богородицк)

Лукаш Юрий Михайлович. Родился в 1935 г. Бывший шахтер и учитель. Публиковался в районной газете «Богородицкие вести», в коллективных литературно-музыкальных альманахах Богородицкого и Новомосковского литобъединений, в коллективном сборнике «Первая встреча» (Богородицк). Автор двух сборников — «Лирика», «Ностальгия».

* * *

Уходит лето из села.
Опять грустят и стынут дали.
И песня в небо унесла
Свои тревоги и печали.

А на душе такая грусть,
Как будто бы нельзя иначе,
Как будто вся большая Русь
Скорбит над этим птичьим плачем.

О, осень, душу не тревожь
Тем криком грустным, криком давним.
Но сеет, сеет мелкий дождь
Свою печаль на лес и плавни.

И от уставшего крыла
Под небом шорох раздаётся...
Уходит лето из села,
А песня в сердце остаётся.

* * *

Метель кружит, как будто волны дыма,
И пес ленивый под навесом спит,
И все тревожней, злей и ощутимей
Воспоминанье душу бередит.

Блуждает вьюга, затерявшись в поле,
И приглушенный слышу чей-то смех,
И вкось, и вкривь в лицо мне бьет до боли
Неугомонный и жестокий снег.

И влажность губ, и сладость поцелуя,
Твой силуэт и светлое окно
Теперь уже далекое бывшее,
Теперь уже пургой занесено.

И не поймешь, чего душа захочет:
С метелью стыть или греться на свету.
А по степи блуждает призрак ночи
И все, кружась, уходит в темноту...

ТАМАРА БУРБО
(г. Богородицк)

Бурбо Тамара Алексеевна. Родилась в с. Павелец Рязанской области. Окончила Новомосковское педагогическое училище, заочно — Новомосковский филиал МХТИ. В настоящее время пенсионерка, но работает на ОАО «Ресурс» в г. Богородицке инженером по технической документации.

Печаталась в районной газете «Ленинская правда» (ныне — «Богородицкие вести»), в коллективных литературно-музыкальных альманахах Богородицкого и Новомосковского объединений, в коллективных сборниках «Первая встреча» и «Такие эти первые шаги». Автор двух сборников стихов — «Лунный свет» (2004 г.) и «Ромашковое лето» (2006 г.).

ЛЮБОВЬ ВСЕМ ДВИЖЕТ

Берет год новый с января
Свое начало.
Лист за листом календаря —
И все сначала.
И так идет за годом год,
Ритмично-строго,
А мы за временем вперед —
Не в ногу, в ногу.
О чем-то сожалеть порой
Вдруг начинаем,
Но все вершится ведь судьбой —
Мы это знаем.
И пусть за годом год спешит
Куда-то в вечность,
Не надо делать только вид,
Что мы беспечны.
И каждый новый год для нас —
В надежде, вере.
И надо жить не напоказ —
Любовью мерить
Свой каждый шаг, взгляд каждый свой,
Быть чище, выше
И помнить надо нам с тобой:
Любовь всем движет!

Я ВОЗВРАЩАЮСЬ

Я возвращаюсь, возвращаюсь в детство...
Мне кажется, что близок тот порог,
Когда уж нет целительного средства
Ни для ума, ни от болезней ног.

И руки непослушны почему-то,
Спина не гнется, и глаза не те,
И на душе так безотрадно пусто,
Все чаще остаешься в темноте.

И сколько, Боже, надо сил и воли
Не так не сделать что-то невзначай,
И, как ребенок, рад деньку без боли,
Когда ты сам завариваешь чай.

Да, говорят, что старики, как дети,
И это отрицать не смею я.
Жизнь стариков беспомощностью метит,—
Беспомощность особая, своя.

Она растёт, и с каждым днем больше,
Я знаю, ощущать ее в себе,
И, осознав, что все же ты старше,
Невольно уступаешь ей в борьбе.

Не хочется обузой быть кому-то.
Принять такое разум не готов,
Но не дают былой свободы пути,
Что возвращают в детство стариков.

ВАРВАРА ВВЕДЕНСКАЯ

(г. Богородицк)

Введенская Варвара Георгиевна. Родилась в г. Богородицке Тульской области. Окончила Плодоовощной институт им. И. В. Мичурина в г. Мичуринске Тамбовской области. Работала учителем и заместителем директора в школах Богородицкого района, преподавателем в сельскохозяйственном техникуме, инструктором по работе с детьми при отделе культуры Богородицкого горисполкома.

Печаталась в общешкольной и институтских стенгазетах, Мичуринской районной газете, «Пионерской правде», в Богородицкой районной газете, в коллективных литературно-музыкальных альманахах Богородицкого и Новомосковского литобъединений, в журнале «Приокские зори». Автор двух книг — «Хрустальный звон» и «Озорник».

ОЗОРНИК

За лощиной, возле поля,
Стайка белая берез.
На просторе, на раздолье
Стерегут они овес.

Эти юные березки
Дружат с легким ветерком,
Словно девочки-подростки,
Встречи ждут с озорником.

Вот к березкам он подкрался,
За косички дернул их,
Тут же будто испугался,
Притаился и притих.

А потом вдруг расшумелся
И погнал овес волной,
Но от солнца разогрелся
И промчался стороной.
Ветерок с овсом играет

И метелки шевелит:
То притянет, то расправит,
Как мальчишка, он шалит.

ДУБ

На склоне холма, величав и отважен,
Вдали от прибрежных берез и раки,
Как тот богатырь древнерусский на страже,
Второе столетье дуб гордый стоит.

Ему не страшны ни дожди и ни бури,
Он словно прикован к земле на века,
А голову поднял к небесной лазури,
И крыльями машут ему облака.

Красив и могуч он, с развесистой кроной,
И сколько наследников тут же на нем.
И солнце своей золотою короной
Венчает его на престол быть царем.

АЛЕКСЕЙ ВОЕВОДСКИЙ

(г. Богородицк)

Воеводский Алексей Дмитриевич. Родился в с. Николо-Гастунь Белевского района Тульской области. Учился в авиаучилище, закончил пединститут в Туле. Работал преподавателем русского языка и литературы. Пенсионер.

Первый сборник вышел в 1969 г. Печатался в «Молодом коммунаре», «Коммунаре», «Крокодиле». Публиковался в коллективных сборниках «Тонкий намек» (Тула), «Первая встреча» (Богородицк), «Такие эти первые шаги» (Богородицк). Автор трех книг — «Колючая философия», «По заслугам — честь», «Улыбка фараона».

ЛЕДОХОД

Сорок второй, забытый мной, год.
Страшный в тот год был весной ледоход.
Старый и малый на речку бежал:
Там плыли солдаты на льдинах лежмя.
Плыли солдаты, закованы в льдах,
Плыли у нас, у детей, на глазах.
Чей это был муж, отец или брат?
Плыл по Оке Неизвестный солдат...
Бабы баграми цепляли за лед:

«Эй, подсобляй, а не то — унесет!»
Прыгали мы, пацаны, с топором,
И вырубали солдат тех со льдом.
Этот, как будто споткнувшись, упал.
Этот щекою к винтовке припал.
Словно прилег отдохнуть человек
Да так и заснул в этой позе навек.
Всех по традиции к церкви несли.
Детские слезы невольно текли.
Клади в исподнем их всех без гробов.
(Не было в селах тогда мужиков.)
Видел я павшим надгробный гранит,
Но память моя ту могилу хранит,
Где русские женщины клали ряд в ряд
В землю родимую русских солдат.

НОВОГОДНЕЕ

Снова Земля завершает свой круг,
Мчась по извечной орбите.
Я поздравляю друзей и подруг,
И незнакомых, не встреченных вдруг.
Новых удач и открытий!

Прячутся судьбы в таинственной мгле.
Что нам сулит Новогодье?
Счастья и мира любимой Земле
Сердцем желаю сегодня.

Где-то проносятся антимиры,
Бьется жестокая вьюга...
Люди, пожалуйста, будьте добры
И берегите друг друга.

Я так хочу, чтобы нам повезло,
Чтобы достигли мы выси,
В Мире Добро победило бы Зло —
Это от нас ведь зависит.

Чтобы планета не сбилась с пути,
С этого вечного круга,
Люди, поймите, что наша Земля —
Это большая-большая семья,
И берегите друг друга.

ОЛЬГА ЗЕНКИНА

(г. Богородицк)

Зенкина Ольга Вячеславовна. Родилась в г. Буй Костромской обл. Училась в Рязанском радиотехническом институте, по распределению приехала в г. Богородицк и работала на заводе «Ресурс» в ОКБ сначала инженером-технологом, затем инженером-конструктором.

Печаталась в литературно-музыкальных сборниках Богородицкого и Новомосковского литобъединений.

* * *

Затерялся в Российской глубинке,
В ожерелье больших городов,
Богородицк — жемчужной песчинкой,
Отпрыск древних и княжских родов.

Наделенный неласковым детством
(По траве и стерне — босиком),
Одарен был роскошным наследством,
Хоть родился и рос байстрюком.

Городок незаметный, безвестный,
Весь уклад, как в российском селе,
Лишь сияет твореньем прелестным
Чудо-парк, как венец на челе.

И дворец, что задуман Старовым,
В том венце бриллиантом горит,
Белым облаком снова и снова
Величаво над прудом парит.

«ГРИБНОЙ» ДОЖДЬ

Потемнело небо что-то,
Застучал в окошко дождь,
Словно дразнит он кого-то,
Мол, гулять ты не пойдешь!

Дождик прыгает и скачет
По асфальту и цветам,
Под окном скамейка плачет,
Блестки луж и тут, и там.

Среди серого ненастья
Вдруг возник на мостовой
Гриб со шляпкой ярко-красной,
Коренастый, молодой.

Постоял грибок немножко,
Шляпкою своей встряхнул
И потопал по дорожке,
В лужу радостно шагнул...

И услышал голос мамы:
— В лужу? Даже ни ногой!
И держи свой зонтик прямо,
Подосиновик ты мой!

ОЛЬГА ЗИАТДИНОВА

(г. Богородицк)

НЕБОЛЬШОЙ СОВЕТ РЕБЕНКУ

Коль сможешь зажмуриться крепко-прекрепко,
До рези в глазах, до боли, до слез,
Ты сможешь увидеть и крупно, и мелко
И целые тучи, и стаи звезд.

Ведь это так просто: создать себе небо
И быть чуть счастливей, и просто мечтать,
Подняться чуть выше... Там, где еще не был,
Всегда можно что-то иное узнать.

И пусть говорят, что звезду не достанешь,
Что небо замерзло и стало пустым.
Но ты же не взрослый, и ты понимаешь,
Что можно построить до сказки мосты.

И самое главное в жизни любого
Всегда быть ребенком и верить в мечту,
Всегда оставаться беспечным немного
И видеть в привычном свою красоту.

НИКОЛАЙ ЗИМИН

(г. Богородицк)

Зимин Николай Андреевич. Родился в 1936 г. в Призацонье за Елецком. Окончил Ярославское радиотехническое училище, Обнинскую академию. Стихи публикуются с 1958 г. Печатался в районной газете «Богородицкие вести» в коллективных литературно-музыкальных альманахах Богородицкого и Новомосновского литобъединений. В 2007 г. вышел авторский сборник стихов «Доля».

ДОЖИВАЕТ

Морщинка каждая резка.
В морщинах лоб и щеки.
Костыль в руке у старика,
А стан прямой, высокий.

Свой доживает долгий век,
Что Бог ему отмерил.
Всю жизнь трудился человек,
В добро и честность верил.

В колхозе много лет прожил.
Сгребла смерть близких бреднем.
Стал одиноким старожил
До дней своих последних.

Лишь трактор был его кумир.
И тот — в металлоломе.
Старик не держит зла на мир,
Судьбою он не сломлен.

МАЙ 45-ГО

Отец с войны вернулся в мае!
Ах, как в тот год сирень цвела!
И лишь теперь я понимаю —
Был праздник для всего села!

Отца округа вся любила,
Ведь он прекрасный гармонист!
И как же радостно мне было —
Отец гвардеец и танкист!

Он смело в бой всегда бросался,
Закончил в «логове» войну!
И на Рейхстаге расписался —
Он защитил свою страну!

Он пережил жару и холод,
Его состарила война.
А он не стар, хоть и не молод!
Лишь кудри красит седина!

ВИКТОР ИВАНОВ

(г. Богородицк)

Иванов Виктор Владимирович. Родился 21.12.1947 г. в с. Залесское Ефремовского района Тульской области. С 1950 г. проживает в г. Богородицке. Закончил Тульский горный техникум, заочно — экономический институт ВЗФИ. Работал на заводе технoхимических изделий мастером, начальником цеха, начальником ПТК. Печатался в районной газете «Богородицкие вести», альманахах «БЛОК» и «НЛО». В 2006 г. вышла книга стихов «Я так хочу, чтоб жизнь была прекрасна», в 2008 г. сборник стихов «Дороги, которые мы выбираем».

РОДИМЫЙ КРАЙ

После странствий домой возвращаюсь.
Как же край мой родимый пригож!
Я тобою всегда восхищаюсь,
Ты на дивную сказку похож!

Все здесь лучше, красивей, милее
И прозрачней небес синева,
И стволы у березок белее,
Шелковистой трава-мурава!

И родней и приветливей лица,
И улыбки добрей и светлей!
И в глазах у красавиц искрится
Бирюза васильковых полей!

Здесь чарующий звон колокольный.
Ты в цветах утопаешь весной!
И народ здесь простой, хлебосольный —
Богородицкий край мой родной!

Мне заморского рая не надо —
Здесь родные леса и поля!
Здесь мятежному сердцу отрада,
Ведь отсюда Отчизна моя!

НАСТОЯЩИЙ ДРУГ

Опять сердечко прихватило.
Причины нет, на первый взгляд.
Наверно, балует светило,
Нервишки к вечеру шалят.

Поеду-ка в деревню, к другу,
Там свежий воздух, чистый снег!
Пройду пешком я всю округ,
Окрепнув, перейду на бег!

Там изумительная банька,
Простая, свойская еда!
И ждет мой друг сердечный — Санька —
Меня он видеть рад всегда!

И вот она — деревня-мама!
Седой над крышами дымок,
Родная с детства панорама.
И в горле друг застрял комок...

Я узнаю простую хату,
Как вата, чистый снег вокруг!
И Санька мне несет лопату,
Мой настоящий, верный друг!

МАРИЯ МАЛЬЦЕВА

(г. Богородицк)

Мальцева Мария Степановна. Родилась в д. Красный поселок (Гуси) Богородицкого района Тульской области. Окончила Красно-Буйскую сельскую школу. Работала в колхозе. В 1969 г. переехала в г. Богородицк. Работала на заводе теххимических изделий, с 1972 г. — на заводе «Легмаш» токарем-револьверщиком. С 2002 г. печаталась в районной газете «Богородицкие вести», в коллективных литературно-музыкальных сборниках Богородицкого и Новомосковского литобъединений. В 2006 г. вышел первый сборник стихов «Родник души».

ВОТ И ЛЕТО УШЛО

Вот и лето ушло,
отзвенели покосы,
И все чаще дымится
туман над рекой.
По утрам серебрятся
хрустальные росы.
В каждой капельке лучик
блестит золотой.

В вышине облака
непогоду пророчат.
Разгорланились птицы,
вспугнув тишину.
Что-то шепчет река,
словно сказку бормочет,
Словно зыбку качая,
готовясь ко сну.
Вот и лето ушло.
По закону природы,
Нагулявшись по свету,
вернется опять.
Не вернутся лишь наши
прожитые годы.
Жизнь ведь тоже река —
не течет она вспять.

РЕБЯТАМ С НАШЕГО ДВОРА

Мальчишки с нашего двора.
Когда вы выросли, ребята?
Вот и служить пришла пора,
И завтра вы уже — солдаты!
Режим. Гражданской воли нет,
И жестковато будет ложе,
Пойдете строем на обед
И даже в баню строем тоже.
Придется трудности принять,
Не прячась за чужие спины,
Азы солдатские познать,
Ведь вы же, мальчишки, — мужчины!
Куда б страна ни позвала,
Приказ как должное примите,
Какой бы служба ни была,
Вы только честь не уроните,
Ребята с нашего двора.

ЕЛЕНА СКОРОПУПОВА

(г. Богородицк)

Елена Владимировна Скоропупова (Ясницкая) родилась в городе Чита. С 1963 г. проживает в г. Узловая Тульской области. Имеет начальное музыкальное образование. После окончания школы работала мастером и закройщиком легкого платья в ателье. Выпускница БСХТ и РГАЗУ. С 2005 г. депутат Собрания депутатов МО Товарковское Богородицкого района по Кузовскому избирательному округу. Пишет прозу, стихи и музыку, иллюстрирует свои произведения. Печаталась в Богородицкой районной газете, в коллективных литературно-музыкальных альманахах Богородицкого литобъе-

динения-клуба (БЛОК) и Новомосковского литобъединения (НЛО). В 2006 г. вышел авторский песенник, в 2008 г.— сборник стихов, прозы и песен.

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Не плачет тот,
 кто выплакал все слезы.
Не плачет тот,
 чья обожженная душа
Иссохлась вся в военные морозы,
Затихла в глубине,
 едва дыша.

Мой свекор. Помню,
 в День Победы плакал
И, получая юбилейную медаль,
В стакан он водку
 так, считая, капал:
За Сидора, за Петьку...
 Вся печаль
В стакане том,
 свернувшись комом,
Не лезла в горло. Но впихнув,
Он прятал под бровей изломом
То, что, едва глаза сомкнул,
Как ни гони, всплывало снова,
Особенно в такой вот день.

И, нам не говоря ни слова,
Он шел к друзьям своим как тень.

* * *

Люблю я музыку!
 Она во мне играет...
Она звучит повсюду и поет —
То слышится мне перелив гитары,
То скрипка нежно звуки льет.

Меня тревожит звук фортепиано,
Гармошка песню тянет из души.
От звуков этих становлюсь я пьяной,
И кто-то где-то шепчет: «Ты пиши! Пиши!»

Я петь хочу, да бог не дал мне голоса.
Пусть шепотом, но все равно пою...
Как ветер в поле теребит мне волосы,
Так песня душу теребит мою.

К 50-ЛЕТИЮ ТУЛЬСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ (РАНЕЕ — СП СССР)

Наталья Парыгина
(г. Тула)

СТРАНИЦЫ НАШЕЙ ЖИЗНИ

ЛИТЕРАТОРЫ

Я приехала в Тулу из Сибири в сентябре 1954 года в роли начинающей писательницы с только что изданной в г. Кемерове книгой «Записки педагога» и рукописью повести «Внук шахтера».

Членов Союза писателей СССР в Туле в то время не было, но начинающие писатели, именуемые в отличие от профессионалов литераторами, работали активно. В Туле регулярно — два раза в год — издавался альманах «Литературная Тула» (объемом более двухсот страниц!) и понемногу, робко, в тоненьких книжечках выходили уже стихи и проза местных авторов.

Литературным объединением руководил сам директор областного книжного издательства Николай Владимирович Виноградов. В редколлегию входили главный редактор издательства С. М. Юдкевич и профессор В. Н. Ашурков, ответственным редактором был активный в ту пору кандидат филологических наук В. В. Рыжков.

Издатели альманаха относились к потенциальным авторам с живой заинтересованностью. В альманахе публиковались стихи и проза, очерки о заслуженных людях области, были разделы: «Наш край», «Страницы истории», «Сатира и юмор».

Альманах «Литературная Тула» выходил с 1948 года по 1958 год. За этот период на его страницах нашли место произведения будущих членов Союза писателей СССР Марии Казаковой, Игоря Минутко, Юрия Щелокова, Владимира Лазарева, Николая Акулиничева, Марка Жарковского... И многие литераторы, которые не стали в дальнейшем профессиональными писателями, тем не менее своими стихами, очерками, рассказами, баснями вызвали искренний интерес у читателей и оставили в их сердцах добрый след.

С теплым чувством вспоминаю доброжелательную атмосферу в среде участников литобъединения. Творческий потенциал участников литобъединения был, конечно, разный, но в отношениях между литераторами ощущались разумные принципы: не обижаться на критику и радоваться успехам товарищей.

Литературное объединение той поры и альманах «Литературная Тула» стали преддверием Тульской писательской организации.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

В 1958 году двое тульских литераторов: бывший личный секретарь Л. Н. Толстого В. Ф. Булгаков и прозаик Н. Д. Парыгина были приняты в члены Союза писателей СССР. На учет нас поставили в Курскую писательскую организацию. И однажды мы с Валентином Федоровичем Булгаковым были приглашены в Курск на собрание, где выбирали делегатов на съезд писателей России.

В Курск мы поехали вместе. Устроившись за столиком боковой полки плацкартного вагона, много разговаривали. Седовласый Валентин Федорович, которому в ту пору было под семьдесят, выглядел молодожаво и элегантно. Как истый интеллигент, держался он с собеседниками (не только со мной, наблюдала и с другими) на равных, не подчеркивая своего превосходства. Дорога пролетела незаметно.

Ответственным секретарем Курской писательской организации был тогда Валентин Овечкин — автор острой и популярной книги «Районные будни» и других книг. Наши курские коллеги встретили нас приветливо. После собрания был общий ужин — с оживленными разговорами и шутками. Запомнилось соревнование на самый забавный случай из своей жизни, которое сопровождалось искренним весельем.

В. Ф. Булгакова и меня на предстоящий съезд писателей России пригласили в качестве гостей, но на первом заседании съезда мандатная комиссия из гостевого статуса перевела нас в статус делегатов съезда.

В 1959 году по моей просьбе меня приняли на двухгодичные Высшие литературные курсы при Литературном институте имени Горького.

Условия для учебы в институте и для творческой работы были, на мой взгляд, идеальные. В общежитии института на улице Добролюбова каждый писатель получил отдельную комнату, обставленную необходимой мебелью, стипендия — на уровне средней зарплаты, творческий день — пятница (плюс следом — два выходных!). В нашей группе учились будущие знаменитости: Виктор Астафьев и Сергей Викулов. А на втором курсе — будущий «гуляк» Александр Лаврик.

Лаврик частенько в институте, в перерывах между занятиями, и в общежитии, расспрашивал меня о Туле. Я успела полюбить Тулу и охотно делилась с приехавшим из Якутии писателем своими светлыми впечатлениями о городе, о литераторах и издателях. И о читателях тоже. Ибо в Туле быстро раскупались книги, в том числе книги своих, тульских авторов, да и библиотеки не пустовали: и школьники, и взрослые читатели охотно брали книги, особенно — художественную литературу.

Оказалось, что Александр Григорьевич не из праздного любопытства интересовался Тулой и туляками: он задумал переехать в Тулу. И не просто в качестве рядового члена писательской организации, а в качестве ее руководителя.

Однако для создания организации нужно было не менее пяти членов Союза писателей. И Лаврик, как выяснилось, — весьма способный организатор, сагитировал на переезд в Тулу молодого прозаика Анатолия Кузнецова и курсанта из нашей группы, белоруса Геннадия Шманя.

Обком КПСС, от которого зависели все важные решения в жизни области, пошел навстречу инициативе создания в Туле писательской организации.

Писательская организация была создана в Туле в ноябре 1960 года. По случаю этого события прибыли в Тулу и выступили на организационном собрании председатель Правления Союза писателей РСФСР Л. С. Соболев, секретари Правления Союза писателей СССР Г. М. Марков и А. Д. Салынский.

Собрание проходило в Доме партийного просвещения. На собрание пригласили областных и городских партийных руководителей, литераторов, других гостей. Все с почтительным вниманием слушали выступления столичных писателей. А слова Г. Маркова о направленности творчества тульских писателей неоднократно цитиро-

вались в устных выступлениях и в печати. «Тульские писатели,— сказал Г. М. Марков,— должны создавать книги о туляках, понимая, что — это произведения для всей Российской Федерации, для всего Советского Союза».

Ответственным секретарем Тульской писательской организации единогласно был избран А. Г. Лаврик.

Что интересно: из пяти писателей, составивших новорожденную организацию, четверо были прозаиками, и только Геннадий Шмань — поэт. Наиболее интересным и заслуженным из нас — пятерых, был, конечно, Валентин Федорович Булгаков. Его книги «Л. Н. Толстой в последний год жизни», «О Толстом», «Лев Толстой, его друзья и близкие» (последняя книга издана уже после смерти писателя), «Встречи с художниками», многие статьи о Л. Н. Толстом, очерки, пьесы составляют большой и плодотворный пласт литературы. Однако остались и неопубликованные работы. Валентин Федорович работал до тех пор, пока мог держать в руке перо.

Книги В. Ф. Булгакова отличаются хорошим литературным стилем, доступны по форме, глубоко интересны по содержанию.

Умер Валентин Федорович в 1966 году. У всех, кто его знал, он оставил самые светлые воспоминания.

ПИСАТЕЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Все трое писателей, приехавших в Тулу в связи с созданием писательской организации, получили трехкомнатные квартиры, Кузнецов — полногабаритную трехкомнатную квартиру — на двоих с беременной женой. Говорят, в одиночестве так же трудно пережить радость, как одному съесть арбуз. Молодой счастливый писатель пришел к нам домой, чтобы показать ключи от квартиры — других знакомых у него в Туле тогда не было. Я и мои близкие поздравили его с таким большим событием. Лаврику квартиру выделили не сразу, а с небольшой задержкой, и некоторое время он с женой и тремя дочками жил у нас: я ведь еще училась в Москве, и моя комната была свободна.

Следующим летом, окончив Высшие литературные курсы, решил перебраться в Тулу и Иван Панькин. И он получил трехкомнатную квартиру.

С «офисом» для писательской организации оказалось сложнее: отдельного помещения на первых порах не удалось подобрать. Приютил писателей Виноградов: в самом большом кабинете издательства вместе с редакторами. Лаврик дал объявление в газету о вакансии технического секретаря, и вскоре молодая красивая женщина Надежда Васильевна Коропова заняла этот пост. Ответственные секретари несколько раз сменялись, а Коропова проработала на своей должности секретаря и бухгалтера в одном лице до самой пенсии и даже немного сверх того.

Может быть, это и хорошо, что писательская организация на первых порах своего существования оказалась в таком тесном соседстве с издателями. Отношения у Лаврика с издателями сложились товарищеские, какие и должны быть у людей, занятых общим делом: рождением книг.

Лаврик оказался талантливым организатором и тонким «дипломатом». Он быстро развернул деятельность по нескольким направлениям.

Рукописи как членов Союза писателей, так и молодых литераторов теперь, прежде чем попасть на издательский стол, почти всегда проходили стадию рецензирования или даже обсуждения в секции прозы или поэзии. Эта работа была полезна не только автору обсуждаемой рукописи, но и всем ее участникам, ибо на достижениях и пробелах чужого труда каждый участник мини-семинара мог в определенной степени оценить пробелы и удачи собственного творчества. То есть в какой-то степени продолжалась та практическая учеба, через которую почти все писатели, составившие молодую писательскую организацию, прошли в Литературном институте.

Для молодых (в смысле творческого опыта) литераторов ежегодно устраивались семинары. Обычно на такие семинары приглашался кто-либо из столичных писателей, но активно участвовали в работе с молодыми и тульские писатели.

В этот период постоянно сотрудничали с писателями и средства массовой информации. «Литературные страницы» в областной газете «Коммунар» стали обычаем на многие годы. Читатели уже ждали этих страниц с рассказом или отрывком из неопубликованного произведения и стихами профессиональных и молодых поэтов.

Часто печатал стихи, реже прозу, молодых литераторов «Молодой коммунар». Обычным делом было выступление писателя по радио. Часто приглашали писателей и для выступления по телевидению.

Вновь изданные книги, как правило, не оставались незамеченными: в областных газетах публиковались рецензии, написанные нашими же, областными критиками, в роли которых чаще всего выступали журналисты. Отзывы бывали и добрыми и — порой жесткими, но не обидными, а полезными.

Еще одной формой общения с жителями Тулы, а иногда — и районных центров, были вечера встреч в крупных залах города. В Туле — это Дом офицеров, Дворец профсоюзов, Дворцы культуры Комбайнового завода, Новотульского и Косогорского металлургических заводов, Дворец культуры оружейников... В каждом бывали вечера и не по одному разу.

Но встречи писателей со своими реальными или потенциальными читателями не ограничивались большими вечерами. В Туле было создано Бюро пропаганды художественной литературы — филиал Всероссийской организации того же названия.

Бюро пропаганды художественной литературы существовало при писательской организации, но со своим штатом: заведующий бюро и бухгалтер. Возглавлял Бюро пропаганды художественной литературы писатель. В Туле в этой роли поработали Сергей Галкин, Виктор Трапезников, Михаил Абрамов, Александр Жуков, Марк Жарковский.

Организация писательских выступлений стала регулярной и четкой. Писатели и литераторы выступали на предприятиях, в школах и других учебных заведениях, в библиотеках... В районах области наши выступления организовывались в колхозах и совхозах иногда в сельских домах культуры, а то и просто на животноводческой ферме или в пору уборочной — на полевом стане.

Именно в Тульском Бюро пропаганды художественной литературы родилась инициатива, которая потом распространилась по многим другим областям: недели литературы. Такие «недели» проводились и в Туле, и последовательно в районах области. Иногда бригады писателей выезжали на неделю в соседние области: Калужскую, Рязанскую, Орловскую. И в другое время принимали у себя писателей из этих областей и организовывали выступления для них.

Конечно, на этих выступлениях в более выгодном положении оказывались поэты, чье творчество весьма подходит для устного восприятия. Обычно в группе выступающих был один прозаик и два-три поэта — в зависимости от аудитории и времени выступления. Слушатели за редким исключением с искренним интересом и благожелательностью воспринимали наши беседы и стихи.

Мы — и прозаики и поэты — говорили с читателями и просто слушателями о героях Великой Отечественной войны, о хороших людях мирного времени — героях книг и героях жизни. Наши беседы неизменно были направлены на утверждение идеалов нравственности и прежде всего — любви, — во всех ее проявлениях: любви к труду, к человеку, к природе, к книге... И высшего проявления этого чувства: любви к Родине. Об этом были и многие стихи, и разговоры между декламациями, и ответы на вопросы.

Выступления были платными и частично шефскими (то есть бесплатными). Ре-

цензирование рукописей также оплачивалось. Это было заметное подспорье к непостоянному бюджету писателя — гонорару за издание произведения.

Ко времени создания Тульской писательской организации литераторы, будущие члены Союза писателей, подошли с определенным литературным багажом. Александр Елькин успел издать два сборника стихов, Мария Казакова — сборник рассказов «Дела житейские», Николай Любин — повесть «Марфа Подаркина», Юрий Щелоков — сборник стихов «Счастливый возраст»... Все эти авторы со временем стали членами Союза писателей.

Пополнялась организация и за счет более молодых авторов. Членами Союза писателей стали Валерий Ходулин, Виктор Пахомов, Александр Харчиков, Сергей Галкин, Владимир Сапронов... Членами Тульской писательской организации длительное время были Владимир Лазарев, Игорь Минутко, Анатолий Брагин, со временем переехавшие в Москву.

Писательская организация бурно росла, и это как будто было хорошо. Но иногда «хорошо» имеет и свою мрачноватую изнанку. Становилось тесновато на издательском поле! Возникали явные и скрытые проявления того чувства, о котором Чехов когда-то сказал устами своего героя: «Я — художник, я издерган завистью». Однако Лаврик умел тактично гасить мелкие конфликты. Пока не нанес ему тяжелый удар тот, кого он более всего прославлял при каждом удобном случае.

В 1969 году Анатолий Кузнецов — талантливый писатель, но, как выразился один наш коллега, «травмированный ранней славой», взял в журнале «Юность» командировку в Лондон. Повод для командировки был благородный: к столетию со дня рождения Ленина написать очерк о Лондонском съезде РСДРП. Для поездки за границу нужна была безупречная характеристика, и Лаврик написал такую характеристику, а секретарь писательской партийной организации Мария Казакова вместе с Лавриком ее подписала.

Анатолий Кузнецов, благополучно добравшись до Лондона, тотчас попросил у английских властей убежища, ибо в советской стране (где каждое написанное им произведение печатали в журнале, издавали и переиздавали!) ему не хватает свободы для жизни и творчества.

Убежище он получил. Лаврика за добрую характеристику тому, кто обманом убрался в эмиграцию, сняли с любимой работы. Казаковой объявили строгий выговор по партийной линии. В писательской организации с пострадавшей репутацией начался новый, более трудный период жизни.

Конечно, тяжелее всех переживал беду (для него это была беда!) Лаврик. Он теперь редко и неохотно появлялся в писательской организации. Заметно было его подавленное настроение. Ухудшилось здоровье... В конце концов тяжелые переживания привели к инсульту. От второго инсульта Александр Григорьевич скончался.

В связи с этим печальным событием невольно вспоминается странное мистическое совпадение, о котором через три дня сообщило радио «Би-би-си»: умер в Лондоне Анатолий Кузнецов. Умер в день похорон Лаврика.

После Лаврика руководители писательской организации по разным причинам надолго на этом посту не задерживались, в роли ответственного секретаря поработали П. Г. Сальников, Н. Д. Парыгина, В. Г. Ходулин, Ю. М. Щелоков, В. Н. Трапезников... Пока не избрали на эту должность В. Ф. Пахомова. Он работает с переизбраниями на ту же должность уже многие годы.

Впрочем, в жизни писательской организации внешне все было, как всегда: писательские собрания, семинары, встречи с читателями. Творческая деятельность писателя не зависит от «начальства», и каждый, в меру своего таланта и трудолюбия, продолжал писать стихи, басни, рассказы, очерки, романы... Но издавать книги стало труднее.

В стране затеялась кампания по сокращению числа издательств. В Туле издательство сохранилось, но под новым названием: Приокское. И с обязанностью обслуживать издание книг уже не одной, а четырех областей. При этом обещали сделать вместо четырех малых издательств одно большое, но фактически план изданий оказался гораздо меньше, чем четыре прежних.

Виноградов ушел на пенсию. Сменившие его последовательно два других директора почувствовали вкус власти и зачастую обращались с писателями как с назойливыми просителями, которые только мешают им работать. Издательские планы не вмещали всех желающих издать книгу, среди которых были, конечно, произведения разного уровня. Приведу один пример.

Рукопись Николая Дружинина о военном детстве пролежала в издательстве более полугодя, и за это время ее никто не прочел и не отрецензировал. И тут «Детгиз» объявил конкурс на лучшее произведение о минувшей войне для детей. Дружинин забрал рукопись из Приокского издательства и послал ее в «Детгиз». Книга под названием «Лицом к огню» получила на конкурсе вторую премию и была издана в «Детгизе».

Между тем и в писательской организации подоспели перемены.

Когда в стране начались реформы, писатели, а точнее, руководители писательских организаций — от российской до областных, не пожелали отставать от жизни, и вскоре — вместо одного Союза писателей стало два: прежний Союз писателей России и новый — Союз российских писателей. Областную организацию Союза российских писателей сегодня возглавляет талантливый поэт Сергей Иванович Галкин.

Писательских организаций стало две, но писатели остались писателями, в какой бы организации они ни состояли. Литературное творчество — сугубо индивидуальный труд, и результат его не зависит от надписи на корочке писательского билета.

И, вспоминая о деятельности писательской организации, надо рассказывать конкретно о самих писателях, об их творчестве. Но — как? В каком порядке? И вообще... Через нашу писательскую организацию за время ее существования прошло более восьмидесяти человек! Сегодня в ней — пятьдесят членов Союза писателей России. Кто же из них самые заслуженные? Я думаю, что самые заслуженные — не по книгам, а по жизни! — это ветераны Великой Отечественной войны. И о них надо вспомнить в первую очередь.

ВETERАНЫ

Многие члены нашей писательской организации были ветеранами Великой Отечественной войны. К сожалению, были. Сегодня их нет с нами. Но память о них жива. И книги их служат людям.

Первым ветераном Великой Отечественной войны, вступившим в нашу писательскую организацию, стал Иван Федорович Панькин. Как написал о нем критик В. Коркин в журнале «Детская литература» № 10 за 1967 год: «Сирота, юнга, солдат, рабочий и писатель... Его герои — трудовой народ, умельцы. Будь то на море, в кузне, в цирке...»

Первая книга Ивана Панькина «Начало одной жизни» была издана впервые в Новосибирске и в последующие годы несколько раз переиздавалась в Туле и в Москве.

Иван Федорович писал преимущественно для детей. Его книги: «Легенды о матерях», «Тигр Акбар», «Легенды о мастере Тычке», «Тайны старого колчана» и другие неоднократно издавались обычными и подарочными тиражами

Владимир Александрович Большаков в 1942 году был призван в армию и участвовал в боях с немецко-фашистскими захватчиками. В 1944 году после тяжелого ра-

нения инвалидом войны вернулся домой. Жил в Новомосковске. Долго работал на Тульской студии телевидения в качестве режиссера.

В период работы Большакова на телевидении частыми участниками передач были писатели. Из Тулы в Новомосковск выезжали иногда небольшими группами, а иногда — поодиночке. Участвовали в литературных передачах, рассказывали о новых книгах, о героях документальных книг, а иногда и выступали вместе с ними.

Когда студия телевидения была переведена в Тулу, традиция выступлений писателей на телевидении еще некоторое время продолжалась. Потом тематика телевизионных передач стала ужиматься, и писательскому слову не осталось места на телеэкране.

Владимир Большаков писал свои произведения в стихах и в прозе. Творческая работа была для него не просто еще одной профессией, а постоянным состоянием души, требующим выхода к людям. И эти встречи с читателями состоялись — и через публикации в газетах и сборниках, и через книги, и через телеэкран, и через непосредственные встречи с читателями.

Вот названия некоторых его книг: «Одна семья», «Материнский упрек», «Половодье», «Незабудки для Натали», «Семьянский большак»...

Прозаик Николай Антонович Любин родился и вырос в деревне. Интересно одно его воспоминание детства. «У нас в деревне была порядочная по тем временам библиотека... В начале тридцатых годов в нашей избе собирались по вечерам односельчане и с необыкновенным вниманием и восторгом заслушивались содержанием книги, которую, держа поближе к закопченному стеклу лампы, читали мои отец или дядя». Так началось приобщение будущего писателя к книге — в ту пору, когда сам он еще не умел читать.

Николай Любин с первых дней Великой Отечественной войны был призван в армию. Служил он в саперных войсках. Судьба пощадила его — вернулся в родной Арсеньевский район. Стал журналистом, работал в районной газете.

Первую повесть «Марфа Подаркина» о судьбе деревенской женщины Любин написал в 1953 году. Она была опубликована в альманахе «Литературная Тула». Продолжая работать над книгой, автор расширил рамки событий до жанра романа. Книга выдержала три издания, в том числе одно — в издательстве «Современник» в Москве.

Александр Александрович Елькин 23 июня — на второй день войны — выехал на фронт. Участвовал в боях на Юго-Западном фронте, под Орлом и Мценском, в районе Тулы и Москвы. На фронте успевал писать стихи о войне, которые публиковались в дивизионной, армейской и фронтовой прессе, а также в газетах и сборниках тыла.

Александр Елькин — поэт и прозаик, автор нескольких сборников стихов и рассказов, а также документальных книг «Приобщение к подвигу» и «50 дней мужества».

Николай Павлович Акулиничев ушел на фронт, когда ему исполнилось 17 лет. Родился он в селе Сорочинское Плавского района. Работал в колхозе. Еще в школе писал стихи. С войны вернулся не только с боевыми наградами, но и с зарубкой на всю жизнь — он был контужен, плохо слышал.

В 1964 году окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Стал членом Союза писателей СССР. Автор нескольких стихотворных сборников.

В его творчестве нашли отражение военные годы: стихи «Ветеран», «Однополчанину», «Солдатские сны», «Сестра милосердия», стихи памяти отца, пропавшего без вести под Смоленском. Писал он и о деревне, о ее людях, о неброской красоте русской природы. Последние годы Николай Павлович Акулиничев работал редактором плавской районной газеты.

Другой плавчанин Сальников Петр Георгиевич — участник Великой Отечественной войны и войны с Японией. Был тяжело ранен. Демобилизовавшись из армии, занялся литературным трудом. В одно время возглавлял Тульскую писательскую организацию. П. Г. Сальниковым о войне написаны книги «Горелый порох», «Версты ветровые» и другие произведения.

Виктор Никитович Трапезников пришел в тульскую писательскую организацию уже немолодым человеком, но по живости, энергии, увлеченности делом с ним мало кто мог сравниться. Несколько лет он работал в штате организации: возглавлял Бюро пропаганды художественной литературы.

Но главная заслуга Виктора Никитовича в писательской организации — это два сборника с одним названием «Слово о подвиге». Трапезников был и инициатором создания этих книг, и составителем сборников в память о подвигах участников Великой Отечественной войны.

Первый сборник вышел в свет в 1975 году. Это солидная книга, посвященная тридцатой годовщине победы советского народа и Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне. Открывается книга страницами, посвященными обороне Тулы в 1941 году, из воспоминаний маршала Г. К. Жукова. Размышления Жукова дополняет статья «Тула», написанная И. Эренбургом в 1942 году для областной газеты «Коммунар».

В сборнике — очерки, рассказы, стихи — в основном тульских авторов. Но представлены и москвичи: Константин Симонов «Презрение к смерти» (памяти туляка-наводчика Сергея Полякова), Александр Жаров «Борис Сафонов», Владимир Лидин «Тульский прыжок»... Не буду перечислять тульских авторов — в создании сборника приняли участие почти все члены писательской организации того времени и многие литераторы, не являющиеся членами Союза писателей.

Через десять лет — уже к сорокалетию Победы — была издана вторая книга под тем же названием. Произведения в этом сборнике были другие, но тот же дух патриотизма и героизма пронизывал и стихи, и прозу. Память о бессмертном всенародном подвиге жива и будет жить. Содействует этому и скромный труд тульских писателей: две книги «Слово о подвиге».

Для Николая Константиновича Дружинина главной темой творчества стали события Великой Отечественной войны. И не только те, в которых он сам принял участие в качестве командира пулеметного взвода или разведчика. Его заинтересовали масштабные события героической обороны Могилева и победной обороны Тулы в 1941 году.

Дружинин был членом нашей семьи: женат на моей сестре Тамаре. И делился с нами своими планами:

— Странно, что никто не написал роман о героической обороне Тулы. Значит, должен написать такую книгу я.

Он начал скрупулезно собирать материал для будущей книги: встречался и переписывался с участниками обороны Тулы, работал в военном архиве в г. Подольске, изучал документальную и художественную литературу... И в процессе этой работы наткнулся на интересный факт: оказывается, в обороне Могилева принимала участие и тульская дивизия. Русские и белорусы вместе стояли насмерть на важном рубеже, который фашисты намеревались одолеть с ходу.

Не одолели с ходу. Споткнулись!

О героической обороне Могилева, о героях этой обороны — русских и белорусах — роман Николая Дружинина «Без вести пропавшие». Могилевцы очень тепло и заботливо содействовали работе автора над книгой. Первое издание романа состоялось в Туле, второе — в Могилеве.

А через некоторое время, после подписания соответствующего договора, Тула и Могилев стали городами-побратимами.

Николай Константинович вернулся к замыслу романа о героической обороне Тулы. Несколько лет упорной, каждодневной — без выходных — работы за письменным столом, а также в библиотеках и архивах, — и рукопись книги «Тульский рубеж» была завершена. Роман был издан в Туле в 2003 году.

А самому автору (инвалиду Великой Отечественной войны!) предстояло совершить еще один творческий подвиг: он задумал создать книгу, которую назвал «Голоса из бессмертия». Это коллективный сборник, в который вошли письма с фронта, воспоминания воинов, фронтовые эпизоды, стихи, важные даты — с комментариями составителя.

Книга вышла в свет двумя изданиями, второе — расширенное и доработанное. Над ним Дружинин работал в пору сильно обострившейся болезни. Закончил эту работу и слег. Через две недели его не стало...

ДОМ ТВОРЧЕСТВА

В течение многих лет у писательской организации не было постоянного помещения. То в издательстве ютились, потом отвели нам две комнатки в «Тулгражданск-проекте», оттуда переехала писательская организация на улицу Революции, и — снова в издательство, но уже на Красноармейском проспекте... И вот обрели писатели не то чтобы свое, но все же постоянное (на сегодняшний день — постоянное) помещение в Доме творческой интеллигенции.

Это событие связано с деятельностью писателя Валерия Яковлевича Маслова, который длительное время работал в администрации области, а в 1995 году был назначен директором Дома творчества.

В этом старинном особняке в годы революции жил видный революционер Г. Н. Каминский. С тех пор прошло много лет, дом обветшал, и несколько лет стоял бесхозным, заброшенным, так что нуждался в капитальном ремонте и даже в частичной перестройке. Вот с этой работы и начал свою деятельность директор будущего Дома творчества.

Сам Валерий Яковлевич вспоминает тот период ремонта и перестройки дома с некоторым содроганием, но и с гордостью.хлопот досталось много и непростых... Но Дом в конечном счете обрел богатый ВИД снаружи и стал удобным просторным и уютным изнутри.

Центральное место в Доме творчества занимает просторный зал с сохранившимся в нем действующим камином и большими окнами по фасаду. На остальной площади разместились кабинеты самого директора и секретаря писательской организации и осталась даже большая комната для литературного музея.

Дом творчества (более точное название — Дом творческой интеллигенции) стал одним из заметных центров интеллектуальной жизни города. В его уютном зале с подаренными тульскими художниками картинами на стенах не раз проходили встречи со знаменитыми людьми России. Мне заполнились встречи с певицей Жанной Бичевской, писательницей Риммой Казаковой, с экс-чемпионом мира по шахматам Анатолием Карповым...

Дом творчества стал местом культурного общения творческой интеллигенции по многим поводам. Торжественно отмечались юбилеи писателей. Такие праздники состоялись по поводу юбилеев Валерия Маслова, Виктора Пахомова, Николая Дружинина, Сергея Галкина, Валерия Савостьянова, Натальи Парыгиной. На такие мероприятия приглашаются художники, представители администрации города и области, общественные деятели.

Конечно, больше всего мне запомнился мой собственный 85-летний юбилей. Запомнился теплой непринужденной атмосферой, добрыми тостами и пожеланиями, шутками и улыбками... Я после этого юбилея почувствовала себя намного бодрее и вот даже взялась за эту работу: написать о деятельности нашей писательской организации.

Думаю, что и другие юбиляры испытали живительную силу дружелюбия тех, кто поздравлял их с круглой датой или просто присутствовал на торжественном событии.

В Доме творчества собираются писатели и гости писательской организации и по другим поводам. Здесь проходят все писательские собрания. Презентации новых авторских книг и общих сборников. Заседания актива клуба творческой интеллигенции. Семинары молодых литераторов. Обсуждение произведений на собраниях литобъединения...

Массовые мероприятия проходят не часто, а по мере необходимости. Повседневно писатели заходят в Дом творчества повстречаться друг с другом, поговорить с Пахомовым или Масловым, поделиться мнением о свежей книге или об острых событиях жизни. Труд писателя вершится в одиночестве. Тем более мы нуждаемся во взаимном общении.

Дом творчества требует от директора постоянного внимания и заботы. Но Валерий Маслов — писатель... Прежде всего — писатель! И главный его труд — это литературное творчество.

В. Маслов — автор многих прозаических книг: романов, повестей, рассказов. Поистине мировую известность автору принес роман «Мафия бессмертна», который стал бестселлером Москвы и Санкт-Петербурга и занял верхние строчки в рейтингах газеты «Книжное обозрение».

Эта книга переиздавалась двенадцать раз общим тиражом около полумиллиона экземпляров.

Большой интерес читателей вызвал и исторический роман об И. В. Сталине «Ближняя дача». Он был издан не только на русском, но также на сербском и на грузинском языках. Роман писателя о любви «Любовь не имеет названия» был также издан не только в России, но и в Сербии, и в Черногории. В Москве было издано собрание сочинений автора в трех томах, а на Украине — в семи томах. Московские издательства «Говорящая книга» и «Логос» большими тиражами выпустили его аудиокниги: «Москва времен Чикаго» и «Звонок с того света», которые так же, как и все творчество Валерия Маслова, широко представлены в Интернете.

На общественных началах Валерий Яковлевич возглавляет Тульское отделение Литературного фонда России и Межрегиональный союз писателей.

СОДРУЖЕСТВО

Дом творчества стал заметным очагом культуры города Тулы. Но следует сказать еще об одном очаге культуры, который тесно сотрудничает с Домом творчества и с писателями: это музей В. В. Вересаева

Содружество музея Вересаева и Дома творчества началось много лет назад. Писатели-туляки участвовали во всех мероприятиях, посвященных памяти талантливого русского писателя Викентия Викентьевича Вересаева — у памятника Вересаеву и в самом музее. В свою очередь на все значительные события в жизни нашей писательской организации, которые происходили в Доме творчества, приглашались и сотрудники музея.

Но многие события современной литературной жизни отмечаются и в самом музее! В его уютном зале с портретом Викентия Викентьевича на стене проводятся встречи писателей с читателями по разным поводам: юбилеи известных писателей,

презентации новых книг, обсуждение поэтических сборников и т.п. Что характерно: такие встречи проходят в обстановке высокой взаимной культуры, я бы сказала даже — в обстановке благородства и взаимопонимания.

Мы, писатели (думаю, что и читатели — участники встреч), искренне благодарны директору музея Любови Ивановне Кузнецовой и научным сотрудникам музея Вячеславу Ивановичу Ботю и Виктории Юрьевне Ткач — за возможность взаимного общения и встреч с определенным кругом читателей.

Вспоминаю недавнее мероприятие в Доме-музее Вересаева: презентацию новой книги Владимира Сапожникова: «Избранная лирика». Участники презентации — писатели и читатели — тепло поздравили автора с изданием — уже восемнадцатой! — книги, читали стихи из этой книги, произнесли немало добрых слов в адрес автора.

Владимир Григорьевич Сапожников — писатель, доктор медицинских наук, профессор. Человек с богатым жизненным опытом. Свои книги он пишет в стихах или прозе — в зависимости от того, какой жанр более соответствует воплощению замысла. Повесть «Русский доктор» — о самоотверженной работе русских медиков, которые оказывают «братскую помощь среднеазиатским народам, участвуя в десантах Детского Фонда имени Ленина» (из «Аннотации»). В книге — и грустная, и светлая история любви русского врача к его узбекской коллеге.

Библиотеки города и области — это наши добрые союзники на пути книги к читателю.

Я всегда — с детства испытывала благоговейное чувство к стеллажам книг в скромной ли библиотеке прииска, на котором тогда жила, к огромной ли торжественно-строгой библиотеке имени Ленина в Москве, в читальном зале которой посчастливилось мне читать давние газеты в пору работы над романом «Вдова».

Тульская городская библиотека — почти ровесница нашей писательской организации: свой 50-летний юбилей библиотека отметила в декабре 2009 года. За минувшие полвека библиотека пополнилась многими и многими книгами тульских авторов.

В читальном зале городской библиотеки состоялись и запомнились всем участникам читательские конференции по книгам тульских писателей, тематические встречи, «круглые столы» и другие мероприятия.

Аналогичное содружество существует между Тульской писательской организацией Союза писателей России и Тульской областной библиотекой. Презентация книг, юбилейные встречи, тематические вечера...

Многие встречи писателей с читателями состоялись в просторном и торжественно-уютном зале областной библиотеки. И многие встречи, будем надеяться, еще впереди...

«ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

В 1988 году членом нашей писательской организации стал Алексей Афанасьевич Яшин. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Профессор. Доктор технических наук. Доктор биологических наук. Академик. Лауреат шести литературных премий.

На сегодняшний день А. А. Яшин — автор восемнадцати книг, в том числе пяти романов, изданных в Туле и в Москве. Человек высокого интеллекта и титанической работоспособности.

Первая его книга «На островах» — повесть и рассказы. Вот названия некоторых последующих книг — весьма разнообразных по тематике: «Историк и его история», «В час волка», «Ешьте крабов», «Без руля и без ветрил»... Книги Яшина отличаются огромной широтой охвата событий жизни и философским осмыслением этих событий.

Некоторое время Алексей Афанасьевич держался в стороне от писательского сообщества, поглощенный научной, преподавательской и творческой работой. Когда же он стал редактором журнала «Приокские зори» по предложению оргкомитета, то положение изменилось.

С этого времени контакты Яшина с писателями-туляками стали крепнуть, ибо значительную часть авторов журнала, а также — редколлегии, составляют туляки. Но — не только! Со временем журнал стал всероссийским. На его страницах находят место талантливые произведения авторов из соседних областей, из Москвы, Сибири, Англии, США, Израиля, Германии и др. стран.

«Приокские зори» заметно оживили творческий потенциал тульских писателей. Грустно писать «в стол». Радостно, когда твои мысли, твой творческий запал находят выход к читателю. Таким выходом стал журнал, создателем и главным редактором которого стал Алексей Яшин. «Журнал издается попечительством и финансированием Тульского государственного университета (ректор М. В. Грязев) при организационной поддержке Тульской писательской организации СП России». (Из информации журнала.)

Журнал представлен как литературно-художественный и публицистический. На его страницах — современная проза и поэзия как опытных писателей, так и молодых авторов. Ряд других разделов дает широкую картину литературного процесса и жизни области и страны во многих ее проявлениях. Назову для примера отдельные разделы, которые должны заинтересовать читателя. Литературное краеведение. Публицистика. Рецензии. Документы эпохи. Страницы прошлого. Тульские древности...

Журнал выходит в соответствии с возможностями издания тиражом пятьсот экземпляров. Большая часть тиража безвозмездно рассылается в библиотеки Тулы и области, часть вручается авторам, а через них также доходит до читателей. Конечно, «Приокские зори», как и многие книги современных авторов, заслуживает более широкой читательской аудитории.

К сожалению, читать в наше время стали меньше. Одна моя знакомая рассказала мне, что ее гостя, увидев шкафы, заполненные книгами, посоветовала убрать книги, можно — в ящики, поскольку «книги сейчас не модны».

А вот как — своеобразно, со свойственной его творческой манере иронией (а зачастую — и сатирической категоричностью) написал Алексей Афанасьевич в книге «2007 – Штиль» (стр. 5.)

«Вот и пришло нам время выбирать, конкретно выбирать, не уподобляясь бурданову ослу: жить ли дальше и развиваться русской литературе, или пародия на нее трансформируется в забаву элиты, а масс-медиа уподобится американским своим собратьям, у которых в доме только две книги: Библия и кулинарная энциклопедия... Да и Библия стоит для форсу, а поваренная книга не востребована: американцы готовят едово из стандартных полуфабрикатов.»

«Наш «средний бизнес-класс» уже близок к этому, только пока стесняется Библии заводить: рудименты былой совести напоминают о способах обретения богатства неправедного.»

В каждом номере журнала «Приокские зори» читатель найдет в частности художественную прозу или публицистику Алексея Яшина.

«ТУЛЬСКИЙ ЛИТЕРАТОР»

Еще один очаг творческого притяжения создан энтузиастом литературы Николаем Николаевичем Минаковым. Я имею в виду газету «Тульский литератор». Но сначала — о его главном редакторе — так определил свою роль сам Минаков, хотя фактически она гораздо шире.

Николай Николаевич — писатель. В 2003 году вышла его первая книга «Опаленные войной». В ней рассказано о событиях в Белевском районе в годы Великой Отечественной войны. Книга о военном детстве, написанная на фактическом материале, на событиях, которые пережил или наблюдал сам автор. По стилю она напоминает длинный живой рассказ очевидца.

Николай Николаевич пишет также стихи. Его книга, названная просто «Стихотворения. Поэма», вышла в свет в 2005 году в издательстве «Гриф и К», с которым подружились многие писатели, ибо там тепло принимают авторов и хорошо издают.

Теперь — о газете.

Литературно-общественная газета «Тульский литератор» выходит с ноября 2002 года. Это своего рода печатная трибуна для писателей и литераторов, для их творческих выступлений и размышлений на тему: литература и жизнь. Задуман ее выпуск с периодичностью один раз в месяц, но по материальным возможностям (невозможностям...) газета выходит реже.

В «Тульском литераторе» печатаются рассказы и стихи опытных и молодых писателей, литературная критика, очерки о творчестве, иногда — о жизни и творчестве тульских и российских писателей. Особое внимание газета уделяет писателям, у которых наступает юбилейная дата

Я пишу эти очерки в ноябре 2009 года. И вот передо мной последний номер газеты за этот год. Большая часть газеты посвящена 75-летию юбилею Александра Евгеньевича Новгородского — поэта и художника, члена нашей писательской организации. Большой и добрый очерк Виктора Пахомова «Пером и кистью» занимает почти всю первую страницу газеты. Автор цитирует стихи юбиляра. А вот как он определяет свое отношение к поэту: «Я люблю его стихи. Постоянно перечитываю их. Они помогают мне жить, разбираться с собой». Не в этом ли смысл творчества каждого писателя? Чтобы помогли его мысли и чувства — в стихах ли, в прозе ли — «жить, разбираться с собой»?..

Вторая страница газеты целиком отдана стихам Александра Новгородского, так что даже читатель, не знакомый с его творчеством, получит широкое представление о поэтическом слове писателя.

Но в этом же номере газеты — еще об одном юбиляре: Алексее Васильевиче Кольцове — к 200-летию со дня рождения. «Певец горькой доли русской юдоли». Произведения Кольцова издавались в царское и советское время. И вот на страницах «Тульского литератора» ожили стихи и песни талантливого народного поэта России.

Юбилейные даты — это одна обязательная тема газеты. Другая: выход у писателя новой книги. Если, по мнению редколлегии, книга заслуживает внимания, о ней рассказывают читателям, приводят прозаические отрывки или стихи, рассматривают новые произведения критическим оком. В писательской организации нет секции критики, но свое мнение о книге высказывают товарищи по перу. Чаше других выступают с обзором и оценкой новых книг Виктор Пахомов, Николай Минаков, Сергей Норильский.

Восемь лет выходит «Тульский литератор». За эти годы на его страницах опубликованы сотни материалов писателей, и не только тульских литераторов, просто любителей русской словесности. Газета востребована читателями. Однако редактор газеты ставит перед собой новые задачи. Увеличить тираж «Тульского литератора». Увеличить периодичность выпуска. Больше привлекать на страницы газеты молодых литераторов.

ГЕРОИ КНИГ — ТУЛЯКИ

Если одним словом сказать, о чем писали тульские писатели, то — про жизнь. Наши книги были большей частью о людях и событиях земли тульской — ее городов

и деревень. В напечатанных выше главах уже говорилось об этом. Но следует несколько пополнить перечень авторов, которых вдохновили на создание книг судьбы туляков — от рядовых тружеников полей и заводов — до Героев России.

О жизни села — через судьбу молодой доярки — героини повести «У себя дома», как ни странно, ярко и правдиво рассказал «городской» писатель Анатолий Кузнецов. Деревенская женщина вдохновила и Николая Любина на создание романа: «Марфа Подаркина».

Почти полвека тому назад опубликовали свои первые произведения Александр Тихонович Харчиков и Валерий Георгиевич Ходулин. Почему пишу о них вместе? В их писательских судьбах много общего. Оба писателя прошли через заводскую профессию: Харчиков — на Косогорском металлургическом заводе, Ходулин — на Тульском оружейном. Оба пишут в двух жанрах: поэзии и прозы. Оба талантливы и трудолюбивы... Но на этом, пожалуй, их сходство кончается, ибо каждый — творческая личность, своеобразная и неповторимая.

Проза Александра Харчикова начиналась с заводской темы: его первая книга «Лицом к огню» была посвящена доменщикам. Я была штатным редактором этой книги и могу сказать, что автор талантливо, со знанием дела (Харчиков сам работал в доменном цехе) и с глубоким проникновением в психологию героев отобразил их жизнь: и труд, и судьбы.

Роман Александра Харчикова «Среди людей» был опубликован в журнале «Октябрь». Роман «Перед дальней дорогой» опубликован в журнале «Новый мир».

Не знаю, какой талант — прозаика или поэта — перевешивает в творчестве Харчикова. Скорей всего — идут на равных. Знаю его стихи по сборникам и по совместным выступлениям на встречах с читателями. Вот названия некоторых стихотворений поэта: «Среди полей», «О чем молчим», «Окна», «Русь»... Что таится за этими короткими названиями? Жизнь! Жизнь в разных ее проявлениях, порой — трагических. «Вы видели покинутые окна? Они молчат, как мертвые глаза».

Период перестройки Александр Тихонович отразил в романе «Святые грешники», повестях «За линией» и «Голгофа», изданных одной книгой, и в книге «Черт-те что сбоку демократии» (рассказы и размышления).

Валерий Ходулин в писательских справочниках обозначен как поэт. Да, много лет он писал и поныне пишет стихи, охватывающие разные стороны жизни и переживаний и чувств. Одно из его стихотворений начинается строкой: «Я работал гравером»... И вот какую интересную параллель проводит в связи с этим сам автор.

«Профессия гравера по украшению охотничьих ружей помогла мне выработать и развить такие качества как творческое воображение, умение усидчиво и кропотливо работать, стремление к четкой завершенности произведения. А эти качества не менее, чем граверу, необходимы и поэту».

Добавлю от себя: отнюдь не лишни такие качества и прозаику.

На моем недавнем юбилее Валерий Георгиевич — поэт! — подарил мне две книги своей прозы «По призванию — туляки», популярные очерки о тех, кому город обязан своей славой, и «Идущие сквозь время» — популярные очерки о людях, оставивших заметный след в истории Тульского края. Это огромный труд, заслуживающий столь же глубокого уважения! Достаточно посмотреть на список изученной автором литературы о героях очерков — исторических, порой забытых или полузабытых, личностях, чтобы представить себе масштабы замысла и сложность его воплощения.

Вот как представлена книга в аннотации: «Книга «По призванию — туляки» предназначена... для всех, кого интересует история родного края — от школьника до руководителя региона... Здесь общественные деятели и предприниматели, купцы и писатели, архитекторы и военные, спортсмены и прекрасные тульские мастера».

Консультантом книги «Идущие сквозь время» был Вячеслав Иванович Боть — ведущий сотрудник тульского историко-архитектурного и литературного музея, прекрасно знающий историю Тулы в ее событиях и в лицах.

Очерки написаны хорошим литературным языком — простым и в то же время образным. Читается легко и с интересом. Читаешь, и частица гордости вливается в душу: так вот какие люди жили на тульской земле и трудились ради ее процветания! Что интересно: каждый очерк завершается стихотворением автора — о подвиге того, кто стал героем очерка. В общем, Валерий Георгиевич сделал отличный подарок читателям, любящим свой Тульский край и его достойнейших патриотов.

Я (по образованию — инженер) написала несколько книг, в которых героями были труженики строек или заводов. «Что сердцу дорого», «Пока не поздно», «Сегодня в десять»... Раньше это назвалось: тема рабочего класса. А о рабочих говорили: советский простой человек. В своих произведениях я старалась показать, что «советский простой человек» отнюдь не простой! Ему свойственны и размышления о жизни, и глубокие переживания, и ощущение достоинства, и чувство ответственности, и воля к преодолению трудностей жизни, которые порой кажутся непреодолимыми.

Более всего мне удалось воплотить свое видение рабочего человека в романе «Вдова», стержнем которого стала судьба главной героини от молодости до пенсии. Город, в котором происходят основные события романа, назван вымышленным именем: Серебровск. Но тульские читатели легко узнают один из крупных городов области: Ефремов.

С Ефремовым связаны еще два моих произведения: повесть «Неисправимые» о трудных подростках и повесть «Крестьянка» — о стойкости русской женщины в ее трудной и благородной судьбе.

В последние годы вышли в свет два моих романа, действие которых происходит в наше «перестроечное» время: «Любой ценой» и «Сын».

Я рассказала не обо всех тульских прозаиках — такой задачи перед собой я не ставила. Задача была другая: показать, что тульские писатели находят своих героев на земле тульской — в том краю России, где живут и работают.

Да, в творчестве тульских писателей широко представлены туляки — жители Тулы и области: и в художественных произведениях, и в документальной прозе. Но и о творчестве самих писателей немало написано статей, именуемых рецензиями, и даже есть несколько книг.

Особенно пристально следил за творчеством писателей-туляков критик, член Союза российских писателей Сергей Львович Норильский (Щеглов). Он писал рецензии на книги Арясова, Болотова, Езерской, Милонова, Логунова и многих других — не только тульских писателей. Норильский написал и несколько книг о творчестве тульских писателей. Назову их.

«Владимир Лазарев». Библиографический указатель. 1986 г.

«Извечный поединок света и тьмы». О прозе и драматургии Игоря Минутко. 2006 г.

«Не вечно зло, если добро множить». Литературно-критический очерк о творчестве Натальи Парыгиной. 1999 г., 2-е изд. — 2000 г.

ТРИ ТОМА ПОЭЗИИ

В Туле сложилась большая когорта талантливых поэтов. Назвать имена? Получится довольно длинный список. У каждого поэта — по несколько книг, а то и более десятка, пусть и не таких объемных, как у прозаиков. Поэты старшего поколения уже издали томики «Избранного». Вот если бы собрать лучшие стихи тульских поэтов в одной книге...

Но почему «если бы»? Ведь это уже сделано! Правда, не в одной книге, а — в

трех томах. Хорошо изданные, хорошо оформленные, а главное — содержательные книги — подарок читателям от тульских поэтов. Вот названия этих книг.

«Великий Май». 2005 г., 427 стр.

«Свет любви». 2006 г., 500 стр.

«Наши современники». 2008 г., 402 стр.

А теперь попытаюсь представить несколько подробнее каждую из этих книг.

«Великий Май»

Поэтический сборник «Великий Май» посвящен подвигу советского народа в Великой Отечественной войне. Великий Май — месяц Победы!

Составители сборника: Н. Минаков, В. Савостьянов, К. Струков.

Авторы стихов: и профессиональные поэты — наши современники. И те, кого уже нет с нами... И большой круг одаренных литераторов.

Составители сборника проделали очень большую работу, отбирая для сборника стихи, в которых с болью, но и с гордостью говорится о защитниках Родины — вернувшихся с войны или павших на полях сражений.

Открываю уже многократно читанный сборник — просто наугад. Михаил Кольчугин. «Сосна». (Баллада). Так и хочется не цитату привести из этой прекрасной баллады, а всю переписать. Приведу концовку.

*Сосна отряхнулась и выше привстала,
И, кажется, чудится ей,
Что это она на врагов вызывала
Разящий огонь батарей.*

Владимир Большаков — поэт и прозаик.

*Мне где б ни жить под этой звездной синью,
Была бы лишь тропа моя светла.
Была бы только за окном Россия,
Ржаное поле, речка да ветла.*

Михаила Кольчугина и Владимира Большакова давно нет с нами. Но стихи их — с нами. И благодарность в сердцах читателей к поэтам, прославившим высшее человеческое достоинство: патриотизм, воплощенный в стихах о подвигах защитников Отечества.

Поэт Б. Голованов, проживающий ныне в Черни. Из стихотворения «Наследство».

*Не растерял, отец,
Свою я силу,
Опять земной
Приподнимаю пласт.
Твое наследство
Передам я сыну,
А он его
Потомкам передаст.*

Стихи можно цитировать подряд. Все они, или — почти все, написаны с душевным волнением. И такое же волнение должны вызвать в сердцах читателей.

Закончу главку кусочком из стихотворения Вячеслава Попова.

*О чем твои думы, седой ветеран?
Застыла слеза на ресницах.
Неужто болит еще тело от ран?
Ужели война еще снится?*

«Свет любви».

Лирика тульских поэтов.

Составители этой книги: Н. Минаков и К. Струков. Сборник открывается стихотворением Марка Дубинского.

*Горит звезда моей печали
В космической крошечной мгле.
Не оттого ль не сплю ночами,
Что одинок я на земле?
Но вновь сижу, забыв разлуку,
Забыв печаль ушедших дней,
Как будто вновь держу я руку
Любимой женщины моей.*

В сборнике есть несколько страничек, написанных прозой, под рубрикой «Вместо предисловия». Вот главная мысль этого гимна любви, автор которого Валентина Рощина.

«Любовь бессмертна. Она будет сиять всеми своими неповторимыми гранями во все времена. Любовь к Женщине, Родине, Ребенку, Природе является движущей силой для свершения благородных поступков всего живого на Земле».

Да, светлое слово: любовь. И как много... И как по-разному можно сказать о любви, если люди, глубоко чувствуют восторг счастливых встреч и боль разлук и... Если эти люди по имени поэты обладают еще и высоким талантом слова!

Стихи надо читать или слушать. Особо затронувшие душу — заучивать и в минуты общения декламировать для друзей, а в минуты уединения, порой — и грусти, мысленно или вслух повторять полюбившиеся строки, наслаждаясь таинственной силой этих строк и отраженного в них чуда самой жизни. Приведу хотя бы еще одно стихотворение из книги «Свет любви».

Константин Струков:

*Кривая улица, трущоба,
Задворки в золотых шарах,
И девочка — одна зазноба —
Принцесса нашего двора.
Я ждал. И, от нее скрываясь,
За ней вышагивал тайком.
И в такт стучала мостовая:
«Ведь ты с ней даже не знаком!»
К ней подойти я не решился,
Зато тайком от всех берег
Тот каблучок, что оторвался
От правой туфельки ее.*

«Наши современники»

Антология тульской поэзии.

Составители: В. Пахомов, В. Савостьянов, Ю. Лончаков.

В этом сборнике представлены подборки стихов тридцати шести поэтов. Вот как представлены авторы стихов в аннотации сборника.

«Поэты различны по возрасту, поэтическим пристрастиям и мастерству, но объединяет их то, что все они поэты-профессионалы, члены Союза писателей России и Союза российских писателей, ныне живут и творят рядом с нами, на нашей славной тульской земле».

О чем они пишут? Если сказать одним словом: опять же — о жизни, так же, как и прозаики, о жизни — в самых разных ее проявлениях. Обо всем, что может тронуть

душу читателя. Читать сборник — значит наслаждаться звучанием поэтического слова, мысленно перенестись в тот мир, который с фантастической емкостью в коротких строках отражает стихотворение, проникнуться чувствами автора и обогатить свои чувства.

Сделаю странный эксперимент: открывая сборник наугад, выпишу первые строки стихотворений.

Н. Боев. «Смотрю опять в твое лицо, Россия...»
С. Галкин. «Приснилось, что пришел отец...»
В. Пахомов. «На Бежином лугу горит огонь пастуший...»
М. Крышко. «Как хорошо на природе побыть одному...»
В. Сапожников. «Занесен скальпель... Дрогнула рука...»
А. Хадарцев. «Прощайте друг другу, любите друг друга...»
В. Савостьянов. «В электричке холодно, сыро...»
В. Киреев. «Нет, не уйти мне от тебя, деревня...»

Даже эти первые строки стихотворений говорят о разнообразии творческих интересов и о творческой индивидуальности. Своими образными, яркими строчками стихов поэты стремятся поделиться с вами своими размышлениями о жизни. Все мы — и прозаики, и поэты — работаем для вас.

До встречи! До теплой заочной встречи...

Я как раз заканчивала работу над этой главой очерка, когда позвонил Валерий Николаевич Савостьянов и принес мне свою новую книгу «В эпоху нежности». Савостьянов — один из составителей сборников поэзии, известный поэт. Новый сборник — уже восьмая его книга. В отличие от прежних, чисто поэтических книг, в этой есть и прозаическая часть: «На фоне личного. (Эссе)».

Валерий Савостьянов недавно в дружеской обстановке отметил в Доме творчества свой 60-летний юбилей. И вот предстоит новая встреча с коллегами и читателями: на следующей неделе в литературном музее В. В. Вересаева презентация сборника поэта «В эпоху нежности».

В статье «Время Савостьянова», которая предваряет стихи, Виктор Федорович Пахомов пишет:

«Сегодня поэт Валерий Савостьянов на пике своего творческого подъема. К его голосу внимательно прислушиваются коллеги, читатели, поклонники, начинающие и молодые авторы. С его мнением считаются и на него ссылаются. Это отрадно и наполняет душу уверенностью в завтрашнем дне, надеждой на лучшую судьбу тульской поэзии, испытывающей ныне пресс не востребованности и отчуждения...»

Закончу эту главу четверостишием из стихотворения Савостьянова.

*...Мы готовы к любым перегрузкам,
Только б райской дышать высотой.
Только б вновь нам поверили: Русский —
Означает: подвижник святой.*

ХРЕСТОМАТИЯ

В год пятидесятилетия писательской организации выходит интересная, можно сказать, уникальная книга — хрестоматия «Три века тульской поэзии». Хрестоматия вобрала в себя произведения поэтов, начиная с нашего знаменитого земляка В. А. Жуковского, кончая современниками, членами Союза писателей России и стихотворцами из литературных объединений. По существу хрестоматия выступает как времен связующая нить.

Тульские поэты внесли значительный вклад в сокровищницу русской поэзии. Василий Андреевич Жуковский вошел не только в русскую поэзию, но и в мировую. Баллады, поэмы, романтические стихи его и сегодня вызывают живой интерес читателей. На поэтических образцах Жуковского учился юный Пушкин.

Стихотворение «Дубинушка» другого поэта XIX века Василия Ивановича Богданова из древнего города Лихвина (ныне г. Чекалин) стало народной песней, одной из любимейших песен Ф. И. Шаляпина. Народную песню «Не корите меня, не браните» на стихи одоевского поэта Ивана Родионова исполняла солистка Большого театра Максакова. А песня «Ой, цветы, цветы, кудрявая рябина» Ивана Доронина и поныне шумит и с эстрадных сцен, и в дни праздников в семейном кругу.

Наряду с поэтами-профессионалами в хрестоматию включены народные поэты, поэты-самородки. Одним из таких поэтов был Вячеслав Дмитриевич Ляпунов, стихи которого ценил Л. Н. Толстой. Познакомился он с поэзией Ляпунова тогда, когда народный поэт два года жил в Ясной Поляне и помогал разбирать письма, приходившие на имя великого писателя. Однажды Л. Н. Толстой даже обратился с письмом в один из московских журналов — с просьбой опубликовать стихотворение В. Д. Ляпунова «Пахарь».

Очень уместно, что в хрестоматии в канун 65-летия Победы в Великой Отечественной войне представлено творчество около двадцати поэтов-фронтовиков. О некоторых из них уже говорилось в главе «Ветераны». Их стихи правдиво рассказывают о суровом и героическом военном времени.

Составили хрестоматию В. Ф. Пахомов и Н. Н. Минаков. В редакционный совет вошли старший научный сотрудник Дома-музея В. В. Вересаева В. И. Боть, директор издательства «Гриф и К» Н. М. Ларина, писатели В. Я. Маслов, А. Е. Новгородский, Н. Д. Парыгина, В. Н. Савостьянов, В. Г. Сапожников, К. В. Струков, В. Ю. Ткач.

Несомненно, хрестоматия явится хорошим пособием для учащихся школ и студентов учебных заведений. И будет интересна и полезна читателям любого возраста.

ПЕСНИ

Стихи многих тульских поэтов были замечены композиторами и стали песнями.

Одна из первых песен, рожденных в Туле, прозвучала на всю страну и даже за ее пределами. Песня на слова Владимира Лазарева «Березы».

«Березы, березы, родные березы не спят...»

Светлые стихи, пронизанные любовью к России, в сочетании с талантливой музыкой вдохновляли артистов на воодушевленное исполнение песни. Владимир Лазарев живет теперь в Америке. Звучат ли там его «Березы»?

Создателями многих песен стали поэт Юрий Щелоков и композитор Иосиф Михайловский, много лет возглавлявший Тульскую филармонию. Сегодня нет с нами ни поэта, ни композитора, но есть песни их о Туле, о любви, о Родине! Песни их (к сожалению — нечасто) продолжают звучать на радость слушателям.

Активно работает в жанре песни Николай Дружков — у него даже издан сборник «Откровенье России. Песни на стихи Николая Дружкова». Николай Александрович Дружков — автор многих книг стихов. Давно сотрудничает с композиторами, и в этом содружестве рождаются песни, которые звучат иногда по радио, исполняются на концертах, а может быть, — высшая награда для поэта! — поют их люди и на семейных вечерах.

Двадцать три песни созданы композиторами на стихи Валерия Георгиевича Ходулина. Его песни звучали на вечере, посвященном творчеству поэта, в Центральном Доме литераторов в Москве.

Издал песенник «Приходи» Валентин Киреев. В сборнике около двадцати песен

на слова Киреева и музыку разных композиторов. К 70-летию города Новомосковска Валентин Викторович в содружестве с композитором Игольницким создали гимн городу-юбилею.

Недавно довелось мне прослушать диски с записями песен на слова Эдуарда Павловича Георгиевского в исполнении тульских вокалистов.

Впечатление самое светлое — как от хорошего концерта. Омрачено только тем, что нет у этих песен выхода на широкую публику. Неужели — и не будет?

Это только примеры рождения песен на тульской земле. Наверное, есть и еще сборники песен. В последнее время песни — стихи и ноты, печатаются в индивидуальных поэтических сборниках, в альманахах и журналах. Вот только звучат на массовых мероприятиях песни туляков пока нечасто. А жаль!

«НЛО» И «ПЕГАС»

Я начала свои записки о Тульской писательской организации с воспоминаний о литературном объединении (литобъединении) давней — более полувека тому назад — поры. Форма творческого содружества молодых (в творческом плане молодых) литераторов оказалась живучей. Все эти годы наряду с писательской (теперь — с писательскими...) организацией существовали и литобъединения. Существуют и сегодня.

Самое крупное литобъединение создано и активно работает в Новомосковске. Руководит им поэт — член Союза писателей России Валентин Викторович Киреев. В Новомосковском содружестве литераторов объединились не только молодые поэты и прозаики Новомосковска, но и литераторы из ближних городов: Богородицка, Кимовска, Узловой, Донского, Северо-Задонска...

В соответствии с общей тенденцией современной литературы члены Новомосковского литобъединения пишут преимущественно стихи. Общим печатным выходом к читателю стал альманах с несколько вычурным названием «НЛО», что, впрочем, расшифровывается просто: «Новомосковское литературное объединение». Альманах выходит регулярно: передо мной лежит восьмой номер. А объем? 412 страниц!

Первая часть альманаха предоставлена членам Союза писателей, в том числе и писателям Тулы. Последний раздел отдан поэтам-песенникам: публикуются тексты и ноты. Ну, а основную площадь занимают произведения, в основном стихи, членов литобъединения и «гостей» из других регионов и даже из Азербайджана.

В мои намерения не входит давать оценку деятельности литобъединения, но одно соображение все же выскажу. Думаю, что количество страниц и публикаций идет несколько в ущерб качеству. Поэзия — «товар» штучный... В большом потоке рифмованных строк читателю непросто отыскать истинные таланты. А такие, конечно, есть и не только среди профессиональных писателей.

В Туле соответственно двум писательским организациям существует и два литобъединения. При писательской организации Союза писателей России — литературное объединение «Пегас». Возглавляет его член Союза писателей Марк Самойлович Дубинский.

Литературное объединение работает уже длительный срок. Литераторы собираются регулярно, обсуждают новые стихи или уже изданные сборники. Издавать теперь можно почти любые книги, никаких препон в смысле редактора, рецензента или цензуры не существует. Лишь были бы деньги на оплату издания...

Хорошо это или плохо? Что можно издать книжку — хорошо. Что нет редактора — плохо. Взгляд автора на свои произведения не всегда объективен, и квалифицированный совет редактора многим молодым литераторам был бы весьма полезен. Поэты пишут — в наших литобъединениях почти одни поэты. Книги выходят. Что можно сказать в целом об этих книгах?

Как читатель стихов вижу достаточно высокий уровень стихосложения. Размер, рифма — все выдерживается, стихи в большинстве своем просты по форме и доступны для восприятия читателям любого уровня культуры. Так значит: все в порядке? Я бы сказала: не совсем...

Сегодняшняя поэзия молодых литераторов обладает недостатком, который раньше определялся словом «мелкотемье». Читаешь стихотворение, а душа остается равнодушной. Не потому ли, что автор был равнодушен к тому, о чем писал? Не хватает многим, а может быть — большинству стихов мудрости мысли и глубины чувств. А ведь из этих двух составляющих складывается талант писателя!

И еще: не хватает ощущения современности. «Он ушел... Я тоскую». Во все времена это было. Но и тосковать ты, поэт (чаще — поэтесса), должен по-особенному, чтобы и читатель почувствовал и запомнил твою тоску.

Но я, кажется, увлеклась своими рассуждениями. Пора завершать.

А завершу я эту главу пожеланием тем, кто стремится стать писателем: быть строгим к своему творчеству, работать над собой и подниматься в таланте и творчестве на самую высокую ступень, какая для вас достижима.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Судьба определила мне в течение пятидесяти лет быть то более, то менее активной участницей деятельности нашей писательской организации. Этот очерк «Страницы нашей жизни» — вовсе не отчет о книгах и общественных мероприятиях писателей-туляков. Это мои впечатления, какие сохранила память, и мое отношение к событиям нашей литературной жизни.

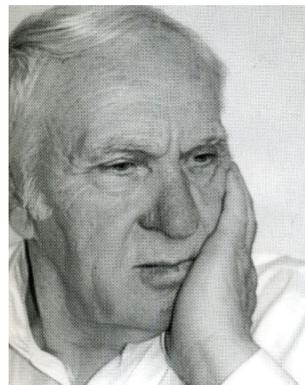
Предвижу возможное недоумение или даже недовольство тем, что об одних писателях я рассказала подробнее, о других — скуpee, а о третьих даже не упомянула. Но этот очерк — не просто о писателях, а о деятельности Юбиляра — писательской организации. В чем же она заключалась? Прежде всего — в подготовке коллективных изданий, будь то альманахи, журнал, сборник стихов или газета. В прямом разговоре о жизни и о литературе на встречах с читателями. В работе с молодыми авторами в литобъединениях и на семинарах. В рецензировании опубликованных произведений самих писателей...

Вот этот перечень наших главных дел я и решила отразить в своем очерке. И рассказать о тех инициативных писателях, чья активная деятельность позволила сложиться и появиться на свет многим книгам, о которых рассказано выше.

Надеюсь, что многие и многие книги тульских писателей — прозаические и поэтические, в том числе и созданные за время существования нашего писательского сообщества, будут прочитаны нашими соотечественниками и принесут пользу в укреплении благородных нравственных принципов. Уверена: у читателей минувшего полувека они оставили добрый след. Оставят добрый след и в душах будущих читателей — как написанные и изданные в прошедшие годы, так и те, над которыми трудятся нынешние писатели и будут грудиться авторы пока еще не написанных книг.

Виктор Пахомов
(г. Тула)

Ответственный секретарь Тульского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Союз писателей России», заслуженный деятель культуры РФ, академик, почётный гражданин города Тулы.

С ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕМ!

Осенью текущего года исполняется 50 лет со дня образования Тульской писательской организации, именуемой ныне Тульским региональным отделением общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

ЮБИЛЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ — праздник не только профессиональных писателей, членов организации, стоящих на учете в ней, но и всех членов литературных объединений, как и всех, на учете нигде не стоящих, но пишущих стихи и прозу, всех, кому дороги отечественная словесность, литературное слово, великие творения Ломоносова, Державина, Пушкина, Толстого, Бунина, Блока, Есенина, Рубцова, кто интересуется творчеством современных писателей, читает книги тульских прозаиков и поэтов, общается с ними. И как ни горька и неутешительна сегодняшняя литературная действительность (лишение писателей государственной поддержки, игнорирование их СМИ и телевидением), писатели Тульского края не сдаются. Издают свои произведения за собственный счет.

Вот далеко неполный перечень книг, выпущенных в 2007—2010 гг.: «Любовь Новоюрского периода» и «Страна холода» А. Яшина, «Белев» В. Грекова, «Тульские люди» и «Любовь не имеет названия» В. Маслова, «Альтернативный Толстой», «Гоголь: Русь! Куда же несешься ты?», «Чехов и русская интеллигенция» Б. Сушкова, «Последние фронтовики» и «В эпоху нежности» В. Савостьянова, «Наследники «Бога войны»» М. Дубинского, «Страницы жизни» и «Семейные повести» Н. Парыгиной, «Странник» и «Осень поздняя» А. Новгородского, сборник «Три века тульской поэзии», «Избранная лирика» и «Три дерева» В. Сапожникова и многое другое.

Либеральные толки об исчерпанности художественной литературы, рыночной не востребоваемости ее, малой значимости художественного слова в капитализируемом обществе, поглощение функции книги компьютером, ставящие писателей перед неотвратимостью пересмотра своей деятельности в недавно еще самой читающей стране, ныне превращающейся в свою противоположность, не могут не тревожить наших литераторов. Не считаться с этим невозможно. XXI век вносит свои коррективы! Напрашивается вопрос: что же делать? Ответ — противостоять! Не допустить в «демократическом разгуле» попрания всего святого, безнравственности, дикости, бескультурья, растапывания заветов наших предков. Ужасающие признаки этого уже наблюдаются!

Писателям нельзя быть в стороне от происходящих событий. Несмотря ни на что, даже на то, что показательный опыт Орла, Рязани, Курска, Белгорода, Калуги и дру-

гих городов России, где писатели услышаны и поддержаны, для тульских властей вопрос поддержки писательской организации не актуален. И напрасно!

Литераторы Тульского края, осознавая свою ответственность за духовное здоровье подрастающего поколения, вопреки чиновничьему недомыслию, продолжают выполнять свой гражданский долг, несут патриотические, духовно-нравственные произведения в народ. Они постоянные желанные гости библиотек, музеев, институтов, школ городов и районов, помогают в создании краеведческих и литературных музеев, безвозмездно дарят свои книги.

К предстоящему юбилею тульские писатели наметили ряд мероприятий. Одним из них станет слет молодых поэтов Тульского края, который пройдет в Доме творчества по ул. Каминского, 51. По итогам будет выпущен сборник стихов участников слета.

ОБЩЕСТВЕННО-просветительская деятельность писателей ведется не только в Доме творчества, а везде, где их ждут, куда приглашают. Особенно нужно отметить Н. Д. Парыгину, здравствующую основательницу тульской писательской организации, автора таких известных на всю страну романов, как «Вдова», «Избран единоголосно», «Сын», «Любой ценой», В. Ходулина, чьи стихи полюбили тулякам, В. Маслова, известного не только в России, но далеко за ее пределами, а также В. Савостьянова, Э. Георгиевского, М. Дубинского, А. Новгородского, Б. Роганкова. Продолжают жить, «сеять разумное, доброе, вечное» произведения ушедших из жизни наших коллег: И. Панькина, Ф. Поленова, В. Зайцева, Г. Шманя, М. Жарковского, М. Казаковой, Г. Паншина, В. Суворова, В. Большакова, Н. Дружинина, С. Сывороткина, И. Прасолова, М. Абрамова, А. Логунова. Следует отметить деятельность сотрудничающих с нами газет «На службе Отечеству» (отдельная глубокая признательность за финансирование газеты депутату Госдумы А. В. Коржакову) и «Тульский литератор», а также журнала «Приокские зори».

Серьезная работа с начинающими молодыми литераторами идет в литературных объединениях области, которыми руководят М. Дубинский (ЛО «Пегас»), В. Киреев (НЛО), Н. Боев (ЛО Узловой).

Среди молодых, серьезно заявивших о себе, можно назвать Ю. Кириленко, С. Григорьеву, Е. Логачеву, О. Хафизова, Е. Севрюгину, В. Милова, Л. Гайдукову, А. Симероль, А. Евсюкова, П. Ассесорова, В. Савина, В. Попова, Г. Маркина. Они — наша смена и нуждаются в поддержке как маститых литераторов, так и административных органов, руководителей культуры.

За полвека в писательскую организацию вступили более 80 человек. Среди них А. Г. Лаврик — первый ответственный секретарь организации, В. Ф. Булгаков — секретарь Л. Н. Толстого, Н. Д. Парыгина, А. В. Кузнецов, Н. К. Дружинин, П. Г. Сальников, Ю. М. Щелоков, В. Я. Лазарев, М. Н. Казакова, В. Я. Греков, В. С. Сапронов, В. С. Суворов, Н. А. Любин, Н. П. Акулинчев, А. А. Логунов, И. Ф. Панькин, В. А. Большаков, Г. И. Паншин, В. Г. Ходулин и другие хорошо известные прозаики и поэты земли тульской.

Уверен, что деятельность современных тульских писателей еще получит свою достойную оценку, найдет понимание и поддержку общества. Самое трудное позади.

Залог этого — успехи наших коллег, лауреатов многих российских литературных премий и конкурсов: А. Яшина, В. Сапожникова, О. Каширина, В. Болохова, В. Савостьянова, В. Киреева. Писательская организация растет не только количественно, но и качественно. Тульские авторы публикуются в антологиях и хрестоматиях страны, в столичных изданиях, упоминаются в литературоведческих и критических обзорах.

Еще совсем недавно считавшиеся молодыми литераторами А. Вишневецкий, О. Пономарев, В. Сапожников, В. Родионов, Н. Сорокина ныне стали мэтрами тульской литературы.

Еще раз поздравляю с 50-летием Тульской писательской организации всех туляков, не равнодушных к родной культуре.

ВОКРУГ ТОЛСТОГО: ПУБЛИЦИСТИКА

Николай Макаров
(г. Тула)

ТУЛЬСКИЕ МЕДИКИ В ЖИЗНИ Л. Н. ТОЛСТОГО

За свою долгую жизнь Лев Николаевич Толстой общался, как минимум, с полтысячью медиками: кто-то его лечил, кто-то вел с ним переписку, с кем-то он встречался просто для разговора-беседы, с кем-то воевал в Севастополе, с кем-то работал на голоде... Этот перечень встреч с медиками можно продолжать и продолжать.

В данном обзоре представлены медики Тулы и Тульской губернии, как-то связанные с Толстым, к сожалению, не все; медики, о которых в своих дневниках и письмах упоминал сам Толстой, медики, о которых оставили свои воспоминания родные и близкие великого русского писателя.

АБРАМОВИЧ МАРИЯ ИВАНОВНА

Из дневников С. А. Толстой:

«1863.

...июня 28.

Рождение первого сына — Сергея. Т. ездил в Тулу за акушеркой...»

Из книги С. А. Толстой «Моя жизнь»:

«...жила у меня акушерка, полька, воспитанная и учившаяся при Дерптском университете акушерству, вероятно, в тамошних клиниках. Звали ее Марья Ивановна АБРАМОВИЧ, она была вдова и имела единственную дочку Констанцию, для которой и трудилась всю жизнь.

Марья Ивановна принимала всех моих детей, кроме одного, к которому не пошла, — Николушки, умершего 10-ти месяцев, следовательно она была моей помощницей 25 лет, так как между первым моим сыном Сережей... и последним, Ванечкой, родившимся в 1888 году, было 25 лет разницы.

Маленькая, белокурая, с маленькими ловкими руками, Марья Ивановна была умная, внимательная и сердечная женщина. Как умильно ласково она обращалась тогда со мной, считая меня ребенком и как-то по-матерински любясь мной...

К вечеру из Тулы приехал доктор Шмыгаро, маленький полячок, главный доктор ружейного Тульского завода; за ним послали по просьбе акушерки».

Из письма к Т. А. Кузьминской от 23 апреля 1874 г.

«...Вчера Соня родила благополучно сына. Решили назвать Николаем. Мария Николаевна занята Арсеньевой...».

25 мая 1866 г. Толстой писал в письме Кузьминским:

«...Вы можете себе представить наш ужас во время родов, которые Марья Ивановна едва застала и при ожидании недоношенного ребенка. Но Илья закричал так же бойко, как Танечка...».

Из книги С. Л. Толстого «Очерки былого»:

«...Перед учебным сезоном отец стал подыскивать нам русского учителя... В то же время он искал управляющего самарским имением. Через Марию Ивановну Абрамович, акушерку моей матери, жившую в Туле, он нашел и того и другого...».

Из воспоминаний В. Ф. Булгакова:

«...Л. Н. Толстой узнал об Алексееве случайно от встретившейся с ним акушерки Абрамович. Она как раз принимала в Ясной Поляне четвертого сына Толстых Андрея...».

АФНАСЬЕВ ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ

Из ежедневников С. А. Толстой:

«1906. 7 июля.

...очень заболел Андрюша, жар 38 и 8. Приезжал доктор Афанасьев...».

1906. 24 ноября.

Маше все очень нехорошо. Приезжал В. А. Щуровский и Афанасьев Вл. Алексеевич. Воспаление левого легкого и плевры...».

Из воспоминаний Маковицкого Д. П.

1906 г.

Ноября 21. «Приезжал доктор Афанасьев. Два дня диагноз не определен.

После очень тщательного и долгого выслушивания Афанасьеву удалось обнаружить место в полтинник, где было слишком жесткое дыхание. Предположение: воспаление легких».

Ноября 24. «Мария Львовна очень ослабела. Частое забытие. Иногда полное сознание и тогда очень возбуждена. Сомневается, что выживет.

— Как странно, что надо умирать,— сказала она, но не выразила страха смерти.

Сегодня были у нее Афанасьев и Щуровский».

Ноября 27. «Вечером в 8 часов Мария Львовна в агонии. За час до смерти узнала Л. Н., притянула его руку к груди, а Николаю Леонидовичу (мужу) сказала: «Умираю».

За четверть часа до смерти еще произнесла «Коля» и ласкала его рукой. Потом поднялась и, сидя, подпертая подушками, скончалась. Противилась впрыскиванию камфары, кофеина, а к концу и питью вина и мешкам с горячей водой. Умерла в 20 минут первого ночи 28 ноября. Л. Н. подошел к ней, сел и за 10 минут до смерти поцеловал руку...

Скоро после кончины подошел Николай Леонидович, без слов обнял и поцеловал ее. Доктору Афанасьеву пожал руку, поблагодарил».

БОГОЯВЛЕНСКИЙ НИКОЛАЙ ЕФИМОВИЧ

Из письма С. А. Толстой мужу от 12 июня 1881 г.:

Сереза (сын) третьего дня вернулся из Тулы и привез — кого бы ты думал? — Богоявленского...

Богоявленский был противен, перорировал (разглагольствовал) о вреде хороших манер и спорил с тетей Таней (Кузьминской)...

Привез Богоявленский лекцию Соловьева (Владимира Сергеевича, философа, против смертной казни) литографированную; очень интересно было прочесть, я ее тебе оставила».

Из письма Л. Н. Толстого жене от 29 мая 1883 г. из Самарского имения:

«...Здесь живут: Богоявленский (он мне несимпатичен совсем) с женой...»

Из письма Л. Н. Толстого жене от 20 февраля 1885 г. из Москвы:

«...Очень грипп силен. Я не выхожу... Вечером я только лег отдохнуть, как пришел Богоявленский (студент-медик) и сын Сережа...».

Из дневников Л. Н. Толстого:

1888 г.

«Декабря 14. Иду гулять и снести письмо Богоявленскому. Не дошел до Богоявленского».

«Декабря 24. Послал за Богоявленским. Грипп не проходит еще».

«Декабря 31. Встал поздно... Иду к Богоявленскому...».

1889 г.

«Января 1. Вчера был у Богоявленского, не застал. Все слабость и уныние...».

«Января 3. Ходил к... Покровскому... Потом... добродушный Богоявленский. Со всеми радостно любовно».

1890 г.

«Апреля 9. Вечером пошел гулять, встретил Богоявленского (врача) и горячо говорил с ним напрасно о Крейцеровой сонате».

1891 г.

«Сентября 24. Епифань. Ходил в деревню Мещерки. Опущенность народа страшная... ничего нет, и еще поют... К вечеру приехал Богоявленский...».

«Сентября 25. Клекотки. 100 км от Тулы. Доехали до Клекоток и собираемся ехать дальше. Мне хорошо... с Богоявленским был оживленный разговор».

Из письма Л. Н. Толстого жене от 24 ноября 1891 г. из Бегичевки:

«Иван Иванович все в жару и очень беспокоен... он 20-го вернулся из Данкова... казалось, что ничтожный грипп, который пройдет, тем более, что на другой день он был совсем свеж и здоров и свалился опять к вечеру 21-го... Богоявленский каждый день бывает и не находит ничего опасного».

Из письма Л. Н. Толстого жене от 25 ноября 1891 г. из Бегичевки:

«Ему не лучше. Называют это инфлюэнцей, а это горячка по старинному. Лежит в жару, 39° почти, бредит, тяжело дышит. Богоявленский туг постоянно, и говорит, что опасного нет».

Из дневника Л. Н. Толстого:

1891 г.

«Ноября 26. Он умер в 3 часа, мне очень жаль его. Я очень полюбил его».

Из писем Л. Н. Толстого жене из Бегичевки:

16 и 18 февраля 1892 г.:

«Богоявленскому все не лучше... У Богоявленского сыпной тиф. Все 40,5. Его лечит врач Матвеев и его сестра врач, а ныне привезут доктора из Данкова... беспокойство о заразительности тифа Богоявленского, мы бережемся и не ходим. Хотя, кажется, это не прилипчиво».

Из дневника Раевской Е. П.:

«...Толстой, пренебрегая опасностью, посещал Богоявленского и сидел у его кровати...».

Из письма С. А. Толстой от 19 февраля 1892 г.:

«Меня очень тревожит Богоявленский. Неужели и он умрет?...».

Из письма Л. Н. Толстого жене от 22 февраля 1892 г. из Паников:

«...Богоявленскому немного лучше. Меньше жар, и ванны ему помогают...».

Из письма Л. Н. Толстого к Величкиной В. М. от 23 февраля 1892 г. из Паников:
«Доктор все очень плох».
Из дневников Л. Н. Толстого:
1892 г.
«Февраля 24. ...Богоявленский очень болен...».
Из писем Толстого к жене от 28 и 29 февраля 1892 г. из Бегичевки:
«Богоявленский ужасно слаб, но не хуже...».
Из дневников Л. Н. Толстого
1894 г. Москва
«Ноября 20. Вчера вечером набралась толпа гостей. Прежде всех приехал Бого-
явленский и Солоцько...».

ВЕРЕСАЕВ (СМИДОВИЧ) ВИКЕНТИЙ ВИКЕНТЬЕВИЧ

Встреча Вересаева с Толстым состоялась в Ясной Поляне 15 августа 1903 г. Воспоминания о Толстом писались позднее и были опубликованы впервые в связи с 15-летием со дня смерти Л. Н. Толстого в журнале «Красная новь» (1925, № 48, 22 ноября). Воспоминания отмечены тонкой наблюдательностью, оригинальностью независимых, самостоятельных суждений о творчестве и личности Толстого.

Из воспоминаний В. В. Вересаева:

«...В 1902 году, высланный Синягиным из Петербурга, я жил в родной Туле. С год назад вышли в свет мои «Записки врача» и шумели на всю Россию и за границу. Весною я собрался ехать за границу, уже выправил заграничный паспорт. Вдруг получаю письмо.

Адрес: Татьяне Львовне Сухотиной.

Имение: «Гаспра», гр. Паниной.

Почт. ст. Кореиз, Таврич. Губ.

Милостивый государь, мне пришло в голову обратиться к Вам с просьбой, которую Вы, может быть, будете в состоянии и пожелаете исполнить.

Вы, вероятно, знаете, как долго и тяжело болеет мой отец. До сих пор он совершенно беспомощен и без посторонней помощи не может повернуться на кровати. Сердце его в таком плохом состоянии, что оставлять его без врачебной помощи и надзора — невозможно. Поэтому мы ищем к нему постоянного врача, который бы наблюдал за ним и оказывал бы медицинскую помощь, если она нужна.

Не знаете ли кого-нибудь, кто бы взял на себя эту обязанность? Мы предлагаем 100 р. в месяц, полное содержание и дорогу в Крым. Если нам посчастливится свезти отца в Ясную Поляну (на что мы имеем теперь полную надежду), то врач должен будет переехать с ним и жить при нем в Ясной Поляне. Конечно, все путешествие на наш счет.

Не говорю о том, как важно для нас, чтобы врач был симпатичным, хорошим человеком. Моему отцу так трудно принимать чьи бы то ни было услуги и так тяжело ему будет то, что для него будет жить врач, что если этот врач не будет тактичным человеком, эта тяжесть для отца увеличится.

Простите, что, не зная Вашего имени и отчества, не пишу его на адресе и в обращении к Вам. Если кто-нибудь попадетсЯ Вам, будьте добры ответить мне по здешнему адресу.

Если Вам это интересно, то могу Вам сказать, что отец очень восхищался вашими писаниями и находит в Вас много таланта.

Т. Сухотина, урожд. Толстая.

Радость, гордость и ужас охватили меня, когда я прочел это письмо. Нетрудно было понять, что тут в деликатной форме приглашали меня самого; при огромном круге знакомств Толстых странно им было обращаться за рекомендациям ко мне,

совершенно незнакомому им человеку; очевидно, я, как автор «Записок врача», казался им почему-то наиболее подходящим для ухода за больным отцом. Если же даже все это было и не так, то все-таки после этого письма я имел полное право предложить свои услуги.

Целую неделю я провел в жесточайших колебаниях. Жить бок о бок с Толстым, постоянно видеть его в интимной, домашней обстановке — не показным, а настоящим, увидеть то, что так редко удается видеть людям, — что такое великий человек в подлинной своей жизни. Конечно, буду записывать все, что увижу и услышу, — но не в коленопреклоненной позе, не иконописуя пророка или гения, а смотря свободными глазами, не боясь отмечать ни темных, ни смешных сторон. Как мало таких записей о великих людях, как они скучны, как благолепно и безжизненно велики в своих биографиях и в воспоминаниях учеников своих и поклонников!

Это так. Но была другая сторона. Врач я был молодой, всего несколько лет со студенческой скамьи, не уверенный в себе, без достаточной опытности. Как при этих условиях взять на себя ответственность за такую драгоценную жизнь! Недосмотришь, не учуешь значения того или другого симптома, — и смерть Льва Толстого ляжет на твою совесть!.. Дело еще более осложнялось тем, что я был автором «Записок врача». Известно отрицательное отношение Толстого к медицине с ее стремлением «бороться» с природою, исправлять ее, с неверностью ее методов и немощию ее средств. Мои «Записки», — по крайней мере до известной степени, как раз утверждали такую точку зрения <...>.

В конце концов я оборвал свои колебания, уехал за границу и из Милана написал Татьяне Львовне, что не решаюсь взять на себя ответственность за такую дорогую для меня и для всех жизнь, как жизнь Льва Николаевича.

В течение следующего 1902/3 года, в Туле, Лев Павлович Никифоров, чудесный старик, добрый знакомый Толстого, проездом из Ясной Поляны в Москву несколько раз передавал мне приглашение Льва Николаевича посетить его. Но очень было страшно, и я долго не решался. Наконец, в августе 1903 года набрался духу.

Отправились мы троим: тульский либеральный земец Г., один знакомый земский врач и я. Выехали мы из Тулы на ямской тройке, часов в одиннадцать утра. На лицах моих спутников я читал то же чувство, какое было у меня в душе, — какое-то почти религиозное смятение, ужас и радость. "Чем ближе к Ясной Поляне, тем бледнее и взволнованнее становились наши лица, тем оживленнее мы сами.

Г. рассказывал про свою беседу в Туле с одним подгородным мужиком из соседней с Ясною Поляною деревни. «Видывали вы Толстого?» — «Как же, сколько раз». — «Ну, что он, каков?». — «Ничего. Сурьезный такой старик. Встренешься с ним на дороге, поговорит с тобою, а потом руку этак вытянет ладошкой вперед: «Отойди от меня, я — граф!»

На террасу из внутренних дверей вошел: Лев Николаевич. Первое, что меня поразило, — что он такой маленький. Мне он представлялся высоким и широкоплечим. Невысокий, очень сухонький старичок, с подавшимися вперед плечами, с быстрыми, молодыми движениями, несмотря на перенесенную недавно тяжелую болезнь. Он поздоровался с нами и сел. Мне еще бросились в глаза его поразительной красоты старческие руки.

И вот, как будто в эти руки он уверенно взял вожжи — привычным жестом опытного ездока — и повел разговор — легко, просто, незаметно втягивая всех в беседу. Заговорил со мною о моих «Записках», потом обратился к приехавшему с нами земскому врачу:

— Вы, наверно, во многом не согласны с Викентием Викентьевичем? (И откуда он уже успел узнать мое имя-отчество?).

Врач накуксился и вызывающе ответил из угла:

— Не согласен.

Не было ничего похожего на прием посетителей. Как будто все мы были его добрыми знакомыми. Спросил каждого, как его зовут, и потом все время называл по имени-отчеству и ни разу не сбился. Слушал всех внимательно и с интересом, и у каждого из нас было впечатление, что мы ему интересны сами по себе. Очаровывающее соединение светской воспитанности с сознательным отношением к каждому человеку, как к брату. Но, мне кажется, было тут еще что-то, — как будто он и вправду чувствовал к нам живой интерес. И почему было не чувствовать интереса к любому встречному ему, такому жадному к жизни во всех ее проявлениях, от далекой звезды до ползущей по земле букашки? Мне вспомнились слова Паскаля: «Чем разумнее человек, тем более находит он вокруг себя интересных людей. Люди ограниченные не замечают разницы между людьми» <...>.

Из «Яснополянских записок» Маковицкого Д. П.

1906 г.

Февраля 25.

«...Л. Н. Говорил, что получил письмо о жене доктора, которая ревнует мужа, «что лезет под юбки», вычитала у вас и у Вересаева, что доктора такие».

— Сам отвечу, — сказал Л. Н.

1908 г.

Марта 21.

«...Пришла Александра Львовна и рассказала про книгу Вересаева «На войне», которая запрещена. Вересаев на днях прислал ее Л. Н. Рассказала про злоупотребления и другое там описываемое. Л. Н.: Эта манера во всем видеть одно дурное, желание осудить — нехороша».

1910 г.

Из воспоминаний В. Ф. Булгакова.

Мая 3.

«Просил у Татьяны Львовны что-нибудь почитать. Она предложила «Записки врача» Вересаева. Лев Николаевич отказался».

Из дневников Толстого:

Мая 14.

«Болел бок. Встал бодро. Много гулял... Дома читал Вересаева... Как бы хорошо быть в состоянии искренно ответить на вопрос: Как твоё здоровье? — Не знаю, это меня не касается».

ГРУШЕЦКИЙ ВЯЧЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ

Из ежедневников С. А. Толстой:

1906. Января 13.

«Уехали за границу Саша, Маша с Колей. М. С. Сухотин с доктором Грушецким».

1906 г. Февраля 22.

«В Ясной Поляне вместе с М. С. Сухотиным гостит врач В. П. Грушецкий».

1908 г. Августа 11.

«Пополудни был доктор Грушецкий, привезенный Сергеем Дмитриевичем (Николаевым, знакомым и последователем Т-го). Когда Грушецкий исследовал Л. Н., то расспрашивал его, но пустых вопросов не задавал».

1909 г. Мая 18.

«...Лев Николаевич ездил на Засеку, говорил с доктором Грушецким о Танюше. Он оттуда приехал, говорил, что теперь опасность отодвинута, но боялся параличей...».

1909 г. Мая 19.

«Ездил верхом, говорил по телефону с Грушецким... жду вестей о Танечке».

Из «Яснополянских записок» Маковицкого Д. П.:

1909 г. Декабря 13.

«...Вновь предложили смерить температуру. Л. Н. позвонил. Температура — 40, пульс — 96, с перебоями.

Послали срочные телеграммы Софье Андреевне (в Москву), Черткову, Д. В. Никитину, Грушецкому...».

1910 г. Февраля 15.

«У Александры Львовны вечером 40,4 и очень сильный кашель. Л. Н. часто к ней заходил, подолгу сидел и плакал. Был доктор Грушецкий...».

1910 г. Апреля 10.

«Все подавлены... Пополудни был доктор Грушецкий, который нашел иногда при кашле хрипы и в верхушке левого легкого...».

Из дневников С. А. Толстой:

«1910. 15 июля.

...Дневники Льва Н-а сегодня запечатали, 7 тетрадей, а завтра мы их с Таней везем на хранение в банк. Сейчас они лежат в Туле у доктора Грушецкого, что меня беспокоит. Хотели сегодня их убрать в банк, но все оказалось заперто по случаю мольбствия в Туле о холере, и завтра надо их взять у Грушецкого и положить в банк...».

ДРЕЙЕР РУДОЛЬФ АВГУСТОВИЧ

Из дневников С. А. Толстой:

«1901. 3 июля.

...Когда я его увидела, у меня сердце оборвалось, и всю ночь у него сильно болела грудь, и я ему сказала, что это от сердца. Утром судили, кого взять доктором. Послали за тульским Дрейером, который нашел лихорадку и очень плохой пульс: 150 ударов в минуту. Предписал хинин по 10 гран. в день и кофеин и строфант от сердца...».

«1902. 7 декабря.

...У Льва Николаевича жар, с утра сегодня 39, пульс стал плох, силы слабеют... что с ним, единственный доктор, который при нем, не понимает.

Выписали тульского Дрейера и из Москвы Щуровского...».

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ ВАСИЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

Из воспоминаний Т. А. Кузминской:

«...Несчастный случай с Толстым произошел 26 сентября 1864 г. С. А. Толстая вспоминала: «Зрелище в избе, когда я отворила дверь, было ужасное: Лев Николаевич, по пояс обнаженный, сидел среди избы; двое мужиков его держали, доктор с фельдшером грубо и неумело старались поставить на место руку, а Лев Николаевич кричал громко от сильных страданий. Увидев меня, он нежно сказал мне какое-то приветствие. Послали домой за пролеткой и осторожно свезли Льва Николаевича в дом.

Всю ночь он мучительно громко стонал. Я сидела с ним, и он иногда, сидя, засыпал, как-то положив голову ко мне на плечо.

На другое утро послали в Тулу за молодым и очень способным доктором Преображенским. Приехав, он умело и быстро под хлороформом вправил Льву Николаевичу руку и забинтовал ее так, что боли сразу стали гораздо легче. Помню, какое было страшное лицо у Льва Николаевича, когда он лежал, как мертвый, под хлороформом...».

Из письма С. Н. Толстого Толстому в январе 1867 г. из Тулы:

«...Преображенский, который теперь ездит, говорит, что это очень сложный тиф, но он видел его на несколько минут в день, а что с ним бывало по ночам, то видели только мы... Преображенский по-моему, хорош, он велит давать вино и бульон, что и

без него мы делали, и толкует со мной очень долго о Каткове и т. п., и курит папиросы, и будит его шупаньем, если он заснет. Лекарство, которое он прописывает, я не даю положительно, он это видит и, кажется, меня одобряет, и совесть покойна: доктор ездит. Что такое медицина — это прелесть...».

РУДНЕВ АЛЕКСАНДР МАТВЕЕВИЧ

С. Л. Толстой в своих письмах в конце 1890-х и начале 1900-х годов из Пирогово Толстому часто сообщает, что, в связи с болезнями членов его семьи, их часто посещает А. М. Руднев.

Из воспоминаний Молчанова Александра Николаевича (1847— ?) — беллетрист, публицист, встречался с Толстым в июне 1890 г.:

«...Посетив 1 июня графа Л. Н. Толстого, я могу сообщить приятную весть: напугавшие всех жестокие приступы его старой болезни печени прошли, и здоровье маститого писателя, видимо, поправляется... Он очень похудел, ослаб, но энергия его супруги и такт доктора Руднева победили отвращение графа к медицинской помощи и советам: он аккуратно пьет эмскую воду, педантические исполняет предписанные ему условия гигиены и согласился пользоваться в течение лета кумысом, для него будет выписан специалист из Самарской губернии. Косить, жать и вообще всякий утомительный физический труд ему запрещен строго-настрога, и достаточно взгляда на аскетическую фигуру Льва Николаевича, чтобы полностью оправдать этот запрет. Но так как в этом больном теле дух жив и велик, то даже докторский режим не осмелился наложить veto на умственную работу графа...».

Из книги С. Л. Толстого «Очерки былого»:

«... В 1885 году...

...Работая в поле и возя снопы, отец сильно ударился ногой о грядку телеги; образовалась крупная ссадина. Не дав созреть струпику на ранке, он его содрал; возникло рожистое воспаление, начиналось заражение крови, температура поднялась. Моя мать сильно встревожилась, поехала в Москву и привезла хорошего врача, ассистента Захарьина — В. В. Чиркова. Он немедленно дренировал ранку и для дальнейшего лечения рекомендовал хорошего тульского врача А. М. Руднева. Температура сразу понизилась, но отцу долго пришлось не покидать постели. Я думаю, что тогда его жизнь была в большой опасности, его спасли врачи Чирков и Руднев...».

Из воспоминаний Т. Л. Сухотиной-Толстой:

«...1886 год... 4 сентября. 9 часов утра.

Проснувшись, узнала, что папа хуже. Ночью жар у него дошел до 40, и нога ужасно болела, так что он простонал всю ночь. Послали за Рудневым, он говорит, что это новая рожа, и будто, если она распространится, то для ноги безнадежно. Это ужасно, — я не могу верить этому!..».

Из письма С. А. Толстой С. Л. Толстому от 14 мая 1890 г. из Ясной Поляны:

«Все это продолжается теперь дней восемь или девять. Сейчас ждем Руднева. Если он скажет, что опасно, то я выпишу Захарьина и тебе телеграфирую на имя дяди Саши.

Очень тяжело смотреть на страдания папа. Ожесточилась болезнь. вероятно, потому, что доктор не велел совсем есть хлеба, а папа эти 3 дня ел вегетарианский хлеб, очень тяжелый... Больше писать не могу, да и ничего, кроме болезни папа, не интересует... Сейчас Руднев нашел, что острый катар желудка и печени, но что опасного ничего нет пока. Если будет, я телеграфирую и во всяком случае напишу послезавтра.

Очень уж жаль папа, стонет так жалобно целые сутки скоро.

Из письма С. А. Толстой С. Л. Толстому, 25 мая 1890 г. из Ясной Поляны:

«...Болезнь папа еще не прошла, т. е. желтуха держится еще в крови, пульс слаб и худ он и слаб очень. Сегодня был Руднев. Настоятельно требует, чтоб я выписала

башкирца и поила папа кумысом. Я писала Бибикову две недели тому назад, чтоб нашел башкирца, и прислал делать кумыс, — но ответа нет. Допрашивал Давыдов Руднева, может ли папа восстановить вполне свое здоровье? И Руднев будто отвечал, что может вполне...».

Письмо Л. Н. Толстого в Тульскую больницу 11 июня 1901 года из Ясной Поляны:

«Горбатый мальчик, спрыгнув с поезда на станции Козловка, приполз ко мне со страшно разбитым коленом. Надеюсь, что тульская больница не откажется принять его. Прошу передать мое почтение и просьбу А. М. Рудневу».

Из письма Л. Н. Толстого С. А. Толстой от 1 апреля 1891 г.:

«...из Сергиевского я нынче получил ответ о мужике больном, условный, что принят, если не хронический, и потому я решил везти его в Тулу. Руднев обещал принять и обратить на него внимание...».

Из дневников С. А. Толстой:

«1891. 15 мая.

...У бедного Левочки воспаление век, и он сидит один внизу, в темной комнате уже двое суток. Сегодня ему немного лучше. Вчера послала к доктору Рудневу за советом, и он велел примачивать свинцовой примочкой, которую и прислал...».

«1891. 7 июня.

Миша Кузминский болен, похоже на дифтерию, а у меня камень на сердце: страшно и за него, и за всех других детей... Послали за доктором Рудневым...».

«1897. 8 августа.

Заболела Маша, Руднев думает тиф...».

«1897. 11 августа.

...Третьего дня утром привезли из Овсянникова больную Машу. У нее брюшной тиф и уже несколько дней около 40 градусов жару... Руднев — доктор был и сказал, что тиф легкий, но очень ее жаль...».

«1897. 18 августа.

...Маше лучше... был доктор Руднев...».

«1897. 21 августа.

Все эти дни очень страшно за Машу... Посылали за доктором...

...Ходила с Рудневым гулять...».

«1898. 21 августа.

...Маленький внук Лев захворал свинкой, был Руднев...».

«1898. 31 декабря.

...С утра у Маши схватки. Ждем мучительно разрешения ее мертвым ребенком или выкидыша. Десятый час вечера: тут акушерка, и ждем доктора Руднева...».

СИВИЦКИЙ И. М.

Во время болезни Толстого в Гаспре каждую ночь кто-нибудь из врачей ночевал с больным, в том числе и Сивицкий.

Из письма Толстого жене от 20 сентября 1900 г. из имени Сухотиных в Кочетах:

«Я совершенно здоров, если не считать палец большой на правой руке, который я прищемил в вагоне, затворяя дверь. Он мне мешает писать хорошо, но с каждым днем лучше, и любезный доктор Иван Моисеевич перевязывает мне его».

Из письма Толстого к дочери Татьяне от 6 ноября 1900 г.:

«Палец мой было загноился от присыпки, которую я сделал без Ивана Моисеевича, а теперь мне вкладывают в щель марлю и компресс сверху, и все идет хорошо. Очень, очень мне было хорошо у вас... хороша Анна Ивановна, хорош Иван Моисеевич, которому очень поклонись от меня, и хорош бы Иван Романович, если бы не засыпал со свечкой и не торопился в шахматы».

«1902. 16 февраля.

...приезжает Сивицкий, бывший земским врачом у Сухотиных, человек немоло-

дой, хороший...».

Из дневников С. А. Толстой:

«1902. 19 февраля.

...Бедный мой Левочка все лежит слабенький, все томится продолжительной болезнью. Приехал 17-го вечером Сивицкий, доктор. Жить пока постоянно...».

«1902. 10 марта.

...Вчера уехала Лиза Оболенская и Сивицкий...».

Из письма И. М. Сивицкого к К. С. Шохор-Троицкому от 25 мая 1929 г.:

«Я хорошо помню, что Лев Николаевич ездил в Кочеты... сильно повредил один палец... Палец припух, посинел от кровоизлияния под ноготь, который пришлось удалить. Несмотря на болезненность перевязок, Лев Николаевич переносил боль довольно терпеливо и только отдувался, выпуская шумно из уст воздух. И вот, помнится, когда ноготь сошел и начал нарастать новый, Лев Николаевич задал мне вопрос, почему ноготь, когда отрастет, будет точь-в-точь похож на первоначальный. На это я ответил Льву Николаевичу, что произойдет это только в том случае и потому, что сохраняется первоначальное ложе так назыв. matrix, которая произведет такой же ноготь, какой был прежде... «Но почему же это произойдет?» — настаивал Лев Николаевич, очевидно неудовлетворенный моим ответом».

СНЕГИРЕВ ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ

Из дневников Толстого:

1895 г. Февраля 21.

«Здоровье Сони совсем установилось. Был Снегирев и указал на то, что это старческое прекращение р...».

Из дневников С. А. Толстой:

1895 г. Февраля 21.

«Измучив мою душу, мне позвали докторов. Комично было то, что всякий дал лекарства по своей специальности. Нервный врач дал бром, по внутренним болезням дал Виши и капли. Наконец позвали и акушера Снегирева; этот цинично сказал «о критическом периоде» и дал свое. Лекарств я не принимаю».

Из письма С. А. Толстой мужу от 4 ноября 1895 г.:

«Сегодня я лучше спала, боль меньше, а была у Снегирева. Он продолжает меня лечить, меры его очень энергичные и сильные... В сутки в меня вливается шесть полных чайных ложек чистого опиума».

Из письма С. А. Толстой мужу от 8 ноября 1895 г.:

«Была у Снегирева (всегда мне это так невыносимо нравственно тяжело), и он мне сказал, что... опасность разрыва сосудов миновала...».

Из дневников С. А. Толстой:

1900 г. Ноября 13.

«Приехала Таня с мужем, была у Снегирева, который нашел ее беременность вполне благополучной...».

Из «Яснополянских записок» Д. П. Маковицкого:

1905 г. Июня 13.

«Сегодня приехал Снегирев с ассистентом Алексинским. Вызван к больной Софье Андреевне. Л. Н. был к ним очень внимателен. Пополудни не ходил гулять, только со Снегиревым пошел на Воронку, где Снегирев выкупался. Все свободное от занятий время с ними провел...».

У Софьи Андреевны повторяющиеся припадки сильных болей в животе с жаром. Снегирев не исключает возможность неоплазмы. Назначил лечение и приедет опять».

Из «Яснополянских записок» Д. П. Маковицкого:

1905 г. Июня 22.

«Утром Л. Н. в легком пальто пошел по прешпекту навстречу Снегиреву, который должен был приехать. За чаем Л. Н. спросил его про новые политические события.

Снегирев: О них лучше не разговаривать.

Л. Н.: Совершенно согласен с вами...

Снегирев рассказывал про Архангельскую губернию; там не было крепостного права, народ простой, с достоинством относится к чужим, неискушенный, доверчивый...».

1905 г. Июля 3.

«...Получено письмо от Снегирева, что завтра приедет

Л. Н.: Как все врачи-специалисты, Снегирев — невежественный человек, он ничего не знает...

Но на днях Л. Н. сказал о Снегиреве: Любезный человек и все знает, до чего наука дошла».

1905 г. Июля 4.

«Сегодня был здесь Снегирев. Улучшение здоровья Софьи Андреевны приписывает пиявкам, мушкам...».

Из воспоминаний А. Б. Гольденвейзера:

1905 г. Июля 13.

«...у Софьи Андреевны был профессор Снегирев.

Л. Н. сказал про него:

Он выпивает, но приятный человек; православный, но симпатичного типа, несколько народного. Но это, как большинство медиков, совершенно невежественный человек. Он ничего не читал, не знает. В письме — это пустяк, но типично — написал слово истина через два «н».

Из «Яснополянской записок» Д. П. Маковицкого:

1906 г. Августа 26.

«Софья Андреевна послала телеграмму Снегиреву, просит совета. Л. Н. прибавил, но не написал, чтобы приехал — предполагает, что и так приедет. (Эта телеграмма неизвестна)... Послали Лебрена (секретаря) за Снегиревым и доктором-хирургом Чеканом в Алексин».

1906 г. августа 27.

«Пришла телеграмма от Снегирева, что приезжает с четырьмя ассистентами. За обедом шутили насчет них. Мне было досадно, что заварил такую кашу.

— Всякий на вашем месте так бы поступил, — утешал меня Л. Н... Л. Н. спросил Снегирева:

— Есть ли выдающиеся медики?

Снегирев: Нет. Нет таких, как двадцать лет тому назад. Теперь есть институты, и в них работают коллективно».

1906 г. Августа 28.

«День Рождения Л. Н. (78 лет).

Снегиреву пришла ночью мысль, что опухоль Софьи Андреевны может быть гнойником. Утром приехал еще один его ассистент, учитель Алексей Митрофанович (Новиков), бывший домашний учитель у Толстых. В 11 часов уехали все. Снегирев хотел было не пугать Л. Н. и не говорить ему всей правды, но Л. Н. двумя-тремя вопросами навел его на суть и узнал, что хотел... Александра Львовна мне сказала, что папа хохотал над докторами, что их семь штук, и они ничего не знают».

1906 г. августа 29.

«У Софьи Андреевны усилились боли, Л. Н. к ней часто заходил... набросал письмо Снегиреву, которое не было закончено и отправлено:

«Дорогой Владимир Федорович, Мы вам послали телеграмму в Москву и в Алек-

син (обе телеграммы неизвестны), прося приехать к тяжело больной жене. Но, не зная, где вы, решили просить вас о том же письмом, которое передаст вам мой молодой приятель Лебрен. Она очень страдает, и положение ее опасно. Очень будем благодарны за ваш приезд».

1906 г. Августа 31.

«Пополудни, во время приступа болей. Софья Андреевна просила маленькую иконку положить ей в постель и позвать попа... Софья Андреевна, хотя впрыснуто более трех миллиграмм атропина, не успокоилась, стонала. Я же морфий впрыскивать не решился, чтобы не изменить картину болезни, диагноз которой не был определен. В 8 вечера приехал Снегирев и сразу же впрыснул полтора сантиграмма морфия... склонен скорее всего диагнозу абсцесса... просил («Ради меня сделайте!») выписать гинеколога Феноменова из Петербурга».

1906 г. Сентября 1.

«У Софьи Андреевны вчера вечером была рвота, сегодня боли унялись. Снегирев уже вчера установил дежурство врачей. Дочерей допускают редко и ненадолго. Мария Львовна недовольна этим...».

Сентября 2.

«Ясный теплый день. Софье Андреевне предстоит сегодня лапаротомия. Л. Н. в 10 часов уехал верхом. Софья Андреевна попрощалась со всеми, просила прощения у няни и т.д. у всех. Родные и прислуга приходили к ней. С 11.45 до часу наркоз эфиrom в комнате Софьи Андреевны. И только когда наркоз начался, Снегирев осведомился, что приготовлено, какие растворы, и распорядился, что кому делать».

Цельный день была толкотня... Софья Андреевна стонала, жаловалась, что ей не лучше, чем до операции: что не все вырезали, не оставили ли чего? Вечером приехал Феноменов. Я объясняю себе взволнованность Снегирева тем, что операцию пришлось делать при начинающемся перитоните и повышенной температуре — операция очень рискованна...».

Из воспоминаний Ильи Львовича Толстого:

1906 г. Сентября 2.

«Очень тяжелые минуты пережил мой отец во время опасной болезни мама. Приглашенный по нашему вызову профессор В. Ф. Снегирев определил распадающуюся внутреннюю опухоль и предложил операцию».

Для большей уверенности в своем диагнозе и для консультации он попросил вызвать из Петербурга профессора Н. Н. Феноменова, но болезнь мама пошла такими быстрыми шагами, что на третий день, рано утром, Снегирев разбудил всех нас и сказал, что он решил не ждать Феноменова, потому что если не сделать операцию сегодня же, то мама умрет.

С этими словами он пошел к отцу...».

Из «Яснополянских записок» Д. П. Маковицкого:

1906 г. Сентября 4.

«Софья Андреевна кричит от боли... Приехала сиделка, так что здесь Снегирев, Полилов, Гайчман и она. Вечером приезжала из Тулы Елизавета Васильевна, инструментарка Чекана. Ко мне приехал на помощь для посещения тифозных фельдшер Ф. Н. Серегин от участкового врача (В Ясной Поляне переболело 64, в окрестных деревнях более 50 человек). Участковый врач предложил лекарства для тифозных из земских средств».

Сентября 7.

«Приехали Снегирев, Полилов, Андрей Львович. Снегирев уговаривал Софью Андреевну ехать в Гагры... Когда вечером Снегирев и Полилов уехали... Л. Н. сказал, что он думает, что Софье Андреевне это будет на пользу. На вопрос о том, поедет ли и он, сказал, что, может быть, да — бросить привычную жизнь, увидеть новое, а,

главное, ради Софьи Андреевны».

1906 г. Октября 15.

«Л. Н. настаивает на поездке Софьи Андреевны на юг.

По письму Снегирева видно, что он очень хочет, чтобы ты ехала в Крым...

Софья Андреевна: Разве я не поправляюсь?

Л. Н.: Да, но слишком медленно...

Потом о Снегиреве сказал:

— Он очень живой и приятный человек, что редко бывает у специалистов. Я сказал ему, что специальность даром не дается, то есть в том смысле, что человека суживает, но по отношению к Снегиреву это не так. Он избежал этого, он специалист, но не потерял всестороннего интереса в жизни...

За обедом Л. Н. определял по почерку характер Снегирева: и умный, и религиозный, и художественный.

— Я Снегирева обидел, сказав ему, что он поплатился за специальность. Я должен был прибавить: пьянством.

Татьяна Львовна: Разве он пьянствует?

Л. Н.: Как же! Я эту черту люблю. Он уходит из этого тяжелого мира в свой духовный уголок».

Из ежедневников С. А. Толстой:

«1905. 13 июня.

Приехал ко мне с утра профессор Снегирев с Алексеем Митрофановичем...».

«1905. 21 июня.

С утра сильные боли, лежала весь день. Телеграмма от Снегирева, приезжает завтра...».

«1906. 31 августа (записано после).

Началось воспаление брюшины, боли невыносимые. Телеграфировали Снегиреву.

«1906. 2 сентября (записано после).

Операция Снегирева. Лев Николаевич во время операции ушел в лес (в Чельж); велел позвонить один раз, если все благополучно обойдется, и несколько раз, если не благополучно».

«1906. 28 сентября.

Приезжали Снегирев и Полилов. Гонят в теплый климат; меня это расстроило».

Из ежедневников С. А. Толстой:

«1910. 31 декабря.

...Спасибо тем, кто приехал меня утешать. Были Сережа, Илья с Соней и три внука; Андрюша с женой, Вака Философов, Юл. Ив. Игумнова, сестра милосердия Терская, Душан Петрович, я. Интересно рассказал мне сын Илья, что ему сказал старый профессор Снегирев об уходе Льва Николаевича. Что существует такая форма воспаления легких, когда в самом начале делается ненормальное возбуждение и, зараженный ядом инфекции этого воспаления больной бежит из дома, беспокойно стремится сам не зная куда и блуждает. И вот Лев Николаевич бежал сначала из дому, потом из Шамордина, потом сам не знал куда. Брали билеты в три места. Снегирев предполагает, что Лев Николаевич уже из Ясной Поляны уехал больной...».

«1912. 8 июля.

...Вечером с Кузминскими прочли вслух письмо ко мне Вл. Фед. Снегирева от 19 апреля 1911 г.».

«1912. 1 сентября.

Вечером читала Варе Нагорной письма Снегирева...».

«1913. 5 марта.

...писала начерно Снегиреву и Кони, прося позволить напечатать их письма...».

СУХИНИН ЛЕОНИД ГРИГОРЬЕВИЧ

Из ежедневников С. А. Толстой

«1906. 9 июля.

Все грустно, Пете хуже, был доктор Сухинин...».

Из «Яснополянских записок» Д. П. Маковицкого:

1906 г. Июля 19.

«Л. Н. третий день какой-то грустный — наверно, нездоровится ему. До полудня Дора Федоровна поехала в Тулу за доктором Сухининым (для сына Пети). Не мог приехать — сломал себе ногу. За обедом Л. Н. ей:

Слышал, что ты ездила за доктором и что ты очень рада, что не приехал (потому что ребенку стало легче)».

1910 г. Февраля 11.

«Позвали доктора Сухинина к Александре Львовне, которая боится заразы тифозной... через меня».

Из воспоминаний В. Ф. Булгакова:

«7 августа 1910 г.

...Лев Николаевич взобрался на Дэлира, и мы ровным шагом поехали в сторону от шоссе по дороге на Овсянниково. Между тем пошел сильный дождь. Лев Николаевич заехал в имение Красноглазовой, где мы и спрятались в каком-то сарае. Прибежал гимназист, бойкий, цветущий мальчик лет пятнадцати, с славными, чистыми глазами.

— Лев Николаевич, пожалуйста к нам!

После минуты колебания Лев Николаевич слез с лошади, и под дождем мы пошли на дачу к гимназисту. Оказалось, что это семья тульского врача Сухинина, бывавшего и в Ясной Поляне у Льва Николаевича. Дома были только жена его и дети. Она была счастлива и всячески старалась оказать какую-нибудь любезность Льву Николаевичу. Сам доктор лежит больной в городе. С ним — несчастье: его старший сын Гриша, тот самый милый гимназист, который приглашал нас в дом, на охоте по неосторожности выстрелил отцу в ногу из дробовика...».

ТОЛСТАЯ МАРИЯ ЛЬВОВНА

Из книги С. М. Толстого «Дети Толстого»:

«...Умная, тактичная, блестяще знающая несколько иностранных языков, она стала его лучшим другом и помощником, переписывала рукописи по его поручению, все больше и больше заменяя свою мать. С отцом, но чаще одна, она помогала крестьянам в работе, целыми днями косила траву вместе с ними, доила коров, перекрывала крыши погоревших домов, учила грамоте крестьянских детей, лечила крестьянок в павильоне в Ясной Поляне (для этого она окончила фельдшерские курсы). Как отец, она стала вегетарианкой. Когда в июле 1892 года состоялся семейный раздел имущества (полмиллиона рублей), Маша отказалась от своей доли, как и отец ее еще девять лет назад отказался от собственности и выдал своей жене доверенность на ведение его имущественных и издательских дел. Эта аскеза и упорное стремление к нравственному идеалу отца не мешали ей брать от жизни все, что в ней было хорошего. Она отказалась от выходов в свет, от балов, от светской жизни в Москве, желанной для ее матери и сестры Татьяны; она полюбила простые радости: петь с братьями, играть на гитаре и балалайке, участвовать в деревенских праздниках, плясать и петь в хоре с крестьянками, которые ее обожали».

Из дневников С. А. Толстой:

«1891. 3 марта.

...Миша с Машей еще в санках, и больным в Ясенки и в Телятники, где лежит уже несколько месяцев мужик с страшной раной. Это хорошо, что Маша им занялась

и утешает его; это доброе, настоящее дело...».

ЧЕКАН ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ

Из дневников С. А. Толстой:

«1902. 8 декабря.

...Ночевал тульский доктор Чекан...

...До пяти часов утра за Львом Николаевичем ходила я, потом Сережа. Доктора тоже сменялись: сначала Никитин, потом Чекан...».

Из «Яснополянских записок» Д. П. Маковицкого:

1906 г. августа 30.

«Софья Андреевна лежит, ей легче, опухоль та же. Пополудни ее навестил Чекан».

Сентября 1.

«...Пополудни... приехали... Чекан с инструментаркой Елизаветой Васильев-ной...».

Из ежедневников С. А. Толстой:

«1907. 2 декабря.

Ездил Душан Петрович за доктором Чеканом в Тулу, думал, что у Льва Николаевича вывих, но вывиха не оказалось...».

ЩЕГЛОВ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Из воспоминаний В. Ф. Булгакова:

«3 октября 1910 г.

...Поздно ночью приехал из Тулы доктор (Щеглов). Но он уже не видел Льва Николаевича. Душан объяснил ему болезнь как отравление мозга желудочным соком. На вопрос о причине судорог приезжий доктор отвечал, что они могли быть обусловлены нервным состоянием, в котором находился Лев Николаевич в последнее время, в связи с наличием у него атеросклероза...».

Из «Яснополянских записок» Д. П. Маковицкого:

1910 г. октября 3.

«Утром Л. Н. спал до 9.45. Я вошел к нему сначала один, потом с доктором Щегловым, приглашенным вчера вечером и успевшим приехать только после полуночи...

...Щеглову Л. Н. говорил:

В медицину я не верю. Ваше положение фальшивое. Все притворяетесь, что лечите, а лечение мне не нужно. Все, как по закону природы. То, что вы принимаете за болезнь, есть освобождение от вреда (от болезни). Природа своевременно, медленно действует, а выше действия — преждевременное вмешательство.

В дальнейшем разговоре Л. Н. сказал, что докторская деятельность гораздо лучше, чем судейская думская; она какой-нибудь старушке утешение.

Щеглов Л. Н. вичу показался приятен. Лишних освидетельствований не делал — только пульс, сердце, печень. Он посоветовал Л. Н. не переутомляться, а Софье Андреевне щадить Л. Н....».

Марина Баланюк
(г. Тула)

И СТО ЛЕТ СПУСТЯ ЛЕВ ТОЛСТОЙ ИСТИННЫЙ ПАТРИОТ РОССИИ

Уже в семидесятые, в первой половине восьмидесятых годов XX века в России сложилась ситуация расслоения гражданского населения. Если раньше оно шло по горизонтали: крестьяне, рабочие, инженеры — люди полусвободных профессий — интеллигенция: архитекторы, художники, литераторы, просвещенцы, то сейчас, при политическом переломе, не учитывающим никоим образом историческую специфику, обстановка изменилась и соответствует социальному хаосу прошедшего времени, например, Французской революции 1789 года и Социальной революции 1917 года.

В отличие от ситуации постреволюционного периода 1917 года не ясны ни цели, ни задачи, ни ближайшие перспективы ввиду половинчатости проводимых преобразований (для примера: кардинальные реформы всего уклада русской жизни в 60—70 годов XIX века были проведены сразу и не столько по западным образцам, сколько со спецификой русской жизни и с учетом высказываний русских философов, литераторов, политических деятелей и администраторов эпохи Александра II).

Современная ситуация интеллектуальной жизни характеризуется отголоском полного системного кризиса, абсолютной неуверенности в ближайших перспективах и полным непониманием народа.

С другой стороны, любому здравомыслящему человеку (читающему, понимающему) ясно, чем вызван переход к политике гласности. Термин «гласность» был введен в эпоху Александра II в качестве основного 130 лет назад. Названия: гласные думы, гласные при выборе присяжных в судах (можем встретить в «Воскресенье» Л. Н. Толстого).

Итак, причина прихода «верхов» страны к такому решению («низов» никто не спрашивал) заключается в следующем: полностью разбалансировав экономику, сделал упор на неуверенные реформы и переориентировав внешнюю экономику на уровень слабо развитой страны (беспрецедентная продажа нефти и всех природных ресурсов) поставили экономику в колониальную зависимость от малочисленных, мало-земельных, не имеющих собственных ресурсов государств, для которых раньше Россия была покровителем, защитником или врагом.

В итоге программы, объявленной Рейгеном в первый срок его президентства — задушить Россию экономической гонкой вооружения — США выиграли и, учитывая приход к руководству СССР радикально мыслящего руководства, поняли всю сложность ситуации «СССР — остальной мир».

Здесь следует обратиться к публицистическому наследию Л. Н. Толстого, написанного им в период 1895 (начало первой империалистической войны США с Испанией за Кубу) — по 1910 год.

Л. Н. Толстой, будучи аналитическим (литературное прочтение, мемуары) и личным участником сложной эпохи русского государства XIX века, истории русского государства, смог сделать вывод, вывод *историка-литератора*, который не удалось повторить никому в мире!

Лев Николаевич Толстой, обладая совершенным родовитым генотипом патриота России, сумел осмыслить в литературной форме все движение Российской жизни в очень беспокойном XIX веке.

Не могу представить ни одного русского писателя, включая истовых народовольцев, кто бы так, отвлекаясь от узко социальных (дворяне, купцы, духовные) и узко политических взглядов (народники, нигилисты, социалисты), смог осознать и отобразить народную жизнь во всей ее полноте, верованиях, душевных устремлениях, как Лев Николаевич Толстой.

В эпоху первой перестройки России (80-е годы XIX века) государственные и общественные учреждения России брали за пример западную Европу (суд присяжных, ограниченный срок службы в армии, городское самоуправление, земства, Государственная Дума). А Лев Николаевич Толстой ориентировал свою аудиторию на приятие чисто христианских (общечеловеческих) догм общества; за основу он взял проверенный веками, историей, практикой жизни евангелические истины, которые соответствовали и будут соответствовать жизни цивилизованных людей в ближайшей перспективе (21 — 22 век).

Толстой был идеалист, как Николай Александрович Бердяев, Василий Васильевич Розанов, Лев Павлович Шестов, Соловьев. И он требовал невысказанного от людей. Представьте, ситуация через 70 лет, а теперь уже 100 лет после смерти Толстого — проблемы возникли вновь: когда история выходит из-под контроля людей, и смертным холодом веет на человечество, когда бессилён каждый человек в индивидуальности, когда нет никакой возможности человеку-индивидууму воздействовать на ход истории, то единственным выходом является индивидуальный протест, естественно, невооруженный, потому что, государство создало средства, подавляющее любой, даже самый массовый протест. Выход в индивидуальный мирный протест — *собственное самоусовершенствование*.

Этот метод Толстого был применен Махатмой Ганди в Индии в начале XX века (принцип гражданского неповиновения).

История повторяется в своих начальных окрасках. Как и в начале XX века, когда люди ожидали комету Галлея, карающую Землю, так и сейчас переполнены храмы, мечети, кумирни. Пусть с рациональной точки зрения учения Толстого не выдерживают критики, но когда нет выхода из ситуации, предложенной нам мировым развитием, и когда не видно даже более или менее обеспечиваемого философскими учениями выхода из данной ситуации, то учение Толстого представляется нам самой серьезной альтернативой существующему безверию, апологетству и беспочвенному обоснованию нереальных движений хода истории.

Мы часто обращаемся к наследию Толстого в поисках ответа на животрепещущие темы дня. Был период, когда спрашивали о патриотизме — Толстой дает толкование патриотизма. Он по-разному говорил («Севастопольские рассказы»).

У России было много знаменитых людей. Еще больше число их было похоронено как знатные люди. Россия — поздняя страна, она опоздала с разумом, с наукой, с манерами, но в чем-то она и выиграла: в душевном здоровье нации, в спокойствии и в подспудной свободе.

Лев Николаевич Толстой прекрасно это понял и отобразил в своих писаниях, он отобразил превосходство лучших черт русского народа и запечатлел в своих произведениях («Война и мир» том 3, гл. 7—11, «Воскресенье» гл. I, II и окончание, «Казачьи», «Хозяин и работники», цикл «Народные рассказы», «Азбука», «Фальшивый купон»).

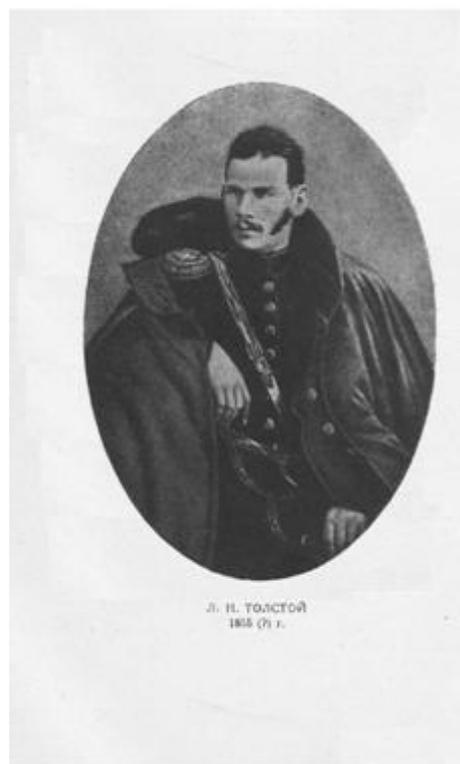
Каждый, кто приезжает в Ясную Поляну, неважно скучающий ли это по впечатлениям зарубежный турист, ограниченный суперцивилизацией, либо орловец, липецкий житель, москвич — входя на «Прешпект» Ясной Поляны, понимает, что здесь улечиваются все нормы и требования, желания суетной жизни. Он понимает, что вступил в зону с виду абсолютно российскую, но в тоже время отличающуюся от обычного быта российской жизни. Впервые в российской истории здесь жил человек, который, пройдя все искушения барской жизни, в силу своего интеллекта понял и постарался донести до всего мира евангельскую идею отречения от мирских благ как сиюминутных, невещных, преходящих, отрицающих право властвования одного над другим или многими, и первым в нашем времени провозгласившим: «Общее на потребу, не убий, полюби ближнего, отдай все свое людям».

Факт смерти Толстого не имеет аналогов в истории мировой литературы, и это является подтверждением его веры в грядущее возрождение человечества: «Отринь свои желания ради блага ближнего».

Заслуга потомков графа Л. Н. Толстого состоит в сохранении духовного величия мирового писателя путем ограничения влияния цивилизации.

Кажется, давно перестали задевать — ибо перешли в историю, — все прегрешения Льва Николаевича Толстого перед властью и перед церковью.

Приложение:

Фототипия с фотографического портрета времени написания «Севастопольских рассказов». Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений под общей редакцией В. Г. Чертова, Том 2, Москва — 1935 год, между XII и 1 страницей.

План осады г. Севастополя и расположения войск 27 августа — 8 сентября 1855 г. Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Москва.— 1932 г. Том 4, между 120 и 121 страницей.

Фрагмент «Севастопольских рассказов» — «Севастополь в августе» Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Москва.— 1932 г. Том 4, 115—116 страница.

Далее: автопия части 4-й полосы 7-й формы корректуры рассказов «Севастополь в августе» — между 116—117 страницей.

* * *

Но не такая участь ожидала Володю. Он слушал сказку, которую рассказывал ему Васин, когда закричали: «Французы идут!» Кровь прилила мгновенно к сердцу Володи, и он почувствовал, как похолодели и побледнели его щеки. С секунду он оставался недвижим; но, взглянув кругом, он увидел, что солдаты довольно спокойно застегивали шинели и вылезали один за другим; один даже — кажется, Мельников — шутиливо сказал:

— Выходи с хлебом-солью, ребята!

Володя вместе с Влангой, который ни на шаг не отставал от него, вылез из блиндажа и побежал на батарею. Артиллерийской стрельбы ни с той, ни с другой стороны совершенно не было. Не столько вид спокойствия солдат, сколько жалкой, нескрываемой трусости юнкера возбудил его. «Неужели я могу быть похож на него?» — подумал он и весело подбежал к брустверу, около которого стояли его мортирки. Ему ясно видно было, как французы бежали к бастиону по чистому полю, и как толпы их с блестящими на солнце штыками шевелились в ближайших траншеях. Один, маленький, широкоплечий, в зуавском мундире, с шпагой в руке, бежал впереди и перепрыгивал через ямы. «Стрелять картечью!» — крикнул Володя, сбегая с банкета; но уже

мортирки. Ему ясно было видно, как французы бьжали к
 месту по чистому полю и как толпы их, с блестящими на
 солнце штыками, шевелились в ближайших траншеях. Один,
 маленький, широкоплечий, в зуавском мундире и шапкой бь-
 жал впереди и перепрыгивал через ямы. «Стрелять кар-
 течью!» крикнул Володя, сбьгая с бьжкета; но уже сол-
 даты распорядились без него, и металлический звук выпу-
 щенной картечи просвистал над его головой, сначала из
 одной, потом из другой мортирки. «Первое! второе!» коман-
 довал Володя, перебегая в дыму от одной мортирки, к дру-
 гой и совершенно забыв об опасности. Сбоку слышалась близ-
 кая трескотня ружей нашего прикрытия и суелливые крики.
 Вдруг поразительный крик отчаяния, повторенный нескольки-
 ми голосами, послышался слева: «Обходят! обходят!» Володя
 оглянулся на крик. Человек двадцать французов показались
 сзади. Один из них, с черной бородой, красивый мужчина,
 был впереди всех, но, добжав шаг на десять до батареи,
 остановился и выстрелил прямо в Володю и потом
 снова побьжал к нему. С секунду Володя стоял, как ока-
 менелый, и не вьрил глазам своим. Когда он опомнился и
 оглянулся, впереди его были на бруствере синие мундиры: кру-
 гомь него, кроме Мельникова, убитого нулем подь него, Вла-
 димир, схватившего в руки ~~Владимира~~ и с яростным выражением
 лица, опущенными зрачками, бросившегося вперед, никого не
 было. «За мной, Владимир Семеныч! за мной!» кричал от-
 чаянный голос Владимира, машущимь махавшим на французов,
 зашедших сзади. Иростная, ~~жесткая~~ фигура юнкера озадачила
 их. Одного, переднего, он ударил по голове, другие невольно
 приостановились, и Владимир продолжал оглядываться и отчаян-
 но кричать: «За мной, Владимир Семеныч! что вы стоите?
 бьйте!» Он побьжал к траншею, в которой лежала наша
 ибхта, стреляя по французам. Вскочив в траншею, он сно-
 ва высунулся из нея, чтобы посмотреть, что дьлается Володя.
 Что-то в шинели ничкомь лежало на томь месте, где стоял
 Володя, и все это время было ~~наполнено~~ французами, стреляв-
 шими в нашу.

Часть 4-я полоса 7-й формы корректуры рассказа «Севастополь в августе».

Размер подлинника.

солдаты распорядились без него, и металлический звук выпущенной картечи просвистел над его головой, сначала из одной, потом из другой мортирки. «Первое! второе!» — командовал Володя, перебегая в дыму от одной мортирки к другой и совершенно забыв об опасности. Сбоку слышалась близкая трескотня ружей нашего прикрытия и суелливые крики.

Вдруг поразительный крик отчаяния, повторенный несколькими голосами, послышался слева: «Обходят! Обходят!» Володя оглянулся на крик. Человек двадцать французов показались сзади. Один из них, с черной бородой, в красной феске, красивый мужчина, был впереди всех, но, добжав шагов на десять до батареи, остано-

вился и выстрелил и потом снова побежал вперед. С секунду Володя стоял, как окаменелый, и не верил глазам своим. Когда он опомнился и оглянулся, впереди его были на бруствере синие мундиры, и даже один, спустившись, заклепывал пушку. Кругом него, кроме Мельникова, убитого пулею подле него, и Вланга, схватившего вдруг в руки хандипуг и с яростным выражением лица и опущенными зрачками бросившегося вперед, никого не было. «За мной, Владимир Семеныч! За мной! Пропали!» — кричал отчаянный голос Вланга, хандипугом махавшего на французов, зашедших сзади. Яростная фигура юнкера озадачила их. Одного, переднего, он ударил по голове, другие невольно приостановились, и Вланг, продолжая оглядываться и отчаянно кричать: «За мной, Владимир Семеныч! Что вы стоите! Бегите!» — подбежал к траншее, в которой лежала наша пехота, стреляя по французам. Вскочивши в траншею, он снова высунулся из нее, чтобы посмотреть, что делает его обожаемый прапорщик. Что-то в шинели ничком лежало на том месте, где стоял Володя, и все это пространство было уже занято французами, стрелявшими в наших.

(Лев Толстой. Севастопольские рассказы).

Людмила Авдеева
(г. Москва)

ВЕК НЫНЕШНИЙ И ВЕК ДАВНО МИНУВШИЙ

(перечитывая роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина»)

Людмила Евгеньевна Авдеева — литературовед, культуролог, журналист-международник, поэт. Автор более двадцати поэтических сборников, книг для детей, многочисленных статей, очерков, научных работ по культуре стран Ближнего и Среднего Востока. Член Союза писателей России, Международной федерации журналистов, ветеран-интернационалист, лауреат ряда московских и международных конкурсов и фестивалей поэзии.

Общеизвестно стремление Льва Николаевича Толстого к точному воспроизведению жизненной правды, вплоть до мельчайших деталей. Об этом свидетельствует история создания «Власти тьмы», «Воскресенья», «Живого трупа» и других произведений. Много лет назад в своей научной работе, опубликованной в «Вестнике московского университета», я досконально анализировала отражение общественной жизни 70-х гг. XIX века в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Роман, который вышел за традиционные рамки «семейного», стал, по словам Фета, «строгим неподкупным судьей всему строю жизни», в которой «все неправда, все ложь, все обман, все зло». Сопоставление страниц романа с материалами крупнейших официальных газет, в том числе «Русского вестника», «Русской мысли», «Московских ведомостей», которые Льву Николаевичу бесплатно регулярно присылал издатель М. Н. Катков, подтверждает, что Толстой показал пореформенную жизнь России во всей сложности и противоречивости. Писатель поднял важные для России вопросы поземельных отношений, всеобщей воинской повинности, положения инородцев, русско-турецкой войны, славянский вопрос, проблемы воспитания и образования.

Перечитав недавно роман «Анна Каренина», я была поражена схожестью злободневных проблем второго пореформенного десятилетия XIX века и первого десятилетия XXI перестроечного века.

Л.Н. Толстой проявлял глубокий интерес к социальной жизни России. Близость Константина Дмитриевича Левина к автору определяется не столько бытовыми деталями из жизни Ясной Поляны, сколько сходством идейных и религиозно-этических исканий, рассуждениями о важнейших экономических и политических вопросах современности. Чтение Левиным книг социологов и экономистов, обсуждение актуальных проблем на охоте, на дворянских выборах, с либералами и консерваторами, с родственниками и случайными знакомыми передает не только настроения самого писателя, но и общества в целом.

Внимательный современный читатель сразу же отметит, насколько тождественны замечания и высказывания героев романа нашему сегодняшнему дню.

Левин присутствует на выборах в Кашинской губернии, где предполагается замена старого губернского предводителя, в руках которого находятся все гимназии,

опеки, огромные дворянские денежные суммы. Будучи некоторое время членом управы в земстве, Левин очень скоро понял, что «никакой земской деятельности нет... с одной стороны играют в парламент, а с другой это средство для уездной партии наживать деньжонки... не в виде взяток, а в виде незаслуженного жалованья» (т. 18, с. 21). В черновой редакции романа Левин, будучи мировым судьей, стал жертвой шайки «уездных воров», «за борьбу с ними по воровству земских денег» (т. 20, с. 118). Работа уездных управ была хорошо знакома Толстому. В сентябре 1858 г. он участвовал в дворянском съезде, избравшем депутатов в Тульский губернский комитет по улучшению быта крестьян. В числе 105 дворян он поставил свою подпись под «Мнением» о необходимости освобождения крестьян с землей. (Это «Мнение» было опубликовано в № 12 «Современника»). С мая 1861 г. писатель был мировым посредником Крапивенского уезда, но уже в апреле 1862 г. вынужден был уйти в отставку, так как встречал противодействия своим распоряжениям. Толстой, используя сообщения газет и свой собственный опыт, подробно описывает каждый день губернских выборов с их обычными действиями — посещением собора, ежегодными отчетами, утверждением смет, административными делами. Газеты этого периода, в том числе «Московские ведомости», которые Лев Николаевич читал, писали, что депутаты и гласные «охладевают к своему делу, перестают видеть в нем серьезное дело государственного значения», что их деятельность не дает «практических результатов для государства и для отечества, каких от них ожидали». Пресса отмечала, что «многие собрания проходят вяло за малочисленностью гласных, иные вовсе не состоялись за неприбытием законного числа членов». Состояние дел в уездных и губернских земских собраниях нашло зеркальное отражение в романе и весьма напоминает сообщения современных СМИ о коррумпированности чиновников, неспособных насытиться своими баснословными по сравнению с населением окладами. Невольно видятся телевизионные кадры полупустых залов думских заседаний и члены фракций, нажимающие кнопки для голосования за своих коллег.

Думаю, интересны сегодняшнему читателю раздумья Толстого-Левина о противоестественности для экономического развития России капиталистического пути. Размышляя о самобытности русского исторического процесса, Левин на примере преобразований патриархально-натурального хозяйства в русской деревне, рассуждает о том, насколько чужды русскому характеру законы капитализма, делающие город носителем социального зла и источником разлагающего влияния на деревню. И хотя в период написания романа в России складывался именно буржуазный, капиталистический строй, Толстой пророчески видел его последствия, считая, что Россия не обязана в своем развитии повторять опыт Европы, выражая, устами своего героя, несогласие с тем, что только при деспотической власти и принудительном характере труда государство может успешно развиваться. В настроениях и исканиях Левина писатель отразил действительно актуальные в те годы явления жизни. Сам Толстой так же пытался реализовать свои проекты привлечения крестьян к прибылям в хозяйстве, заменив барщину оброком, хотя и осознавал непримиримость интересов хозяев-помещиков и крестьянства. Выводы Левина по изысканию путей некапиталистического развития России весьма наивны и утопичны и сводятся к тому, что надо жить, как жили деды, но больше работать и меньше позволять себе роскоши. Однако идея о том, что возможна «революция бескровная, но величайшая сначала в маленьком кругу уезда, потом губернии, России, всего мира», когда утвердится «вместо бедности — богатство... вместо вражды — согласие и связь интересов», была близка многим, кого волновали в те годы формы общественного и политического устройства России (т. 18, с. 363).

А разве сегодня мы не являемся свидетелями многочисленных дискуссий на ту же тему? Разве современные политики, ученые, социологи, политологи, экономисты

не ломают копья, обсуждая на теледебатах, на страницах прессы и книг, на круглых столах и многочисленных форумах, куда завел Россию «дикий капитализм», не спорят о значении для России разумного направленного гражданского пути развития?

Вспомним, как гневно обличает Лев Николаевич в романе «Анна Каренина» государственный аппарат, бюрократизм министров, комиссий и комитетов, казнокрадство чиновников самых высоких рангов, их безответственность, произвол, вопиющие злоупотребления власти при полной безгласности простого народа, права которого повсеместно нарушаются. Толстой развенчал бюрократический государственный аппарат Российской империи, убедительно показав, что власть имущие представляют особую, «неприкасаемую касту», поставленную над населением. Читая сегодня страницы романа, связанные с личностью Каренина, всю жизнь проработавшего «в сферах служебных, имеющих дело с отражением жизни» (т. 18. с. 151), невольно думаешь, насколько подобные «типичные» представители бюрократического аппарата укоренились на «теплых местах» в нашей многострадальной России. Как они уверены в важности своих зачастую никчемных реформ, как много говорят о борьбе с коррупцией, продолжая нагло брать баснословные взятки, «прикупая» недвижимость, чувствуя свою безнаказанность и «неприкосновенность». А в это время русские деревни XXI века пустеют, сидят без электричества и связи, необоснованно растут тарифы и цены в городах.

Каренин в романе разрабатывает новый указ о всеобщей воинской повинности. В январе 1874 г. была проведена военная реформа в России, отменившая двадцатилетнюю рекрутскую службу, которую несли только сословия мещан и крестьян. Толстого реформа о всеобщей воинской повинности глубоко интересовала. Еще в 1871 г. в письме С. С. Урусову он писал о том, что государству нужно «с наименьшими расходами иметь наисильнейшее войско» и ратовал за то, чтобы «не уничтожать тип старого русского солдата, давшего столько славы русскому войску». Толстой отмечая, что, если «государство может заставить всех мужчин идти в солдаты, ...то оно может вместо солдатства на всех наложить лишний налог деньгами» (т. 61, письмо № 328).

Сегодня необходимость военной реформы, проблемы армии, положение военнослужащих обсуждаются на всех уровнях. Предлагается и создание армии профессиональной, по контракту, и возможность для новобранцев заплатить миллионный налог и «откупиться» от службы. Естественно, что подобным «откупом» смогут воспользоваться сынки денежных воротил, а солдатскую форму оденут на «безденежные сословия». Что бы сегодня написал Лев Николаевич о «непопулярных» реформах демократов? А как бы оценил отношения русских и инородцев?

Проблемы инородцев волновали писателя, он был возмущен их разорением, бедственным положением, о чем писал издателям «Московских ведомостей», призывая «всех русских подать помощь» и требуя, чтобы инородцам была оказана «государственная или общественная помощь» (т. 62. письма № 35—42). В романе Каренин участвует в назначении особой комиссии по устройству инородцев, что вызывает столкновение нескольких министерств. Толстой едко, с иронией описывает работу этой комиссии, которая получает «точные и несомненные сведения» о политическом, административном, экономическом, этнографическом, материальном и религиозном положении инородцев на основании донесений губернаторов и архиереев, которые в свою очередь получили сведения от уездных начальников, полагающихся на данные чиновников низших ступеней. В процессе работы над эпилогом Толстой очень много и мучительно думал над славянским вопросом, о Сербской войне, пережил сложную эволюцию от прямого отрицания необходимости участия русских добровольцев в Балканской войне до понимания энтузиазма, которым было охвачено русское общество. Назревавшая война волновала писателя, и он даже ездил в Москву, узнавать

подробности, интересовался в письмах Фету судьбой его брата И. А. Шеншина, который добровольцем уехал в Черногорию. Славянский вопрос, национально-освободительное движение не оставили равнодушными светские круги Москвы и Петербурга. «Сочувствие к страдающим и негодование к угнетателям», охватившее общество, «геройство сербов и черногорцев, борющихся за великое дело, породило во всем народе желание помочь своим братьям уже не словом, а делом» (т. 19. с. 353). Читая эти страницы, вспоминаешь о недавних событиях в Косово, о том горе и боли, которые выпали близкому нам славянскому народу — сербам, уже не нашедшим той братской поддержки, на которую были способны все слои общества царской России. А две чеченские войны и нынешняя враждебность к людям «кавказской» национальности, выливающиеся в жестокие факты насилия, террора, убийств. Тревожные предчувствия Льва Николаевича о том, к чему может привести равнодушие и формальное отношение к серьезным проблемам, какие вредные последствия для политического и экономического состояния всей страны могут иметь необдуманные «чиничьи» решения и пустые указы, звучат более чем актуально.

Не менее актуальны, поставленные в романе проблемы воспитания и образования, которые были хорошо знакомы Толстому и практически, и теоретически. По вопросам воспитания и образования в русском обществе всегда шла полемика. Борьба между сторонниками «классического» и «реального» образования доходила даже до трагического исхода. Так, брат редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова Мефодий Николаевич Катков, будучи ярким сторонником «реального» образования, стрелял 11 сентября 1874 г. в соиздателя газеты М. Н. Леонтьева, который был одновременно директором лицея имени цесаревича Николая и защитником системы «классического» образования. Толстой принимал активное участие в дискуссии, считая, что министр народного образования Д. А. Толстой «делает ужасные глупости в самой важной отрасли... в народном образовании» (т. 62. письмо № 82).

В романе Каренин — сторонник классического образования, так как убежден, что «влияние классических писателей в высшей степени нравственное, тогда как... с преподаванием естественных наук соединяются вредные и ложные учения». Каренин так же сторонник введения религиозного элемента в воспитание (т. 18. с. 407).

Работая над романом, Толстой читал много литературы по педагогике и вопросам воспитания, изучал прессу. Лев Николаевич разделял высказывания «Московских ведомостей» о том, что «мнение о возможности подготовиться к университетским занятиям лучше в реальных гимназиях, чем в классических, вдвойне ошибочно». В письме к Н. Н. Страхову в апреле 1974 г. Толстой писал, что «люди, ничего не знающие, бездарные, не знающие даже того народа, который они взялись образовывать, забрали в руки все дело народного образования» (т. 62. письмо № 66). Слова Толстого перекликались с осуждением системы образования в России в «Русском вестнике» 1874 г., писавшем, что в гимназиях идет «систематическая кретинизация несчастных детей», и что воспитывать надо на «родных песнях, да на родной истории». Читая переписку Льва Николаевича, страницы романа, посвященные проблемам воспитания и образования, прессу того периода, все время ловишь себя на мысли, настолько злободневны поднятые темы, как перекликаются они с нынешними жаркими спорами о Едином государственном экзамене — ЕГЭ, о школьных программах, в которых нет места классической поэзии и великой русской литературе, об учебниках, фальсифицирующих отечественную историю в угоду групповым интересам.

А положение части нынешней интеллигенции, образованных людей, под влиянием развивающихся рыночных отношений оказавшихся не у дел, испытывающих материальные трудности, вынужденных искать любую работу или «доходное» место, что стало типичным явлением нынешней эпохи, как в свое время для среды и эпохи Толстого. Под влиянием развивающихся капиталистических отношений резко меня-

ется жизнь русского дворянства и разоряющийся Степан Аркадьевич Облонский, из рода Рюриковичей, испытывая неловкость, несколько часов сидит в приемной, прося должности «члена комиссии от соединенного агентства кредитно-взаимного баланса южно-железных дорог». А сколько ныне расплодилось трудно выговариваемых офисов, объединений, ассоциаций, с многочисленными менеджерами с купленными дипломами — людьми на все руки, покупающими и продающими, но ничего не производящими.

А как красноречивы в романе представители всевозможных политических веяний: либералы, консерваторы, радикалы, социалисты. Причем между ними «господствует удивительная симпатия», хоть и говорят они «разным жаргоном, но делали одно дело и тянули в одну сторону». В черновых вариантах Левин рассуждает о коммунистах и социалистах, считая, что «все люди, работающие в их направлении» приводят «доводы более широкие и разумные» и «укажут злоупотреблений больше», так как для них существует не просто угнетение, а «угнетение половины рода человеческого» (т. 20. с. 572). Облонский же воспринимает либеральные веяния эпохи, так как «либеральная партия говорила, что в России все дурно... что брак есть отжившее учреждение, и что необходимо перестроить его» и это совпадало с его положением (т. 18. с. 9). Разве незнакомы подобные речи всем нам из уст нынешних политиков.

А стремление к европейским эталонам в быту «новых русских», так схоже с жизнью Анны и Алексея Вронского в имении. Их быт лишен специфических русских начал. Имением управляет немец, распорядок дня — английский, говорят в основном по-французски, за девочкой ухаживает бонна-англичанка. Все вещи выписываются из-за границы. А чего стоит филантропическая деятельность Вронского, так напоминающая нынешних «меценатов», основная цель спонсорства которых обесмертить собственное имя на стенах храма, галереи, фонда. Вронский строительство школ считает тривиальным, так как это «делают все». Он строит больницу на американский манер, с мраморными полами и ваннами, с креслами, выписанными из-за границы. Но в этой больнице отсутствует родильное отделение, и не будут лечить от заразных болезней. Вронскому даже в голову не приходит, что подобное увековечивание своего имени насмешка над нуждой и болезнями крестьян. А разве нынешние СМИ не сообщают случаев, когда простаивает в некоей сельской больнице медицинское оборудование, завезенное спонсорами, из-за отсутствия специалистов, или компьютеры в школе далекого поселка разворованы и ржавеют без дела. Конечно, в эпоху Толстого, и тем более в наш «просвещенный» век, никто не отрицает возможностей использования европейского опыта, прогрессивных методов ведения хозяйства, лучших западных технологий, но призывы делать это разумно, не забывая о собственных достижениях и национальных интересах, остаются не услышанными.

В ноябре 1876 г. Толстой писал Фету: «...страшно становится, когда я начинаю вдумываться во все сложности тех условий, при которых совершается история» (т. 62 письмо № 292). И сегодня, каждый, кому небезразлично настоящее и будущее Отечества, мучительно «вдумывается» в то, как и кем пишется современная история страны и верит в «воскресение» России, обращаясь к творчеству великих творцов мировой культуры, среди которых патриарх русской литературы Лев Николаевич Толстой. А закончить хочу строками, родившимися в период работы над этой статьей.

*Век нынешний и век давно минувший —
Перекликаются живые голоса:
«Кто виноват?» «Что делать?» «Где нам лучше?»
«В чем моя вера?» «Чем жива душа?»*

*На вечные вопросы нет ответа.
А совесть не найдет никак покой.
И следует за строчками поэта.
Ей поводырь — великий Лев Толстой.*

*И размышляешь так, как мыслил Левин,
И Анну то осудишь, то поймешь.
Иное вслед идет нам поколенье,
Но верую, что эта молодежь*

*Перечитает снова «Воскресенье»,
«Войну и мир», страницы дневников.
И сбросив груз, нас мучивших сомнений,
Как мать, Россию защищать пойдет.*

*Ссылки даются с указанием тома, страниц и номеров писем по изданию: Л. Н. Толстой.
Полн. собр. соч., юбилейное изд. М., Гослитиздат, 1939.*

Анатолий Горелов
(г. Москва)

О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

Горелов Анатолий Алексеевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, автор более 30 книг, вышедших общим тиражом более 0,5 млн экз, в том числе монографий: Экология — наука — моделирование. М., 1986; Расщепленный человек и целостная личность. М., 1990; Человек — гармония — природа. М., 1990; Эволюция культуры и экология. М., 2002; Индивидуальность и эволюция. М., 2006 и учебных пособий: Концепции современного естествознания. М., 1996—2007 (28 изданий); Экология. М., 1998—2007 (12 изданий); Социальная экология. М., 2002—2007 (4 издания); Философия. М., 1995—2007 (5 изданий); Основы философии. М., 2003—2007 (6 изданий); Этика. М., 2002—2007 (3 издания); Социология. М., 2002—2007 (5 изданий); Политология. М., 2002—2007 (5 изданий); Культурология. М., 2001—2007 (4 издания); История мировой культуры. М., 2007; История мировых религий. М., 2005—2007 (3 издания) в следующих издательствах: «Наука», «Академия», «Эксмо», «АСТ», «Флинта», «Юрайт», «Московский лицей» и др.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ. ВСТРЕЧА В ПАРКЕ

Я шел утром по старой Владимирке, ныне находящейся в пределах Терлецкой дубравы. Вокруг никого, солнышко блестит, небо ясно. Вдруг из аллеи мне навстречу поворачивают два молодых человека, одетые не по погоде и с иголки — в белых костюмах и галстуках. У одного в руках кейс, у другого — журнал. Поравнявшись со мной, тот, который с журналом, спросил: «Вы знаете, в чем смысл жизни?» Глядя ему в глаза, я спокойно ответил: «Знаю. Если вы имеете в виду смысл жизни растений, то он в трансформации солнечной энергии в биологическую, тогда как смысл жизни животных в трансформации низкоуровневой биологической энергии в сложноорганизованную. Что же касается смысла жизни человека, то он заключается...». Пока я говорил лица ребят вытягивались, и на них застывало удивление. Закончив монолог я отправился дальше, оставив их в некотором оцепенении. Читатель, по-видимому, догадался, кем были незнакомцы. К кому только не подходят сейчас миссионеры старых и новых сект.

Я же сел на скамейку, и мне вдруг тоже захотелось начать спрашивать у прохожих, знают ли они смысл жизни. Как они будут реагировать? Может кто-то вздрогнет и ускорит шаг, кто-то остановится в недоумении, а кто-то не обратит внимания, но потом расскажет близким о неожиданном вопросе.

В данном тексте автор предлагает свое понимание смысла жизни, но считает, что каждый человек должен приходить к осознанию смысла жизни самостоятельно. Путь

к этому: 1) становление целостной духовной личности; 2) осмысленная и значимая деятельность; 3) реализация собственной уникальной жизненной программы.

ЗНАЧЕНИЕ СМЫСЛА ДЛЯ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Зачем я живу? Для какой цели я родился? В чем смысл моей жизни? Редко кто задумывается над этими вопросами, а если они приходят в голову, от них отмахиваются, как от назойливой мухи, и продолжают плыть по течению времени на волнах своих и чужих страстей в утлом челне собственного рассудка или на более надежном корабле чужого, заемного ума. Но как бы ни были мы погружены в суету быта, вопрос о смысле неизбежно встает перед нами постольку, поскольку мы остаемся людьми. Если днем мы успешно убегаем от него в будничные пустяшные дела, он подстерегает нас ночью в часы бессонницы, которая, являясь физическим симптомом нашего душевного неблагополучия, как будто специально создана для того, чтобы заставить нас наконец задуматься о себе и о своем предназначении.

Слово «смысл» образовалось после редуцирования гласной «о» (что часто случалось в русском языке) из со-мысль, что означает сопряжение, совокупность мыслей, целостность мысли, единство чувственного и рационального, целомудрие (аналогично словам со-знание, со-весть, со-чувствие, со-звучие и т.д.). Предлог «со» (как и в словах «сознание», «совесть») можно понимать двояко: как соединение мысли индивида и как соединение мыслей всех людей. Понимание в первом значении приложимо к индивидуальному смыслу, понимание во втором значении — к общечеловеческому смыслу. В словаре В. И. Даля смыслом называется способность понимания, способность правильно судить, делать заключения, способность обсуждать причины и правильность действий. В словаре С. И. Ожигова под смыслом понимается внутреннее содержание, значение чего-либо, цель, разумное основание. В английском языке смысл обозначается как «sense» (чувство, сознание) и «meaning» (значение). В греческом языке «смысл» обозначается очень многозначным словом «logos», который переводится как знание, понятие, мысль, разум, слово. Поэтому первые слова Евангелия от Иоанна, которые обычно звучат «В начале было слово» (буквально в греческом тексте «логос»), можно перевести «В начале был смысл». Л. Н. Толстой переводил «В начале был разум».

Скажем и о том, что такое жизнь. Это особый уровень организации материи, характеризующийся, в отличие от неживого, в вещественном плане наличием макро-белков и нуклеиновых кислот, в структурном плане — наличием клетки, в функциональном плане — способностью к воспроизводству. Человек — существо целеполагающее, причем ставящее себе цели сознательно. Он обладает системой целеполагания — мозгом и сознанием. Единство целей, сознательно осуществляемых в жизни, и есть ее смысл. Если осуществляемые цели противоречат друг другу, то их единство — смысл — остается туманным и нереализованным.

Смысл жизни считается в философии важнейшим системообразующим показателем полноценного человеческого существования, хотя это может выглядеть странным для того, кто никогда не задумывался, зачем он живет.

В сущности речь идет о самом важном для людей, оказавшихся заброшенными в жизнь, и о подлинно основном вопросе направления человеческой мысли, получившего название философии. От того, как отвечает или не отвечает на данный вопрос человек, зависит его мироощущение и мировоззрение. Каждый отвечает (по крайней мере, должен отвечать) на этот вопрос самостоятельно, но в его распоряжении имеются в качестве подспорья плоды человеческой культуры. Можно сколько угодно смеяться над философскими трактатами, нравственными максимами, религиозными молитвами и просто житейскими рассуждениями о смысле жизни — часто они действительно смешны и нелепы, — но тем не менее от подобных размышлений никуда

не уйти до тех пор, пока человек остается человеком, а лучшее из того, что написано по этому больному вопросу, способно «в минуту жизни трудную» очистить в качестве духовной гигиены душу от загрязнения, подобно тому как очищает тело гигиена физическая.

Выдающийся американский психолог XX века А. Маслоу причисляет стремление к смыслу к высшим потребностям, называя его первичным человеческим побуждением. По мнению современного психолога В. Франкла, для того, чтобы жить и активно действовать, человек должен верить в то, что его поступки имеют смысл. Поиск и реализация человеком смысла своей жизни рассматривают как врожденную мотивацию, присущую всем людям. Потерю же смысла жизни называют экзистенциальным вакуумом.

Результат потери смысла жизни — негативное к ней отношение и нигилизм, что ярко выразил К. Д. Бальмонт.

*«И так как жизнь не понял ни один,
И так как смысла я ее не знаю, —
Всю смену дней, всю красочность картин,
Всю роскошь солнц и лун — я проклиною».*

По социологическим данным, полученным при опросе американских студентов, пытавшихся покончить жизнь самоубийством, 85 % из них не видели больше в своей жизни никакого смысла, хотя при этом 93 % из них были физически и психически здоровы, жили в хороших материальных условиях и удовлетворяли все свои повседневные потребности.

Самоубийство связано с потерей смысла жизни непосредственно. Человек не понимает, зачем он живет, и уходит из жизни. Но необязательно данный вопрос может стоять перед человеком и быть задан им самому себе. Связь между самоубийством и потерей смысла жизни существует и на бессознательном уровне. Как показал Э. Дюркгейм в своем классическом труде «Самоубийство. Социологический этюд», главной причиной суицида является разрыв связей человека с окружающим миром — с людьми, природой, космосом. Человек остается один на один с самим собой и поэтому не может не утратить смысл своей жизни, который находится как раз в его отношении к миру.

Потеря смысла жизни — причина многих болезней, преступлений и добровольного ухода из жизни. Яркий пример — скандинавские государства. Это страны с очень высоким уровнем жизни и заботой государства о населении. О человеке здесь заботятся с рождения и до глубокой старости. С момента появления на свет детей родители получают пособия, достаточные для содержания всей семьи. Дальше бесплатное обучение, высокая зарплата. В случае безработицы — пособие, на которое вполне можно прожить. После окончания трудового пути — высокие пенсии, при желании помещение в дом для престарелых со всеми удобствами и с необходимым медицинским обслуживанием. Даже преступники в тюрьмах живут вполне комфортно — с телевизором и отпусками. Казалось бы, жить да жить. Но именно жители наиболее благоприятных в материальном отношении стран с наиболее высоким уровнем жизни, а именно скандинавы, оказываются впереди и по числу самоубийств. Почему? Из-за потери смысла жизни. Как говорил выдающийся кинорежиссер М. Антониони, снявший много фильмов, посвященных психологическим проблемам в развитых странах, после преодоления материальных трудностей перед людьми как раз и встанут подлинные проблемы их существования. Это проблемы смысла, которые отходят на второй план, когда насущными являются проблемы материального выживания, и вновь становятся главными, когда те оказываются решенными. И тут выясняется, что найти смысл жизни не легче, чем обеспечить выживание. Результат

такой же, как и от нерешенности материальных проблем — уход из жизни, на этот раз добровольный.

По данным В. Франкла, 20 % всех неврозов являются ноогенными, т.е. связанными с утратой смысла жизни. Американские психиатры писали когда-то, что неврозы реже встречаются в СССР, чем в США, потому что там люди чаще сталкиваются с необходимостью выполнения определенного дела. В условиях навязывания коммунистической идеологии проблема смысла решалась проще. Ныне в условиях нестабильной жизни и резкого изменения ценностей имеет место рост числа заболеваний и самоубийств в России. От одних, коммунистических, ценностей ушли, к другим — буржуазным — не пришли (приход к ним вообще проблематичен, если они противоречат русскому национальному характеру и традициям народной жизни). В результате резкое уменьшение продолжительности жизни (особенно у мужчин) и рост самоубийств, по числу которых Россия вышла на одно из первых мест в мире. Ощущение бессмысленности жизни, характерное в настоящее время для нашей страны, когда разрушены старые ценности и дискредитированы новые, осложняется отсутствием культуры «мировоззренческой рефлексии, позволяющей придти к уникальному смыслу своим, неповторимым путем» (Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990, с. 5—6).

Наоборот, понимание смысла жизни помогает выжить в труднейших условиях, вплоть до концлагеря, как замечает В. Франкл, сам узник фашистских концентрационных лагерей, «мужество жить или соответственно усталость от жизни оказывались всякий раз зависящими единственно лишь от того, имел ли человек веру в смысл жизни, его жизни» (Там же, с. 150). Ф. Ницше справедливо писал: «У кого есть Зачем жить, может вынести почти любое Как». Или, как писал тот же автор, «если у человека есть основание для жизни, он вынесет почти любые ее условия».

Парадокс, в соответствии с которым количество самоубийств в концлагерях намного меньше, чем в обычной жизни, Е. Козн объясняет следующим образом: «В царстве жизни можно уйти из жизни, совершив самоубийство; в концлагере можно было уйти только в духовную жизнь» (Там же, с. 153).

Смысл жизни является духовной опорой, позволяющей человеку выжить в экстремальных обстоятельствах. Писатель Ф. Абрамов рассказал про старушку, которая совсем приготовилась умирать и уже не вставала с постели. Но вот в катастрофе погибает ее дочь, и соседи видят, как она встала и принялась заниматься хозяйством. На их удивленные вопросы она показала на внучат и ответила: «А кто же о них теперь будет заботиться?»

Широкомасштабные статистические исследования долгожительства показали, что все долгожители придерживаются спокойной и уверенной жизнеутверждающей позиции. Для этого и требуется знать смысл жизни или бессознательно следовать ему. И в нормальных, и в необычных условиях «сильная ориентация на смысл способствует сохранению здоровья, продлению, если не сохранению, жизни. Она содействует не только физическому, но и психическому здоровью... Вопрос о смысле представляет первостепенный интерес для врача, когда он сталкивается с психически больным, которого терзают душевные конфликты» (Там же, с. 67, 157).

Значение понимания смысла жизни для здоровья и самого существования человека стало в наше время столь очевидным, что на стыке философии и психологии сформировалось направление, получившее название логотерапии (буквально «лечение посредством обретения смысла») — отрасль медицины, которая лечит людей путем оказания им помощи в нахождении смысла жизни. В задачу логотерапии не входит давать конкретные ответы. Она выполняет роль катализатора.

Как подчеркивает основатель логотерапии В. Франкл, которого мы и в дальнейшем будем часто цитировать, «если у человека нет смысла жизни, осуществле-

ние которого сделало бы его счастливым, он пытается добиться ощущения счастья в обход осуществлению смысла, в частности с помощью химических препаратов» (Там же, с. 30). Логотерапия позволяет обеспечить излечение наркомании в 40% случаев.

Однако сами по себе сомнения в смысле жизни — это проявление самого человеческого в человеке. «Только человеку дано обнаружить проблематичность своего существования и ощутить всю неоднозначность бытия. Эта способность сомневаться в значимости собственного существования значительно больше выделяет человека среди животных, чем такие его достижения, как прямохождение, речь или понятийное мышление» (Там же, с. 158).

ВНЕШНИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СМЫСЛА ЖИЗНИ

Выше говорилось о необходимости индивидуальных усилий по обретению смысла жизни. Но существует немало вариантов смысла жизни, которые находятся вокруг нас. Осознав необходимость смысла жизни, мы можем посмотреть на то, что предлагается нам, и выбрать наиболее подходящее. Это самый простой способ. Причем выбор не обязательно осуществляется на сознательном уровне. Он может проводиться духовным бессознательным, но именно духовным бессознательным, которое может снабдить нас лишь псевдосмыслами, типа наслаждения, сексуального удовлетворения и т.п. Как духовное отличается от физиологического и психологического на сознательном уровне, так же духовное бессознательное отличается от подсознания, описанного З. Фрейдом.

Внешние детерминанты смысла жизни мы рассмотрим последовательно, начав с социальных традиций, которые не потеряли своего значения (особенно на бессознательном уровне), хотя современное общество, вступив на традиционный путь, перестало быть традиционным. К традиционным ценностям можно отнести, в частности, семью, детей, родственников. Существует немало людей, которые считают, что жить надо для семьи, заботы о супруге и детях, и рассматривают в качестве высшей ценности либо сам объект, на который направлено внимание, либо отношение к этому объекту (любовь к нему), либо и то и другое вместе. К такому типу ценностей больше тяготеют женщины как более консервативный пол, биологически нацеленный на сохранение существующего. Иногда традиционные ценности выходят за узкие рамки близких людей и распространяются на определенных представителей своей нации (бедных, униженных, оскорбленных). Так, в XIX веке в России среди интеллигенции возникла тенденция «хождения в народ» для облегчения его тяжелого положения. Порой такая тенденция принимает экстремистские формы революционных выступлений против власть имущих, обвиняемых в угнетении народа. Массовость подобных действий послужила отправной точкой создания коммунистической идеологии. Тенденция выхода за узкие рамки отношения к близким людям может привести к определению в качестве высшей ценности своей нации в целом. Это служит отправной точкой создания националистической идеологии. Наконец, можно рассматривать в качестве высшей ценности все человечество, поднимаясь до заоблачных высот гуманизма.

Другой тип традиционных ценностей связан с отношением не к людям, а к работе. Те трудовые обязанности, которые выполняет человек, могут рассматриваться им в качестве высших ценностей. Они могут быть очень разнообразны соответственно количеству отдельных видов работ. Трудовые ценности, в отличие от семейных, в большей степени присущи мужчинам как преимущественно преобразующему мир полу (как еще говорят экспериментальному). Среди ценностей труда особо почетное место занимают творческие ценности — созидание того, чего еще не было в мире. К творческим духовным ценностям я еще вернусь, когда буду говорить о собственном

понимании смысла жизни.

Помимо традиционных, внешними детерминантами смысла жизни, являются ценности, формирующиеся в различных отраслях культуры и призванные объединить усилия широких масс на выполнение общих задач в рамках этносов и государств. К таким ценностям относились мифологические, которые имели большое значение в ранних цивилизациях, но к настоящему времени уступили лидерство пришедшим им на смену новым отраслям культуры.

Здесь прежде всего следует назвать религию, дающую общие ценности для организации масс в пределах отдельных этносов, и особенно мировые религии, сформировавшиеся в так называемое «осевое время» и чуть позже, которые претендуют на вовлечение в свою орбиту всего человечества. Мировых религий три: христианство, ислам, буддизм. С точки зрения христианства, смысл жизни человека заключается в сохранении души, заложенной в человека Богом, посредством соблюдения данных Богом заповедей. Душа человека, проживающего свою жизнь в соответствии с ними, после смерти и частного Божьего суда попадает на небо, а после конца света и всеобщего Страшного суда обретает свое прежнее тело и навечно остается в раю. Человек получает таким образом вознаграждение за праведную жизнь на Земле. Мусульманские представления о смысле жизни мало чем отличаются от христианских, поскольку ислам сформировался под непосредственным влиянием ранее возникшего христианства. Только заповеди несколько иные, и рай удовлетворяет представлениям древних арабов об идеальной жизни.

Принципиально отличны от христианских и мусульманских представления о смысле жизни в буддизме. На них в большой степени повлияли присущие древней индийской культуре представления о перевоплощении душ и Едином как высшей реальности. Перед человеком поэтому ставится задача выйти из колеса перевоплощений (сансары) и соединиться с истинной реальностью — Единым. К этому верующий приходит в буддизме путем соблюдения определенных нравственных правил (так называемый восьмеричный путь), приводящих его в результате в особое состояние нирваны, гарантирующей выход из сансары и соединение с Единым. Что же касается нравственных правил восьмеричного пути, то они близки к христианским и мусульманским заповедям и представляют собой этические ценности, обеспечивающие комфортное существование сообщества. Этические ценности всех мировых религий можно в целом свести к известному в той или иной форме у всех народов золотому правилу этики: «Поступай по отношению к другим людям так, как хочешь, чтобы поступали по отношению к тебе».

Мировые религии были главной смыслообразующей детерминантой человечества на протяжении длительного отрезка времени, называемого Средними веками. Их значение велико и сейчас. Но в XVIII—XIX вв. развитие идеологии создало новую мощную смыслообразующую детерминату, потеснившую значение религии. Идеологий, как и мировых религий, три: капиталистическая, основы которой заложены в XVIII в., коммунистическая и националистическая, возникшие в XIX в.

Основными ценностями капиталистической идеологии считаются индивидуализм, свобода, права человека (в том числе и прежде всего право частной собственности). Для ее характеристики больше всего подходит первое слово из тройственного лозунга Великой французской революции — «свобода». Но за этим привлекательным фасадом просвечивают две реальные фундаментальные ценности капиталистического общества: власть и деньги.

В нашей стране ценности капиталистической идеологии стали пропагандировать после крушения СССР, и мы видим, как в течение нескольких лет резко изменились взгляды различных слоев населения, особенно молодежи. Совсем недавно, в советское время, населению навязывались ценности коммунистической идеологии, выра-

женные популярным героем романа Н. Островского «Как закалялась сталь» Павкой Корчагиным: «Жизнь дается человеку один раз и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы отданы самому главному на Земле — борьбе за освобождение человечества». Для характеристики коммунистической идеологии больше всего подходит второе слово из лозунга Великой французской революции — «равенство», но этот привлекательный фасад скрывал насаждаемые однообразие и единомыслие.

К националистической идеологии больше всего подходит третье слово из лозунга Великой французской революции — «братство». Считать высшей ценностью интересы нации и национального государства и видеть смысл индивидуального существования в жизни для своего народа предлагает националистическая идеология. Но мы знаем, чем обернулось господство националистической идеологии в фашистской Германии.

По мощи воздействия идеология в настоящее время далеко превосходит все остальные детерминанты. И все же нельзя сбрасывать со счетов воздействие философии. Философия воздействует на широкие массы населения скорее косвенно, создавая основу для развития идеологии, но может влиять и непосредственно (по крайней мере, на отдельные индивидуумы). Скажем о трех великих философских системах, повлиявших на общественное сознание. Это система древнегреческого философа Платона, создавшего само представление об идеях и идеалах. С точки зрения Платона, смысл жизни заключается в стремлении вспомнить идеи, которые душа воспринимала в мире идей, находясь там в промежутках между воплощениями на Земле. Ученик Платона Аристотель, создавший собственную философскую систему, видел смысл жизни в познании идей, находящихся в самой объективной реальности, т.е. обосновал смысл жизни как познание. В величайшей философской системе немецкого философа Гегеля смысл жизни человека определяется его стремлением к воплощению в жизнь, посредством его познания мира, Абсолютной Идеи, которая в начале мира превращается в природу, затем в человека, и в конце концов возвращается через деятельность человека к себе самой. Гегелевская система связана и с предшествующими представлениями об идеях Платона и Аристотеля, и с индийскими представлениями о Едином как высшей реальности. Русский философ В.С. Соловьев также говорил об истине как всеединстве.

Укажем также на модное в античности учение Эпикура об удовольствии как цели человеческой жизни, которое дошло до наших дней. Популярный немецкий философ Ф. Ницше в соответствии с эволюционным учением, возникшем в XIX в., что человек представляет промежуточное звено эволюции («мост») между обезьяной и сверхчеловеком и тем самым определил смысл жизни человека как стремление к его возможно более скорому превращению в сверхчеловека. Русский философ Н. Ф. Федоров предлагал в качестве «общего дела» человечества воскрешение всех живших до настоящего времени поколений.

И наука вносит вклад в создание смыслообразующих ценностей. На вопрос: «может ли наука дать нечто вроде смысла жизни?» — ответ будет положительный. Не только в том плане, что само познание мира (как считал Аристотель) может стать смыслом жизни, но также потому, что само содержание научного знания может натолкнуть на плодотворные выводы о смысле жизни. Об этом речь пойдет в следующем параграфе.

Все многообразие предлагаемых человеческой культурой смыслообразующих ценностей разделяют на три группы: ценности творчества, ценности переживания (например, любовь) и ценности отношения (к жизненным обстоятельствам). Удары судьбы могут вызывать страдания, но последние необходимы, как горькие лекарства. Они уберегают человека от духовной апатии и обманчивого самоуспокоения.

Духовная эволюция человечества ведет к увеличению количества предлагаемых вариантов смысла жизни. Парадокс нашей действительности, однако, в том, что чем шире выбор, тем больше дефицит осмысленности существования. Это выражают, например, таким образом: «Есть 150 концепций смысла жизни. Значит ни одна из них не истинна. Ну, добавят к ним 151-ю. Что это даст? Чем она лучше предыдущих?» Но большое количество вариантов помогает каждому человеку найти свой индивидуальный смысл жизни. «Все, что мы можем делать,— это быть открытыми для смыслов, сознательно стараться увидеть все возможные смыслы, которые предоставляет нам ситуация, и затем выбрать один, который, насколько нам позволяет судить наше ограниченное знание, мы считаем истинным смыслом в данной ситуации» (Франкл В. Цит. соч., с. 14). С другой стороны, индивид может предлагать смыслы, которые в дальнейшем приобретут общечеловеческий характер. «Уникальный смысл сегодня — это универсальная ценность завтра» (Там же, с. 14).

ПОНИМАНИЕ СМЫСЛА ЖИЗНИ КАК ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕЛЕСНОГО В ДУХОВНОЕ

Мое понимание смысла жизни сложилось под влиянием чтения философских произведений, но решающий вклад внес В. И. Вернадский своим учением о биосфере. В одном из входящих в его состав эмпирических обобщений он делает вывод, что основная функция растений — трансформация солнечной энергии в биологическую. Благодаря содержащемуся в растениях хлорофиллу происходит химическая реакция, в результате которой под воздействием солнечной энергии из потребляемого растением углекислого газа образуются биологические соединения и в виде побочного продукта выделяется свободный кислород, необходимый живым существам для дыхания. Таким образом, смыслом жизни растений можно считать преобразование солнечной энергии в биологическую. Животные потребляют растения и других животных, в том числе более низко организованных. Тогда по аналогии смыслом жизни животных можно считать преобразование низкоуровневой биологической материи в высоко организованную.

Распространить данные выводы на человека позволяет основной в современном естествознании принцип *глобального эволюционизма*. В соответствии с ним в природе имеет место эволюция, т.е. усложнение уровней организации материи. В момент образования Вселенной (он называется Большим взрывом) появились элементарные частицы, затем из них стали образовываться химические элементы, начиная с простейшего — водорода, затем молекулы и более сложные неживые тела и далее зародилась жизнь. Первыми живыми телами были самые простые одноклеточные организмы, затем формировались все более сложные виды растений и животных. Эволюция животных привела к возникновению позвоночных, затем высокоорганизованных позвоночных — млекопитающих, и, наконец, человека. Эволюция жизни называется биологической эволюцией, и человек есть высший продукт этой эволюции, образно говоря, венец жизни на Земле.

Человек является звеном в цепи эволюции и, стало быть, его смысл жизни связан со смыслом эволюции космоса и смыслом жизни растений и животных. Но тогда по аналогии со смыслом жизни растений мы можем заключить, что смыслом жизни человека является трансформация биологической энергии в то, что является специфическим для человека продуктом, который он производит в себе и в окружающем мире. Это духовная энергия.

Духовное в отличие от телесного и психического — это то, что отличает человека, что присуще только ему одному. «И то, что может противостоять всему социальному, телесному и даже психическому в человеке, мы и называем духовным в нем»

(Там же, с. 112). Только человек производит духовное. Для этого он и нужен, это и составляет смысл его существования.

Откуда взялось духовное? По религиозным представлениям, оно изначально присутствовало в мире и вложено в человека Богом. Можно понимать духовное и как плод эволюции. Человек создает духовное, как растение создает биологическое, и затем посредством созданного ранее духовного продуцирует духовное (как растения и животные с помощью ранее созданного биологического продуцируют биологическое).

Жизнь дана, чтобы возвести ее в дух. Если дух становится в жизни, тогда жизнь становится нужна, несмотря на страдания, которые ничто иное, как плата за становление духа. Человек сознательно идет на страдания, чтобы обрести духовные наслаждения, и, предпочитая их, добивается того, чтобы чаша страданий не очень перевешивала чашу наслаждений.

Духовность можно назвать вершиной человека, потому что сам человек — венец эволюции, а то, что отличает его от животных, — его дух. Проявление этого высокого, духа, и делает культуру высокой (в отличие от массовой). Это ответ тем, кто не понимает, почему именно духовная культура называется высокой.

Возвращаясь к науке, можно сказать, что на ее языке это выглядит таким образом: смысл жизни заключается в трансформации солнечной энергии в духовную, причем на долю растений приходится превращение солнечной энергии в биологическую, на долю животных — трансформация низкоорганизованных биологических структур в высокоорганизованные, а долю человека — последующая трансформация получаемой им биологической энергии в духовную. Тогда смысл мира в целом заключается в творении качественно нового от неживого до духовного.

Вышеизложенное можно представить в виде таблицы.

Т а б л и ц а 1

Смысл жизни и виды трансформации

Смысл	Вид деятельности
— жизни растений	Трансформация солнечной энергии в биологическую
— жизни животных	Трансформация низкоорганизованной биологической энергии в высокоорганизованную биологическую
— жизни человека и культуры	Трансформация телесной энергии в духовную
— жизни мужчин	Преимущественно созидательная деятельность
— жизни женщин	Преимущественно воспроизводящая деятельность
— жизни вообще	Трансформация солнечной энергии в духовную
— смерти	Обновление телесного
— мира	Творение духовного (из ничего?)

Производимое человеком духовное является творческим продуктом. Поэтому данное определение смысла жизни смыкается с тем, которое гласит, что смыслом жизни является творчество.

Процесс трансформации (или, если сказать более религиозным языком, преобразования) телесного в духовное можно представить по аналогии с процессом распада радиоактивных химических элементов. Исходный материал в процессе ядерного распада неумолимо уменьшается, и вещество постоянно и необратимо трансформируется в энергию. «Так же и жизнь, можно сказать, утрачивает со временем все больше и больше своего «заготовочного материала», так что в конце превращается в «чистую форму» (Там же, с. 193). Мы сгораем, производя духовный свет.

Здесь встает каверзный вопрос. Большинство людей имеет весьма отдаленное отношение к творчеству. Созданием духовных ценностей занимается менее 1 % населения. Значит большинство людей неспособно осуществить смысл жизни? Ответ бу-

дет такой. Люди осуществляют смысл жизни не только сознательно, но и бессознательно, не только непосредственно, но и опосредованно. Мать, отдающая себя воспитанию ребенка, осуществляет смысл жизни не прямо, а косвенно. Можно ввести понятие квазисмысла, под которым понимается именно косвенная реализация смысла жизни. В качестве квазисмыслов выступают все традиционные понимания смысла: работа, семья, дети, близкие, родина, народ, нация, человечество. О таком квазисмысле писал А. Ф. Лосев: «Или жизнь согласно с родным и всеобщим, с Родиной, и тогда она — самоотречение, или жизнь вне связи с родным и всеобщим, с Родиной, и тогда она — бессмыслица». Квазисмысл столь же полезен для психического здоровья человека и его полноценной жизни, как и подлинный смысл, поскольку его реализация ведет к реализации смысла космического целого (что особенно интенсивно подчеркивали стоики).

Не надо также забывать, что природа действует с огромным избытком. «Несколько идеальных судеб, несколько интеллектуальных или нравственных гениев или даже единичная такая личность, появляясь время от времени, могут вполне оправдать существование человечества в целом» (Франкл В. Цит. соч., с. 186). В. Франкл говорит о законе сохранения духовной энергии. «Согласно этому закону, ни одна драма или трагедия внутренней жизни человека никогда не проходила впустую, даже они разыгрывались в тайне, не отмеченные, не прославленные ни одним романистом» (Там же, с. 163).

Наконец, еще один непростой вопрос: кому нужно то духовное, что производит человек? Можно считать, что растения стараются для животных, животные — для человека, а сам человек? Создаваемые духовные продукты нужны 1) самому человеку, который потребляет духовное в процессе своей эволюции. Если эволюция не заканчивается на человеке, то 2) духовное будут потреблять те существа, которые возникнут в процессе эволюции после человека — сверхчеловеки, которые, если верить писателям-фантастам, могут выглядеть в виде существ, имеющих огромный мозг. В процессе дальнейшей цефализации разумного существа у него постепенно будут атрофироваться руки, ноги и другие органы тела, но будет усиленно развиваться мозг, становясь доминирующим органом и по объему, и по значению. Создаваемые ныне информационные поля, ноосфера, как бы загодя готовятся для питания этого духовного сверхчеловека. Возможно также, 3) что и сейчас во Вселенной существуют иные, более разумные, чем человек, существа, которые могут питаться производимыми человеком духовными продуктами. Уфологии утверждают, что инопланетяне захватывают ежегодно миллионы людей, и то ли проводят над ними эксперименты, то ли берут от них нечто, необходимое им самим. Возможно, 4) что в космосе не только три измерения, которые мы знаем, а существуют иные параллельные миры, в которых обитают существа, иногда попадающие в наш мир и пользующиеся производимым нами. Возможно 5) существуют метафизические идеальные миры, о которых пишут философы (наподобие мира идей Платона) и сообщают визионеры (типа Д. Андреева с его «Розой мира»), которые управляют нашей Вселенной и потребляют производимые человеком идеальные продукты. Наконец, 6) творимое человеком духовное может быть нужно Богу, создавшему мир, и ангельским чинам. Здесь мы погружаемся в такую область, которая является потусторонней по отношению к науке и которой естествознание не может дать какой-либо достоверной проверяемой информации.

УСЛОВИЯ ОБРЕТЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ СМЫСЛА ЖИЗНИ

Лечение в логотерапии представляет собой, в первую очередь, объяснение того, что в человеке есть духовное (его личность), которое не сводимо к психофизическому и не детерминируется им. «...сущность невроза: отказ от «Я» в пользу

«Оно», отказ от личности и экзистенциальности в пользу фактичности» (Франкл В. Цит. соч., с. 195). Больного неврозом отличает от здорового именно невозможность подняться над своей болезнью. Для конкретного лечения неврозов важно, чтобы человек почувствовал, что он как личность есть нечто иное, чем его болезнь, что он не должен замыкаться в ней, а может подняться над ней и справиться с ней. «Любая психотерапия,— подытоживает В. Франкл,— должна в конечном счете строиться на ноупсихическом антагонизме» (Там же, с. 114), между психическим и духовным. Возвращение с помощью психиатра к собственной личности и составляет суть экзистенциального анализа.

Итак, первый шаг на пути лечения неврозов, их профилактики и обретения смысла жизни — это осознание духовного в человеке как относительно автономной и руководящей субстанции. Апелляция к духовному облегчает постановку вопроса о субъекте поиска смысла жизни. Им является дух человека, не сводимый к его психофизиологической составляющей. Духовное «отделяется как существование от фактичности и как личность от характера примерно так же, как фигура отделяется от фона» (Там же, с. 113). От выявления свободного и автономного духовного в человеке ниточка ведет к пониманию творения духовного как смысл жизни человека.

За осознанием наличия духовного в человеке следует понимание того, что духовное основывается не на побуждении влечений, а на стремлении к ценностям, к смыслу. «Это духовное стремление к смыслу включает в себя на психическом уровне влечения как источник энергии» (Там же, с. 122). Организм выполняет роль инструмента, средства, которое использует личность для реализации своих целей, но не роль демиурга, которому подчиняется личность. Из всех возможностей, которые предоставляет человеку судьба и психофизиологический базис, он должен выбрать ту, которая соответствует его индивидуальной жизненной программе и которую может реализовать именно он и никто другой. Здесь на первый план выходит чувство ответственности за осуществление смысла.

Побочным продуктом осуществления смысла является самоактуализация, поскольку стремление к реализации уникального смысла своей жизни делает каждого человека неповторимой личностью. Даже если смысл жизни один на всех, у каждого «свой, неповторимый жизненный курс, следуя которым мы можем реализовать свои личные, только нам данные возможности» (Там же, с. 184).

Индивидуальный смысл связан со сверхсмыслом, смыслом целого, Вселенной, бытия, истории, поскольку человек — часть социального и природного Космоса. Понимание себя как части целого помогает человеку обрести смысл своего существования; наоборот, самозамкнутость человека на себя мешает обретению смысла. Людей, осознавший свой индивидуальный смысл как часть всеобщего и стремящихся к осуществлению общечеловеческого и даже космического смысла, модно обвинять в миссионерстве. Обвиняют даже целые нации (например, русскую). В то же время в логотерапии «экзистенциальный анализ учит людей воспринимать жизнь как «миссию» (Там же, с. 187).

В заключении представим сказанное в виде схемы:

Осознание индивидуальной души → Создание духовной личности → Обретение и реализация смысла жизни

Между созданием духовной личности и обретением смысла жизни имеется контур положительной обратной связи, формирующий так называемый триггерный эффект. Чем сильнее духовная личность, тем яснее осознание смысла жизни, но последнее ведет к дальнейшему укреплению личности и одновременно к более успешной реализации смысла жизни, поскольку смыслом жизни является трансформация телесного в духовное.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. КОНЕЦ ИГРЫ

Весной 2007 года меня пригласили в Театр у Никитских ворот на премьеру пьесы одного из столпов «театра абсурда» С. Беккета «Конец игры». Становлению «театра абсурда» во многом способствовало философское направление экзистенциализма, которое утверждало абсурдность (бессмысленность) человеческого существования. В отсутствие смысла, что же дает людям силы жить? По Беккету, который основывается еще и на модной концепции Й. Хейзинги «Хомо луденс» («Человек играющий») — это игра.

Герои Беккета не доказывают, наподобие Хейзинги, что жизнь — игра (или в варианте Германа из «Пиковой дамы»: «Что наша жизнь? — Игра»). Они стремятся к игре в самых примитивных ее формах, как гаранту их собственной жизненности. Их кредо: «Пока я играю, я жив».

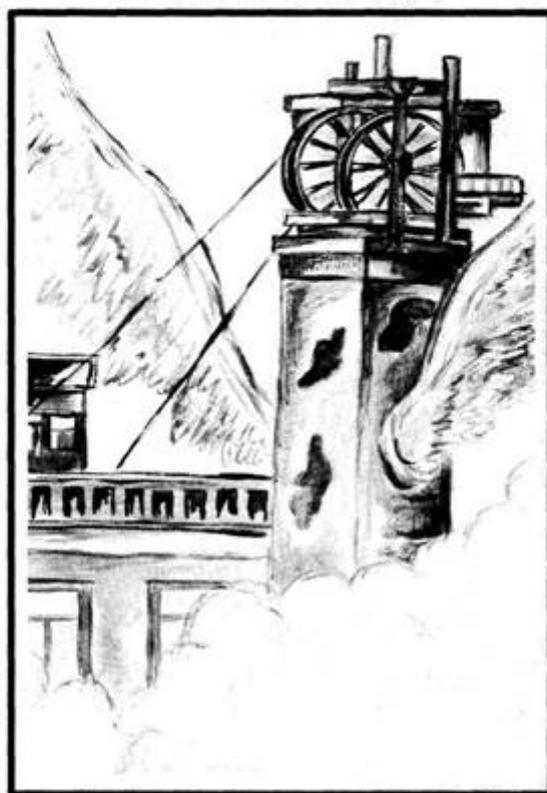
Спектакль вызвал у меня ощущение незаконченности, и, как потом выяснилось, объяснялось оно тем, что сами актеры и режиссер еще не вполне поняли, как им играть эту гениальную пьесу. Лишь на обратном пути домой моя мысль обрела ясность. Абсурду на сцене и в жизни может быть противопоставлен только смысл. Конец игры — не смерть, как думают герои пьесы Беккета, а обретение смысла. Как только смысл обретен, игра кончается, и начинается осмысленная жизнь. Тогда человек говорит: «Конец игре» и впервые становится поистине серьезным. Остается пожелать посмотреть спектакль «Конец игры» и вместе с артистами поскорее закончить игру.

*О, Русь, взмахни крылами!...
Сергей Есенин*

МОСБАСС

*Литературно-краеведческий
народный журнал №1*

*г.Сокольники Тульской области
2007 г.*

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ: «МОСБАСС» ИЗ СОКОЛЬНИКОВ

Валерий Кручинин-Русич
(г. Сокольники)

Из сборника «Рассказы старого шахтера»

ЛИБИДО

Парторг шахты № 37 треста «Новомосковскуголь» Говорилин Альберт Геннадьевич, безобразно располневший мужчина лет сорока пяти, второй час разбирает свой рабочий стол от накопившихся за месяц бумаг. Некоторые он внимательно прочитывал и складывал в большую красную папку. Какие-то просто пробежал глазами и клал в папку синего цвета, а какие не читая сразу рвал и бросал в стоявшую справа от него корзину для мусора. С полгода назад его перевели на нашу шахту из соседнего района, где он занимал должность чуть ли ни первого секретаря райкома. Слухи ходили, что попал там в какую-то темную, нехорошую историю. До суда дело не дошло, но насиженного места своего лишился. Правда, оставшиеся наверху друзья, быстро подыскали ему новую синекуру.

По образованию Альберт Геннадьевич был горный инженер, но производства не знал и шахты боялся. Привезут его к нам на «дальний север». Горный мастер лаву остановит. Он по ней с закрытыми глазами, как спринтер, промчится. На сборном штреке дух переведет и по громкоговорящей связи командует: «Включить комбайн!! Счастливо отработать!» И зачем приходил?!

Но в партийных делах толк знал. Как только секретарем у наших коммунистов стал — моментально там порядок навел. Начал с взносов. Кого на партбюро вызывал. Кому отпуска с лета на зиму переносил. А самым злостным неплательщикам (в основном сильно пьющим) премии выписал, чтобы эти самые взносы заплатили. Правда, деньги им не доверил, они только в ведомости у кассира расписались. Идя на встречу XXV съезду КПСС, обязал всех без исключения работников шахты отработать по три выходных дня в подшефном колхозе. (Даже наш старенький директор на коленях, с расстегнутой ширинкой, километровую грядку свеклы самолично пропалывал). Кто призывы его игнорировал, того «рублем бил». Лишал выслуги лет и тринадцатой зарплаты. А это тебе не хухры-мухры. По тем временам — деньги немалые. Надо же, каким крутым мужиком оказался. Не смотри, что на пельмень похож.

В кабинет кто-то постучал, вернее поскребся. «Ну, кто там еще? Войди!» — раз-

драженно повысил голос Альберт Геннадьевич. Дверь чуть-чуть приоткрылась и в образовавшуюся щель просунулась лысая, безбровая голова с бегаящими глазками и белыми, как у поросенка, ресницами.

«А, это ты Колдунов. Чего тебе?!» — недовольно спросил хозяин.

«Да я, товарищ парторг, по личному делу» — вкрадчиво проговорил вошедший.

Николай Васильевич Колдунов работал крепильщиком на монтажном участке. Горняк старый. Опытный. Его фотография годами висела на доске почета. Хотя жили в шахте, прямо скажем, не рвал. То от профсоюза по конференциям разъезжает, то по партийной линии в какой-то комиссии заседает. А как-то народным заседателем в суде пристроился, так вообще в шахту спускаться перестал. Рыболов был заядлый, удачливый. И летом, и зимой — всегда с удочками. На участке ребята его недолюбливали. Тут после рабочей смены у всех одна мысль, как бы до дому доползти, а он наоборот, к парторгу — шашть! Подлещиком его вяленным угостит, тараночкой. О делах наших скорбных с ним покалякает. Недаром Альберт Геннадьевич на общем наряде заявил как-то: «Вы и подумать еще не успеете, а я уже знаю все!!!»

«Ну, проходи. Присаживайся. Что у тебя там стряслось?» — сменил гнев на милость хозяин кабинета.

«Даже не знаю, с чего начать», — потирая лысину, нерешительно проговорил посетитель. «С главного всегда начинай, Колдунов. С сути!» — поторопил Николая Васильевича парторг. «Баба моя загуляла! — взял быка за рога тот. — На садовом участке видели их, голубков». «Она у тебя партийная?» — сразу заинтересовался парторг. «Нет».

«А он?» «Кто?» «Конь в пальто, Колдунов!» «А-а-а! — шлепнул себя по лысине обманутый муж. — Нет. Он у нас на проходке работает. Костя Суббота. Здоровый такой. Белорус». «Это тот, который почетную грамоту на собрании перед президиумом порвал?» «Он! Он! Он!» — пальнул одиночными Николай Васильевич. «Ну, ладно. Иди. Мы разберемся», — сузив глаза, пообещал партийный организатор.

Константин Александрович Суббота, здоровенный детина средних лет, попал к нам в Мосбасс по набору, после окончания срочной службы. «Хотелось матери помочь. Нас ведь семеро у нее было. Одна после войны поднимала». Как-то за кружкой пива (одно время мы с ним приятельствовали), разоткровенничался он. «Думал, скоплю денег побольше. Приеду к себе в деревню и заживу с ней, как кум королю... А тут квартиру дали. Женился. Сынишка родился. Так и прикипел к этим местам».

Характером он был необщительный. Молчаливый. За смену в забое, бывало, и слова не скажет. Но проходчик классный. Работяга. Ни секунды без дела не сидел. И смена закончится. И инструмент уже спрячут. Вся бригада поезда пассажирского ждет, чтобы к стволу ехать. А он клинья крепежные топором тешет. Про запас. Наделает их целый ворох. И что ни клин, то произведение искусства. Прямо, Кизи какие-то. Блин. Был еще у Кости дивный, баритональный бас и абсолютный слух. Пел он изумительно. Души наши наизнанку выворачивал. На «День Шахтера» столы во дворе сдвинем, хряпнем по «малиновскому с венчиком». Он как даст «Коногона» или «Варяга». Жены наши обречутся все. Много, если не все, они нам в этот день прощали. Супруга Константина Александровича, Нина Матвеевна (милая, скромная женщина), учительница начальных классов, воспитывала двух сыновей и мужа своего обожала.

...За неделю до указанного срока на доске с показателями работы добычных и проходческих участков вывесили огромный лист ватмана, с написанным на нем объявлением: «Третьего июля в пятницу в общей нарядной шахты состоится рабочее собрание. На повестке дня: 1. ТОВАРИЩЕСКИЙ СУД над работницей лесного склада Дождиковой М. И. и проходчиком участка № 1 Суббота К. А. 2. доклад на тему: «ТЛЕТВОРНОЕ ВЛИЯНИЕ ЗАПАДА». Докладчик т. ГОВОРИЛИН А. Г.

Мария Ивановна Дождикова работала у нас на шахте крановщицей на лесном складе. Худенькая, маленькая, постоянно закутанная в платок или косынку. Немногословная и незаметная. Фамилию при регистрации брака она оставила свою, родо-

вую. Почему? Трудно сказать. Может, ее пугала зловещая, идущая откуда-то из тьмы веков фамилия мужа, и она не захотела расставаться с своей такой теплой, ласковой. Вспомните летний слепой дождик. И держалась за свою девичью, как за спасительную соломинку, не поддаваясь мачехе-судьбе. Дело в том, что левая сторона ее лица была сильно обожжена. Страшный, уродливый шрам тянулся откуда-то из-за уха, до самой ключицы. Во время войны немцы при отступлении согнали всю их деревню в сарай и подожгли. Вовремя подоспевшие наши разведчики едва успели выхватить ее, крошечную и полуживую, из-под обгоревшей, мертвой матери.

...Шахта сразу разделилась на два лагеря. Мужской — в котором все были на стороне Кости и больше спорили о том, придет ли Мария Дождикова на суд. Спорили, спорили, пока не сошлись в одном: даже если она и при смерти будет, «Колдун» все равно ее на суд притащит. Женский коллектив в свою очередь разбился на три лагеря. В одном (самом многочисленном) ей сочувствовали и жалели. В другом (поменьше), категорически осуждали. А в третьем (самом маленьком) во всеуслышанье заявляли, что завидуют Машке. И вообще, лучше с черным кобелем жить, чем с этим иудой Колдуновым.

В день суда в общую нарядную шахты набилось множество народу. Все работники поверхности. (Погрузка, лесной склад, мехцех, главный подъем. Все И.Т.Р.) Ради такого случая даже смены на час сдвинули, чтобы могли присутствовать добычники и проходка. Сам директор шахты пришел и сел в первом ряду. Быстро выбрали народных заседателей. Секретаря директора — старую деву, сухую и педантичную. И молоденькую, симпатичную контролершу из О.Т.К. Обязанности судьи вызвался исполнять т. Говорилин. Его просьбу собрание удовлетворило. Из кабинета В.Ш.Т. вынесли стол. Накрыли его красным сукном. Высокий суд занял свои места.

Председатель, гневно зыря на подсудимых (они сидели отдельно, на стульях), кратко, по бумажке зачитал суть дела и начал про тлетворное влияние. Потом перешел на американскую военщину. Вскользь коснулся героического Вьетнама. А когда, он начал плести про невыносимо тяжелую жизнь и нищету безработных в капстранах, Константин Александрович Суббота встал во весь свой немалый рост и, обращаясь ко всему рабочему собранию, произнес самую длинную в своей жизни речь.

«Мужики! Кончим балаган! Пожалейте бабу! Ни причем она здесь. Смотрю, в саду воду носит. Из колодца. А ведро конское. Литров на пятнадцать. Пойду, помогу, думаю. Пока воду таскал, она под яблоней столик накрыла. Огурцы с грядки, редиска и бутылку поставила. Выпей, Константин Александрович, говорит. Закуси. Тут ее на соседнюю дачу позвали. Выпил я, похрустел огурцом и к себе пошел. Сады-то наши рядом. И в калитке с ней столкнулись. Платок с головы сбился. Запыхалась вся. Ка-ак дал мне по ноздрям запах волос ее!!! Духмяный такой! Пронзительный! Ну, ты бы вот выдержал!!!» — неожиданно обратился он к нашему старенькому директору шахты. «Конечно, нет!» — не задумываясь, выпалил тот.

ВАЛЬТЕР

*По небу протянулся след
От звезд бесчисленных скоплений.
Их голубой, неровный свет
Волнует тыщи поколений.
Куда ведешь ты, Млечный Путь?
Твое холодное сиянье
Мне говорит:
«В тебе вся суть!
В тебе все тайны мирозданья!»*

«Космические этюды». В. Кручинин-Русич

Одноэтажный, весь в зарослях сирени и черемухи шахтерский поселок, где прошло мое детство, со всех сторон окружали терриконы. Террикон — это отвал пустой

породы. Огромная, конусообразная гора. Самая ближняя из них находилась в километре по прямой. Тихими, летними вечерами слабый ветерок приносил отсюда резкий, горьковатый запах тлеющего на терриконе угля и какие-то ухающе-бухающие звуки. В детстве этот приглушенный расстоянием рудничный шум всегда ассоциировался в моем сознании с огромным, чумазым дядькой, который, стоя на коленях, хакая, шахтерским обушком рубит уголь. Все взрослое население нашего поселка работало на шахтах. С раннего утра по дорогам, ведущим на них, тянулись многочисленные группы рабочих. Когда последняя людская волна скрывалась за поворотом шоссе, вслед устремлялись небольшие ватаги поселковой детворы. Рассыпавшись цепью, мы не спеша шли по дороге, внимательно всматриваясь в нее. Время от времени, кто-то нагибался и поднимал с земли приличный окурочек или пустой спичечный коробок. Эта «операция» имела у нас свое кодовое название — «сшибать бычки». С коробка аккуратно сдиралась картинка (все уважающие себя мальчишки в поселке коллекционировали их), а окурки можно было искурить или обменять, на что-нибудь у ребят постарше. «Бычков» на дороге валялось множество. На любой вкус. Особым шиком считалось найти пачку от папирос «Казбек». Счастливчик неделю ходил по поселку «королем».

На шахте мы первым делом заходили в рабочую столовую, где набирали полные пазухи хлеба (во всех рабочих столовых он тогда был бесплатным), съедали его и, до одури напившись колючей газировки, шли на автобусную остановку. Если автобуса долго не было — начинали сортировать свою добычу. По длине и марке. «Прима» к «Приме». «Памир» к «Памиру». «Беломорканал» к «Беломорканалу». В нашей компании никто не курил. Мы отдавали свои «бычки» деду Филиппу, безногому инвалиду, жившему в нашем бараке. Ему было плевать на марку, на размер. Раскрошит табак на газету, высушит и сыплет его в свой красивый бархатный кисет. За это он делал нам поплавки из гусятных перьев и привязывал рыболовные крючки к нашим удочкам, известным одному ему хитроумным узлом. Летом целыми днями пропадали на шахтном терриконе. У нас там даже свой штаб был — вырытая кем-то землянка. Вокруг валялось множество кусков (а то и целые бухты) бронированного кабеля, под металлической оплеткой которого находился свинец. Мы извлекали его, рубили на мелкие части, плавил на костре и разливали в приготовленные из глины формы. Так делались биты для игры в «расшибок», свинчатки (чтобы в драке с шанхайскими пацанами удар был покрепче). А если расплавленный свинец лить в воду, то получалась дробь для «поджигных» пистолетов, которые имелись у каждого из нас.

Однажды Валик Мачнев в плите гипсолита вырезал форму и отлил пистолет, красоты необыкновенной. Какой системы было это оружие — сказать трудно. Но его создатель уверял, что это «Вальтер». Спорить с ним никто не стал. Пользуясь его формой, каждый из нас отлил себе по увесисто-изящной игрушке, а «конструктора» с этого дня все стали звать — Вальтер.

Этот Вальтер — чудной какой-то был. Пойдем в Сокольнический лес за черемухой. Начинаем ветки ломать. А он чуть не плачет. Жалко ему, видите ли, красоту такую рушить. Я его раз даже чуть не побил. Во дворе нашей школы деревце росло. Сирень белая. Махровая. Сколько себя помню, когда она зацветала, все ломали ее ветки и делали огромные душистые букеты. Кажется, в классе пятом я тоже решил наломать и подарить одной девчонке охапку этих чудесно пахнущих цветов. Уж очень она мне нравилась. (И сирень, и девчонка). Я уже нагнул упругий, весь усеянный кудряво-розоватыми соцветиями сук, как налетел этот малахольный. Он чуть с ног меня не сшиб. Я разозлился и хотел было «накатить» ему. А он дрожит весь. На глазах слезы. «Прошу тебя! Не ломай сирень эту! Она ведь на Тоньку Федосову похожа!» Я присмотрелся. А ведь точно, вылитая Федосиха в праздничной школьной форме. И как я сразу не доглядел. Сирень-то эту — ей подарить хотел.

...Как-то играем в футбол. Класс на класс. Игра для нас складывалась неудачно. Еле-еле счет сравнивали. До конца оставалось минут пять каких-то. Вдруг их нападающий троих наших обводит и к воротам. А вратарем у нас Вальтер. Стоит, ладонь ко лбу козырьком приложил, в небо смотрит. Он даже не понял, что нам гол забили. Даже не шелохнулся.

Когда я подбежал с единственным желанием вlepить ему в ухо, он очнулся и за-верещал: «Смотрите!!! Смотрите!!! Облако на Ихтиандра похожее!!!» А он ведь Ихтиандра этого и не видел никогда. Три раза за лето в старом клубе «Человека-амфибию» крутили. И каждый раз народу — тьма. Только на третий раз мне (как самому здоровому) удалось в очереди удержаться. Чуть не раздавили, пока до кассы дошел. А Вальтер перед самым сеансом исчез. Ждем-ждем, уже и третий звонок прозвенел, свет в кинозале потушили, а его нет и нет. В школе потом целую неделю не появлялся. Все уже думали — заболел. А он, оказывается, художникам (они в новом клубе фойе расписывали) помогал. Хвалился даже, что они ему чего-то нарисовать доверили. Но ему никто не поверил. Хотя от этого блаженного всего можно ожидать. Он две линии мелом на школьной доске чиркнет — вылитая Мария Лаврентьевна, директор школы нашей.

На всех промокашках в тетрадях — Тонька Федосова, как живая. И в фас. И в профиль. Я тоже как-то попросил нарисовать ее в своем блокноте. Он пообещал. До сих пор рисует. Мне кажется, Вальтер и сам к ней неровно дышит. Только ни ему, ни мне там не светит. Ей парень один из третьей школы нравится. Она и на катке только с ним катается. На вечерах старшеклассников, на белый танец одного его приглашает. Вальтер на эти вечера не ходит. А я был раза три. Все это видел. Но ему рассказывать не стал. Почему? Сам не знаю. Вообще, меня всегда тянуло к этому чудику. Умел как-то он всем привычные обыденные вещи преподнести так, что они сразу приобретали таинственность, новизну. Как-то засиделись возле нашего дома до поздней ночи. Девчонки, ребята — человек десять. Истории страшные рассказывали. Вроде этой: «В одном черном, черном лесу...» Когда настала очередь рассказывать Вальтеру он, глядя в небо, сказал: «Нет ничего в мире красивее ночного неба со звездами и быть не может!» Кто-то запрокинул голову и стал смотреть на мерцающие в вышине звезды, кто-то хихикнул и покрутил пальцем у виска, остальные недовольно загудели. А я с того памятного вечера (если есть время и место) всегда всматриваюсь в усыпанную мириадами звезд, не на шутку волнующую мою душу, эту еще совсем непознанную, таинственную бездну. И каждый раз, вглядываясь в нее, мысленно соглашаюсь с Вальтером. «Нет ничего в мире красивее звездного, ночного неба и быть не может».

...К седьмому классу мы стали с ним «не разлей вода», то есть очень сдружились. Что связывало его, мягкого, интеллигентного чудика со мной — шпанистым, грубовато-прямолинейным? Не знаю. Скорее всего, наше с ним неразделенное чувство к Тоньке Федосовой. В начале учебного года отец Вальтера (он работал где-то на «золоте») прислал семье вызов, и они уехали. Вальтер обещал мне писать. Но так и не написал.

Больше мы уже никогда не встретились. Хотя он все-таки умудрился прислать мне весточку. Так необычно и красиво поздравить с днем рождения мог только Вальтер. Этот чудак не от мира сего. Срочную службу я проходил на Дальнем Востоке. В одном небольшом приморском городке. Было воскресенье, погода стояла чудесная. В двух шагах от нашей части, перекатывая огромные, серо-зеленые валы, лениво ворочался Тихий океан, и мне исполнилось 20 лет. После обеда с годками я пошел в увольнение. Городишко был чистенький, уютный. Мы посидели в кафе, погуляли по набережной и вечером пошли в матросский клуб на танцы. Проходя мимо старинного двухэтажного особняка, я прочитал вывеску, висевшую над парадным входом.

«Художественно — краеведческий музей». Какая-то непреодолимая сила буквально потащила меня к его дверям с красивыми, бронзовыми ручками. Молоденькая и очень симпатичная девчонка-экскурсовод, увидев перед собой группу двухметровых морпехов, по началу даже испугалась. Но быстро поняла, что в мире нет более галантных и обходительных с женским полом мужчин, чем русские парни из ДШБ... Выслушав за пять минут не менее сотни комплиментов, касавшихся ее рук, ног, губ, прически, фигуры и т. д., она, залившись жарким румянцем, повела нас вглубь смотрового зала. Мы подошли к большой, написанной маслом картине. «Это наш самый ценный и знаменитый экспонат»,— начала она. Нашему музею его подарил один молодой художник. Странный какой-то. Даже имени своего не назвал».

Я взглянул на картину и обомлел. Меня закачало, как десантную баржу. На переднем плане было изображено здание с большими окнами, многие из которых были распахнуты настежь. Ворвавшиеся в помещение солнечные лучи бликовали на ученических партах. Конечно же, это была наша школа. На ее просторном дворе резвились ученики. Мальчишки гонялись друг за другом. Девочки играли в «классы», крутили веревочку. На широком школьном крыльце, возле самых дверей, стояла группа старшеклассников. Девушки, парни с до боли знакомыми мне фигурами, лицами. Я и себя узнал. В глубине картины, на заднем плане, было мастерски изображено деревце цветущей сирени. Чудесным образом в нем угадывалась стройная девичья фигурка с поднятой в дружеском приветствии рукой-веткой. Под картиной была табличка с надписью: «Большая перемена в поселковой школе. Художник неизвестен».

«Может, кому-то он и неизвестен, но только не мне»,— еле-еле сдерживая бурю охвативших меня чувств, повторял про себя я.

ДОБРОВОЛЕЦ

Ах, время, время, времечко. Недавно ведь свою Галину Ивановну в первый раз в роддом на руках отнес. Она мне первенца родила. Девочку. И вот эта девочка уже платье подвенечное у зеркала примеряет. Красивая, нежная, стройная. Родная моя. Дай Бог тебе счастья. Простого бабьего счастья. Здоровья тебе, твоим будущим детям и серьезного, не пьющего мужа.

Свадьба была небогатая, но веселая. Что в этих случаях полагается, все было. Сваты оказались прекрасными. Она где-то на заводе работает, а он, как и я, шахтер. Правда, на пенсии давно. Тактичные, доброжелательные русские люди. Таких, только в такой глухомани, как наша, и сыщешь. И зять золотой. Квартиру снял. Сам весь ремонт сделал. Спасибо, доченька, что в парня настоящего влюбилась. А то вон, сколько их по базару с пухлыми рожками слоняются. И наркоманы какие-то появились. Не приведи Господь!

Жена моя с грехом пополам работу нашла. Уборщицей в мэрии. Уборщица с красным дипломом. Но выбирать не приходится. Бери, что дают. У меня, хотя и нестабильно, но на хлеб хватает. Стаж, правда, прервался. Но пенсия все равно шахтерская будет. Как-никак четверть века солнца не видел. Кто не был в шахте — тот не знает солнца. Что-то опять на стихи потянуло. Шучу. Это я так, к слову. Сын в институт поступил. Уже первый семестр отучился. А тут — ба-а-бах!!! Приехал мой гренадер домой и говорит:

— Бать, я в армию ухожу.

— Да как же так? Ты ведь в институте учишься? Отчислили? Натворил что-нибудь?

— Нет.

— Неужели сам!?

— Да, только матери не говори.

А мать узнала, в страшном крике зашлась. Война ведь в Чечне. И телевидение, как на грех, каждый вечер отрезанные головы наших мальчишек показывает. Э-эх!!! Журналиги!.. Есть ли у вас родители? Да, конечно есть. Не в пробирке же их делали. Есть ли у вас дети? Людоеды!!!

Сын попал служить в президентский полк. «Ну вот, жене говорю, — успокойся. Они дальше Красной площади не маршируют». Она на присягу к нему поехала. Все не верила, что в Москве служит. Я не поехал. Вдруг «всемирновыбранного» встречу. Натворю дел. Жена успокоилась, но, пока сын служил, к телевизору ни разу не подошла.

Три письма от него из Москвы пришло. А потом с Нижнего Новгорода стали приходиться. Из Мулино. Я сразу понял, в чем дело, но жене не сказал. Мало ли что. В командировке.

К генералу Лебедю у меня отношение сложное. Да, предал он русскую армию в Чечне. За растерзанных мальчишек сердце кровью обливается. Но если бы он Хасав-Юрт тот не подписал, увидел ли бы я своего сына? Не знаю. Он у меня не робкого десятка. Ишь, чего удумал. Доброволец. Да за кого жизнь отдавать!? За это ворье, за эту наглую, вечно пьяную и чмокающую власть?

Прости меня, Русское Воинство. Не дотянул я до генерала Раевского. Да-а. Ребята-демократы. Унизили. Обидели вы народ. А когда народ унижают — знаете, что бывает!? Не-е-ет. Убогие. Фашизм уже был. Да и не фашист русский человек по своей сути. С вами — покруче будет. Дожить бы до этого дня.

Из армии сын пришел старшиной. Повзрослевший. Худющий. Деловой. Постель за собой заправляет. Посуду моет. Картошку со мной в поле посадил. Матери запретил даже рядом появляться.

— Что дальше делать думаешь? — спрашиваю его.

— В институте восстановлюсь. Работать пойду. Учиться заочно буду.

Ну, чего нам с матерью еще надо? Да святится Имя Твое, Господи!

А осенью заявил. Женюсь! На мусульманке! Конечно, на православной бы лучше. Хотя, все мы под одним солнцем ходим. Да и женщины у них свое место знают. Не то, что мать наша, я ей — слово, она мне десять.

— Когда, сын, свататься пойдем?

— На День Шахтера.

Ночью мне жена говорит:

— Ну что, отец? Сватья богатые, как бы нам не опозориться. И как ты Москву не любишь, а ехать придется. У нас на свадьбу не заработаем.

В стольный город меня давно звали. Многие из наших там неплохо пристроились. Но как-то не тянуло в столицу. Не та Москва стала. Не русская. Да и дедулька, который нас тогда макаронами с маслом накормил, умер давно, наверное. Диву даешься, сколько азиатов москвичами стали. Но всех евреи переплюнули. Хануку свою теперь в Кремле справляют...

Ох, не русская Москва стала. Не русская.

ЛЕНЬКА ПРЯХИН

Ленька был самым младшим, одиннадцатым ребенком в семье. Его мать Пелагея Ивановна Пряхина разрешилась им на пятьдесят третьем году своей жизни, повергнув в шок все женское население нашего шахтерского городка. Четверо самых старших братьев до Ленькиного рождения не дожили. Двое погибли еще в начале двадцатых годов. Глава семьи Николай Павлович Пряхин и его супруга были ровесниками двадцатого века. Происходили они из тамбовских крестьян. Из семей крепких, зажиточных. Когда на Тамбовщине бушевало крестьянское восстание, Ленькин отец был уже

женат и имел двух сыновей. По его рассказам, их село было на стороне восставших. «И газом нас травили. И из пушек расстреливали. Тогда-то и погибли два сыночка моих. Махонькие совсем еще были»,— вспоминал девяностолетний, но еще крепкий, как гриб-боровик, Николай Павлович. После гибели первенцев у них с Пелагеей Ивановой долго не было детей, и они день и ночь молили Господа Бога, чтобы Он «даровал им чадушек». Ходила она и на богомолье, где дала клятву: какие бы ни были трудные времена, никогда не прерывать беременности. И Господь услышал ее молитву. Пелагея Ивановна после того похода по святым местам стала рожать через год.

В наши места они приехали в начале тридцатых годов прошлого века на строительство Сталиногорского химкомбината. Сам Николай Павлович еще подростком пристал к артели каменщиков. И каждый год после завершения полевых работ, уходил с ними в «отхожий промысел». Специализировался он по кладке высоченных строений. В детстве Ленька, указывая на нещадно дымившие трубы новomosковской ТЭЦ, всегда с гордостью говорил нам: «Батя мой выложил». Еще два Ленькиных брата-близнеца легли на полях сражений Великой Отечественной. Было им по восемнадцать лет.

С половиной своих братьев и сестер Ленька долго не был знаком. Жизнь разматала старших Пряхиных по всему Советскому Союзу. И только в одна тысяча девятьсот шестидесятом году, когда он пошел в первый класс, а его отец на пенсию, вся их огромная семья собралась вместе. Многие приехали с детьми.

Все Пряхины были удивительно похожи друг на друга. Среднего роста с густой шапкой волос цвета спелой пшеницы и синими, доверчиво смотрящими на мир глазами. В городке про них говорили: «На одну колодку все деланы...» Подарков Леньке навезли видимо-невидимо. От мощного, на четырех батарейках электрического фонаря, до велосипеда «Школьник». Даже балалайку подарили, на которой он удивительно быстро научился играть «Барыню». Все мальчишки завидовала ему белой завистью. Почему белой? Да потому что Ленька был добрым малым. Вся поселковая детвора выучилась управлять велосипедом на его «Школьнике». А когда шли ловить по чердакам голубей, он никогда «не закливал» свой чудо-фонарь. Перед самой своей пенсией Николай Павлович Пряхин отнес заявление в загс, и когда все дети их собрались под родной крышей, они с Пелагеей Ивановной торжественно расписались. Заодно и свадьбу сыграли. Как-никак, а без малого полвека прожили, без «толкушки» в паспорте в мире и согласии. Об этом даже в районной газете написали.

Выйдя на пенсию, работать Пряхин-отец не бросил. Его, как уникального мастера-каменщика знали далеко за пределами области. Председатели колхозов наперебой звали к себе. Но старый мастер окружающие шахтерский поселок коллективные хозяйства не особенно жаловал. Говорили, будто бы обидел его один из наших знаменитых на всю страну колхозных руководителей. Чтобы меньше заплатить, взял и забраковал его искуснейшую работу. Заодно и в райсобес на старого мастера «капнул». С тех пор с близлежащими колхозами Николай Павлович никогда не связывался. Уважал он рязанскую деревню. Со многими из тамошних председателей у него сложились прекрасные, доверительные отношения. Каждый год в середине апреля к его дому подъезжал с брезентовым верхом, весь заляпанный грязью «Газ-63» с рязанскими номерами, и Николай Павлович, отдав последние распоряжения своим домашним, убывал до самых «белых мух», как говорили соседские мужики, на «шабашку». С двенадцати лет он стал брать с собой и Леньку. Возвращался Пряха всегда к первому сентября самостоятельно. Один. Заметно подросший и по-взрослому важный. С собой он всегда привозил огромную связку сухих белых грибов, деревянный жбан цветочного меда, купленный себе на заработанные в колхозе деньги костюм к школе, подарки матери, сестрам и множество деревенских рассказов, которых хватало на весь учебный год. Хотя мы не очень-то и верили ему. Если его слушать, то в Рязани

есть такие места, где и электричества еще нет. Что парни там дерутся всегда один на один и лежачих — никогда не бьют. И что он их бессменный капитан сборной колхоза по футболу.

В школе Ленька учился «так себе». Про таких (чтобы не обижать родителей) говорят: твердый троечник или — мальчишка способный, но ленивый... Зато он в избытке был наделен домовитостью, хозяйственной смекалкой, бережливостью, предусмотрительностью. Например, у него всегда с собой была иголка с ниткой, увеличительное стекло, мел, перочинный ножик со всеми «наворотами» (в нем даже ножницы были) и еще масса на первый взгляд бесполезных вещей. Как-то в классе четвертом нас целую неделю возили в близлежащий совхоз убирать яблоки. Урожай их в тот год был неудачный. Брать домой «тормозки», нам, было строжайше запрещено. И только в последний день, по окончании работ дали «большое добро». «Берите столько, сколько унесете», — объявил пришедший проводить нас директор совхоза. Все взяли по ведру крупных, сочных, пахнущих запахами уходящего лета плодов. Водитель завел мотор и дал длинный сигнал. Мы быстро расселись по своим местам. Только Ленька, как ни старался, не мог взобраться на высокую ступеньку автобуса. Стоило ему вскарабкаться на нее, как его тут же начинало тянуть назад, и он, прижав к животу ведро с яблоками, молча, без единого звука, как стойкий оловянный солдатик, «всем прикладом» падал на землю. Мы думали дуркует. Девчонок смешит. Но когда он в третий раз загремел со ступенек, один из сторожей подошел и распахнул полы его старого отцовского пальто. С внутренней стороны к подкладке медной проволокой были пришили огромные карманы, сделанные Ленькой из своих портянок, полные ароматной антоновки.

Повышенный интерес к учебе он стал проявлять в седьмом классе на уроках истории. Вела их ставшая нашим классным руководителем только что окончившая институт молоденькая, очень симпатичная учительница. Невысокого роста, совсем еще девочка, чистенькая, стройненькая, со всеми доброжелательная, всегда модно и со вкусом одетая. Свой предмет она знала досконально и занятия проводила необычайно интересно. Ленька с первого же ее урока влюбился в историю и (чего уж тут греха таить) историчку, которую старшеклассники тут же стали все звать «Царевна Тамара». Она была приезжей и жила в шахтерском общежитии. У них во дворе был разбит уютный скверик. Прямо под ее окном стоял теннисный стол. Пряха постоянно околачивался возле него. Играл в пинг-понг. Когда желающих с ним играть не было, он часами сидел на нем (обязательно с учебником истории в руках) и, как дореволюционный филер (тайный агент царской охранки), не поворачивая головы, наблюдал за окном Тамары Николаевны. Или ставил на другом конце стола щит из фанеры и часами, оглушительно-звонко бил об него пластмассовым шариком, чем доводил отдыхающих после с ночной смены здоровенных шахтеров до бешенства. Он и по шее от них получал. И ракетки они у него отнимали. Бесполезно. Дело кончилось тем, что кто-то из озверевших проходчиков вырвал теннисный стол с корнем.

Царевна Тамара была хорошей учительницей и очень красивой девушкой. И я подозреваю, что из нашей школы в нее был влюблен не один Ленька Пряхин. Ей постоянно дарили живые цветы, даже зимой.

Еще задолго до 8-го марта мы начинали обсуждать, что подарить на праздник своим девчонкам и учителям? Подарок для преподавателя истории обсуждался всегда откровенно. При этом больше всех говорил и горячился Пряха. Он так расписывал достоинства Царевны, что сидевший по два года в каждом классе, дебильного вида парень с многообещающей фамилией Пьянов, как-то пробасил: «Да тебя послушать, твоя Тамара и в уборную не ходит!» — «Конечно, не ходит», — утвердительно кивнул Пряха. «Святым Духом питается!» — басовито захохотал второгодник и через сжатые губы издал неприличный, прерывистый звук. Ленька поперхнулся, онемел, из его глаз брыз-

нули слезы, и он с кулаками кинулся на мордастого переростка, который был в два раза здоровее его. Мы еле-еле оттащили его от не на шутку струхнувшего урода.

Если в точных науках Ленька был твердый троечник, то на уроках труда он был круглый отличник. В школьных мастерских учитель-трудолик познакомил нас с токарным делом и после обстоятельного, подробного инструктажа предложил желающим выточить болт. Первым вызвался Пряха. Через полчаса он положил на учительский стол матово поблескивавший металлический болт с гайкой. Николай Михайлович обмерил его штангельциркулем и поставил Леньке в дневник пять с плюсом. Так же у него было и со столярным делом. За право проживать в скворечниках, которые он делал, воробьи со скворцами бились на смерть. А как-то зимой в восьмом классе он выточил из толстой металлической болванки необыкновенно красивую вазу. С виду легкую, хрупкую, но если взять ее в руки, она оказывалась неправдоподобно тяжелой. От этого неожиданного эффекта в Ленькином изделии чувствовалась какая-то глубокая тайна. Он, конечно же, хотел подарить ее Тамаре, но она отказалась и предложила поставить вазу в учительской. Пряха с большой неохотой согласился. После того случая все стали звать его Данила-мастер. Он не обижался. Ходил важный. Задумчивый. Более того, никогда раньше не отличавшийся любовью к внеклассному чтению, записался в городскую библиотеку, отыскал там и несколько раз внимательно прочитал все «Сказы» Бажова. По всему было видно — он что-то задумал. Вот только что!? Может, он собирался выточить «железный цветок»? Жаль, но об этом мы уже никогда не узнаем.

В тот год Царевна Тамара стала царицей. Вышла замуж за недавно демобилизованного с Северного флота моряка-подводника. Он работал на одной из шахт, плотно обступивших наш маленький городок, и даже был там капитаном их футбольной команды. Только вот жизнь у нее с этим футбольным мореманом не задалась. Красавец, один из лучших спортсменов Мосбасса, он производил впечатление простецкого, своего в доску парня. Но в жизни оказался жутким скрягой и страшным ревнивцем. Ревновал ее к каждому столбу. Даже в школе устраивал ей сцены ревности. Наши девчонки очень жалели Тамару и удивлялись: как такая умница, могла так ошибиться в любимом человеке?! Через полтора года они развелись.

Ленька тяжело переживал замужество Тамары Николаевны. Осунулся. Похудел. Окончив девять классов, дальше в школе учиться не стал. Забрал документы и поступил в какую-то строительную «фазанку», но и там больше трех месяцев не протянул. Зимой он навсегда уехал к одному из своих старших братьев на Крайний север.

После окончания средней школы, на выпускном вечере, Тамара Николаевна вынесла нам из учительской Ленькин кубок «Большого Орла» и мы все по очереди на счастье пили из него шампанское. Вот, только жаль, Пряхи с нами не было.

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ СИБИРИ

(Раздел ведет Тамара Булевич — зам. главного редактора по сибирским регионам, г. Красноярск)

Виталий Пшеничников
(г. Красноярск)

КЛЯТВА

На проходной сержант доложил:

— Старший сержант Мишин из очередного отпуска прибыл!

— Что-то случилось, почему на неделю раньше? Что произошло? — удивленно спросил дежурный офицер.

— Все в порядке, прибыл для дальнейшего прохождения службы.

— Начальник школы просил зайти по прибытии. Он сейчас у себя в кабинете.

— Здравия желаю товарищ подполковник! Вызывали?

— Михаил! А почему из отпуска раньше времени вернулся? На тебе лица нет, и седины прибавилось, — встревожился Городков.

В одном из боев Мишин, спас от верной смерти раненного майора Городкова, приняв на себя осколки брошенной боевиками гранаты. В тот же день, вертолет, в котором вывозили раненых, был сбит бандитами и упал на склон горы. Раненый в руку Городков, до взрыва баков с горючим, успел вытащить из развалившегося вертолета тяжело раненного сержанта. Остальные, кто был в вертолете, погибли. С той поры Городков, получивший чин подполковника, с отеческой нежностью относился к спасшему его жизнь парню.

— Любимая девушка погибла! — едва слышно сказал сержант.

— Прими соболезнование! Что делать? Господь всех рано или поздно к себе призывает! Кому как на роду написано, но жизнь продолжается! Пришел приказ направить наш выпуск в Чечню, в Грозный. Ты у нас командир обстрелянный, назначаю тебя старшиной сводной роты выпускников школы армейского спецназа. В Грозном сдашь бойцов в военный комиссариат, вернешься к месту службы.

— Товарищ подполковник! Я хотел просить перевода на передовую, в зону боевых действий. Поймите правильно, привык к опасности, к боям, в тылу служба не для меня!

Внимательно посмотрев на сержанта, офицер подумал: «Настоящий солдат, не стоит чинить препятствий. Он все равно уйдет».

— Жаль отпускать, но я тебя понимаю! Сам ходил к командиру дивизии, с рапортом о направлении в зону боевых действий. Но, получил нагоняй. Генерал сказал, что такие люди, как мы, на вес золота, и должны передавать боевой опыт молодым бойцам. Если сумеешь договориться в военкомате, я дам добро на перевод. Причина уважительная, молодых спецназовцев будешь учить выживать в боевых условиях.

— Спасибо товарищ подполковник!

— У меня к тебе просьба личного характера. Три года назад в боях за Грозный я был ранен и ненадолго попал в плен. Бандит Алибек, по кличке «бешеный бек», на моих глазах надругался над женой и дочерью и зверски убил обеих... Сердцем чувствовал, этот шакал был там, на перевале, но меня ранили, не успел покарать его. Если встретишь на дорогах войны, напусти ему Грозный, отомсти за близких мне людей! — сержант видел, как на глазах подполковника заблестели слезы.

— Клянусь, что он умрет страшной смертью!

— Я тебе верю сержант! Иди, получай проездные документы, завтра рота грузится в машины, и — на аэродром. Береги себя, я надеюсь увидеть тебя живым! — подполковник крепко пожал руку старшему сержанту, а когда за ним закрылась дверь, смахнул набежавшую слезу.

Он знал, что из прежнего выпуска школы армейского спецназа, в живых осталось не более двух десятков бойцов, остальные с честью погибли, либо были ранены в боях. Бандиты спецназовцев в плен не брали. Но и спецназовцы живыми не сдавались, дрались до последнего патрона, оставляя для себя гранату, подрываясь, уносили с собой жизни десятков врагов.

Утром, командиры построили личный состав школы. Курсанты были вооружены автоматами, имели полную экипировку, до котелков и саперных лопат. Командир училища, подполковник Городков, выступил с краткой напутственной речью, поздравил с окончанием школы армейского спецназа, пожелал бывшим курсантам боевых успехов.

На аэродроме в Грозном бойцов встретили представители военкомата с представителями из войсковых частей. Один из офицеров оказался знакомым, и сержант подошел к нему:

— Товарищ капитан! Разрешите обратиться!

— Обращайся сержант, какие вопросы?

— Вам не приходилось служить под началом майора Городкова? Вы тогда возглавляли подразделение ВДВ, приданное спецгруппе войскового спецназа!

— Голос знакомый! Дай я на тебя внимательней посмотрю! Сержант Мишин! Ты ли это? Мы считали, что ты погиб в сбитом бандитами вертолете, не довезли до госпиталя! Подумать только!

— Живой! Что со мной случится! Вытащил из разбившейся вертушки майор Городков, в одном госпитале лежали!

— Как??? И майор Городков жив! Чудны твои дела Господи! Вас давно схоронили! — глядя широко раскрытыми глазами, удивился капитан Катков. — В рубашках родились!

— Значит, долго жить нам! Я был без сознания, когда подбитый ракетой вертолет, упал в горах. — Михаил рассказал капитану о своем спасении майором Городковым. — Короче, мы выжили. После госпиталя я служил под его началом. Теперь он командует школой спецназа. За тот бой мне присвоили звание Героя России!

— Ну, ты, брат, загнул. Сразу Героя? — не поверил капитан.

— Посмотрите, здесь есть запись о наградах! — старший сержант протянул военный билет.

Прочитав, тот удивленно посмотрел на Мишина, долго тряс руку:

— Впервые близко вижу героя, разговариваю с ним! Поздравляю! От всей души поздравляю!

— Товарищ капитан, и вас надо поздравить с внеочередной звездочкой!
— Да! Недавно присвоили, обмыть не успел, за пополнением отправили.
— У меня к вам просьба, возьмите на передовую, не могу в тылу служить, не лежит душа!

Лицо капитана посуровело:

— Ты хорошо подумал?! За год боев мало кто из того призыва в живых остался. Многие погибли, другие — калеки, в госпиталях. Может, одумаешься? И так достойно свое отвоевал!

— Решил я! Мне срочной службы два неполных месяца осталось. Дальше буду служить по контракту. Не нравится в тылу. Возьмите, не пожалеете.

— Смотри, если не шутишь, с удовольствием возьму, у меня должность старшины свободна. Как можно отказать Герою России, давай документы. В военкомате Грозного есть знакомый старлей, он это дело быстро уладит. Вон там стоит моя палатка. К восемнадцати подходи, встречу, звезды и награды обмоем.

...Долго не гас свет в палатке капитана Каткова. За столом из неструганных досок, на ящиках из-под патронов, сидели боевые офицеры. Они заставили Михаила опустить в стакан с водкой Звезду Героя, и выпить до дна. Мишин был счастлив, в военной сутолоке и полной неразберихе, он нашел однополчан, и так просто решил вопрос о переводе.

На третий день капитан Катков пригласил старшину, и прапорщика Морозова, воевавшего по контракту, поставил задачу:

— Получены разведанные о том, что на колону автомашин с боеприпасами, которая пойдет из Грозного в Шали, готовится нападение бандитов. Они хотят пополнить свой боезапас. Нам приказано в течение трех дней скрытно выдвинуться на огневой рубеж к подножию горы Тон-юрт и, сохраняя режим секретности, установить контакт с бандформированием, сообщить о месте его дислоцирования. Ударом с тыла уничтожить боевиков и предотвратить захват колонны. Высаживаться будем с вертолета, в пяти километрах от предполагаемого места базирования боевиков. Для участия в операции возьмете вновь прибывших выпускников спецназа. Всем взять по два боекомплекта. С вопросами по тыловому обеспечению обращайтесь к старшему лейтенанту Демину. Вылет сегодня в двадцать три часа. Если нет вопросов, свободны. Тебе, Мишин, поручаю отобрать курсантов, присмотреть за ними в бою!

В сгустившейся тьме, вертолет доставил десант в точку выброса, завис над землей. Как только последний ящик боеприпасов был выброшен на землю, взревев турбинами, вертушка растворилась в ночном небе. Старшина приказал разбить лагерь, вчерашние курсанты быстро поставили небольшие палатки, поверх натянули маскировочные сети. Отдав команду «отбой», Мишин с тремя курсантами пошел на разведку окрестностей и, вернувшись через два часа, доложил:

— Товарищ капитан! Вокруг лагеря чисто, высадка прошла удачно. Обследовали территорию на полтора-два километра по кругу, следов присутствия бандформирований не обнаружено!

— Хорошо, отправляй бойцов отдыхать. Возьми уже отдохнувших, надо выставить боевое охранение со стороны гор, с юга. Оттуда, наиболее вероятно, могут появиться духи. Помните, бой принимать в самом крайнем случае, если вас обнаружат!

Забросив на плечо ручной пулемет, Мишин увел бойцов по компасу к горам. Отойдя от лагеря километр, старшина выбрал позицию за небольшим бугром, который прикрывал обзор со стороны ночного леса. Расставив спецназовцев и приказав им не спать, решил разведать окрестности. Отойдя на три километра от охранения, в тишине ночного леса услышал неясные голоса людей, долетавшие откуда-то снизу. Соблюдая осторожность и затаившись, сел на траву, стал рассуждать: «Если лагерь где-то поблизости, должны стоять часовые! Надо дожидаться смены, а так могу напороться на засаду, наделаю много шума!»

Прислонившись к стволу дерева, слился с ним. Просидев более часа, услышал, что в его сторону идет несколько человек. «Духи даже не скрываются, наверняка, не видели выброски десанта», — подумал старшина. Разводящий остановился в ста метрах от него, негромко крикнул на чеченском языке: — Мустафа, ты что заснул? Это тебе не пески Эфиопии, здесь еще и стреляют!

— Обижаешь, брат Шамиль! Я знаю, что такое дозор! Аллах свидетель, даже глаз не сомкнул! — оправдывался боевик, выходя из густого куста, в двухстах метрах от старшины.

«Врет мерзавец! Если не спал, то меня бы увидел», — усмехаясь, подумал Михаил.

— Что видел в дозоре? — спросил разводящий.

— Ни одна ветка не треснула, ни одна птичка не вспорхнула! — самозабвенно врал бандит.

«Негодяй! Из-за таких, как ты, гибнут люди!» — разозлился старшина. Когда до него дошло, что осуждает действия боевика, едва не рассмеялся. — «Спасибо, дух, что спал, иначе я бы погиб!»

Стараясь не отставать от караула, он шел следом по лесу, чуть в стороне, и вскоре оказался на окраине небольшой поляны, заставленной автомобилями. В темноте, разбавленной призрачным светом луны, насчитал пять грузовиков и четыре уазика. Они стояли под маскировочными сетями, надежно укрытые от обнаружения с воздуха.

«Как им удалось в распадок загнать технику по бездорожью? Seriously подготовились, сволочи! Но у русских говорят: «На чужой каравай рот не разевай!», — усмехнулся разведчик и начал постепенно отходить. Он благополучно прошел между секретами, сделал многокилометровый крюк к горам. Сбитая им с травы роса могла привести бандитов к лагерю десантников. Бойцы охранения не заметили, как он пошел сзади и отозвался:

— Тихо, это я — старшина. Ребята, плохо службу несете. В учебке учили, что от бдительности в дозоре зависит ваша жизнь и жизнь товарищей. Вы подпустили меня не только на бросок гранаты, но и на расстояние применения оружия рукопашного боя! Если хотите жить, надо утроить бдительность. За меня остается ефрейтор Спичкин, я уйду в расположение лагеря.

Отойдя с полкилометра, Мишин пересек чужой след, хорошо заметный при лунном свете на оббитой от росы траве.

«Странно, след идет со стороны гор, прошли три человека, двигались прямо на лагерь десанта!» Он, побежал по следу, стараясь прикрыться деревьями и кустами. Увидев впереди какое-то движение, упал на бегу между деревьями. Ему навстречу быстро двигались духи.

«Их разведка засекли лагерь десанта! Теперь надо ждать нападения. Сволочи! Далековато идут, сделать ничего нельзя!» — думал он, глазами провожая бандгруппу.

Подойдя к капитану, доложил результаты разведки. На карте уверенно указал место базирования транспортных средств, рассказал о том, что разведка противника засекла базу десанта.

— Значит, скоро банда будет здесь. Надо немедленно свернуть лагерь, передислоцироваться в другой район, — рассуждая, сказал капитан Катков.

— Поднимите бойцов, тихо выведите их и рассредоточьте полукольцом вокруг базы. Пусть подыщут естественные укрытия, деревья, неровности рельефа. Берите с собой только оружие и боеприпасы. Палатки, как приманка, пусть остаются, они на них клонут! Не мешкайте! Через час-полтора духи будут здесь. Из трех пулеметов два поставьте на флангах, один в центре цепи. Когда банда ворвется в лагерь, открыть огонь на поражение. Их раза в три больше! Хорошо бы расставить сюрпризы возле палаток. В темноте наверняка сработают.

— Палатки жалко, — начал было старший лейтенант Ковтун, но, подумав, мах-

нул рукой, — потерявши голову, по волосам не плачут. Я поставлю растяжки, приму бандитов, как дорогих гостей.

— Твоя группа остается в засаде, в бой не вступать. Перехватите их при отходе от лагеря. Задача ясна? Выполняй старшина! — приказал капитан.

— Слушаюсь! — исчезая в ночи, ответил Мишин.

Офицеры рассредоточили бойцов подковой на окраинах ложбины, в которой находился лагерь десантников. По-прежнему стояла тихая ночь. В одной из палаток играл транзисторный приемник, музыка была слышана на расстоянии ста метров от, якобы, крепко спавшего лагеря.

Последним покинул лагерь старший лейтенант Ковтун. Он расставил растяжки на подходах к палаткам. К забитым в землю кольшкам, кустам изоляционной лентой прикрутил гранаты-«лимонки», к кольцам привязал растянутую тонкую проволоку. Усы предохранительной чеки гранат были разогнуты. От малейшего прикосновения к проволоке растяжки, вылетало кольцо гранаты, через три секунды гремел взрыв, поражая осколками неприятеля.

— Алибек, в пяти километрах от нас спокойно спят гяуры! Человек двадцать! — доложил прибежавший в лагерь разведчик.

— Ты что говоришь, уважаемый Рашид! Откуда здесь солдаты неверных?

— Они стоят в ложине, дозорные спят, я подползал очень близко! Клянусь Аллахом, в одной из палаток играет радио.

— Абдулла, поднимай людей! До дороги пять километров, никто не услышит, как мы вырежем этот сброд неверных! Возле машин остаются водители, и три человека охраны, остальным срочно выступать! Да поможет Аллах в нашем правом деле! Аллах-Акбар! — огладив бороду, вознес руки к небу Алибек.

Группа боевиков полукольцом скрытно приблизилась к лагерю со стороны гор.

— Ты прав Рашид, неверные так обнаглели, что не выключают радио на ночь. Пионерский лагерь, да и только! Но почему нет охранения, часовых? Это меня настораживает! — тихо спросил командир.

— Не беспокойся Алибек, они и два часа назад спали, тепленьких возьмем! Возле возвышенности у них один пост, второй, возле того дерева, уберем часовых без звука, — показал разведчик.

Два человека, сливаясь с травой, быстро поползли в указанных направлениях. Вскоре, с той стороны, куда уполз один из бандитов, раздался сдавленный хрип.

«Отползала змея гремучая», — подумал один из спецназовцев, вытирая от крови нож об одежду боевика. Второй разведчик бандитов, приподнявшись, чувствуя плотно прижатый к спине ствол автомата, жестами показывал, что пост пуст.

— Вперед воины ислама! Покажем гяурам, какого цвета их кровь! Аллах-Акбар! — закричал Алибек, и, стреляя на ходу из автомата, побежал вместе с другими к палаткам.

С разных сторон бандиты бросились к лагерю федералов. Рашид, правая рука Алибека, сжимая кинжал, бежал впереди всех. Вдруг, ему показалось, что в траве, что-то серо блеснуло, он нагнулся, рядом с ним на воткнутой в землю палке висела граната, на траве лежало выдернутое кольцо. Он не успел раскрыть рот, как в том месте, где он присел, вырос огненный куст взрыва, за ним второй, третий...

Бандиты так и не добежали до палаток: со склона их встретил плотный огонь автоматов и пулеметов. Стоявшие на флангах пулеметы федералов не давали духам возможности рассыпаться и скрыться в лесу. Они, отстреливаясь, залегли и стали отползать. Животный страх погнал их обратно в спасительную темноту ночи. Но тьмы уже не было, в воздухе лопались и горели осветительные ракеты, со всех сторон, в упор били автоматные и пулеметные очереди. Там, где ползли бандиты, рвались гранаты, выпущенные из автоматных подствольных гранатометов.

— Отходим, отходим! — закричал Алибек. — Всем отходить! Засада!

Только пять человек вырвались из огненного кольца, они бежали по своему следу, видному на росистой траве. Неожиданно сбоку ударил ручной пулемет, густо посыпая свинцом, и тут же его поддержали автоматы. Последнее, что увидел Алибек в этом бою, как в круг его бойцов, сбившихся спина к спине, упала лимонка. Ее взрыв разметал отстреливающихся бандитов.

— Не спускать глаз с боевиков, при малейшей попытке скрыться, стрелять на поражение! — приказал старшина, и сделал рывок к бандитам.

Один из боевиков подавал признаки жизни, быстро перевернув на живот, Мишин подтащил его к дереву, охватил руками ствол, и застегнул наручники на запястьях. Теперь враг не сможет убежать, будет ждать, пока его не освободят. Раненый бредил, кричал негромко: — Аллах-Акбар!

— Акбар, Акбар! — усмехнулся старшина.

Обыскав одежду забрал документы и небольшой кинжал в металлических ножнах. Вскоре появились бойцы десанта, разгоряченные боем.

— Старшина, где ты видел машины? Попробуем ворваться в лагерь на плечах уцелевших бандитов! — сказал Катков, доставая карту.

— Таковых нет, все уничтожены, только один ранен, похоже, командир! Наручниками к дереву пристегнул. А стоянку бандитов и без карты покажу! — сказал старшина.

— Молодец! Надо быстро выдвигаться к месту стоянки транспорта. Они ждут победителей, мы и придем в гости. Надо спешить скоро рассвет. Начинаем движение! Старшина, веди бойцов! — вполголоса приказал капитан.

На ходу старшина доложил:

— Товарищ капитан, я знаю два секрета, на подходе к лагерю надо бесшумно снять часовых, тогда у нас будет шанс на внезапную атаку.

— Займись одним, а мне покажи, где сидит второй! — сказал Катков, снимая плащ-палатку.

Соблюдая осторожность, солдаты рассыпались в цепь, охватывая подковой лагерь противника. Ползком, приблизившись к часовому, Мишин увидел, что тот курит, держа окурки в рукаве ватника. Рядом стоял прислоненный стволом к дереву ручной пулемет. Когда бандит в очередной раз нагнулся, затягиваясь дымом сигареты, прыгнул на него, зажав ладонью рот, нанес удар ножом в спину. Тело бандита обмякло, он беззвучно опустил его на траву. Вложив нож в ножны и подхватив ручной пулемет, старшина сделал рывок к лагерю. Наткнувшись на неглубокую траншею, спрыгнул, приглядевшись увидел за изломом дзот. В нем спали три человека. Достав гранату, выдернул кольцо, стал ждать начала атаки. Третий часовой, которого не удалось снять тихо, с противоположной стороны ущелья, открыл огонь.

Выдернув кольцо и сосчитав до двух, старшина бросил гранату в огневую точку. Грохнул взрыв, пламя вырвалось из бойниц. Поставив трофейный пулемет на бруствер, он поймал в прицел пульсирующий огонек автомата дозорного, дал длинную очередь. Автомат часового захлебнулся.

От машин раздалась редкая, беспорядочная стрельба, но темнота мешала прицельному огню, была союзником нападавших.

«Сейчас добавлю вам света!» — подумал Мишин. Прицелился и выпустил очередь в бензобак грузовика. Он видел, как в ночи, пули выбивали искры, встречаясь с металлом. Раздался хлопок, и бензобак взорвался, раскидав далеко вокруг сгустки горящего бензина.

— Стрелять по бензобакам! — крикнул капитан, выпустив из автомата очередь в борт стоявшего в ста метрах от него уазика. Но вспышки не последовало. «Неужели промахнулся!» - прицелившись, он сделал несколько одиночных выстрелов. Сноп

огня поднялся над машиной. Метавшиеся бандиты смотрелись, как на ладони, вскоре, прекратив сопротивление, вышли от пылающих машин к нашим бойцам с поднятыми руками.

— Ближко не подходить! — крикнул старшина, но опоздал. В руках одного из боевиков взорвалась лимонка. Через несколько секунд с врагами было покончено.

— Хорошая работа, ребята! Все убедились, что значит разведка! Благодарю за службу, старшина! — капитан, крепко пожал Мишину руку.

— Служу Отечеству!

— Бойцы! Нам предстоит выполнить второй этап операции. Немедленно выдвигаемся к дороге, рассыпавшись в цепь прикрываем ее от бандформирований. Старшина, доложите о раненых?

— Два курсанта с ранениями конечностей, помощь врача не требуется! Товарищ капитан, вот документы пленного, которого я приковал наручниками к дереву.

Он видел, как побелело лицо капитана:

— Тебе повезло! Это полевой полковник Алибек, по кличке «бешенный бек»! Ему есть, что рассказать нашей разведке, но терять времени не будем, выживет, заберем после боя! — приказал капитан.

Услышав имя плененного им бандита, Михаил подумал: «Разведка обойдется и без показаний Алибека! Пришла пора ему держать ответ за свои злодеяния! Наверняка суд оставит его живым! Я поклялся и должен свершить правосудие здесь и сейчас!» — подумал старшина и сказал:

— Товарищ капитан, пробегусь, посмотрю вокруг. Догоню вас на марше!

— Правильно мыслишь старшина, разведка главное в воинском искусстве! Иди, но быстрей возвращайся, может, дать бойцов?

— Нет, один справлюсь. Только пулемет с собой возьму! — подхватив отбитый у бандитов пулемет, он растворился в серой пелене рассвета.

Безошибочно выйдя к дереву, возле которого оставил раненого, услышал брань. Подойдя ближе, увидел, что бандит пытается снять наручники.

Убивать безоружного, даже зная, что он пролил много невинной крови, было не в правилах старшины Мишина. Сняв с пояса кинжал, отобранный у плененного бандита, старшина специально небрежно, чтобы он выпал, засунул его в карман брюк.

— Как раз вовремя! Давай помогу! Приказано доставить тебя к командиру! — опускаясь на корточки и ключом открывая наручники, сказал он. В это время из его кармана выскользнул кинжал и упал у рук бандита.

«Теперь мы на равных! Ты не упустишь возможность всадить мне нож в спину!» — улыбаясь, думал Мишин, боковым зрением фиксируя действия боевика.

«Слава Аллаху! Ты сдохнешь, как собака, проклятый гяур!» — захлебываясь радостью, думал бандит, которому не было равных в рукопашном бою.

— Вставай, иди вперед! — разгибаясь, приказал солдат.

Доли секунды было достаточно, чтобы в руке Алибека блеснул подобранный с земли кинжал. Он занес руку для удара в шею ненавистному солдату. Молниеносно обернувшись, старшина успел вывернуться волчком и, выхватив из ножен свой спецназовский нож, сделал выпад. Почувствовав нестерпимую боль в животе, Алибек выронил на траву свой старинный кинжал. Этот смертельный удар Мишин отрабатывал сотни раз: клинок ножа, проходя через брюшину, повреждал кишки, пробивал печень противника.

Раненый Алибек услышал спокойный голос:

— Вот и окончен твой позорный земной путь, самозванный полковник, «бешенный бек», или как там еще тебя зовут? Разве ты солдат? Разве ты бек? Ты гиена, падальщик, шакал вонючий, умеешь только сзади нападать, да воевать с женщинами и детьми!

— Клянусь Аллахом! Я никогда не марал своих рук кровью женщин и детей! — едва слышно ответил пленный.

— Короткая у тебя память. Вспомни Грозный, жену и дочь раненого майора Городкова! Ты надругался над беззащитным ребенком и женщиной и зарезал их на глазах майора! Он мой кровный брат и передает тебе боевой привет!

Старшина видел, как поникла голова Алибека, понял, тот припомнил грозненский случай.

— Вижу, что помнишь свои кровавые злодеяния! Пришло время умереть и тебе страшной смертью, — старшина поднял с земли кинжал, вложил его в ножны, усмехнулся, — теперь оружие тебе не пригодится!

Повернувшись сказал:

— Ты плохой солдат и будешь умирать долго, мучительно, как умирали жертвы, над которыми ты глумился. Пусть мучения послужат тебе искуплением грехов...

— Пристрели меня, ради Аллаха! Умоляю, пристрели! Меня заживо съедят муравьи и комары! — кричал Алибек.

— Чего кричишь? Ты не бек, не солдат, ты - худая из женщин! И нет тебе прощения, шакал! — отворачиваясь, с презрением произнес Михаил.

Изо рта бандита летели хлопья пены, у него начался припадок. Он знал, с ранениями в живот умирают долго, в страшных мучениях. Трусливо и громко визжал, умоляя пристрелить его.

Но старшина спецназа уже не слышал Алибека, молча уходил в зеленку. Уходил с чувством исполненного долга. При встрече ему не будет стыдно перед подполковником Городковым, он сдержал данную ему клятву, оборвав в честном поединке жизнь кровавого бандита.

Андрей Леонтьев
(г. Красноярск)

ПОСЛЕДНИЕ МЕНЕСТРЕЛИ

Мы, возможно, всю жизнь о своей бы судьбе сожалели,
Если б не дал Господь бесконечную вольность дорог.
Мы идем в никуда — безымянной страны менестрели —
И свой пройденный путь отмечаем зарубками строк.

Мы идем в никуда — только Богу, наверно, известен
Изначальный маршрут, предназначенный именно нам.
И не слышит никто наших грустных и радостных песен,
И никто не пройдет по оставленным нами следам.

Вымирает, увы, наше племя артистов бродячих,
Ведь иные слова и мелодии нынче в цене...
Но пока мы в пути, мы поем — и не можем иначе,
Память в сердце храня о своей безымянной стране...

* * *

Запрягли, помолились, поехали.
Губы сжаты, и лица серьезные.
В многотрудной дороге до смеха ли?
Вереницей проносятся весны —

Знай отсчитывай годы десятками.
Все быстрее повозку мы гоним.
Обрастая в пути недостатками,
Неприметную совесть хороним.

Нет, не сразу: по крошке, по зернышку,
Как из торбы худой — под колеса...
И темнее становится солнышко,
И глядит исподлобья и косо.

Из крупниц, что роняем беспечно мы
В грязь дорожную, не замечая,
Дружно всходят ростки бессердечия,
Умножая земные печали.

...А дорога все вьется и тянется,
Седоков приближая к итогу.
И повозка — тоскливая странница —
Притормаживает понемногу.

Тпру-у, приехали! Вот и конечная.
Что ж осталось за пыльной спиной?
На полоске земли искалеченной —
Сорняки неприступной стеною...

РЕИНКАРНАЦИЯ

Я, кажется, вспомнил! Конечно — Алиса!
Та странная девочка из сновидений...
И больше — ни капли напрасных сомнений!
Фигуры — на выход! Проснулась Каисса!..
На сцене судьбы, разрисованной в клетки,
Под парусом тонким надежды на чудо
Спешу я к той самой Алисе оттуда,
Где связаны вместе потомки и предки,
Где смешано все — и пространство, и время,—
Но память все прежние жизни скрывает...
И вдруг словно током однажды пронзает:
Мы виделись раньше, но были не теми!
Мы были другими с тобою когда-то,
И мир был устроен совсем по-иному,
Но знаю, что так же, любовью влекомы,
Делили и радости мы, и утраты...
...Я, кажется, вспомнил — не все и не сразу,—
Но где-то в глубинах душевного моря
(Где полный бардак из веселья и горя)
Мелькнуло лицо... И послышалась фраза...
О чем — не понять, только голос... о Боже!..
Знакомый до самой малюсенькой нотки...
Мгновенье б еще... Но качается лодка...
Сегодня штормит не на шутку, похоже,—
Того и гляди, что поглотит пучина
Миров и веков... Но ведь мы же — бессмертны,
И Тьме не добыть ожидаемой жертвы,
В какие б она ни рядилась личины...
...А вдруг показалось?.. Ища компромисса,
Бросает мне память обрывки скупые...
Мы в жизни земной — лишь котята слепые...
Но шепчет мой взгляд: неужели — Алиса?..

НОЧЬ

Стынет ночь...
Застекленный балкон —
В серебре белоснежных узоров.
Тихо прочь

Улетает мой сон,
Как обрывки пустых разговоров.

Вот исчез...
Вот растаял в ночи,
Там, где звезды мерцают в тумане.
Зимний бес
Мне в окошко стучит
И в безмолвие черное манит.

Там простор
На небесных полях.
Руки там превращаются в крылья!
Но, как вор,
Забирается страх,
Проникая невидимой пылью.

Пропадешь! —
Шепчет в ухо, сопя.—
Рисковать, мол, не стоит напрасно.
Ни за грош
Ты погубишь себя —
Ведь мороз, и темно, и опасно.

Как же быть?
Нам уютней в тепле.
Но до дрожи захочешь порою
Ощутить,
Что на этой земле
Не бревно ты, а нечто живое...

И взлететь
Над обжитым гнездом —
В темноту, бесконечность сминая...
Умереть —
И воскреснуть потом,
Эту странную ночь вспоминая...

* * *

Отгрохотали бури междометий,
И сжался в точку многоточий ряд.
Слова, что прежде бегали, как дети,
Теперь в строю по-взрослому стоят.

В котле стихов переварились строчки,
Перевалило солнце за зенит.
...И только в сердце, в самом уголочке,
Струна печали тоненько звенит...

ВЕСНА, ОДНАКО

Где-то радостно и звонко
Рассудачились синицы;
Лужа, радужною пленкой
Глядя в небо, веселится.
В рот засунув палец грязный,
Хитро щурится ребенок.
И, какой-то несуразный,
К небу тянется спросонок
Пожилый корявый тополь
У разбитой вдрызг дороги...
Голубь крошку хлеба слопал,
Нагло сунувшись под ноги.
Облака плывут далече —
Расхотелось небу плакать.
Просыпайся, человек,—
Новый день. Весна, однако...

* * *

Лес осенний дрожит в предвкушенье стриптиза:
Золотые одежды вот-вот упадут —
И от самого верха до самого низа
Обнажатся деревья, устроив салют

Из багровых и желтых кружащихся листьев.
Те попадают вниз, догорев до конца,
И заплачет вдруг осень небесною высью,
Капли слез не стирая с земного лица.

И нахмурится осень, печальная осень,
С безалаберным ветром вздохнет в унисон.
И друг друга о главном мы так и не спросим,
Отложив объясненья до лучших времен...

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА: ТОЛСТОВОВЕДЕНИЕ

От редакции: Начиная с настоящего номера журнала, мы возобновляем рубрику «Литературная учеба» (см. «Приокские зори» за 2007 — 2009 гг.), во многом учитывая пожелания наших читателей.

Алексей Третьяков
(г. Тула)

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОТРЕБНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОЗНАНИЯ: ПРИМЕР ЛЬВА ТОЛСТОГО

В многочисленных эстетических трактатах Льва Толстого достаточное внимание уделено вопросам стиля и языка. Толстой исходил из обычного своего, окончательно сформировавшегося к началу 80-х годов мнения, что цель всякого искусства — быть полезным, нужным и заразительным (чувствами христианской добродетели и христианского гуманизма, которые вкладывает автор произведения для общения и единения с людьми посредством искусства), но не для элитарной или клановой частей человеческих сообществ, а для всех людей, уже обретших христианское мировоззрение, либо находящихся на пути к обретению его. Отсюда и требования к стилю и языку индивидуального автора произведения, укладываемого в канву толстовской эстетики: народность, общедоступность, поучительность. Таков стиль и язык самого Толстого, таков стиль и язык крупнейших русских писателей.

Сам Толстой считал, что только два его произведения удовлетворяют всем требованиям его же эстетики: рассказы «Кавказский пленник» и «Бог правду видит, да не скоро скажет». Причем именно «Кавказский пленник» наиболее удовлетворителен в части стилевой, языковой. Это так, но трудно назвать любое из произведений Толстого, не удовлетворяющее канонам его эстетики и вообще любому, сколь угодно взыскательному читательскому вкусу. Даже теоретические трактаты Толстого, его сочинения по религии, философии, христианской этике читаются как вполне художественные произведения: например, «Исповедь», «В чем моя вера?», «Царство божие внутри Вас».

Толстой в области стилистики языка был яростным противником всех теорий эстетики как «красоты», красоты абстрагированной, самоцели. Поэтому современное ему состояние неоформленности эстетического учения он и видел в неправильном требовании искусства, как красоты, источника удовольствия. Из этого он и выводил упадочность современного искусства, его элитарность, антинародность.

Искусство, в данном случае язык художественных произведений, должно в той степени быть явлением красоты, в какой эта красота служит пользой для усвоения мысли и чувства автора произведения. А истинная красота языка — его правильность, разумная щедрость образных форм, правильная его грамматика, умеренное использование диалектизмов, неспецифических литературных форм, сочетание тысячелетнего опыта народного языка и его литературно-обработанной формы.

Стилевые каноны Толстого не висят в воздухе (или на собственном лишь творчестве и опыте Толстого). Это органическое обобщение стиливых концепций всей русской литературы, литературного русского языка. Оно прослеживается по всему развитию русской литературы: Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, Гоголь, Баратынский, Некрасов, Герцен, Тургенев, Тютчев, Лесков, Фет, Достоевский, Чехов, Леонид Андреев, Куприн, Горький...

В продолжение темы предыдущего раздела, на примере эстетики Льва Толстого, попробуем определить психологическую необходимость художественного познания.

Имея в виду конечную цель настоящей работы, именно в эстетических воззрениях Толстого мы найдем наибольшее число эвристических моментов.

Укрупненно он полагал эту психологическую необходимость в «заражении» искусством:

«Вызвать в себе раз испытанное чувство и, вызвав его в себе, посредством движений, линий, красок, звуков, образов, выраженных словами, передать это чувство так, чтобы другие испытали то же чувство, — в этом состоит деятельность искусства. Искусство есть деятельность человеческая, состоящая в том, что один человек сознательно, известными внешними знаками передает другим испытываемые им чувства, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их».

Причем это «заражение» должно иметь одну конечную установку: быть полезной людям, как писал столь любимый Толстым Эпиктет:

«Ты так зачитываешься полезными книжками, что жалеешь, когда люди отрывают тебя от этого занятия... — о, какой я несчастный! Мне хотелось заняться чтением прекрасной и полезнейшей книги; и вот, вместо того, изволь исполнять просьбы этого докучливого человека. — А разве, — отвечаю я тебе, — твоя обязанность в том и состоит, чтобы читать книги в то время, когда от тебя просят помощи?..»

«Не ударь же лицом в грязь; не сетуй на людей за то, что они прервали твоё занятие: ведь если бы не было людей, то кому бы ты служил, и к чему было бы читать книжки о том, как лучше служить людям?».

Все статьи, трактаты, дневниковые записи, фразы в письмах у Льва Толстого, касающиеся проблемы сущности и назначения искусства, где явно, а где подстрочно отталкиваются от первовопроса, предваряющего мысли о роли искусства: зачем человеку нужно искусство? В современном литературоведении в решении этого глобального вопроса принято танцевать от **психологической необходимости искусства**. Эта необходимость определяется по-разному, вот одно из современных суждений:

«Мир, представленный художественным произведением, — добровольный мир, рожденный человеческим произволом. Повторяет ли он нынешний мир, воссоздает ли прошлый или предвосхищает будущий, — он существует лишь как допущение нашей собственной воли. Реальный мир человеку задан и пребывает независимо от его воли, тогда как художественная действительность полностью обусловлена нашим желанием: в нашей воле создавать или не создавать (воспринимать или не воспринимать) ее. Этот факт сообщает чувство свободы от того, что создано не нами; больше того: ощущение власти над ним. Мы ощущаем себя «делателями» мира; по собственной воле мы создаем мир. Правда, это лишь фикция, иллюзия, но поскольку эта иллюзорная ситуация переживается, как известно, в качестве абсолютно реальной, развивается вполне реально и наша творческая активность, более раскованное, более активное, более критическое отношение к действительному миру».

А вот что пишет Лев Толстой: «...Говорят, что это делается для искусства, а что искусство есть очень важное дело. Но правда ли, что это искусство, и что искусство есть такое важное дело, что ему могут быть принесены такие жертвы? Вопрос этот особенно важен потому, что искусство, ради которого приносятся в жертву труды миллионов людей и самые жизни человеческие и, главное, любовь

между людьми, это самое искусство становится в сознании людей все более и более чем-то неясным и неопределенным... Так что искусство, поглощающее огромные труды народа и жизни человеческих и нарушающее любовь между ними, не только не есть нечто ясное и твердо определенное, но понимается так разноречиво своими любителями, что трудно сказать, что вообще разумеется под искусством и в особенности хорошим, полезным искусством, таким, во имя которого могут быть принесены те жертвы, которые ему приносятся».

Как и во всех высказываниях Толстого относительно роли и сущности искусства, ответ на любой вопрос дается в контексте с основной мыслью писателя: христианское понимание пользы искусства, ее нравственно-этического идеала.

Из цитированного отрывка видно, что психологическая необходимость искусства несомненно существует, раз существует само искусство, тем более существует при таких затратах человеческой энергии, «самых человеческих жизней», громадных экономических ресурсов народа... Но важно ли это искусство (в подтексте: такова ли его психологическая необходимость, жизненная важность, что люди и государство идут на жертвы материальные, социальные, личностные?)? С другой стороны, вряд ли эта психологическая необходимость четко осознается людьми, если (в современном Толстому искусстве) «это самое искусство становится в сознании людей все более и более чем-то неясным и неопределенным...» Только «хорошее, полезное» искусство, по мысли Толстого, является морально, социально и этически оправданным. Тем самым, в выражении Толстого, психологическая потребность искусства суть удовлетворения следующих требований к нему:

а) искусство вообще — необходимое звено человеческой культуры и человеческого разумного существования;

б) искусство — феномен человеческой цивилизации, своего рода — патология потребности в искусстве, ибо разумно и однозначно объяснить: для чего оно, чему служит, наконец, зачем оно мне? — невозможно. Но ведь потребность в нем есть, живет, не иссякает?!

в) искусство — явление «для каждого»; Толстой почти близок к определению, что искусство — явление классовое, но в силу философской систематики его он делит человечество не на системы, не на классы, а на группы индивидуумов по признакам их восприятия христианской морали, по отношению к лично-трудовой жизни; исповеданию руссоистских принципов чистой, нравственной и общественно-полезной жизни;

г) наконец, искусство не должно быть элитарным, ибо только в этом случае оно не требует жертвы одних (многих) ради других (меньшинства); то есть это настоятельное требование массовости искусства, его народности.

Вот при этих условиях Лев Толстой допускает существование психологической необходимости (и достаточности!) искусства. Это чисто христианская позиция, имеющая корни в Новом Завете, препарированная Толстым в его конкретных определениях сущности искусства для современной ему эпохи. Но не этот момент важнейший для Толстого. Еще раз подчеркиваем, что онтологический вопрос о психологических первоосновах необходимости творчества и восприятия искусства читается у него между строк. В силу своей природы философа-проповедника, учителя жизни, его более всего волнуют вопросы более конкретного, жизненного характера: роль и обязанности искусства в современной ему жизни, а уже отсюда он идет к психологии творчества и восприятия искусства.

С какой целью мы так подробно исследуем этот вопрос? А цель тут явная и определенная однозначно: Толстого в определении сущности и назначения искусства прежде всего интересует соответствие творчества и его восприятия, причем восприятия не элитарного, не индивидуально-интеллектуального, не дифференцированного

по группам интеллекта или образности художественного мышления, но соответствия общедоступного, общепонятного, гуманного, христианского, пацифистского искусства и массового его восприятия людьми. При этом искусство должно являться одним из методов самоусовершенствования. Проблема же психологической потребности искусства им не снимается, но растворяется в других, более важных для выделения (по мнению Толстого) проблемах эстетики искусства.

...И второй предварительный момент. Раскрыв любой литературоведческий труд о Толстом, найдем обширнейший комментарий к творчеству Толстого в начале 80-х годов, суть которого сводится к констатации идейного, духовного, творческого перелома писателя. Об этом так много говорено и написано, что ограничимся одним мнением. Лев Шестов в статье «Отрицающий и созидающий миры» в сборнике «Великие кануны» доказывает существование трех переломов в художественном и нравственно-этическом мировоззрении Толстого, причем каждый раз он полностью отрицал весь свой предыдущий путь и избирал новый: в этике, морали, философии и художественном творчестве. Нет сомнения, что и позиции современного литературоведения, и мнение Шестова, весьма аргументированные, имеют реальную почву. Действительно, психический тип Льва Толстого, как то присуще многим высокоодаренным художникам, относится к категории неуравновешенных, причем это длительно нарастающая неуравновешенность; по истечении определенного периода времени она завершается глубоким духовным кризисом, переоценкой всей жизни предшествующей... После чего начинается новое осмысление своего творчества, на более высоком уровне требований к себе, своему таланту, своим произведениям — уже ранее созданным и вновь создаваемым. Сам же кризис психофизиологически выражается в различных формах: черная меланхолия, взрывная и затяжная истерия, глубокая апатия, иногда особенно сильный кризис заканчивается необратимыми патологическими изменениями, потерей личности (шизофрения Гоголя, Мопассана). Еще чаще, если особенности организма не позволяют выйти из затянувшегося кризиса — самоубийство (примеры из-за их многочисленности не приводим). Вот подобные кризисы испытывал и Толстой. Первый, им сознательно зафиксированный и, пожалуй, наиболее страшный, глубокий, оставивший явные следы на всю его жизнь, кризис молодой Толстой испытал в Арзамасе («арзамасский ужас», описанный в «Записках сумасшедшего»). Потом были другие кризисы, уже без особо заметной симптоматики, вся тяжесть их в пору художественной зрелости и философской мудрости переносилась на душевные переживания, разлад обостренной совести и естественной природы человека. Был кризис после счастлившей (по его собственным словам) поры жизни Толстого: женитьба, успешное хозяйствование в усадьбе, написание «Войны и мира». Был сильный кризис после периода «Анны Карениной». Но перелом 80-го года по силе своей заставляет думать о страданиях души, едва ли не подобных «арзамасскому ужасу». Лев Николаевич в своих писаниях многократно возвращался к описанию того состояния, подчеркивая весь ужас близости к самоубийству (предисловие к «Соединению, переводу и исследованию 4-х Евангелий»; «В чем моя вера?»; «Исповедь»; «Царство божие внутри Вас»^{*} и во многих других статьях, трактатах, письмах и дневниковых записях).

Поэтому-то, очевидно, этот кризис и выделяют исследователи Толстого. Действительно, период начала 80-х годов характеризовался сильным послекризисным «отрицанием и созиданием» новых начал в мировоззрении Льва Николаевича, но акцентировать этот момент, приписывать этому периоду чуть ли не изменение всех жизненных принципов, всего отношения к собственной художественной деятельности — это, скорее всего, крайняя позиция.

^{*} Соответственно, тома 24, 23 и 28 Юбилейного ПСС в 90 томах

Лично у меня выработалось твердое мнение, что в мировоззрении Льва Толстого не было никаких капитальных ломок, были кризисы, после которых он переходил на качественно более высокий круг мирозерцания. Анализируя все творчество Толстого, видишь удивительную последовательность развития всех сторон его таланта, всех принципов его философского, этического и художественного мышления. И только усиление той или иной грани таланта в отдельные периоды может дать основание судить о пресловутом «коренном переломе».

Вряд ли по существу можно найти контрдоводы; художественным творчеством Толстой занимался всю жизнь, даже в последние годы «отказа от художественного» он писал много и плодотворно, были такие всплески как «Воскресение» и «Хаджи-Мурат», «После бала».

С другой стороны, публицистика, философская работа, религиозное морализирование, писание социальных этических трактатов — все это начинается отнюдь не с 80-х годов, но одновременно с написанием «Севастопольских рассказов», автобиографической трилогии*. Идея пацифизма вряд ли много изменилась в творчестве и мировоззрении Толстого после ее капитальной разработки в «Воине и мире». То же можно сказать и об очищении Толстым духа христианского учения, идее своего рода антигосударственности в системе воззрения писателя. Все шло последовательно, в полной преемственности, в расширении и глубине идеи, мысли.

Избегая многих слов, приведем структурную иллюстрацию вышесказанной мысли.

Данная схема не дает обрыва и инверсии в период 80-х годов. Все в преемственности и в поступательном движении и развитии.

Данное, несколько затянувшееся введение тем не менее представляется нам необходимым для пояснения позиций, с которых ниже и рассматривается этика и эстетика Толстого, его понимание сущности и назначения искусства.

Лев Толстой очень облегчил задачу исследования его эстетических воззрений: в 1897—98 гг. им был создан трактат «Что такое искусство?» — полный ответ на все могущие быть поставленными вопросы в части понимания писателем сущности и назначения искусства.

Также в 90-е годы Толстым был написан целый цикл статей по этой же тематике: «Предисловие к сочинениям Ги де Мопассана», «Письмо к Н. А. Александрову», «Об искусстве», «О том, что есть и что не есть искусство, и о том, когда искусство есть дело важное и когда оно есть дело пустое», «Об искусстве» (вторая статья под этим заголовком), «Наука и искусство», «О науке и искусстве», «О том, что называют искусством»**. Эти работы можно рассматривать как варианты отдельных глав основополагающего трактата «Что такое искусство?». Сведение воедино еще более облегчает условие анализа эстетического наследия Толстого.

Кроме этих работ, мысли Толстого об искусстве, сущности и назначении его встречаются (иногда в большом объеме) во многих произведениях писателя: в художественных произведениях, статьях, трактатах, письмах, дневниковых записях, записных книжках. Немало суждений об искусстве включено Толстым в компилятивные произведения: «Мысли мудрых на каждый день», «Круг чтения», «На каждый день» и в итоговый религиозно-философский, социально-нравственный труд — «Путь жизни»***.

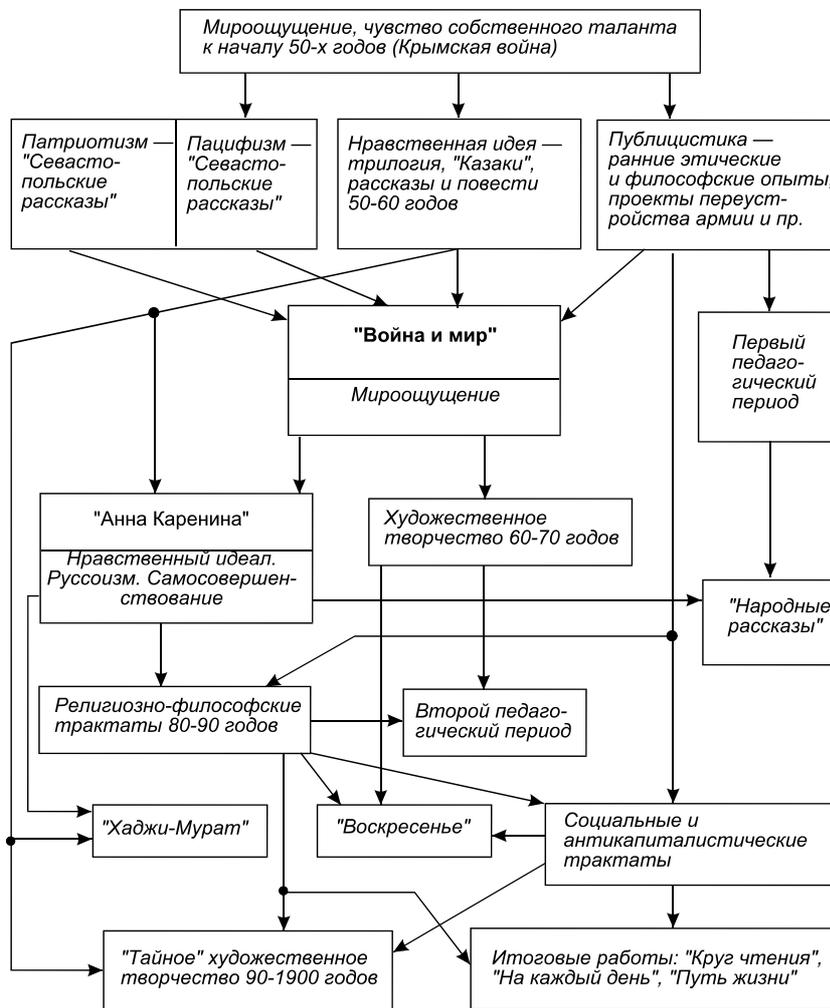
Что такое искусство? Ведь это не фикция, не надуманность?— *«Возьмите какую бы то ни было газету нашего времени, и во всякой вы найдете отдел театра и музыки; почти в каждом номере вы найдете описание той или другой выставки или отдельной картины и в каждом найдете отчеты о появляющихся новых книгах ху-*

* См. неоконченные и черновые материалы в 1—5 томах Юбилейного ПСС в 90 томах.

** Все в 30 томе Юбилейного ПСС в 90 томах.

*** Соответственно, 40, 41—42, 43—44, 45 тома Юбилейного ПСС в 90 томах.

дожественного содержания, стихов, повестей и романов», — такими словами начинается трактат «Что такое искусство?». Толстого особенно возмущает то, с каким вниманием общественное мнение, пресса обсуждают внешнюю, атрибутивную сторону феномена искусства, а более всего его поражает обилие художественной продукции, совсем не пропорциональное ее социальной значимости. «На поддержание искусства в России, где на народное образование тратится только одна сотая того, что нужно для доставления всему народу средств обучения, даются миллионные субсидии от правительства на академии, консерватории, театры»). Современное ему искусство представляется Толстому одной из отраслей пропаганды государственной идеи (в данном случае — православия, ложного историзма, самодержавия). Чуткость Толстого позволила ему здесь предугадать специфическое явление будущего XX века — официозность, государственную монополию на искусство, как одно из средств тоталитарной пропаганды (вспомним искусство Третьего Рейха, то же самое и «демократический» модернизм).

Наконец, искусство совсем выворачивается наизнанку и становится своим антиподом, антигуманизмом самого изощренного толка: «Но мало того, что такие огромные труды тратятся на эту деятельность, — на нее, так же как на войну, тратятся прямо жизни человеческие!».

А самое главное — современное искусство антинародное, безнравственное («*Балет же, в котором полуобнаженные женщины делают сладострастные движения, переплетаются в разные чувственные гирлянды, есть прямо развратное представление*»), официозное, бессмысленное, рассчитанное либо на элитарный, либо на развращенный, либо на дешевый вкус. Более того, в самой среде деятелей, творцов современного искусства, в критике этого искусства идет сплошное отрицание друг друга».

Таково внешнее суждение Толстого о современном ему искусстве.

Искусство есть деятельность, ее результаты: архитектура, ваяние, живопись, музыка, поэзия. В каждой из этих деятельностей сочетается полезное и вычурное, уродливое, ненужное (или нужное элитарной группе ценителей и создателей извращенного). Поэтому необходимо прежде всего для понимания истинной сущности искусства разделить полезное искусство и излишнюю надстройку над полезным. Но каким образом это сделать? Неспециалист в области эстетики судит интуитивно, считая, что определение искусства дается ему (всем) *a priori*: то что красиво для вкуса, обоняния, осязания, слуха и зрения (Толстой цитирует эстетиков: Ренана, Кралика, Гюйо). «*Для среднего человека кажется ясным и понятным то, что искусство есть проявление красоты; и красотой объясняются для него все вопросы искусства*»).

Еще ступень — а что такое красота? Толстой пишет, что за 150 лет со времен основания эстетики (как науки) Баумгартеном так и не дано объективное определение красоты, хотя над этим думали великие мыслители: Спенсер, Грант-Аллен, Гюйо, Тэн, Баумгартен, Кант, Шеллинг, Шиллер, Фихте, Винкельман, Лессинг, Гегель, Шопенгауэр, Гартман, Кузен и многие другие.* Чернышевский, добавим мы.

(Толстой поясняет этимологию и значение русского слова «красивый», замечая, что это русское слово неидентично соответствующим словам в европейских языках. Поэтому далее слово «красивый» употребляется Толстым в смысле «прекрасный»).

Сколько людей, столько и мнений; Толстой иллюстрирует эту мысль в приложении к определению основного понятия эстетики — красоты двумя десятками страниц выписок из трудов вышеперечисленных философов, эстетиков.

«...Выписанные здесь суждения о красоте и искусстве далеко не исчерпывают всего того, что написано об этом предмете. Кроме того, каждый день являются новые писатели об эстетике, и в суждениях этих новых писателей — та же странная заколдованная неясность и противоречивость в определении красоты»).

Из всех теорий эстетики выводится двоякое определение красоты:

а) красота — нечто существующее само по себе, одно из проявлений абсолютно совершенного;

б) красота — субъективно получаемое удовольствие без целей личной выгоды.

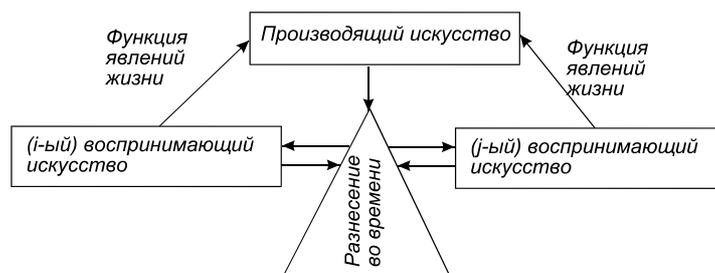
А по времени существует тенденция перехода в понимании красоты от метафизического к физиологическому. Таков вывод Толстого из анализа мировых учений эстетики. Мнение же самого Толстого по этим выводам: объективного определения красоты нет, все сводится к субъективному понятию. А поэтому: «*так что теория искусства, основанная на красоте и изложенная в эстетиках и в смутных чертах исповедуемая публикой, есть не что иное, как признание хорошим того, что нравилось и нравится нам, т.е. известному кругу людей*»).

Любую человеческую деятельность можно понять, только осознав смысл, цель и значение ее. Причем осознав **объективно**. Любое субъективное осознание — ложно. «*Люди поймут смысл искусства только тогда, когда перестанут считать целью этой деятельности красоту, т.е. наслаждение*»). **Признание красоты целью искусства — причина отсутствия точного, объективного и однозначного определения искусства.**

* См. ранее издаваемые серии «Памятники мировой эстетической и критической мысли» и «История эстетики в памятниках и документах»

Но и в отсутствие понятия красоты в существующих эстетиках все сводится к субъективным удовольствиям. *«Для того, чтобы точно определить искусство, надо прежде всего перестать смотреть на него, как на средство наслаждения, а рассматривать искусство, как одно из условий человеческой жизни»*).

Поэтому прежде всего искусство — средство общения людей между собой. Это связь замкнутая.

Если все остальные формы общения передают мысли, то искусство передает чувства. Происходит своего рода «заражение чувствами».

«Искусство начинается тогда, когда человек передает другим людям испытанное им чувство снова вызывает его в себе и известными внешними знаками выражает его»).

Искусство — это не наслаждение, а именно нечто, необходимое для жизни человека, движение его (индивидуума) к благу, средство общения людей по принципу соединения в одинаковых чувствах. Не только официально оформленное искусство (в статуях, книгах, театрах), но *«вся жизнь человеческая наполнена произведениями искусства всякого рода, от колыбельной песни, шутки, передразнивания, украшения жилищ, одежд, утвари до церковных служб, торжественных шествий»*).

В древности роль искусства была подчинительная, его зачастую только терпели, а иногда и запрещали (ислам резко сократил область развития искусства, запретив изображение людей, потому-то арабское искусство свелось к арабескам и архитектуре). А в современную эпоху искусство признано, государством поощряется, стало необходимостью — и все это при условии, что оно приносит удовольствие.

Толстой исследует причинную связь этих явлений: *«Оценка достоинства искусства, т.е. чувств, которые оно передает, зависит от понимания людьми смысла жизни, от того, в чем они видят благо и в чем зло жизни. Определяются же благо и зло жизни тем, что называют религиями»*).

Религия дает идеал, приближение к идеалу — приближение к пониманию жизни, поэтому религия есть основание оценки чувств людей. Искусство передает чувства. Если оно передает согласные с религиозным сознанием чувства — это поощряемое искусство, несогласные — отрицаемое искусство. Анализ христианской религии и вытекающей из нее тенденции развития искусств, ориентированных исторически на христианские догматы, приводит Толстого к мысли, что формализация (к настоящему времени) христианства привела к потере в обществе религиозного мировоззрения, *«а не имея религиозного мировоззрения, люди эти не могли иметь никакого другого мерила расценки хорошего и дурного искусства, кроме личного наслаждения»*).

Отсюда — по Толстому — тезис современного искусства об обязательном соединении красоты и добра как первоосновы искусства, в то время как еще Сократ, Платон, Аристотель, а после — буддизм и христианство — указывали на различное содержание понятий красоты и добра.

Поэтому и теория основателя эстетики Баумгартена, основанная на классовом

(буржуазном) толковании добра как красоты и наоборот — ложна; Толстой пишет, что она так же ложна, как и теория Мальтуса. В действительности же, *«чем больше мы отдаемся красоте, тем больше мы удаляемся от добра. Я знаю, что на это всегда говорят о том, что красота бывает нравственная и духовная, но это только игра слов, потому что под красотой духовной или нравственной разумеется не что иное, как добро. Духовная красота, или добро, большею частью не только не совпадает с тем, что обыкновенно разумеется под красотой, но противоположна ему»*.

Но как же существовало искусство после потери истинного религиозного чувства? — спрашивает Толстой. Его ответ: *«искусство высших классов отделилось от искусства всего народа, и стало два искусства: искусство народное и искусство господское»*). Отсюда и все метаморфозы современного искусства. Отсюда и требование Толстого о сведении искусства к доступности всем, только тогда оно будет выполнять свою функцию пользы и необходимости.

Современное искусство — элитарное в своей основе и по своему содержанию: вычурно, неясно, безрелигиозно, обыденно. Главная причина этого — искусство перестало быть религиозным, то есть народным.

Сложность, вычурность, неясность — девиз современного искусства по Толстому (далее Лев Николаевич дает подробный анализ наиболее элитарных деятелей искусства: Бодлера, Брамса, Верлена, Вагнера, Метерлинка, Бёклина, Берлиоза, Малларме). В противовес им Толстой ценит народно-религиозное творчество: житейскую литературу, Гомера, Веды. *«Искусство тем-то и отличается от рассудочной деятельности, требующей приготовления... что искусство действует на людей независимо от их степени развития и образования»*).

Современное же элитарное искусство даже искусством перестало быть, а заменило его суррогатом, подделкой; деятели же элитарного искусства выработали специальные приемы такой подделки: заимствование, подражательность, поразительность и занимательность. *«Во всех областях искусство производится по готовому, выработанному рецепту подделки под искусство, которое публика наших высших классов принимает за настоящее искусство»*).

А подобные подделки государственно и социально поощряются: вознаграждениями, лестью художественной критики, существованием и поддержкой художественных школ, в целом — *«профессионализацией искусства»*.

Люди элитарного круга полностью лишились способности воспринимать настоящее искусство, будучи воспитанными на подделках (Толстой поясняет это на примере творчества Рихарда Вагнера). Поэтому они и не заражаются искусством, ибо поддельное искусство не заразительно.

На страницах своего трактата, наряду с глубокими теоретическими положениями, Толстой подробнейшим образом проанализировал творчество всех крупнейших художников всех времен и народов. Оценка его очень жестка и бескомпромиссна, достаточно сказать, что о своем творчестве он пишет: *«Свои художественные произведения я причисляю к области дурного искусства, за исключением рассказа «Бог правду видит»...»*). И еще он выделяет «Кавказского пленника».

В исследованиях по эстетике Льва Толстого обычно отмечается прямолинейность суждений его, что-де Толстой за двумя полюсами: народное и элитарное, — не видел более ничего, всей сложности истории, путей, широты искусства. Что Толстой отверг Шекспира, Рафаэля, Микельанджело, почти всех современных ему художников кисти, пера и резца, что он отверг самого себя! Но все дело-то в том, что к оценке Толстого, его эстетических воззрений совершенно нельзя подходить так, как подходят к оценке эстетик даже таких знаменитостей, как Баумгартен, Винкельман, Лессинг, Гёте, Шефтсбери, Юм, Чернышевский и пр. То были *«эстетики»*, люди, профессионально (в смысле оценки основного направления развития своих творческих воззре-

ний) подходивших к периодизации, классификации, аргументации *науки эстетики*. Как справедливо заметил в своем трактате по искусству Лев Толстой, что в основном эстетиками были немцы, и с немецкой педантичностью они расписали всю эстетику творчества по параграфам.

Лев же Толстой был прежде всего мыслителем, проповедником, творческой, глубоко одаренной натурой с комплексом родовой вины перед социально угнетенными классами, человеком, лишенным всякой сословной, творческой, художественной фальши. Его эстетические воззрения — почти итог жизненного пути (над трактатом «Что такое искусство?» он работал, в общей сложности, около 15 лет), плод полувековых раздумий писателя, философа, моралиста. Крайне неправы те, кто относит 80-е годы Толстого чуть ли не к творческой пассивности, сомнительному по результатам самопокаянию, заблуждениям писателя.

Мне кажется, что этот период — наиболее творческий, но не в смысле художественном, а в смысле философской, морально-этической оценки современного ему мира, оценки собственного творчества; это время перехода на новый, более высокий круг миропознания.

Эстетика Льва Толстого — органичное обобщение его творческих концепций, его отношения к искусству. Оно, безусловно, противоречиво в сравнении с общепринятыми эстетическими теориями, но весьма органично вытекает из мировоззрения и принципов творчества Толстого; то есть внутреннего противоречия в ней нет, а это говорит о ее целостности.

Галина Баланюк
(г. Тула, 1918—1994)

**ПО НИМ УЧИЛИСЬ ПОКОЛЕНИЯ.
ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ
И СОВЕТСКИЙ БУКВАРЬ**

Исполнилось 400 лет со дня выхода первого русского букваря. Огромный путь, пройденный отечественным просвещением, отделяет напечатанный Иваном Федоровым букварь от современных учебников. Важный этап этого пути связан с именем Л. Н. Толстого.

«Черемуха, чтобы ее не глушила липа, перешла из-под липы на дорожку... Она поняла, что ей не жить под липой, вытянулась, вцепилась сучком за землю, сделала из сучка корень...» («Черемуха»). «Кора у деревьев – те же жилы у человека... Через кору сок ходит по дереву и поднимается в сучья, листья и цветы...» («Яблоня»). Классика... для детей 6—8 лет. Это Л. Толстой. Рассказы из его «Азбуки», о которых А. Е. Елизаров, С. А. Маршак отзывались с восторгом. Маршак отмечал, что для Толстого, было делом писательской чести справиться не только с многолистовой эпопеей, но и с рассказом из четырех строчек.

Величие художника никогда не подавляло в Толстом талантливейшего педагога-самородка. Вклад Льва Николаевича в развитие отечественной школы и педагогики огромен. Сотни высокохудожественных рассказов для детского чтения, талантливые учебники — «Азбука», «Новая азбука», четыре книги для чтения, с методическими указаниями для учителя, «Арифметика», «Грамматика», фундаментальные педагогические статьи, редактирование педагогического журнала «Ясная Поляна», многолетняя педагогическая деятельность в созданной им Яснополянской школе для крестьянских детей, самоотверженная организаторская работа по открытию десятков школ в Тульской губернии, особенно в Крапивинском уезде, долголетняя творческая методическая деятельность с прогрессивной частью учителей тульских гимназий, своего рода творческие методические семинары для учителей на базе открытых уроков в Яснополянской школе — таков неполный перечень прямого, «пожизненного» участия Л. Н. Толстого в судьбах народного образования своей родины. Однако, не многие представляют себе, какова исключительно большая его роль в становлении советской школы. С именем великого художника и самобытного педагога связан буквально каждый год, почти каждый день учебы нашей детворы.

Характеризуя самый ранний этап становления социалистической школы, Н. К. Крупская писала: «Октябрьская революция сразу сделала непригодными старые учебники. Их никто даже не отменял. Но немислимо просто стало учиться по книжкам, по которым учились десятки лет целые поколения. Учебники, наполненные молитвами, воспеванием царей и пр. сразу превратились в хлам. Старая помещичье-буржуазная идеология вкраплена была в каждый учебник...»

Старые учебники особенно наглядно отражали ту глубокую пропасть, которая легла между содержанием образования в дореволюционной и послереволюционной школе.

Первые годы после Великого октября наша школа жила фактически без учебни-

ков. Шли энергичные поиски новых учебных планов, программ, методик, новых принципов составления учебников. А пока?.. Указание Наркомата гласило: «Суметь безошибочно отобрать лучшее из классики». И Надежда Константиновна Крупская в числе первых называет «Новую азбуку» и «Книгу для чтения Л. Толстого».

Уже в букварях 1918—1920 гг. составителей Ананьина, Борина, Соловьева, Флорова, Васина, Шувалова, в «Букваре новой народной школы», в «Живом слове» и ряде других были наряду со стихами Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова, Никитина, рассказами К. Д. Ушинского, Гаршина, многие рассказы из «Новой азбуки» и «Книг для чтения» Л. Толстого. Важно подчеркнуть, что еще задолго до создания у нас стабильных учебников и букварей, книг для первоначального чтения в период половодья различного рода «краевых», «областных» и даже «районных» книг для чтения подавляющее число местных изданий неизменно включало рассказы и отрывки из произведений Л. Толстого.

Шло коренное преобразование содержания и методов начального образования, создание новых букварей и книг для чтения в 20—30-х годах, совершенствование их и новые поиски в 40—50—60-е годы. И в этом процессе на основе тщательного отбора всего насыщеннейшего в художественном, нравственно – эстетическом и познавательном планах из учебных книг Л. Толстого увеличилось число его рассказов, включенных в стабильные буквари и книги для чтения.

Через все издания советских букварей и книг для чтения, через всю историю начального звена высшей школы прошли такие толстовские миниатюры, как «Косточка», «Гроза», «Весна», «Прыжок», «Акула», «Мильтон и Булька» и другие, воспеваящие труд, родину, красоту человеческих отношений, любовь к знаниям.

Каждый взрослый пережил незабываемые годы своего ученичества, носил когда-то в незамысловатой сумке свою первую книгу — букварь, по которому впервые познакомился с Толстым.

Идеи гуманизма, преемственности поколений, прежде всего через свободный труд, культуру, непреходящие нравственные ценности выражены Толстым в книгах для детского чтения с такою глубиной и предельной простотой, в такой художественной форме, что и сегодня восхищают силой своего обобщения и эстетическим совершенством и современностью. И сегодня первоклассники, едва одолев букварь, уже соприкасаются с жемчужинами художественного слова, адресованные Толстым юным поколениям.

(«Коммунар», 11 августа 1974 года)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

(Рубрику ведет зав. отделом критики Ирина Кедрова)

Сергей Норильский
(г. Тула)

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО СОГЛАСИЯ

Как тульский литературовед трактует некоторые стороны учения Толстого

Сергей Норильский (Сергей Львович Щеглов) автор четырнадцати документально-художественных, историко-краеведческих, литературно-критических, литературоведческих и публицистических книг и брошюр. Среди них: «Город Норильск» (1958), «Николай Федоровский» (1967), «Сергей Степанов» (1974), «Владимир Лазарев» (1986), «Не вечно зло, если добро множить» (1998), «Извечный поединок света и тьмы в прозе и драматургии Игоря Минутко» (2006), «Павел и Клавдия» (2008) и другие. Дважды удостоен журналистской премии имени Глеба Успенского, лауреат литературной премии имени Льва Толстого (2000). Составитель и автор текстов трех томов книги памяти жертв политических репрессий в Тульской области. Основатель и председатель Тульского областного отделения Общероссийской общественной организации «Российское историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»». Член Союза журналистов России, член Союза российских писателей.

В 1991 году в Туле было издано «Евангелие для детей» Л. Н. Толстого. В числе других толстоведов к изданию был привлечен исследователь творчества художника и мыслителя Борис Сушков. Он стал составителем сборника, в который вошли и некоторые произведения Льва Николаевича на христианские темы. Сушков подробно прокомментировал их и написал вступительную статью. Особо остановился на расхождении Толстого с церковью.

За прошедшие с тех пор годы произошли коренные изменения в жизни России и всего мира. Расширил круг своих исследовательских интересов и искусствовед, философ и публицист Сушков. И вот в конце 2008 года вышла его обширная книга «Альтернативы Толстого. Альтернативный Толстой».

Замысловатый заголовок автор разъяснял в предисловии: «Толстому в конце жизни мнилось, что он возглавляет весь духовно-интеллектуальный процесс на пла-

нете, оппозиционный господствующему направлению светской цивилизации (...) И он предлагал свои *альтернативы* для решения главных вопросов (...) Мой Толстой — *альтернативный* узко-«академическому» и позитивистски апологетическому Толстому». Сушков предложил диалог Толстого с XXI веком.

Убедительность главных выводов книги подтверждается проникновением в глубину науки о Толстом, собственным многолетним опытом изучения художественного и мировоззренческого материала яснополянского мыслителя, аспектов его личности и биографии.

Считаю необходимым заметить: Толстому не *мнилось*, будто он возглавляет духовно-интеллектуальный процесс на планете. Он действительно возглавлял его. Назовите кого-нибудь еще, кто занимал такое же место. Не только своим бесценным опытом самоисследования важен для нас этот художник и философ, а своими принципами, своей проповедью. И не только для русской духовной культуры, а для всего человечества, тем более в век глобализации. Толстой, как всякое великое явление, возникнув в национальной почве, стал интернациональным.

Сушков обстоятельно развивает мысль: для Толстого «религия стала «необходимостью разума». Естественно, он обратился к традиционной форме бессмертия — к богу. В поисках его определения он дошел до первопричины всего и назвал это богом. Потом всю жизнь уточнял, что такое бог, и в этом уточнении все более и более удалялся от веры и спекулятивной философии и приближался к науке».

Сушков заключает: «Толстовская религиозно-философская концепция человека, его жизни и бессмертия (...) нуждается в корректировке с точки зрения современных научных знаний о человеке, материи и космосе».

Седьмую главу книги Борис Сушков начинает с обстоятельного анализа «Записок сумасшедшего» Л. Н. Толстого. Глава называется: «Арзамасский страх или в поисках утраченного бессмертия». Запись Льва Николаевича о том, как в гостинице города Арзамаса была у него мучительная ночь страха смерти, разбирается Сушковым в свете мечты о бессмертии (отсюда использование — перефразировка — заглавия знаменитого романа Пруста).

Сушков приводит читателя к выводу: страх смерти физической сопряжен у высоких индивидуумов ее страхом смерти духовной. Толстовская идея деградации жизни без ее моральной силы, уверяет Сушков, нашла подтверждение в естественных науках. Опасность угасания цивилизации, ее гибели все очевиднее приходит в зависимость от попрания нравственных норм поведения людей, в особенности в условиях технического прогресса. Миллиарды жителей планеты зависят от единиц правителей, диктующих свою волю. По извечной традиции правители эти — военные, их психология зациклена на необходимости войн. Совладать с этой психологией до сих пор не удается; прорва войны и подготовки к ней поглощает большую часть того, что люди производят своим трудом и творческим гением. Несомненно, это следствие дикости.

В связи с этим наш автор напоминает, что «некоторые философы отказались от определения нынешнего человека как «хомо сапиенс», считая его преждевременным, заменив его более скромным определением: «человек технический». Технические навыки, которые приобрел человек в процессе физического труда, мы спутали с разумной деятельностью»

Интересны рассуждения Бориса Сушкова о душе и духе, о человеке душевном и человеке духовном. «Дух — безличен и бессмертен, и ему не нужно личного бога и своего личного корпускулярного бессмертного тела, чтобы вечно пребывать с богом где-то там, «на небеси» (...). Истинное бессмертие Христа — в воскресении его через свое слово-учение в душах апостолов и истинных последователей, а не в телесном воскресении после смерти (...). «Слово» и есть бессмертное «тело» человеческого «духа».

Продолжая эту тему в разделе «Ломать привычные стереотипы мышления» той же главы, Сушков приходит к вопросу о «вечном разуме», якобы создавшем все бесконечное многообразие жизни во Вселенной. Полемизируя с В. Солоухиным, он иронически констатирует: «В этом в высшей степени примечательном рассуждении поражает прежде всего странная логика: писатель хоть и признает высший разум существующим, однако тут же высказывает сомнения в его ... разуме».

Распространенная ныне теория Высшего Разума по сути — та же божественная идея Создателя, которая в основе всех родившихся в древности религий, Отсюда и утвердившийся в них ответ на вопрос о том, почему творец бросил созданных им людей на произвол судьбы: он якобы дал им свободу выбора. На том и замыкается безысходный круг. Все поиски Высшего существа, Высшей силы, то есть Бога, ведут в один и тот же тупик.

Убежденной материалист Сушков в итоге своих изысканий о бессмертии приходит к единственно верному выводу: «Мы живем в мире непримиримых пока политических и религиозных идеологий, ставших государственными системами, направленными друг против друга и препятствующими развитию во всем мире общечеловеческой нравственной философии — религии разума».

Свыше столетия назад Толстой пришел к необходимости отвергнуть все побочное и заняться нравственным совершенствованием личности. Восьмая глава книги Сушкова посвящена анализу драматургии Льва Николаевича и, в частности, его комедии «Плоды просвещения». Великий художник и мыслитель убедился, что исправлять общество надо, начиная с себя и своей семьи. Так возникла первая постановка «Плодов просвещения» в яснополянском доме, осуществленная его обитателями. Явление уникальное. Врачевание искусством Толстой пробует на своих близких.

С высоким мастерством литературного критика Сушков исследует эту и дальнейшие постановки комедии Толстого и других его пьес, приводя к общему знаменателю их идею. Становление личности при помощи искусства автор убедительно доказывает на примере творчества современных нам прозаиков и драматургов России — Шукшина, Вампилова, и таких актеров, как Смоктуновский, Олег Ефремов, Высоцкий.

В главе «Возвращение на круги своя» Сушков с таким же блеском и глубиной преподносят читателю исторический опыт общения зрителей-театралов с яснополянским гением, преподанный на сцене Малого театра такими мастерами, как писатель Ион Друцэ, режиссер Борис Равенских, актер Игорь Ильинский.

Вместе с тем критик высказывает и несогласие с трактовкой некоторых сторон работы Малого театра. Верно, на мой взгляд, замечание Сушкова, что притча о волке, внешне эффектно положенная Ионом Друцэ в основу сюжета повести и пьесы, не соответствует содержанию образа главного героя произведения. «Уход Толстого из Ясной Поляны подготавливался всей его жизнью, всей логикой его духовного развития, — пишет Сушков. — И он уходил не навстречу смерти, как уходит старый волк в притче, а навстречу новой жизни, навстречу людскому морю, чтобы уже ничто не отделяло его от него» (...). Не похожа и их гибель. С биологическим завершением жизни волк исчезает бесследно (...). У Толстого биологическое завершение жизни не стало ее концом — она перешла в бессмертие (...), в нечто более драгоценное, живое, осязаемое и развивающееся — духовное бессмертие.

В завершающей главе «Куда ж нам плыть? (Духовное эсперанто или пушкинский синтез?)» автор книги размышляет о «всемирной отзывчивости» великих русских поэтов, их всечеловечности, — вопреки квасным патриотам, скрывающим за патриотизмом свою духовную ограниченность и косность. Сопоставляя концепции западников и славянофилов, Сушков развенчивает нынешние потуги некоторых кругов возродить «Великую Россию» на базе сильной власти, безудержной военной мощи и православия. «Не реанимировать старое, а творчески переосмыслить все элементы

русской национальной культуры с позиций нашего исторического опыта!» — призывает автор книги.

Девятой главе он предпослал немецкую пословицу: «Воспитывают народ не памятники его славы, а памятники его позора». С учетом исторического национального опыта нетрудно понять: немцы за последние два столетия убедились в правильности этого изречения. Хотя и не все. О чем свидетельствует неумирающий фашизм. Можно представить, какой гнев вызовет это парадоксальное умозаключение у тех, кто призывает сегодня помнить лишь славные страницы истории и поменьше думать и говорить о трагических.

Главу эту Сушков посвятил тому, по какой причине Толстой обозвал свой роман «Война и мир» «многословной дребеденью».

Искусствовед пишет: «Роман в школьных учебниках прочитан раз и навсегда в сугубо патриотическом духе (...) Рабская психология не изжита у нас и поныне. Наша борьба за новую демократическую Россию есть попытка окончательно порвать с рабским прошлым и обрести, наконец, человеческое достоинство».

В свете этого и пытается Борис Сушков прочесть роман Толстого, упрекая автора в том, будто он «вопреки очевидности» искажает истинный характер войны 1812 года и, в частности, поведение императора Александра и Кутузова. Вот эту концепцию создателя «Войны и мира» и полагает Сушков «многословной дребеденью», обозначенной им в письме Фету.

Конечно, у художника был свой замысел произведения, и он не всегда совпадал с исторической действительностью, тем паче с трактовкой ее историками. Постоянный главный герой Толстого — правда — понимался им отнюдь не в соответствии с теми или иными выводами предшественников и современников. Идея Толстого была глубже традиционных трактовок. Самокритичное же определение его свидетельствует об изменении с годами его взглядов на многие вопросы и связанной с этим оценки прежнего творчества. Что касается военной доктрины, положенной в основу романа, — простор для критиков тут полный. Борис Сушков даже сопоставляет эпопею 1812 года с Великой Отечественной войной 1941—45 годов и высказывает мысль, что «напрасно эту скифско-александро-кутузовскую тактику и стратегию сбережения армии и народа не применили в войне с Гитлером и заставляли советских солдат (...) биться «не на жизнь, а на смерть». «Дубина народной войны — всего лишь патриотическая риторика Толстого. Дубасили этой дубиной уже не войско, а полутрупы, бредущие по разоренной дороге в лютый мороз назад в Европу. Толстому все это было хорошо известно из первоисточников, но он на все это закрывает глаза, ему для его философии истории нужен был другой русский народ, — не раб, а «богоносец» и другая война и победа. И он начинает выдумывать свои законы истории и народ, и его победу (...) Поэтому-то нужно было унижить и «развенчать» героическое (...) начало и в Наполеоне, и в Андрее Болконском, и в истории вообще. Роль героической личности в истории — мнимая, считает Толстой».

И Сушков становится на сторону тех историков, философов и поэтов, которые видели в Наполеоне великую историческую личность. Борис Филиппович привлекает в союзники Мережковского, Вл. Соловьева, Пушкина («Хвала! Он русскому народу высокий жребий указал и миру вечную свободу из мрака ссылки завещал». Это Наполеон-то!)

Очень сомнительно, чтобы автор «Войны и мира» согласился с таким прочтением его самокритики. Неоспоримая концепция Толстого — полное отрицание захватнической войны и ее организаторов как якобы великих личностей. В том и состоит высшая мудрость яснополянского мыслителя и художника, его новаторство как философа. Героическую личность Толстой признает только в соединении с идеей добра и любви, то есть с чисто христианских позиций.

Какое может быть героическое начало в генерале Бонапарте? Толстому он бесконечно чужд, враждебен. Нравственное превосходство русского народа перед армией завоевателя — нравственное возвышение жертв агрессии перед насильником. Дубина народной войны — не патриотическая риторика автора «Войны и мира», а историческая реальность, справедливая и оправданная морально.

Предпринятая Сушковым попытка понять и объяснить, почему Толстой в 1871 году в частном письме назвал «Войну и мир» «многословной дребеденью», — не что иное, как доказательство того, что всякое великое произведение литературы можно читать по-разному, что иногда делают даже сами их авторы. Из колоссального богатства содержания великих творений всегда можно выбрать что-то, достойное критики или полного отрицания. Это подтверждается самим же Сушковым. Буквально вслед за окончанием главы о «древедени» он пишет:

«Толстой — не художник, отображающий действительность, он ее демиург, «творец». Свою проблему перевоспитания, пересоздания себя по высшему идеалу он превратил в проблему литературы и философии, резко выразивших его взгляды на человека, жизнь и историю».

Этим высказыванием Сушков открывает предпоследнюю главу своей книги, посвященную еще одному феномену Толстого: «Почему он назвал «Анну Каренину» «мерзостью»».

Как и в случае с самооценкой «Войны и мира», речь идет о высказывании Толстого в частном письме (на сей раз — к В. Стасову). Сушков и здесь делает попытку объяснить самокритику автора романа в том же категорическом стиле, как и в предыдущем случае. «Мерзость» тут очевидна, — утверждает он, — и в романе об Анне Карениной Толстой оболгал в Анне женщину и ее любовь, выставив ее патологической любовницей (...) Писатель намеренно солгал против правды».

Столь решительное заключение Сушков пытается подкрепить высказыванием Овсяннико-Куликовского. Причем идет гораздо дальше этого ученого и в конце концов приходит к таким выводам:

«Юродствующий во Христе до патологии идиотизма Достоевский и Лев Толстой, призывающий игнорировать законы эволюции (...) Патологический К. Станиславский с его мнимой «жизнью человеческого духа».

Борис Филиппович милостиво заявляет: «Простим ему (Толстому! — С. Н) невольная грех». Снисходительно резюмирует: «когда он еще был настоящим художником и не собирался спасать мир».

О Льве Николаевиче следует отзываться более осторожно.

Положив в основу своей проповеди учение Христа, яснополянский мыслитель принял на себя и все стрелы критики и отрицания реальности Христовых заветов.

Сушков пишет о Толстом: «Он всячески расхваливает эти установления, особенно непротивление злу, считая его главной заповедью: он убежден, что исполнять их легко и приятно, не задумываясь (...), что жизнь человека превращается в сплошной подвиг и ад»

Подвиг и ад — понятия несовместимые. Игнорируя это, Борис Сушков приходит к тому, что «костью в горле» цивилизации был не столько Толстой, сколько сам основатель христианства. «Всех людей не заставишь быть мучениками-мазохистами (...), они почему-то не желают этого «блаженства». Более того, считают безумными софистами тех, кто — призывает их к такой жизни».

Борис Филиппович, это же искажение ситуации! Во-первых, никто никогда не заставлял и не заставляет людей быть мучениками, дело это абсолютно добровольное. Исключения, конечно, были — самосожжения староверов и т. п. (да и там рядовых людей на убой гнали их вожди). Но всегда, во все времена убежденные в чем-то люди шли на страдания и на смерть исключительно по зову сердца. Во-вторых, и самое

главное: как можно мучеников за идею (и прежде всего — христианскую!) обзывать мазохистами? Мазохизм — вид полового извращения, выражающийся в потребности испытывать боль, причиненную лицом противоположного пола (по имени австрийского литератора Захер-Мазоха (1836—1895), страдавшего этим пороком. Этот несчастный завоевал скандальную известность сочинением эротических романов, смакующих указанную патологию. Согласитесь: приравнивать мученичество за идею к половому пороку — значит оскорблять страдальцев за убеждения. Это — кощунство.

Дальше — больше. Вы, Борис Филиппович, становитесь на сторону главного врага Христа — иудейского первосвященника Каифы, требовавшего от Синедриона, а затем и от Пилата: «Лучше пожертвовать одним безумцем, чем дать ему погубить весь народ».

«Массовая гибель первохристиан, — пишете Вы, — (...) подтвердила его правоту. Поэтому каждый истинный последователь Христа объявлялся безумцем и, по сути, был таковым. Например, поздний Толстой».

И далее Вы ссылаетесь на высказывание Бердяева, сделанное в том же духе.

Первохристиане самоотверженно гибли ради своей идеи. Две тысячи лет спустя после их подвиг повторили новомученики и исповедники веры Христовой в годы гонений советской власти на религию в России и СССР. Для первохристиан эта кончилось тем, что один император римский отвел свой народ от язычества и сделал христианство государственной религией. Противники этого императора называли его безумцем, поскольку он дал волю учению, отрицавшему языческие критерии личности, в том числе воинскую доблесть, без которой дикари язычники полагали жизнь невозможной, без которой государство, по их мнению, существовать не может.

Что произошло вслед за великой реформой Константина? Ставши христианской, Римская империя трансформировала учение Христа сообразно прежним нормам, воинская доблесть осталась неприкосновенной. Властители гнали полчища христиан с крестом на знаменах покорять другие народы, истреблять человеческие жизни. Это и дает право некоторым «современным ученым» утверждать, будто «безумец из Назарета» и его последователи ничего не достигли, жизнь ни чуточки не изменилась к лучшему. Войны как были, так и остаются главным содержанием государственной политики, только по мере технического прогресса становятся все более разрушительными и приводят к гибели сотен миллионов людей.

А что случилось после самоотверженной борьбы советских новомучеников? (Их было больше, чем древних христиан). Империя, их мучившая, достигла большего могущества, чем все предыдущие державы. Но в мгновение ока рухнула, большинство ее достижений пошло насмарку. Русская православная церковь возвратилась на место, какое занимала тысячу лет.

В обоих исторических случаях все повернулось на круги свои. Но значит ли это, что подвиг первых христиан и советских новомучеников был напрасен? Отнюдь нет! Хотя конечная цель и не была достигнута, но все-таки от прежней дикости люди в какой-то степени отошли.

Геннадий Красников
(г. Москва)

ЖИВЕТ «СВЕТАЩИМСЯ ФАВОРОМ»
(К выходу в свет антологии «Русская поэзия. XXI век»)

Геннадий Николаевич Красников родился 30 августа 1951 года на Южном Урале в городе Новотроицке Оренбургской области. Окончил факультет журналистики Московского университета в 1974 году. Работал корреспондентом районной газеты в городе Озеры Московской области, около 20 лет был главным редактором альманаха «Поэзия». С 2008 года работает в Литературном институте им. А. М. Горького, ведет поэтический семинар на заочном отделении. Лауреат литературных премий им. А. М. Горького, им. Бориса Полевого, премий газеты «Литературная Россия», журнала «Москва». Участник всемирного фестиваля искусств в городе Эдинбурге (1987 г.).

Смотром интеллектуальных, эстетических и художественных сил можно назвать издание антологии «Русская поэзия. XXI век», выходящей в конце ноября — в начале декабря этого года в московском издательстве «Вече», и являющейся прямым продолжением широко известной антологии «Русская поэзия. XX век», выдержавшей два издания и уже ставшей библиографической редкостью.

Наиболее полное поэтическое издание в XXI веке (объемом без малого в пятьсот страниц), эта антология лучших поэтических произведений, создававшихся от 2000-го года по сегодняшний день, — явление историческое и уникальное, поскольку включает в себя около четырехсот имен поэтов разных поколений и эстетических групп и школ не только со всей России (от Москвы до Иркутска, от Смоленска до Чукотки, от Оренбурга до Воронежа, от Пскова до Красноярска, от Сыктывкара до Нижнего Новгорода, от Санкт-Петербурга до Калининграда), но и со всего русскоязычного мира (от Канады до американского штата Айова, от Киева до Иерусалима, от Праги до Минска, от Лондона до Таллинна и Германии), ярко и замечательно подтверждающих, что время молчания и немоты русской поэзии закончилось!

Таким образом, читателям предлагается своего рода эвристический проект — взгляд в будущее, поиск разновекторности путей, прогноз, некий эскиз, проект этих будущих путей, некое задание на будущее. Неслучайно уже сейчас, еще до выхода книги, зная только по журнальным публикациям о ее концепции, о ней уже спорят, пишут в различных периодических изданиях, как в России, так и за рубежом.

Книгу предваряет вступительная статья аналитического характера. К каждому автору прилагается библиографическая справка, что придает книге, предназначенной как для самого широкого читателя, так и для изучения в вузах и в школе, историко-литературоведческий характер. Представлены также фотографии авторов.

Уникальны не только состав этого весьма солидного издания, но и ее структура и построение. Антология открывается своего рода «эпилогом вместо пролога» — «Так начинался век XX-й», отвечающим на вопрос, не рано ли составлять сборник стихов

нового века? Приведенные в разделе классические стихи И. Анненского, К. Случевского, К. Фофанова, В. Брюсова, К. Бальмонта, А. Блока, А. Белого, Н. Гумилева, Ив. Бунина, написанные в первое десятилетие XX века и вошедшие в золотой фонд русской литературы, дают исчерпывающий ответ на подобные сомнения.

Раздел «Я устал от XX века» включает в себя полные драматизма стихи ушедших перед самым концом прошлого столетия поэтов, выразивших в своих стихах определенное предчувствие смены эпох, времени, и даже успевших попрощаться своим творчеством с уходящим веком, предъявить ему как свой счет, так и чувство признательности. Раздел представлен именами значительных поэтов, среди которых — Вл. Соколов, Н. Старшинов, Ю. Друнина, А. Чиков, Б. Чичибабин, Н. Тряпкин, Т. Глушкова, А. Жигулин, Б. Примеров, В. Бурич, Евг. Блажеевский, А. Башлачев и другие. Собственно эпиграфом к этим последним годам двадцатого века могли бы стать строки Юрия Кузнецова:

*Искусства нет — одни новации.
Обезголосел быт отцов.
Молчите, Тряпкин и Рубцов,
поэты русской резервации.*

И совсем из другого поколения человек, прекрасный русский поэт Евгений Блажеевский, в трагических стихах предскажет и свою раннюю смерть, и покажет историю тех лет, какой она видится с высоты поэзии и вечности:

*Сжимается шагрень страны
И веет ужасом гражданки
На празднике у Сатаны,
И оспа русской перебранки
Картечью бьет по кирпичу,
И волки рыщут по Отчизне,
И хочется задуть свечу
Своей сентиментальной жизни...
(«Сжимается шагрень страны...»)*

Их уход тоже по-своему был предопределен, что видно по тем горьким предчувствиям, которые они оставили, как, например, в стихотворении нижегородца Юрия Адрианова с характерным названием «Эпилог XX века»:

*Бессмертны и честь, и отвага,
А Родина — выше всего!
Мы век начинали с «Варяга»,
Окончили «Курском» его...*

В основной состав входят стихи нового века и тысячелетия, созданные поэтами, среди которых имена от самых старейших, таких как В. Боков, К. Ваншенкин, В. Субботин, Н. Панченко, А. Межиров, М. Борисов, Е. Исаев, а также — Н. Матвеева, Г. Горбовский, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулина, И. Шкляревский, Ю. Мориц, А. Брагин, А. Кушнер и многие другие.

В книге представлены тульские поэты — это хорошо известные любителям поэзии В. Пахомов, В. Савостьянов....

Антологию завершают дебютанты, те, кому предстоит определять лицо нового поэтического поколения. Самой молодой участнице этого раздела — 18 лет, а неко-

торые стихи, представленные здесь, были написаны авторами в 15—16-летнем возрасте. Уже сегодня можно говорить о ярком и безусловном даровании многих из них, так легко и свободно существующих в современном литературном пространстве, будь то традиционное книжно-журнальное поле, или Интернет, где иные молодые поэты давно обжили безграничное место в лабиринтах мировой паутины, общаясь со своими читателями в реальном времени и получая мгновенный отклик от многочисленных поклонников и почитателей, как это, к примеру, происходит с творчеством замечательной Веры Полозковой или Вячеслава Памурзина. Без сомнения, любителям поэзии запомнятся имена самых ярких дебютантов этой антологии — В. Заблицкой, Р. Ненашева, А. Афанасьевой, А. Русс, А. Нитченко, О. Мяловой, А. Болдырева, А. Минаковой...

Собственно вся истинная поэзия, да и все мы сами — из «вековой тишины» и глубины России (о чем напомнила судьба Александра Башлачева). Можно сказать, что поэтическое русское слово и есть обратная сторона вековой тишины, и мера таланта, мера личности Поэта заключается в том, *что же зачерпнул* (смог зачерпнуть!) из этой тишины и глубины поэт, *что* расслышал в себе самом, в своем народе, какую правду, какие эмоции...

Многие поэты выжили, выжили их стихи, явившись в новом качестве, о котором так выразительно сказано у Александра Кувакина:

*Вставай, вставай, обугленное слово!
Я песню радости спою тебе.
Угрюмый жар пожара мирового.
Пылавшего в твоей судьбе, Погас.*

*И только ветер гонит пули
По русскому бродвею день за днем...*

*Но свет горит. И на осеннем поле
По золотому черное легло.
И в этой непреклонной, вечной воле
Всплеск легкого дыханья твоего.*

*И праздничное налетает чувство,
Что выздоравливаешь ты,
Что пенья русского веселое искусство
Сорвет печать сердечной немоты.*

*И как лесов осеннее цветенье
Рисунком нежным в воздухе сквозит,
Так близкий снег — не снег, а вдохновенье.
Когда с землю небо говорит.
(«Осенняя песня»)*

Антология стала своего рода переключкой живых и мертвых на поэтическом смотре после многолетнего перерыва. Отозвались, и оказалось, что живы, и пишут — часто лучше прежнего — в Смоленске Алексей Мишин, Юрий Пашков, Виктор Смирнов, о которых ничего не было слышно. Живы томич Борис Климычев, туляк Виктор Пахомов, в Тосне — Николай Рачков...

Открылось сильная поэзия Оренбуржья, где ярко о себе заявляет молодая смена. Заметны поэтические имена Нижнего Новгорода... Занимает достойное место поэзия

в Сыктывкаре возле поэтического генералиссимуса русского севера Надежды Мирошниченко. Богат поэтами северный вологодский и архангельский край... Много ярких имен на псковской земле, в Самаре, Волгограде, Томске, Красноярске...

Какая блестящая плеяда женщин работает сегодня в поэзии, среди которых классическая во всех отношениях Новелла Матвеева с ее жесткими, бескомпромиссными сатирическими и философскими стихами, за которые ей все чаще достается от либеральной критики. (Так Пушкина когда-то бранили за его открытую позицию в стихах «Клеветникам России»). И только П. Я. Чаадаев писал Пушкину: «Я только что прочел Ваши два стихотворения. Друг мой, никогда еще Вы не доставляли мне столько удовольствия. Вот, наконец, Вы и национальный поэт. Вы угадали, наконец, свое призвание»...) Всегда новая богатыми интонациями, свежим языком Ольга Фокина; Мария Авакумова, которую не зря так любил за ее чистый совестливый голос Юрий Кузнецов; мощная, неумная Надежда Мирошниченко; глубокая, неторопливая Светлана Кекова; или такое сильное явление в русской поэзии — Светлана Сырнева с ее горькими стихами, напоминающими суровый реализм картин Виктора Попкова... Или вот молодая русская Жанна Д'арк, со стихами, взрывными как коктейль Молотова, — Марина Струкова:

*То ли с Запада армады грядут,
То ли с Юга азиатчина крадется,
Обступают, осаждают, пройдут...
Все пройдет, одна Россия останется.
И Америка потопа хлебнет,
И Европа жгучим пеплом подавится,
А нам пламя мятежей, словно мед.
Все пройдет, одна Россия останется...*

(Как сбылось в Нью-Орлеане ее американское пророчество о «потопе»!..)

Иногда, правда, «глубина России», не услышанная и не понятая посреди столичной «словесной войны», с ненавязчивым русским тактом напоминает не столько о себе, сколько о первородстве истоков, о корнях, без которых не удержится никакая поэтическая правда. Именно об этом иронично-мудрое слово Ольги Фокиной:

*Оказалось, мы — глухая провинция,
Обреченная на гибель теперь,
Оказалось, не оставишь в столицах, мы
Для самих себя захлопнули дверь.*

*Ну да ладно... Не остались, так нечего
Об отвергнутом когда-то жалеть.
Человечки — мы.
А там — ЧЕЛОВЕЧЕСТВО!
Мы-то выстоим. Ему бы — суметь...*

И вот эти-то «человечки» прекрасно держат «центр культуры»! Вдали от столиц русская поэзия спасает для мира, для России, для «человечества» экологически и духовно чистую «вековую тишину». Как сказано у Николая Рачкова:

*Отзвенели, ушли в никуда
Смех и плач в деревенских хоромах,
Но какая теперь лебеда
И какие сугробы черемух!*

*Эта хлябь. Эта глушь. Пустыри.
Птичий звон. Комариные песни.
И такая тоска —
Хоть умри.
И такая любовь —
Хоть воскресни.*

Итог этому тихому вздыханию подводит стихотворение самарца Евгения Чепурных — одного из самых замечательных поэтов нашего времени.

*В могиле неизвестного поэта,
В которую мы ляжем без имен,
Мерцают рядом свечка и комета,
Сроднившиеся после похорон.*

*Мы не прошли в анналы и в журналы.
Живя в тени, мы не отвергли тень.
Мы ляжем здесь, одни провинциалы
Из русских городов и деревень.*

*Смеемся, плутаем вдоль путей-дорожек
И крошим хлеб печали и страстей.
Но как ни странно,
Этих малых крошек
Хватает на прокорм России всей.
(«В могиле неизвестного поэта...»)*

Это чувство, эта прозрачная и глубокая простота и почти небесная ясность, которой отмечена современная русская поэзия, почти не переводима на другие языки...

Готовящаяся к выходу антология со всей определенностью показывает, что русская поэзия на сегодняшний день — в достойных ее образцах — лучшая в мире. В ней предстает многоуровневый срез современной России — эстетический, этический, исторический, социальный, культурный, политический, духовный, лексический, семантический... Это связано с тем, что каждое из названных качеств уходит своими корнями в народную жизнь, в народное мировидение и мироведение, в народное миропонимание и мировоззрение... Современная наша поэзия живет (продолжает жить!) «светящимся фавором» (С. Есенин) русского слова, русской души, русской культуры. В основе своей — в чем ее коренное отличие (всегдашнее, а ныне — особенно!) — это народная поэзия, кровно, духовно связанная с жизнью своего народа. Она словно датчик на самых болевых точках национального тела: на его сердце, мыслях, на его душе... Она передает, фиксирует все болезни нашего народа, его потаенные мысли, чаяния, его — нескрываемое — отчаяние и терпение. И потому во многом это поэзия трагическая, передающая всю драму, переживаемую Отечеством.

Это своего рода РУССКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ поэзии, а уж какими дорогами оно пройдет, нам не дано предугадать, многое будет зависеть от личностей, от исторического места России в мире и от того, какую судьбу выберет себе народ. Как совершенно справедливо говорил гениальный К. Леонтьев, словно провидя духовным зрением современную нашу тягу угнаться за прогрессом и цивилизацией: «Чем знаменита, чем прекрасна нация? — Не одними железными дорогами и фабриками, не всемирно-удобными учреждениями. — Лучшее украшение нации — лица, богатые дарованиями и самобытностью. — Лица даровитые и самобытные не могут быть без

деятельности творчества; — когда есть лица, есть и произведения, есть деятельность всякого рода».

Во вступительной статье к антологии приводятся слова замечательного русского критика Валентина Курбатова. Говоря о нашем времени, он предупреждает современного писателя: «Зарабатывай хлеб, чем хочешь. Музу на панель не пускай. Она тоже умеет перенести голод и холод, когда видит силу и твердость Поэта. Уж что-то, а страдание русская муза знала во всех оттенках и во все дни истории...»

Варвара Заблицкая, поэтесса из Оренбурга (кстати, самая молодая), одна из самых перспективных и ярких в своем поколении. В ее ритмически раскованных, мрачновато-жутких стихах уже сейчас слышатся будущие тектонические сдвиги нового столетия, гул которых она передает с репортажной точностью и скрупулезностью, хотя при этом она не берет на себя роль Сивиллы:

*...Я не люблю предсказывать, что будет с моей страной,
я не строю прогнозов, я скупа на скорбные фразы.
Но тот, кто еще в своем уме, рыдает вместе со мной,
наблюдая в бессилии злобном, как у нас отбирают разум...
(«Чтобы получше жить, мы ищем волшебные средства...»)*

Характерны названия ее стихов «Пророки пригорода», «Степная пыль»... Что-то есть в них от прошлых веков «Генералов песчаных карьеров», которых сегодняшнее время «разжаловало» почти до уровня библейской пыли:

*Мы — пророки пригорода, окраинные мессии,
мы едва успели родиться, но уже почти мертвецы.
Глядя прямо, но в никуда, собираем последние силы,
мы идем в Неизвестность смело, давя ногами ипприцы...
Нам не страшно запачкаться, но и грязью мы не измажем.
Нам не нужна Революция, не для нас Мировой Передел.
Мы хотим лишь свежего воздуха для легких, забитых сажеей,
и хоть каплю здоровой крови для своих зараженных тел.
Жаль, здоровье и чистый воздух — не для нашей чумной стаи:
обреченные умереть пусть умрут на своих местах!
Но мы идем в Неизвестность и за собой оставляем
сотни новых Мессий на обочине, на придорожных крестах.
(«Пророки пригорода»)*

И замечательно, что антологию XXI века завершают очень сильные стихи молодых поэтов, которые глубоко осознают свой выбор, на какую стезю вывела их судьба. Те, для кого, собственно, XXI век и будет своим, кто должен принять на себя свою долю русской судьбы и русской истории со всеми ее грядущими драмами и испытаниями.

Ирина Кедрова
(г. Москва)

КАВКАЗСКИЙ СЛОГ*

Название новой книги Александра Хадарцева «Дикая мощь Кавказа — вечноседой магнит» и объяснимо, и многое раскрывает.

Автор книги — осетин. И вполне понятна его магнетическая связь с вершинно-снежным массивом земной поверхности, как и верная с ним дружба:

Давай, Кавказ, поднимем тост ...

В поэтических строках, а также в памяти и чувствах уроженца Кавказа, многие годы живущего в русском городе, берущем начало в далеком XII веке, хранится стремление к объединению дорогих сердцу мест:

*По братски дышат Дагестан и Тула!
Их разлучить прижизненно — нельзя!*

А ведь есть те, кто пытается разлучить. И увести от многовековой дружбы один из кавказских народов и рассорить с Россией навечно другой народ. И делается это с помощью хитросплетений, в которых несправедливо обвиняют один народ в присвоении богатств и в уничтожении души другого народа.

Потому великое счастье, что есть такие люди, как А. Хадарцев — русский горец, сердцем обитающий на Кавказе и, одновременно, в России. Образность его стиха отлита в любви:

*Где горы в белых бурках запотели
В туманной дымке утренних забот,
Где на седых камнях по-братски жмутся ели...
Там — отчее гнездо, откуда род идет!*

В стихах А. Хадарцева любовь к жизни, и чтобы эта жизнь была нами осязаема, автор «вкусно» пишет, например, о еде, и нам непременно хочется оказаться в тех местах, где:

*Филе курдючного барана,
кюфта, бозбаи, — ласкают взор!...
Белеет сыр, духмянит зелень,
на горных травах — чудный чай!...*

* Александр Хадарцев. «Дикая мощь Кавказа — вечноседой магнит». — Тула: Тульский полиграфист, 2009.

Стих А. Хадарцева жизнеутверждаем:

*...буду падать, от усилия стонать,
но назло стихии, точно, буду жить!*

В нем:

Стоят на рейде корабли любви...

В нем море оживает и очеловечивается благодаря образности, свойственной взгляду поэта:

*Кто видел море после бури,
Когда усталость накопив,
Зеленый глаз слегка прищурив,
Оно шуршит под свой мотив?*

В нем звучит справедливое предупреждение о том, что природа не всегда тиха и добра:

*Смерч — стремглав ныряет в небо,
Покидая это море...
Злому ветру на потребу
Разливает слезы горя...*

В творчестве А. Хадарцева много поэтических и содержательных достоинств. Однако нет-нет, да ломается слог, и тогда появляется неоправданное многословье, мешающее восприятию: *только лишь вчера; ну да и ладно; нахальными в меру и яркими; что толку гадать, что на сердце...*

Автор вводит в строки разговорную речь, однако эта речь не делает его ближе к читателю, а, наоборот, мешает восприятию поэтического слова.

Вдруг прихрамывает рифма, нарушая единение слов (разобидели — выдало; обезличенно — личности), тем самым напоминая: поэтика требует тщательной работы.

На наш взгляд, неоднозначно воспринимаются помещенные в книгу дружеские эпиграммы. Сами по себе они — милы. Мы все иной раз — к дню рождения, к дружеской вечеринке, к радости друзей и коллег пишем милые четверостишья-восьмистишья. Задорно смеемся, отдаваясь общему веселью. И это хорошо, поскольку передает добрые чувства к тем, кого любим.

Однако такие строки предназначены не для широкого круга читателей. Они — часть интимной жизни. Чтобы дружеским эпиграммам стать литературным событием, надо автору отвлечься от конкретных друзей-приятелей, сотворить стих, в котором высветится не частность, а общезначимое явление. Эпиграммы данной книги хороши в маленьком буклете «для своих».

Писатель, как известно, всегда ощущает время и откликается на события. И А. Хадарцев среди таких мастеров слова. Жгучей болью за Родину проникнуты поэтические и прозаические строки, посвященные недавним трагичным событиям в Южной Осетии.

Читаешь очерк «По следам пятидневной войны», и в голове возникает мысль: я — русская женщина — с тобой, прекрасный край Осетия! Я — за тебя, гордый осетин! И мне больно сознавать, что дороги разбиты, стены зданий испещрены осколками, вместо домов чернеют руины. «Запах войны — запах ада на Земле», верно подмечает А. Хадарцев. Но и убеждает нас — осетинский народ выстоит, ибо:

*Цхинвал живет, пока живут мужчины,
которым слово дружбы, как закон!*

Из прозаических произведений книги мы бы выделили рассказ «Шалдон», наполненный таинственностью и фантазией, удивительно сочетаемой с бытовыми зарисовками жизни. Этот рассказ о взрослении молодого человека, об укреплении характера, о неясности будущего и прочности заведенных обычаев. Прелесть небольшого произведения в том, что в нем нет окончания. Все еще впереди, и все еще состоится!

Иначе воспринимается рассказ «Неразгаданная загадка», в основе которого лежат чувства и отношения молодого человека, судьбой направленного жить в дедов дом. Нам-то кажется: вот связь времен. Да только по-разному воспринимают жизнь юноша и старик. Один — весь устремлен в будущее, другой — выходец из событий становления советской власти, оказался помешанным на стяжательстве. Конечно, они не ужились. Разъехались. В коротком рассказе промелькнула бездарная жизнь одного и поучительный фрагмент для другого.

Интересной представляется философская основа рассказа «Дружба», ставшего зарисовкой жизни современного общества, стремящегося к рынку, к построению новых товарно-денежных и производственных отношений. В эти отношения вклинилась дружба, во все времена воспеваемая и ценимая. Да, у каждого свое понимание дружбы. И читатель неоднозначно способен сделать вывод: тот, кто подведет один раз, подведет и другой. Поверить такому «другу» — смерти подобно. Впрочем, подобных выводов автор не делает, оставляя читателю право разобраться самому.

А вот зарисовки из студенческо-медицинской жизни нам показались дневниковыми записями, которые хороши для автора — вспомнить и посмеяться, однако художественным открытием не стали. Впрочем, каждый волен принимать эти зарисовки так, как видит и чувствует.

В заключение отметим главное достоинство новой книги А. Хадарцева. В ней раскрывается сила и стойкость характера поэтического героя, проявляется разносторонний и внимательный взгляд на общественные явления и события. В ней обитает любовь к людям, к жизни и к Отечеству.

Зинаида Фомина
(г. Москва)

**НАДО ЖИТЬ,
ПОСКОЛЬКУ ЖИЗНЬ — ПРЕКРАСНА!**

«Облака моей любви». Уже название сборника рассказов предполагает, что речь пойдет о любви. Все рассказы пронизаны напряженными пылкими чувствами.

Начинается сборник с притчи о душе и разуме. Автор размышляет о смысле жизни. И утверждает: «Светлая душа да Великий Разум будут жить на Земле всегда».

«Росток и Солнце» — это тоже сказка-притча. Маленький росток испугался снега и мороза. Мудрое солнце ласково шепнуло: «Не бойся холодного ветра и зимней стужи... набирайся сил». «Солнце, — утверждает Ирина Кедрова, — уверено: любое доброе явление, появившись на земле, нуждается в тепле и заботе».

В рассказе «Женщина и море» «игра в развод» уничтожила налаженную, размеренную, счастливую жизнь женщины. «Мир грозного одиночества» страшит ее, тем более, что «эти двое назначены друг другу». Обнажился вулкан страстей. И только море, то бушующее, а то спокойное и тихое, приводит героиню рассказа к необходимому для нее решению: «Все, сдаюсь. Прощай самостоятельность и независимость». Удачно использован прием с морем для раскрытия психологического состояния женщины.

Рассказ «Женские страсти-мордасти» показался мне одним из ранних. Неоднозначно воспринимаются отдельные характеристики. Например: «Народ... попался разный: от заядлых интеллигентов до квадратных мужиков». Или: «Интеллигенты — те в очках, себя уважают». Однако путешествовать с автором по странам и городам интересно: много ярких подробностей мест пребывания, туристической информации и знания истории.

Сквозь весь сборник проходит тема моря. Недаром на обложке художник Н. Чеканова среди бесконечных синих волн, голубого неба, белых облаков и стай чаек воплотила страстную, мятущуюся женщину. В книге действительно много внимания уделено женским темам.

«Ани и Крис» — о терпении, любви и ревности... машины к женщине. Сейчас стало модным писать о разновидностях любви, в том числе машины и человека. В некоторых опусах от такой любви даже рождаются дети в виде велосипедов и т.д. Возникает вопрос: Крайслер и Ани — это дань моде? Нет, типичная женская судьба. «Ани терпела мужа, семью, работу долбаную...», а «Муж ненавидел все бабское племя...». Ей же «...хотелось любовного полета, взрыва отношений...».

Даже в рассказе «Страх» (переживания на фоне сегодняшних терактов) опять сквозят женские проблемы. И как резюме звучит: «...жить — это значит любить тех, кто рядом с тобой!».

Лучший рассказ, на мой взгляд, это «Чеченский удар». Сильное впечатление! «Имран и Зина вдыхали любовный весенний воздух...». «Решительно пришла Зина в общежитие к Имрану и осталась на ночь. И больно, и стыдно, и боязно... Детство за-

кончилось». Как точно сказано. Однако любовная идиллия заканчивается страшной трагедией одной семьи внутри одной страны. Таков итог войны. Слезы появляются при чтении — так пронзительно написаны некоторые места. Еще есть очень смелые высказывания о проблемах в обществе, например: «Это была война тех, кому народы доверили управлять своими делами».

Итак, мы видим множество женских судеб, женщин, обделенных любовью, заботой, лаской. Их не счесть. В книге представлены житейские истории во всем их многообразии. Все подсмотрено в жизни.

Автор вроде с себя сканирует образ женщины, но этот образ размывается, появляются ответвления в разные стороны, и разыгрывается буйная фантазия про жизнь, и всегда — про любовь.

Сколько смелых коллизий сочинено с подробностями, с горем, и реже со счастьем. Нет, мужчина так не напишет про роды, про детей, про женские заботы, про боль и стыд, и про любовь безмерную. Кроме того, много точных и живописных описаний природы, моря, гор, быта и т.д.

Сильные страсти и эмоции захлестывают читателя, и каждый раз в конце рассказа ему подводят итог. Не ждут его реакции, а, мол, знайте мою точку зрения — такая авторская позиция.

Ирина Кедрова пропускает все впечатления от пережитого через свое сердце и хочет зарядить нас своими чувствами. Она своей откровенностью затрагивает и проповедует глубины и искренность человеческих чувств.

ИНТЕРВЬЮ С МАРКОМ ДУБИНСКИМ

*Мы должны оставить детям
те жизненные пространства,
те богатства, которые нам
достались от предков...*

Марк Дубинский

В текущем году тульский писатель Марк Дубинский отмечает свой восьмидесятилетний юбилей. К этой огромной жизненной вершине прожитого и пережитого Марк Самойлович подошел с огромным запасом таких человеческих ценностей, как мораль, нравственность, любовь к своему Отечеству, нашедших свое отражение в его творческих трудах.

Он кадровый офицер, майор-инженер в отставке, ветеран вооруженных сил Российской Федерации и Великой Отечественной войны. Член Союза писателей России, руководитель областного литературного объединения «Пегас» при Тульском региональном отделении Союза писателей России. Имеет 450 публикаций в газетах, автор трехтомника стихов и рассказов, составленного из 7 книг; 23 коллективных сборников. Издал роман «Наследники «Бога войны»», который занял 1-е место в областном литературном конкурсе.

За патриотическую направленность в литературном творчестве награжден памятной медалью «100 лет со дня рождения М. А. Шолохова».

О сегодняшних проблемах в современной литературе, о непрерывности литературного процесса, о целесообразности существования литературных объединений и о смысле человеческой жизни мы и беседуем с юбиляром.

Г. М. Марк Самойлович, разрешите поздравить Вас с восьмидесятилетним юбилеем, который вы отмечаете в этом году, и пожелать Вам здоровья, радости и плодотворной творческой работы. Скажите, пожалуйста, как начинался Ваш творческий путь?

М. Д. Истоки моей творческой жизни относятся к далекой молодости, к школьным годам. Однако в те времена эта литературная склонность не стала определяющей в моей жизни; частично в этом повинна моя жизнь кадрового офицера. Служба в армии — дело трудное и хлопотное, было не до этого. После увольнения в запас эта страсть вспыхнула с новой силой, а тут и возможность появилась ее удовлетворить; я не стал противиться ей, и она и привела меня в нынешнее состояние, за что я и благодарен своей судьбе.

Г. М. В армии Вы были инженером артиллеристом, а потом инженером ракетных войск, а выйдя в запас стали писателем, инженером человеческих душ?

М. Д. Любой армейский офицер должен быть не только командиром, но и воспитателем своих подчиненных, а для этого он должен определить психологическое качество своего подопечного, иначе ничего не получится. Так и в литературе: раскрыть суть человеческих поступков можно лишь в результате познания его характера, его психологии. Армейский опыт мне очень пригодился и пришлось к стати.

Г. М. Ваши книги, стихи и проза, рассказывают читателям о людях, их взаи-

моотношениях. Как Вы выбираете тему для своих произведений, что этому предшествует?

М. Д. Тему для своих стихов, рассказов, для романа я практически не выбираю, это происходит как бы само собой, через восприятие окружающей действительности: что всколыхнуло мое сознание, возбудило какие-то чувства, о том и пишу.

Г. М. В своем романе-хронике «Наследники «Бога войны»» Вы рассказываете о первых послевоенных годах, о воспитании юношей попавших в строгие армейские условия жизни и учебы, рассказываете о служебном и воинском долге, о чувстве патриотизма и, конечно же, о любви. В какой мере Ваш роман автобиографичен?

М. Д. Роман «Наследники «Бога войны»» явился почти зеркальным отображением далеких послевоенных лет. Все события, все действующие герои романа суть отражение реальных людей и событий, но с одной особенностью: все имена и фамилии изменены. Реальное место действия не указано. Однако прототипы узнаваемы, ибо их художественное изображение довольно красноречиво. Среди героев романа присутствует и автор.

Г. М. Ранее, при Советском строе, была мощная государственная организация Союз писателей СССР, был Литфонд, имелись благоустроенные дачи для писателей, дома отдыха, санатории. Сегодня писатель предоставлен самому себе. Как Вы считаете, почему наша современная литература, наш нынешний писатель не находится под патронатом государства?

М. Д. Изменившиеся в настоящее время критерии ценностей современного общества, выдвинули основной постулат: каждый действует и выживает сам по себе, не умеющий приспособиться к реалиям современности, обществу не нужен. Писатели — не исключение. Тем не менее, литературная среда не исчезла, она существует, постоянно внедряясь в новое жизнеустройство. Но все-таки приходится сознаваться, что творческая жизнь современного писателя сопряжена со сложной борьбой за существование.

Г. М. Один давний летописец написал: «Великая польза от книжного учения; из книг учимся путем покаяния, в словах книжных обретаем мудрость». Вы уже более десяти лет являетесь руководителем областного литературного объединения «Пегас» при Тульском отделении Союза писателей России. А нужны ли вообще такие литобъединения сегодня?

М. Д. Как ни странно, но в условиях усложнившейся жизни людей в нашей стране, тяга к литературному творчеству в народе возросла во много раз. Человеку, который взялся за перо, пытаясь реализовать свой творческий потенциал, нужна критическая помощь и общественная поддержка. Все это он находит в литературном объединении. Наиболее одаренные, пройдя через горнило критики и учебы, шлифуют свой дар, становятся членами Союза писателей России. «Пегас» может гордиться: несколько его членов прошли через это, другие к этому подошли вплотную. Меня, как руководителя, это радует.

Г. М. Как себя проявляет молодежь, новое поколение, которое приходит в Тульскую литературу. Имеется ли надежда на непрерывность литературного процесса?

М. Д. Стать профессиональным писателем очень трудно. Тем не менее, литературный институт имени А. М. Горького функционирует в нормальном режиме, от студентов отбоя нет, — а это и есть верный признак непрерывности литературного процесса.

Г. М. На одном из занятий с членами литобъединения, Вы сказали примерно следующее: «Вначале рассказывайте о человеке, а затем описывайте окружающую его обстановку, потому что только человек и никто иной в любом литературном произведении должен быть центральной ключевой фигурой». Русские писатели Толстой, Достоевский, Гоголь в своих трудах не раз пытались разгадать самую большую жизненную

загадку нашего бытия — самого человека. Пытались объяснить смысл жизни и смерти человека. А в чем смысл жизни видите Вы?

М. Д. Весь окружающий нас живой мир, и флора и фауна, все свои силы тратят на самовоспроизводство, на продолжение своего рода, к этому движет его инстинкт. Человек не исключение. Но он единственное в природе разумное существо, поэтому он старается улучшить окружающую его обстановку, создать более благоприятные условия своего существования. На мой взгляд, смысл жизни человек должен видеть в сохранении своих потомков; мы должны создать для детей наших такие условия жизни, чтобы они выросли крепкими физически, стали образованнее и умнее нас. А для этого и нужна художественная литература, которая не только развлекает человека, но и делает из него мыслителя, творца, изыскателя. А еще мы должны оставить детям те жизненные пространства, те богатства, которые нам достались от наших предков, и которые мы сами накопили, — ибо это залог их будущего благополучия.

Г. М. Недавно в Московском метро и на Северном Кавказе были совершены страшные теракты. В чем Вы видите причину произошедшей террористической активности, и в чем, по-вашему, мнению должна заключаться национальная идея, о которой говорят вот уже не один год и на самых высоких государственных уровнях? Какую роль в этих вопросах Вы отводите писательскому цеху?

М. Д. Классовая борьба и борьба за жизненное пространство, сопровождает человеческое общество с древнейших времен, идет она и сейчас. Борьба в виде терактов в нынешнее время направлена на устрашение общества и его деморализацию. Если мы хотим сохранить свой дом. То должны защищаться всеми доступными способами. Один из них — через художественную литературу воспитание патриотизма у молодых людей.

Г. М. Марк Самойлович, что бы Вы пожелали молодым и начинающим авторам, а также почитателям Вашего таланта и всем тулякам?

М. Д. Самое главное для любого человека, это быть стойким в преодолении трудностей. А поможет ему в этом художественная литература. Читайте!

Беседу вел Геннадий Маркин

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

В редакцию поступают обращения с просьбой разъяснить сложившуюся практику распространения журнала «Приокские зори», где его можно приобрести, почитать и пр. Имеют свои вопросы и авторы публикаций в журнале. Несомненно, нас радует и ободряет все нарастающее внимание читающей публики. Постараемся ответить на основные вопросы.

Как значится на второй странице журнала, «Приокские зори» распространяются преимущественно в библиотечной сети. На сегодняшний день журнал регулярно поступает в Тульскую областную универсальную научную библиотеку (абонемент и читальный зал периодики), Детскую областную библиотеку, библиотеки Тульского госуниверситета (абонемент художественной литературы и читальный зал), Тульского госпедуниверситета им. Л. Н. Толстого, Тульского артиллерийского инженерного института, Дома учителя, гарнизонного Дома офицеров, Культпросветучилища (ныне — колледж), Лицея на Пушкинской, Областного об-ва «Мемориал», музеев Тулы и Тульской области, в редакции общегородских газет «Тула» и «Ярило», в ИПО «Лев Толстой» и в редакции альманахов «НЛЮ» (г. Новомосковск) и «Тула», в библиотеки тульских филиалов московских вузов.

По системе городского библиотечного коллектора журнал регулярно доставляется во все городские библиотеки:

- Центральная городская библиотека им. Л. Н. Толстого — абонемент и краеведческий отдел (ул. Болдина, 149/10);
- Библиотека № 1 (ул. Новомосковская, 9);
- Библиотека № 3 (ул. Октябрьская, 201);
- Библиотека № 4 (ул. Металлургов, 34);
- Библиотека № 5 (ул. Металлургов, 2«а»);
- Библиотека № 8 (Косая Гора, ул. Гагарина, 7);
- Библиотека № 18 (Скуратовский мкр-н, 1);
- Библиотека № 20 (ул. М. Горького, 20);
- Центральная городская детская библиотека (Красноармейский пр., 36).

По системе областного библиотечного коллектора ТОУНБ журнал регулярно поступает во все районные библиотеки Тульской области: Алексинскую, Арсеньевскую, Белевскую, Богородицкую, Веневскую, Воловскую, Дубенскую, Донскую, Ефремовскую, Заокскую, Каменскую, Кимовскую, Киреевскую, Куркинскую, Ленинскую, Новомосковскую, Одоевскую, Плавскую, Суворовскую, Тепло-Огаревскую, Узловскую, Чернскую, Щекинскую, Ясногорскую и в Новогуровскую поселковую библиотеку.

Как видно, любой житель города и области может знакомиться с содержанием выходящих и прошлых номеров журнала в наиболее удобном для него «территориальном» варианте.

С начала 2007 года аудитория читателей потенциально многократно возросла, поскольку «Приокские зори» в полном объеме публикуются в электронной форме на

сайте www.medsu.tula.ru (в pdf-формате) Интернета. То есть, журнал стал доступен всем жителям России и знающим русский язык за рубежом.

Журнал имеет и приоритетную рассылку. Его получают лидеры ведущих фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководители Тульской областной Думы и Администрации области, редакции ведущих литературно-публицистических газет России: «Литературной газеты», «Завтра», «Российский писатель». Доставляется журнал в Правление Союза писателей России. В рамках обмена содержимым «редакционных портфелей» «Приокские зори» получают Независимое литературное агентство «Московский Парнас», выпускающее одноименный альманах с ежемесячной периодичностью, и редакция старейшего литературно-художественного журнала «Подъем» (Воронеж). Журнал получают центральные библиотеки Москвы, Рязани, Петрозаводска, Курска, Сургута, Фрязино, Новосибирска, СПб и ряда других городов.

Определенное число экземпляров (до пятидесяти) предназначается для организаций-издателей журнала: Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского госуниверситета. Не остаются без внимания и члены редколлегии.

Библиотечная, а теперь и по сети Интернет, форма распространения журнала полагается нами оптимальной для настоящего, начального, периода становления журнала, имея в виду относительно малый тираж его, хотя за прошедшее время он увеличился до 500 экз. Но это и немало, учитывая, что сейчас тиражи ведущих всероссийских «толстых» литературных журналов порядка 1000 экз.

В планах редколлегии на ближайшее время значится доведение тиража до 1000 экз., присвоение международного классификационного номера *ISSN* и включение в подписной каталог «Роспечати». Усилия к этому прилагаются серьезные, а итог просматривается вполне оптимистичный, в частности, администрация области планирует включение журнала, начиная с 2011-го года, в Культурную программу области. С 2009 года журнал имеет госрегистрацию.

И еще одно обращение к руководителям библиотек школ и культпросветучреждений: если вы хотите регулярно получать (безвозмездно) наш журнал — сообщите об этом письменно главному редактору (адрес на второй странице журнала) с указанием своего телефона и/или e-mail. Начиная с предыдущих номеров журнал уже доставляется в ряд школ города Тулы. К сожалению, большинство школьных библиотек проявляет стойкую апатию...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России (см. информацию в начале рубрики «Хроника литературной жизни»). Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала, или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — представле-

нием этого логотипа на титульном листе книги (вверху листа) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

В третьем квартале 2010 — начале четвертого квартала 2010 года в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Московский Парнас*. Независимый альманах.— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2010, №№ 5—7.

2. *Сверья была и небыль*. Антология современной прозы: Рассказы. Вып. 2.— М.: Московский Парнас, 2010.— 272 с. (Второй выпуск многотомного издания под эгидой Независимого литературного агентства «Московский Парнас» и Академии российской литературы. В книге представлены авторы: Лидия Арефьева, Виктор Кудинов, Анатолий Белозерцев, Дмитрий Мещанинов, Тамара Булевич, Виктор Ермаков, Александр Остапов, Денис Козенко, Валерий Поволяев.— Многие из них являются и авторами журнала «Приокские зори»).

3. *Макаров Николай*. Мои коллеги — военные медики: книга-альбом.— Тула: Гриф и К., 2010.— 97 с. (Николай Макаров, постоянный автор «Приокских зорь», военный врач ВДВ, 106-я гвардейская воздушно-десантная дивизия, майор медицинской службы в отставке, собрал и щедро иллюстрировал уникальный материал о военных врачах-туляках, наших современниках, участниках боевых действий в Азии, Африке, на Кавказе, в других «горячих точках»).

4. *Самое-самое*: Пять поэтов / Сост. А. Шорохов.— М.: Издат. дом «Российский писатель», 2006.— 176 с. (В книге представлены авторы: Александр Кувакин, Борис Лукин, Александр Суворов, Федор Черепанов, Алексей Шорохов. Книги пп. 4—7 нам любезно передал сотрудник «Литературной газеты» Борис Лукин, участвовавший в I слете молодых поэтов Тульского края; Тула, 26 июня 2010 г.).

5. *Лукин Борис*. Поединок: Гражданская лирика: стихи, поэмы, эссе / Предисл. Олега Шестинского.— М.: «Советский писатель»; Нижний Новгород: «Вертикаль, XXI век», 2010.— 208 с. (Серия «Наше время!, Книга 5-я»).

6. *Наше время*. Антология современной литературы России: Повести, рассказы, библиографические статьи, библиографические сведения, рецензии / Сост. и предисл. Б.И.Лукина.— М.: Изд-во Литинститута им. А.М.Горького; Нижний Новгород: «Вертикаль, XXI век»; Литературный фонд «Дорога жизни», 2009.— 416 с. (Серия «Наше время».— CD: электронная книга «Антология современной поэзии «Наше время» (Книга имеет подзаголовок: «Повести и рассказы писателей, родившихся в 60-е годы XX века»).

7. *Наше время*. Антология современной поэзии России: Стихотворения, биографические статьи, библиография / Сост. Б.И.Лукин.— М.: Изд-во Литинститута им. А.М.Горького; Нижний Новгород: «Вертикаль, XXI век»; Литературный фонд «Дорога жизни», 2009.— 416 с. (Серия «Наше время»).

8. *Родионов Владимир*. Я остро чувствую былое... Стихи.— Тула: ГУП Издательство «Левша»; Папирус, 2010.— 120 с.

9. *Новгородский А.Е.* Белые шмели: напевы.— Тула: Гриф и К., 2010.— 96 с. (Ил. автора).

10. *Макаров Николай*. Сказки о Белозере. Часть I.— Тула: б/у изд-ва, 2010.— 47 с.

11. *Макаров Николай*. Сказки о Белозере. Часть II.— Тула: б/у изд-ва, 2010.— 36 с.

12. *Макаров Николай*. Сказки о Белозере. Часть III.— Тула: б/у изд-ва, 2010.— 47 с.

13. *Беляев И. С.* Пусть помнят вечно!: Сб. стихов и прозы.— Тула: Папирус, 2010.— 36 с.

14. Булевич Тамара. Медвежий угол: Повести.— М.: «Московский Парнас», 2008.— 240 с. (Ил. Л.Квасниковой).
15. Шафран Я. Н. Любимая, прости...: Стихи. Избранное.— Тула: ОАО «Щекинская типография», 2008.— 176 с.
16. Шафран Я. Н. Спасение рядом: Стихи и проза.— Москва: ОАО «Щекинская типография», 2009.— 183 с.
17. Парыгина Н. Д. Страницы нашей жизни. К 50-летию Тульской писательской организации Союза писателей России.— Тула: Гриф и К., 2010.— 36 с. (Текст данной книги старейшей писательницы России помещен в настоящем номере «Приокских зорь»).
18. Щеглов Сергей. Крылья тульских столетий: Благоустройству и прославлению древней земли посвящает свои дела и заботы архитектор и краевед Владимир Куликов.— Тула: Гриф и К., 2010.— 168 с.
19. Ханбеков Л. В. Власть тайги: Очерк творчества Тамары Булевич.— М.: «Московский Парнас», 2008.— 64 с.
20. Автограф: Литературный альманах. Вып. 2.— Рязань: Новый современник, 2010.— 80 с. (В альманахе опубликованы стихи Тамары Булевич — зам. главного редактора «Приокских зорь» по сибирским регионам).
21. Лит-э-лит; Международный литературно-художественный журнал. Москва, № 1, 2010.— 287 с. (В журнале опубликован отрывок «Исцеление тайгой» из романа Тамары Булевич).
22. Авдеева Л. Е. Хорошо среди друзей: Стихи для детей дошкольного и младшего школьного возраста.— М.: Изд-во «Гуманитарий» Акад. гуман. иск., 2001.— 76 с.
23. Авдеева Л. Е. Вновь о любви запели соловьи: Лирика.— М.: Изд-во «Гуманитарий» Акад. гуман. иск., 2002.— 52 с.
24. Авдеева Л. Е. Сердце на ладони: Поэзия.— М.: Изд-во «Гуманитарий» Акад. гуман. иск., 2003.— 48 с.
25. Авдеева Л. Е. Дорогами Победы: К 60-летию Великой Победы: Поэзия.— М.: Изд-во «Гуманитарий» Акад. гуман. иск., 2005.— 48 с., ил.
26. Авдеева Л. Е. Одни нам светят звезды: Стихи из афганской тетради.— М.: ИПО «У Никитских ворот», 2009.— 54 с. (Серия «Восточный калейдоскоп»).
27. Хобер А. Ф. Преклонение: Поэма и стихи.— п. Медведево (Республика Марий Эл): Изд-во «Сельские вести», 2010.— 136 с.
28. Хобер А. Ф. Люблю эту землю: Стихотворения.— п. Медведево (Республика Марий Эл): Изд-во «Сельские вести», 2010.— 154 с.
29. Пахомов Е. Ф. «Из первых уст звучало слово...»: Стихи.— Элиста: Печатный салон «Профит», 2010.— 37 с.
30. Квасникова Н. В. Нам по пути: Стихи.— М.: «Московский Парнас», 2010.— 192 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» в II—IV кв. 2010 года вышли следующие книги:

1. Яшин А. А. Катехизис идеалиста: Роман-размышление / Предисл. Л. В. Ханбекова.— М.: «Московский Парнас», 2010.— 380 с., илл. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. Сапожников В. Г. Три дерева: Сборник песен и романсов на стихи автора: Нотное издание.— Тула: ООО ПКФ «Полиграфинвест», 2010.— 24 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. Молодые голоса: Сб. стихов участников I слета молодых поэтов Тульской области / Под общ. Ред. В. Ф. Пахомова и В. Г. Сапожникова; худ. оформл. Я. И. Стечкин.— Тула: ООО ПКФ «Полиграфинвест», 2010.— 52 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

4. *Наука с музами дружит*: Литературно-художественный альманах. Вып. 2 / Гл. ред. и сост. Алексей Яшин.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2010.— 210 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).— Альманах издан к 80-летию Тульского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета и содержит произведения авторов, так или иначе связанных с университетом; см. «колонку главного редактора»).

5. *Каширин О. С., Харлашкин В. Г.* Операция «Версаль»: диалогия.— Тула: Гриф и К, 2010.— 268 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

(Книга представлена редколлегией «Приокских зорь» для участия в конкурсе 2010 года ФСБ РФ на лучшее произведение литературы и искусства, посвященные деятельности органов госбезопасности)

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова.

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

— проза, включая драматургию;

— поэзия;

— публицистика, включая историко-политическую;

— литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звание лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. По положению о лауреатах последними не могут быть члены редколлегии, руководство организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-ой стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2009-го года объявлены в настоящем номере «Приокских зорь». Лауреатам вручаются дипломы. С укреплением материальной базы журнала возможно расширение наградной символики. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс за 2010-й год, а

*от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.
В добрый путь!*

О НАС ПИШУТ

Начат прием предложений и рекомендаций по кандидатурам лауреатов Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за лучшие публикации в журнале «Приокские зори» за 2010 год. Свои предложения направлять: priook.zori@mail.ru; 300025, г. Тула, а/я 920, Яшину Алексею Афанасьевичу.

(«Литературная газета», 23—29.06.2010 г., № 25(6280))

...Совершенно разные, имеющие прямое отношение к творчеству люди и любители тянутся сегодня к нашему Дому творчества. А энтузиастов литературного дела в Туле немало. Уже десять лет подряд выпускает газету «Тульский литератор» Н. Н. Минаков. Он находит спонсоров, вкладывает личные средства, но газета выходит, выпускаются целевые полосы, посвященные юбилеям, отмечаются важные литературные события в нашем регионе.

Другим подвижником является писатель А. А. Яшин, который начал издавать журнал «Приокские зори», рассчитанный на местных читателей, а сейчас сделал его межрегиональным и разместил в электронном виде в Интернете.

(Из очерка Валерия Маслова «Счастье жизни — в самой жизни (Тульские писатели смогли построить свой собственный Дом творчества)» / Общеписательская литературная газета (газета Международного сообщества писательских союзов).— 2010.— № 2(3), февраль.— С. 5).

КОНКУРС: «СТАНЬ ЛИТЕРАТУРНЫМ ЛЕВШОЙ!»

Объявлен конкурс на соискание всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за лучшие публикации 2010-го года в литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори», издаваемом в Туле.

Глубоко символично, что и учреждена она на той самой земле, что взрастила легендарного народного умельца, подковавшего аглицкую блоху. «Путевка в жизнь» датирована 2008 годом, а выдала ее редколлегия тульского литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Лауреатами становятся четыре автора лучших произведений, опубликованных в этом издании за год; по разделам «Проза» (включая драматургию), «Поэзия», «Публицистика» и «Литературоведение».

Обладание премией «Левша» очень почетно — достаточно сказать, что она имеет статус всероссийской! Почему бы не попытать счастья и мастерам слова из Марий Эл? Для тех, кто заинтересовался, сообщаем адрес журнала: 300025, Тула, а/я 920, Яшину А. А.; телефон: (4872) 35-06-73; электронный адрес: priook.zori@mail.ru.

(«Марийская правда», г. Йошкар-Ола, Марийская республика, от 13 июля 2010 г.).

В Тульском доме творчества в рамках мероприятий, посвященных 50-летию Тульской региональной организации СП России, прошел I слет молодых поэтов Тульского региона.

(«Литературная газета», 7—13.07.2010 г., № 27(6282))

Примечание редколлегии: состоявшийся 26 июня 2010 г. I слет молодых поэтов Тулы и Тульской области (Председатель слета В. Ф. Пахомов; зам. председателя В. Я. Маслов; председатель оргкомитета В. Г. Сапожников; члены оргкомитета: Ю. А. Лончаков, Н. И. Боев, В. В. Киреев, М. Б. Адрианов, М. С. Дубинский, В. Н. Севастьянов, А. А. Яшин, Н. Н. Минаков, А. Е. Новгородский) был организован Тульской писательской организацией СП России, редакциями журнала «Приокские зори» и газеты «Тульский литератор». Обращаем внимание молодых поэтов (до 35 лет) Тулы, Тульской области и других регионов России и стран СНГ, что предполагается ежегодное проведение аналогичных слетов. Правила представления материалов и адреса указаны в информписьме в № 1, 2010 «Приокских зорь», стр. 268—269 с. Журнал выставлен на сайте www.medtsu.tula.ru (в PDF-формате).

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

...Раз нынешняя осень — памятные даты, то редколлегия «Приокских зорь», не мудрствуя лукаво, по принципу «каждой сестре по серьгам» поздравляет всех бывших и нынешних сотрудников и обучающихся в Тульском государственном университете, которому исполнилось 80 лет, и всех членов Тульской писательской организации Союза писателей России, которой исполнилось 50 лет, имеющих отношение к журналу «Приокские зори» в качестве его руководителей, членов редколлегии, учредителей и попечителей, но особенно — в качестве авторов.

Особо поздравляем ректора Тульского государственного университета, д-ра технических наук, профессора Михаила Васильевича Грязева — попечителя нашего журнала и ответственного секретаря Тульской писательской организации СПР, первого заместителя главного редактора «Приокских зорь», оказывающего неоценимую помощь журналу.

С Юбилеем *alma mater* многих наших друзей, авторов и, конечно, читателей! С Юбилеем одного из старейших вузов страны!

С Юбилеем профессиональных и самодеятельных писателей Тулы и области, которых уже полвека координирует и направляет Тульская писательская организация!

Поздравляем с личными юбилеями членов Тульской писательской организации Союза писателей России:

- Крышко Михаила Алексеевича — с 80-летием;
 - Овинникова Дмитрия Александровича — с 75-летием;
 - Болохова Владимира Евгеньевича — с 70-летием;
 - Сушкова Бориса Филипповича — с 70-летием.
 - Мартиросяна Гюлаба Арамовича, нашего постоянного автора — с 85-летием.
- Желаем им новых успехов в творчестве и служении великой русской литературе!

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

Примите нашу искреннюю признательность за Ваше внимание к музею Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», за журнал «Приокские зори» (№ 2, 2010), который Вы любезно передали в дар музею.

Этот юбилейный номер представляет большой интерес. Привлекают внимание рубрики «Война и мир в антологии рассказа» и «Война и мир в поэзии», посвященные Великой Победе, где опубликованы и Ваш

рассказ «Серебряная ложка», и стихотворения о войне известных тульских поэтов В. Лазарева и В. Пахомова. Книги В. Лазарева «Тульские истории» и «Хождение не за три моря» бережно хранятся в нашей научной библиотеке. Отрадно, что на страницах журнала представлен широкий спектр литераторов России. Несомненный интерес представляют исторические материалы, посвященные 280-летию А. В. Суворова. Особый отклик в наших сердцах нашла публикация об В. С. Усове, давнем друге Ясной Поляны, усилиями которого возродилось имение Никольское-Вяземское.

Желаем Вам крепкого здоровья и благополучия, творческих успехов и всего самого доброго! Надеемся стать постоянными читателями Вашего журнала, мы будем рады иметь его в нашей научной библиотеке.

С благодарностью, научный сотрудник отдела книжных фондов И. А. Бочарова.

29.06.2010 г.

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

По рекомендации Леонида Васильевича Ханбекова посылаю Вам подборку стихов для журнала.

Мне сейчас за 60. Принят в СП России в 2006 г.

Первые стихи публиковались, когда мне исполнилось 15 лет. Потом меня долго не подпускали к издательствам. И даже записали в инакомыслящие, думаю, по причине дворянского происхождения, о котором я узнал сравнительно недавно. История, конечно, грустная... но не в этом дело. И так 30 лет на меня регулярно писали доносы и еще 10 лет за участие в делах оппозиции.

Работы в течение последних лет не было. Поэтому продавал газеты, заодно и «самопальные» со своими стихами. За что местные цыгане стали звать меня «коллегой».

Издal несколько книг за свой счет.

Темой о Хайяме занимался четверть века. Для себя изучал материал. Поэтому большинство стихов построено на фактических материалах. Как-то получил отзыв из СП России, писала Тамара Пономарева: «Впервые встречаюсь с творческой индивидуальностью, когда на почве русской поэзии выросло такое азиатское дерево...». Что, в общем-то, и утешило...

Читал «Тульский энциклопедист» Ханбекова с большим интересом. Надеюсь, если повезет, прочитать полностью «Историк и его История».

Вот и все. Всего Вам наилучшего от писателей Калмыкии.

25.02.2010 г.

*Пахомов Евгений Федорович,
Калмыкия, г. Элиста*

Здравствуй, Алексей Афанасьевич!

Большое спасибо за мудрые советы и столь подробное объяснение ситуации, этого мне очень не хватало! Заявление я подавать собираюсь по линии поэзии, но вам высылаю оба своих вышедших сборника: поэзию и прозу. Готовится к печати второй сборник стихов, недавно отдала рукопись в типографию. Высылаю Вам распечатку и текст на диске и очень прошу помочь оформить мой второй сборник стихов «Самоцветовый венец» под логотипом журнала «Приокские зори». Для этого, наверное, есть шаблоны? Если нужно будет что-то забрать, я могу подъехать в любой будний день (работаю по выходным).

Честно говоря, я долгое время весьма смутно представляла себя в ряду писателей, потому и участие мое в литературной жизни области было довольно эпизодическим. Но этой весной для большого мероприятия в Алексине пришлось пересмотреть

свои архивы, и я вдруг поняла, что если на протяжении стольких лет литературная деятельность мне живо интересна, то это — не простое увлечение. На тот момент у меня уже было два сборника и множество публикаций в самых разнообразных журналах и альманахах. Высылаю Вам этот список, надеюсь, он поможет составить какое-то представление о моей творческой деятельности.

Сейчас я, в основном, активно публикуюсь в Интернете, мои стихи и рассказы в жанре «городского фэнтези» очень востребованы читающей молодежью. Участие в сетевой литературной жизни дает возможность расширять свой кругозор и работать над качеством текстов. Но я стараюсь не забывать и о живом общении: посещаю тульские молодежные лито «Музу» и «Вегу», часто выступаю в Алексине и Туле на литературных мероприятиях, по возможности участвую в конкурсах. Вот, собственно, и вся моя творческая биография.

На достигнутом останавливаться не собираюсь, и потому очень благодарна Вам за предложение активно включаться в работу журнала. Кроме «АЛЛО» в Алексине есть интересные молодые авторы, которые вместе со мной участвуют в литературных мероприятиях, и стихи которых я могла бы прислать Вам на рецензию (ближе к осени, поскольку сейчас все в отъезде). Если Вы сочтете мои стихи достойными опубликования, можете выбрать любые, на Ваше усмотрение. Исторические обзоры обещаю присылать по мере работы над ними.

С уважением и благодарностью — Людмила Гайдукова, г. Алексин

Здравствуйте, уважаемый Алексей Афанасьевич!

Посылаю Вам маленькую поэму, которую написал совсем недавно, в феврале. На Ваше решение о публикации. Закончил в марте еще одну поэму к 65-летию Победы. Написал о своей бабушке, которая в годы войны проводила на фронт трех сыновей и зятя. Немного поздновато, но раньше что-то не складывалось, а тут вдруг увлекло, и поэтическая энергия вспыхнула. Как протуберанцы на солнце. Ваше решение о публикации «Ташкентского пленника», если Вам будет нетрудно, сообщите, пожалуйста, мне по E-mail: LebedevSA@kuazot.ru.

Алексей Афанасьевич, посылаю сборник стихов «Лесная дорога», который вышел из печати в конце марта. Это третий мой сборник. Алексей Афанасьевич, поздравляю Вас с вручением Золотой медали лауреата премии А.П.Чехова, с избранием академиком Академии российской литературы, с присвоением звания «Заслуженный деятель науки и образования» и награждением почетным серебряным знаком им. И. П. Павлова Международной академии наук. Успехов Вам творческих и профессиональных!

С уважением к Вам Сергей Лебедев, г. Тольятти

В редакцию журнала «Приокские зори»

Уважаемый Алексей Афанасьевич! Позволю себе несколько эпистолярных строк перед подборкой стихов, которые мне бы хотелось видеть на страницах «Приокских зорь», с номерами которых я познакомилась в Госдуме, во время участия в работе «круглого стола». Искренне приятно, что «Приокские зори» держат высокую планку публикаций, оберегая русский язык, литературные традиции, способствуя возрождению ускользающей духовности. Журнал, действительно, светлый островок в мире коммерческих изданий и глубокое уважение вызывает бескорыстие издателей, редакций, отказавшихся от повсеместной практики взимания платы с авторов. А аппетиты большинства издателей постоянно растут, в чем я убеждаюсь, руководя на общественных началах несколькими московскими литературными студиями.

С Тулой и Ясной Поляной у меня связано немало, так как «защищалась» по твор-

честву Л. Н. Толстого и мои первые научные работы были посвящены «отражению общественной жизни 70-х годов XIX века» в произведениях великого писателя и, в частности, подробному анализу «Анны Карениной». Правда, теперь уже длительное время занимаюсь культурой и искусством стран Среднего Востока и поэзией, магией которой очарована с раннего детства. Все остальное в библиографической справке.

От всей души желаю журналу, редколлегии и авторам процветания и реальной финансовой помощи по областной культурной программе. Вам, глубокоуважаемый Алексей Афанасьевич, желаю новых творческих побед и таких же ярких произведений, как все написанное ранее («В конце века», «Историк и его История» и т.д.). А ваш последний роман «Любовь новоюрского периода» особенно интересен думающему читателю, истосковавшемуся по настоящей литературе. И, конечно, желаю Вам бодрости и здоровья, чтобы еще долго совмещать творчество с издательской, научной и педагогической деятельностью.

Направляю «бумажной» почтой диск и две статьи в «толстовский» номер. Одна «Век нынешний и век давно минувший» (перечитывая «Анну Каренину») литературоведческая, хотя и с размышлениями о сегодняшнем дне, а вторая «Живут во мне воспоминания», скорее всего, в тот же раздел, так как в ней кроме воспоминаний разных лет «вкрапления» фактического и литературоведческого материала, мои встречи в странах Востока, связанные с отношением к творчеству и религиозно-философскому учению Толстого. Из-за ограниченного объема многое пришлось безжалостно вырезать, но работа над статьями всколыхнула столько чувств и воспоминаний о давно прошедших днях и ушедших людях, что я беспредельно благодарна Вам за предложение, принять участие в юбилейном номере. Насчет фотографии. Мне вмонтировали в статьи цветное фото, а черно-белое отправляла раньше к подборке стихов в третьем номере журнала.

Дорогой Алексей Афанасьевич, пользуясь случаем, хочу, хотя и с опозданием, искренне поздравить Вас с избранием действительным членом Академии российской словесности и вручением литературной премии им. А. П. Чехова и Золотой медали. Все это Вы заслужили не только своим ярким творчеством, но и той подвижнической деятельностью в издательском деле, за которую Вам признательны многочисленные авторы. Также хочу поздравить Вас, редколлегию и, конечно, всех авторов с новой качественной полиграфией. С удовольствием долго рассматривала, а потом досконально прочитала второй номер с хорошими фотографиями. Очень пожалела, что не удалось по времени принять в нем участие. Стихов на военную тематику у меня несколько книг: «Не разлучай людей, война», «Дорогами победы», «У памяти в плену», «Одни нам светят звезды (две последние — афганская тематика). Сейчас в производстве новая книга «Озера памяти и еще стихи в коллективном сборнике одной из студий, которой я руковожу на общественных началах, наскребывая «с миру по нитке» на ежегодное издание, так как «административные лица» к поэзии полностью равнодушны. Во втором номере «Приокских зорь» много молодых авторов среди поэтов.

Насчет бесед или интервью в Думе. Безусловно, с Владимиром Вольфовичем Жириновским это было сделать легче, и я рада, что материал подошел. Побеседовать с Геннадием Андреевичем и мне самой интересно, но сейчас время уже каникулярное, может что-то удастся осенью. Но здесь есть масса нюансов, от моих желаний и усилий не зависящая.

Простите, Алексей Афанасьевич, что отнимаю ваше время. В этой почте хочу отправить Вам несколько своих стихотворных книжек разных лет. Может им «посчастливилось» попасть в раздел «Библиография». Еще раз желаю Вам крепкого здоровья и дальнейших творческих удач. Согласна стать представителем журнала в Государственной Думе Федерального собрания РФ.

С уважением Людмила Авдеева

Москва, 8 июля 2010 г.
«ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» — ЖУРНАЛ БУДУЩЕГО
(Литературный обзор)

Идея издавать литературный журнал возникла у Алексея Афанасьевича Яшина более десяти лет назад. А случилось это так...

Каждую субботу, по утрам, в Белоусовском парке встречались два друга-литератора: Алексей Яшин, профессор ТулГУ, ученый с всероссийской известностью, и Николай Николаевич Минаков, не менее известный человек в Тульской области. Неспешно шагая по березовой аллее, делились мнениями: Алексей Афанасьевич — о создании «толстого» литературного журнала, а Николай Николаевич — об издании литературной газеты. В ходе неторопливых бесед представляли, как будут выглядеть их детища.

Казалось, в смутное время, когда над Россией уже долгие годы властвуют хаос неплатежей, «разборки», приватизаций, безработицы, о выпуске новой газеты или журнала могут думать только фантазеры... Но, закаленные житейским опытом, наши знакомцы все равно строили планы на будущее и верили, что их задумки непременно осуществляться.

Так и получилось. Газета «Тульский литератор» стала выходить с 2002 года, а чуть позже, в 2005 году, вышел и пробный номер журнала под названием «Приокские зори». Благодаря недюжинным усилиям двух замечательных людей — главного редактора газеты Николая Минакова и главного редактора журнала Алексея Яшина литераторы имеют возможность печататься в высоко профессиональных изданиях...

Журнал «Приокские зори» привлекает читателей, прежде всего «классическим» оформлением. Неброская обложка не мешает восприятию серьезного внутреннего содержания. Заставка — офорт зимнего пейзажа среднерусской полосы как бы напоминает: скромная красота нашего края мила сердцу и бывает дороже красоты яркой и броской. Он дает возможность смотреть как бы сквозь время.

Каждый номер журнала сопровождается на внутренних сторонах обложки фото-видами примечательных мест города Тулы и области, фотоотчетами — хроника литературной жизни. Добротный, классически, повторимся, оформленный, выдержанный в традиционных рамках журнал доставляет эстетическое удовольствие. Его хочется листать, вдыхать типографскую краску и с нетерпением ожидать: а что там интересного на этот раз?

Журнал открывается обычно обращением редколлегии к авторам и читателям с информацией о сотрудничестве с журналами или писателями, о введении новых рубрик и многом другом. С первых строк понимаешь, что это полезная информация, помогающая четко ориентироваться на страницах текущего номера журнала. Журнал — это не сборник, не альманах, а законченное коллективное произведение, поэтому материалы распределены по тематическим разделам: поэзия, проза, критика, публицистика... Часто выходят тематические номера журнала, посвященные жизни и творчеству писателей: Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, А. Т. Болотова и других.

Держа в руках объемистый том под 300 страниц, сразу понимаешь: к произведениям, напечатанным в нем, нельзя относиться как к газетной или «глянцевой» информации; в них прослеживаются глубокие чувства, мысли авторов, пишущих в традициях русской литературы. Обращаешь внимание: публикации журнала суть осмысленное исследование нашей жизни, выстроенные логично и последовательно. Особенно хорошо это прослеживается в таких произведениях, как рассказ Рудольфа Артамонова «Дочь рыбака. Рассказ пожилого человека» или в повестях Алексея Яшина «Индустриальная пустыня. Старый директор», «Дикая Родина» Натальи Гнатюк (берем «на выбор» свежие номера журнала).

«Приокские зори» напоминают нам о высоких традициях классиков русской, советской литературы, учат быть честными по отношению к читателю. Поэтому так обширна география авторов: Москва и Сергиев Посад, Сочи и Красноярск, Тула и Орел... С каждым номером укрепляются международные связи журнала: Германия, Китай, Монголия, Италия... Появилась специальная рубрика «Русское литературное зарубежье». В журнале публикуются и известные государственные деятели: лидеры фракций Госдумы Г. А. Зюганов и В. В. Жириновский, губернатор В. Д. Дудка, известные ученые и политики.

Недаром говорят, что слава бежит впереди нас. Популярность «Приокских зорь» значительна, многие известные писатели считают необходимым опубликоваться на страницах журнала, понимая: это серьезная заявка на будущее. Из разговоров литераторов иногда слышишь, что журнал давно стал бестселлером нового культурного слоя. Его читают и считают престижным держать на рабочем столе, в своей домашней библиотеке.

Анализируя постоянную рубрику «Антология рассказа», отмечаешь грамотную подборку опубликованных материалов. Здесь рассказы старейшей писательницы, стоявшей у истоков создания Тульской писательской организации, активно и сейчас работающей Н. Д. Парыгиной, лауреата премии «Левша» им. Н. С. Лескова Г. Маркина, рассказы А. Евсюкова, А. Томазова, С. Крестьянкина, М. Майорова, Т. Булевич. Рядом с известными именами видим и дебютантов, смело заявляющих о себе.

В рубрике «Поэзия» не встретишь поверхностных тем. Каждый автор вкладывает частицу души и сердца в строки, свой жизненный опыт и эмоции; бездуховности приемов и рациональности метафор нынешней «элитарной» поэзии противопоставлены естественность и поэтическая искренность. Из массы доставляемых в редакцию материалов отбираются стихи, отличающиеся оригинальностью художественной мысли и гармоничностью. К таким произведениям с полным правом можно отнести стихи В. Пахомова, В. Резцова, В. Савостьянова, А. Хадарцева, В. Сапожникова и других известных в Туле и в стране поэтов.

Редколлегия бережно относится к каждому авторскому слову, оставляя приоритет за пишущим. Не секрет, что новое поколение авторов видит мир по-своему: молодые более радужно или, наоборот, пессимистично, постарше — увереннее в силу приобретенной мудрости. Проникновенны стихи В. Никитиной, В. Суворова, В. Резцова, Д. Кан, Э. Георгиевского.

Нельзя обойти вниманием тематические рубрики «Журнал в журнале: «Мосбасс» из Сокольников», «Тверской бульвар — 25» постоянные гости «Приокских зорь». А теперь и рубрика «Современные писатели Сибири» — ведущая рубрика, зам. главного редактора по сибирским регионам Тамара Булевич.

Каких только авторов не встретишь на страницах журнала! — Имена тульских писателей перекликаются с московскими и литераторами Подмосковья, калужскими, красноярскими, орловскими, рязанскими, курскими и многими другими. Привлекают неординарностью критические статьи и рецензии на вышедшие в печать книги В. Пахомова, А. Яшина, С. Норильского, И. Леоновой, В. Сапожникова, И. Кедровой и многих других.

Рецензенты своим непредвзято честным словом открывают новые таланты, поясняют, растолковывают, спорят, воздействуют на читателя. Они помогают только что вступающим в большую литературную жизнь и тем, имена которых на слуху не один десяток лет. Делается это не рая, не восстанавливая против себя авторов. Рецензенты помнят о главных задачах — созидать и проявлять чуткость, ненавязчиво обучая и аккуратно направляя в нужное русло. Как это делал В. Г. Белинский. Известно, что вопросы публицистики так же важны, как и вопросы мастерства литературного зодчества. В разделе «Литературная критика, рецензии» без внимания не остается практически ни одна из значимых изданных книг. Журнал заботится о судьбах книг своих

постоянных авторов, предоставляя возможность их опубликования под логотипом «Библиотека журнала «Приокские зори» и рассылая выходящие номера журнала во все библиотеки Тулы, ее области и других городов.

«С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии... редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова... Премия имеет статус всероссийской».

Скажите откровенно: какой из выходящих сейчас и выходивших ранее литературных журналов объявлял свои конкурсы и поощрял авторов таким способом? Что-то не припоминается...

Если просмотреть список членов редколлегии журнала, то от известных имен и их литературных реноме захватывает дух. Назову лишь некоторых из них. Вячеслав Боть — старший научный сотрудник дома-музея В. В. Вересаева (Тула); Валерий Ганичев — председатель правления Союза писателей России (Москва); Ирина Кедрова — зав. отделом критики (Москва); Владимир Мирнев — президент Академии российской литературы (Москва); Владимир Резцов — зав. отделом поэзии (Тула); Валентин Сорокин — проректор Литинститута им. А. М. Горького по ВЛК (Москва); Леонид Ханбеков — вице-президент Академии российской литературы, ведущий литературный критик в России.

Информационная поддержка журнала тоже говорит сама за себя: наряду с тульскими газетами и журналами, ее осуществляют и газеты, и журналы российского масштаба, в том числе «Литературная газета» и газета «Российский писатель». Все это говорит о большой общественной значимости «Приокских зорь» при объеме издания в 500 экземпляров. А это для современной России уже почти «массовый» тираж. Имеет журнал свой сайт и в Интернете: www.medtsu.tula.ru (в PDF формате).

Всякий раз, открывая новый номер журнала, читатель задается вопросом: а насколько тяжела судьба регулярно выходящего литературно-художественного и публицистического журнала в обществе, где сызмальства учатся зарабатывать и отдыхать? На чьи средства он издается? Кто меценаты? И представьте себе, ответ присутствует на страницах самого издания. Все делается благодаря подвижническому отношению к делу главного редактора журнала «Приокские зори» Алексея Афанасьевича Яшина и немногих его сподвижников.

С упорством и мужеством ежеквартально совершается подвиг: выпускается, сохраняется и улучшается единственный в России «толстый» литературный журнал, не финансируемый ни одной организацией! И единственный человек, вошедший в положение главного редактора и взявший попечительство над журналом — ректор Тульского госуниверситета Михаил Васильевич Грязев, депутат тульской областной Думы... Жаль, что меценатство, как понятие, в современной России кануло в небытие, а само слово стало малопонятным архаизмом. В других регионах, наверное, ухватились бы за журнал, ставший гордостью России, визитной карточкой своей малой родины, но у нас упорно власти его не замечают. Вероятно, на столах тульских чиновников в их кабинетах держать его непрестижно; у них другие ценности в ходу. А может, мы и чересчур строги к ним? Ведь жизнь обеспечена материально, но вряд ли тяготеет к духовному и высокому.

Если рассматривать главного редактора с точки зрения личности, то можно аргументировано удивляться его обширнейшему кругу интересов, знаний, цельности дарований. Он явно относится к людям крупного масштаба и уже не принадлежит себе, а избранному им самим делу. Кто-то, возможно, поморщится при столь высокой

формулировке, но мы выражаем мнение тех людей, кто близко знает Алексея Афанасьевича и так же поражается его умению мыслить, делать открытия, воспарять и в то же время не отрываться от земли, имея свою точку опоры.

Говорят, что первое свидетельство таланта — стремление к правдивости изображения жизненных ситуаций, умение быть скромным и естественным, стараться быть камертоном, убирая неверные ноты и ложные звуки. Имея собственный голос, Яшин не заглушает им другие, набирающие силу голоса, а старается услышать в писательском многоголосии талантливых исполнителей и помочь им.

...В красивой, располагающей к творчеству, литературной гостиной библиотеки № 20 им. А. С. Пушкина, что в Зареченском районе Тулы, недавно была проведена презентация журнала с участием учащихся старших классов школ Зареченского района. На ней ребята познакомились с новыми именами писателей, рубриками, редколлегией, конкурсантами литературных премий. Оказывается, название журнала у многих на слуху, но подробно о нем они услышали впервые. Аналогичная презентация прошла в Комплексном центре социального обслуживания населения Зареченского района в рамках вновь созданного семейного клуба. Читатели с интересом слушали стихи и прозу авторов журнала, задавали вопросы. Один из самых главных вопросов: где можно купить журнал? Сейчас он в продажу не поступает, а распространяется по библиотекам Тулы и области, а также по библиотекам Москвы и ряда городов России — от карельского Петрозаводска до Дальнего Востока. Но в перспективе надеюсь, что каждый читатель будет иметь возможность подписаться на журнал. Для этого нужен тираж, как минимум, в 1000 экз. Увы, администрации Тулы и области опять же не торопятся помочь...

Несмотря на трудности издания, отсутствие полноты финансирования, редколлегия журнала не теряет оптимизма и верит, что настанет время, фортуна повернется к ним лицом. Не может быть, чтобы «Приокские зори» оставались *единственным* в России «толстым» литературным журналом, не поощряемым материально властью предрержащими. В мире полной разнузданности морали, резкого социального разделения на богатых и бедных, журнал «Приокские зори» взял на себя просветительскую задачу, ответственность за духовное здоровье общества. Он как огонек нравственной и духовной чистоты освещает путь вдумчивому читателю, который еще не перевелся в России. Хочется верить — за журналом «Приокские зори» — светлое будущее.

Недавно за заслуги в области литературы и просветительство Алексею Яшину была вручена Почетная грамота Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации. Поздравляем!

*Ольга Бугримова г. Тула,
библиотека № 20*

От редакции: Ниже представлены фотографии, сделанные во время проведения названных выше представлений журнала «Приокские зори». На них мы видим автора данного обзора Ольгу Бугримову, секретаря редакции журнала Марину Баланюк, постоянного автора «Приокских зорь» Викторию Ткач из Музея В. В. Вересаева, писателей Валерия Маслова и Марка Дубинского, куратора тульских писателей от областного департамента культуры Юрия Андреевича Лончакова, других авторов и читателей журнала (сверху вниз в колонке фотографий).

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: В. В. Резцов, А. А. Яшин
Корректоры: В. В. Резцов, А. А. Яшин
Компьютерный набор: авторы, Л. П. Хохлова
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Подписано в печать 30.11.2010
Формат 70×108/16. Печ. л. 17,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве Тульского государственного университета,
300600, г. Тула, проспект Ленина, 92

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издается он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете посильно помочь редколлегии — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решаема каждым из вас: наверняка у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища – своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-диск с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Cyr, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все скомпоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала.

С признательностью — редколлегия журнала

ПАМЯТНИК ЛЬВУ НИКОЛАЕВИЧУ ТОЛСТОМУ В ТУЛЕ
(Фото Геннадия Маркина)

Тула, Толстовский сквер. Скульптор В. И. Буйкин, архитектор А. Н. Колчин. Открыт 9 сентября 1973 года; постамент памятника и сквер реконструированы в августе-сентябре 2008 года. На открытии памятника 09.09.1973 г. от Союза писателей СССР речь произнес Владимир Солоухин.

ЯСНАЯ ПОЛЯНА
(Фото Геннадия Маркина)

Дом Толстого. Отсюда великий писатель и мыслитель ушел в вечность...

Дом Волконских